

Библиотека приключений

Хью Пентикост

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

ХЬЮ ПЕНТИКОСТ

уб.

С. Я. Мещеряков

ХЬЮ ПЕНТИКОСТ

ТОМ 1

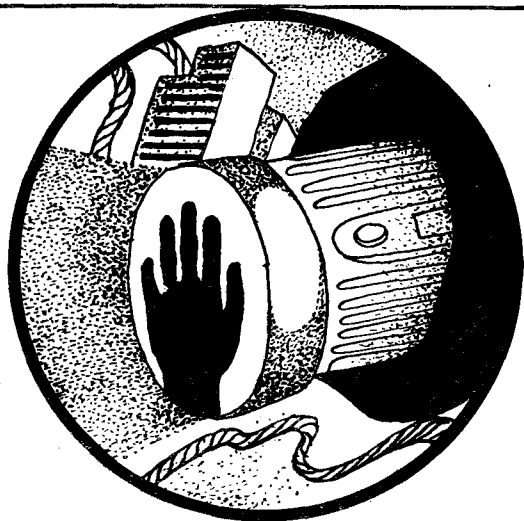
Баку
Концерн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск
Р. Ю. ДАМИРЛИ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ
украсят полки вашей библиотеки.*

ПЕРЕЕВШИИ
ЛЮДОЕД

ЧАСТЬ I

Глава I

Был понедельник.

В следующую субботу предстояло отметить день рождения Великого Человека. Праздник обещал быть пышным, но холодным. Директор отеля «Бомонд» мистер Пьер Шамбрэн ощущал вокруг атмосферу особой напряженности, какую испытал утром дня Д¹ в одном из приморских городков Британии, ожидая приказа о наступлении.

Однажды мистер Шамбрэн уже участвовал в подготовке званого вечера Великого Человека, но тогда, приступая к делу, он еще пребывал в младенческом неведении. Он был одним из самых профессиональных и осведомленных работников отеля, и в его представлении званный вечер не мог быть причиной какой-либо особой напряженности. Однако тот вечер открыл ему глаза. Великий Человек обладал своеобразным талантом, который даже детскую невинность крестин мог превратить в сущий ад. Формы садизма, присущие ему, были настолько изощренны, что в предстоящие шесть дней ни один из служащих отеля «Бомонд», ни один из его гостей не могли так или иначе не испытать на себе его действие.

Дьявольская власть Великого Человека должна была начаться ровно в десять утра в понедельник и действовать до следующего воскресного утра, когда выбившейся из сил команде администраторов, официантов, посыльных и портье предстояло привести в порядок то, что осталось в бальном зале отеля «Бомонд» после двухсот пятидесяти званых гостей.

Пьер Шамбрэн никогда не был трусом. На войне он слыл

¹ Имеется в виду день высадки союзных войск в Европе 6 июня 1944 г.

более чем хорошим солдатом, ибо не принадлежал к тем крепкоголовым героям, которые слепо бросаются навстречу опасности. Благодаря ясному уму и живому воображению он мог предвидеть любую ситуацию, и поэтому его мужественное поведение в опасности было истинным мужеством. В повседневной деятельности директора встречались ситуации, которые требовали и такта, и железных нервов. Несмотря на репутацию отеля люкс, в котором можно было не только остановиться, но и иметь постоянную резиденцию и даже купить квартиру, «Бомонд» сталкивался со многими проблемами, характерными для менее роскошных и более заурядных гостиниц. Всегда были пьяницы, неплатежеспособные постояльцы, девицы, пусть и самые дорогие в Нью-Йорке; бесконечные оскорбительные и необоснованные жалобы, самоубийства, сердечные приступы, капризы стареющих богатых вдов; чудачки, вроде того грека на двадцать четвертом этаже, который умудрился избить кнутом двух девушек, привязав их к спинке кровати, и вышел бы сухим из воды, если бы не попытался добавить к своей коллекции добродетельную горничную. Со всеми этими проблемами мистер Шамбрэн справлялся с чрезвычайной гибкостью.

Но вечер, задуманный Великим Человеком?!

В отеле «Бомонд» вы должны проявлять особую заботу и внимание не к людям, а к денежным знакам. Великий Человек заплатил за свои восьмикомнатные апартаменты в пентхаусе¹ «М» 194 000 долларов, а его счет за обслуживание составлял 32 000 долларов в год.

Мистер Шамбрэн хорошо понимал, что принесет ему и его штату предстоящая неделя. Он закурил свою египетскую папиросу и посмотрел в широкое окно кабинета, выходящее в Центральный парк.

Шамбрэн был смуглый, коренастый человек. Его глаза могли быть жесткими, как глаза судьи, выносящего смертный приговор, могли быть спокойными и внимательными, а иногда в них вспыхивали неожиданные искорки смеха. Его имя указывало на французское происхождение, однако приехал он в Соединенные Штаты еще совсем мальчиком и привык мыслить как американец. Изучая постановку гостиничного дела, он провел какое-то время в Европе, бегло говорил на нескольких языках, мог вести себя как европеец, если этого требовали обстоятельства, оставаясь при этом стопроцентным американцем.

¹ Особняк на крыше небоскреба.

— Подонок, — произнес он, адресуя свое сообщение заснеженным аллеям Центрального парка. Потом повернулся в своем вращающемся кресле и снял трубку с одного из телефонных аппаратов, стоящих на столе.

— Слушаю вас!

— Джейн, это Шамбрэн. Могу я поговорить с миссис Вич?

— Сию минуту, сэр!

Мистер Шамбрэн слегка улыбнулся. Прежде телефонистки на коммутаторе отвечали на звонок фразой: «Чем могу служить?» И слышали в ответ: «Как насчет того, чтобы заскочить в номер 2404, если вы блондинка с хорошей фигурой?» «Слушаю вас» — намного безопаснее!

Главный оператор миссис Вич была крупная женщина с большой грудью и сильно развитым материнским инстинктом. Она очень гордилась компетентностью, тактичностью и житейской умудренностью своих «девочек».

— Доброе утро, мистер Шамбрэн, — произнесла она тем тоном, который, по ее мнению, более всего соответствовал ее важному служебному положению.

— Чудесное утро!

— Да, мистер Шамбрэн?..

— Которое сейчас теряет часть своей прелести...

— Надеюсь, не жалобы, мистер Шамбрэн? По моим данным, вчера мы обслужили тысячу сто телефонных звонков, и все без единой ошибки.

— Боюсь, сегодняшний день не будет столь радужным. Как вы себя чувствуете?

— Простите, не поняла?

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, сэр!

— Так вот. Великий Человек в субботу вечером празднует свой день рождения. Машина закрутится в десять часов. Предлагаю посадить одну из девочек на линию пентхауса «М» и на линию мистера Амато.

— В субботу вечером! — сказала миссис Вич, и голос ее дрогнул.

— Времени не так уж много, миссис Вич. Провода будут гудеть не переставая. Сделайте все, что в ваших силах.

— Именно для этого я здесь, мистер Шамбрэн!

— Конечно. И всегда на высоте. А теперь, пожалуйста, соедините меня с мистером Амато.

— Сию минуту, мистер Шамбрэн!

Шамбрэн медленно и задумчиво загасил папиросу.

— Метрдотель слушает,— произнес бодрый, жизнерадостный голос.

— Амато? Это Шамбрэн.

— Доброе утро, мистер Шамбрэн! Прекрасный день...

— Возможно. На моем столе, Амато, лежит меморандум Великого Человека. Он решил отпраздновать свой день рождения в бальном зале в субботу вечером. И приглашает двести пятьдесят человек.

— В э-т-т-у субботу?

— В эту субботу.

— Господи!

— Вот именно.

— О, Господи!

— Сейчас я отправляюсь к вам в кабинет, Амато! Надо поддержать ваш дух, прежде чем ровно в десять вы явитесь на аудиенцию к Его Величеству.

— О, Господи!

— Я уже иду, Амато! И будьте добры, заранее примите все свои лекарства до моего прихода. Боюсь, что, увидев, как вы глотаете все ваши фармацевтические снадобья, я расстроюсь от сочувствия к вам.

— О, Господи,— произнес Амато замирающим голосом.

Мистер Шамбрэн спустился с четвертого этажа, где находился его кабинет, в вестибюль отеля «Бомонд». Его натренированный взгляд кратически obeжал помещение, охватывая все подробности.

В газетном киоске — полный порядок. Обновленная вчера выставка драгоценностей в витрине филиала фирмы Тиффани выглядит прекрасно. В витрине Бонвита вечерние платья сменились лыжными костюмами.

Возле лифта, весело кивая Шамбрэну, стоял Джерри Додд, руководитель службы безопасности.

Шамбрэн подошел к стойке. Мистер Аттербери, ведавший бронированием номеров в отеле, приветствовал его не принужденной улыбкой:

— Ни одного свободного номера, кроме резерва.

«Резервом» назывались два-три номера люкс, которые дирекция оставляла на случай неожиданного прибытия особо важных гостей. Только мистер Шамбрэн и владелец отеля мистер Джордж Бэтл могли разрешить воспользоваться ими. Поскольку мистер Бэтл постоянно жил на Французской Ривьере, считая, как полагали, свои деньги, резервом фактически распоряжался мистер Шамбрэн.

— Ночь прошла спокойно? — спросил Шамбрэн.

— Судя по отчету, да, — ответил администратор.

Шамбрэн повернулся, направляясь к кабинету Амато, который находился в конце вестибюля. В этот самый момент дверь одного из лифтов открылась и из него вышло... привидение.

«Привидением» была старая, очень прямая, очень величественная дама, одетая в норковую шубку старомодного покроя с великолепным мехом. Левая рука старой леди пряталась в муфте, правая держала поводок, на конце которого посапывал курносый носом маленький, черный с белым японский спаниель.

Мистер Шамбрэн направился навстречу даме, припоминая, что служащие отеля называли миссис Джордж Хейвен не иначе как «сумасшедшая из Шеллота»¹. Может быть, она и сумасшедшая, но ее резиденция в «Бомонде» была одной из самых дорогих. Шамбрэн отвесил ей галантный поклон, прищелкнув каблуками, и приветствовал ее улыбкой номер один:

— Доброе утро, миссис Хейвен! Прекрасное утро, не правда ли?

Спаниель злобно оглянулся на Шамбрэна. Леди вообще не удостоила его взглядом. Для нее он был пустым местом. Если бы Шамбрэн не отступил в сторону, величественная дама прошла бы сквозь него с мрачной неумолимостью танка. Он проследил, как она вышла через вертящиеся двери на Пятую авеню, ведя семенящего рядом с ней спаниеля.

— Все еще не сподобились, мистер Шамбрэн? — посочувствовал подошедший к нему Джерри Додд.

— Семь месяцев, Джерри, — позволил себе скорбно улыбнуться Шамбрэн. — Миссис Хейвен живет у нас семь месяцев. Каждый день я говорю ей «доброе утро», и каждый день она проходит мимо меня, как будто я кресло у стены. Она ни на что не жаловалась. Чем же я ее обидел? Это мысль, Джерри, меня просто преследует!

— Может, оно и к лучшему, — сказал Джерри. — Она разговаривает с портье Уотресом целыми часами. После этих бесед у малого совершенно обалделый вид.

— Да Бог с ними, с разговорами, Джерри! Но она задела мое любопытство. Чем я мог ее обидеть?

— А может, лучше и не пытаться узнать, — покачал

¹ Намек на стихотворение А. Теннисона «Леди из Шеллота».

головой Джерри. — А то еще посыплются неприятности, как из банки горох.

— Ну что ж, возможно, это мудрый совет, друг мой...

Пузырьки поспешно выпитой минеральной воды еще покрывали стенки стакана. Целая коллекция таблеток, микстур, порошков украшала стол мистера Амато. Сам хозяин кабинета, обычно румяный и жизнерадостный, сейчас был смертельно бледен.

Мистеру Амато было лет сорок. Высокий, худощавый, смуглый, с профилем римского бога, он, должно быть, в молодости отличался редкой красотой. Сейчас же мелкие припухлости и морщины на его лице наводили на мысль о расстройстве пищеварения или язве желудка.

Увидев мистера Шамбрена, Амато заломил руки, как мата павшего воина над могилой сына.

— А если я подам заявление об уходе сейчас же, без предупреждения? — спросил мистер Амато. — Что вы будете делать?

— Найду вам замену, — невозмутимо ответил мистер Шамбрен. Он сел и закурил свою неизменную египетскую папиросу.

— Как я могу закупить мясо нужного качества на двести пятьдесят человек? — завопил мистер Амато. — Это совершенно немыслимо в такой короткий срок!

— Пусть едят торты, — улыбнулся Шамбрен.

— Да вы знаете, что это будет? — простонал Амато. — Спор по каждому пункту, по каждой бутылке вина, по каждой детали обслуживания! А потом, когда его заказ будет в точности выполнен, он начнет жаловаться, что все не так, как он заказывал. Мои лучшие помощники пригрозят уйти — разве что чаевые будут особенно высоки.

— Чаевые, которые заплатит Его Величество, — невозмутимо уточнил Шамбрен.

— Я сужу по прошлому разу! Цветы будут заказаны с Гаваев, семга специального посла с Северо-Запада, вина — каких нет в наших подвалах!

— Таких вин не существует, — заметил Шамбрен.

— Кто знает, какие сумасшедшие идеи придут ему в голову на этот раз?

— Мой совет — подкиньте-ка ему какую-нибудь пикантную идейку!

— Пикантную идейку?

— Опередите противника, как говорят на телевидении.

— Каким образом?

Мистер Шамбрэн погладил короткие черные усики безукоризненно ухоженным указательным пальцем.

— Суп из хвостов кенгуру, — предложил он. — Кстати, к нему подается мадера особой марки.

— Суп из хвостов кенгуру?!

Мистер Шамбрэн мечтательно улыбнулся:

— Доставленных специальным самолетом из Австралии.

— Это вкусно? — поинтересовался мистер Амато, в котором вновь пробудился практический дух.

— Просто отвратительно, — счастливо вздохнул Шамбрэн. — Но эти двести пятьдесят гостей съедят все до последней ложки, чтобы, не дай Бог, не подумали, что они не знают толк в деликатесах. Это доставит вам истинное наслаждение, когда придет час возмездия!

На бледных губах мистера Амато вспыхнула зловещая улыбка.

— Суп из хвостов кенгуру, — тихо произнес он. — Спасибо, мистер Шамбрэн!

— Всегда к вашим услугам. — Шамбрэн погасил папиросу. — Я признаю, что закупка мяса — это проблема. Постарайтесь нацепить им на вилки жареную дичь, а к ней подайте артишоки с пюре из каштанов.

— Вам не придется никого нанимать, если я уволюсь, — восхищенно сказал Амато.

— Так к делу, Амато! Его Величество не убьет вас. Через неделю наступит новый понедельник, и все будет позади. — Шамбрэн взглянул на часы, висевшие над столом Амато. Они показывали без пяти десять. — Выпейте еще водички и — на приступ, дорогой друг!

Миссис Вич действовала быстро и умело. Без пяти десять все перестановки были сделаны. Джейн Приндл, ее лучшая телефонистка, рыжеволосая и курносая, была приставлена к аппаратам, принимавшим звонки только в пентхаус «М» и к мистеру Амато.

На щите пентхауса «М» вспыхнул красный свет.

— Начинается, — вздохнула Джейн, потом, включив связь, сладким голосом произнесла: — Слушаю вас?

Холодный тонкий голос с явным британским акцентом приказал:

— Точное время, пожалуйста!

Джейн выключила связь.

— Его Величество устраивает вечер на миллион долларов, но купить часы для него — слишком дорого!.. Десять часов одна минута, сэр, — сказала Джейн, снова вся — нежность и приветливость.

— Вы уверены?

— Да, сэр!

Связь прервалась.

— Ну вот, теперь он знает время, — съязвила Джейн.

— Соедини меня с мистером Амато, — попросила миссис Вич телефонистку, сидевшую рядом с Джейн.

Мистер Амато ответил с преувеличенной бодростью.

— Это миссис Вич. Только что звонил Его Величество и уточнял время. Вы опаздываете к нему на одну минуту и тридцать четыре секунды.

— О, Господи, — выдохнул мистер Амато.

Глава 2

Когда человек достигает почтенного возраста — семидесяти пяти лет, кажется вполне логичным, что следует отпраздновать этот юбилей. А если он к тому же человек знаменитый, известный во всем мире, почитаемый уже свыше пятидесяти лет, можно предположить, что важные особы со всего света будут стремиться в отель «Бомонд».

Можно было бы подумать, что праздник устроят в его честь друзья и поклонники. Но этот вечер, который привел в такое смятение служащих отеля, собирався устроить сам Великий Человек. Список гостей мог бы вызвать удивление, ибо в нем не было ни одного известного имени. Семидесятипятилетний юбилей Обри Муна был отмечен странным подбором панков, невропатов, алкоголиков и дешевых авантюристов. Список включал также несколько представителей прессы, нескольких случайных политических деятелей и горсточку крайне респектабельных личностей, которые не могли бы себе позволить не присутствовать на званом вечере Обри Муна.

Обри Муна!

Англичанин по происхождению, Обри Мун в двадцать один год унаследовал большое состояние. Это случилось примерно в 1908 году. К тому же времени относятся его первые литературные опыты. Его первые рассказы были надуманны и туманны, печатались они в тонких журнальчиках на

левом берегу Сены. Уже в те годы настоящие друзья отпадали от него, как шкурка от спелого банана. Главным наслаждением начинающего беллетриста было выискивать у людей слабые места и разоблачать их безжалостно и жестоко. Его следовало избегать, как ядовитую медузу. В те ранние годы он специализировался на мелких изменах, разоблачение которых вызывало крах многих семейств; на моральных странностях — со столь же разрушительными результатами; на нечестности других людей.

Позже, когда его туманный стиль оттеснило влияние таких мастеров рассказа, как Киплинг и Сомерсет Моэм, он стал одним из ведущих военных корреспондентов. Его репутация значительно выросла, ибо теперь он разоблачал тайны людей, занимавших высокие посты. В нем была ненасытная жажда власти и стремление управлять жизнью выдающихся людей. И все это — во имя честной, воинствующей журналистики! Его боялись и ненавидели — и принимали, потому что осадить или игнорировать его значило бы показать всему свету, что вам есть чего бояться.

После войны — поездки в разные страны, романы, пьесы, премия Пулитцера... Голливуд насыщал золотом его уже и так перенасыщенные банковские счета. Он мог превратить в звезду заурядную актрису и заурядного актера. Но берегитесь! В его руках были все нити, и он мог в любой момент дернуть за ту или иную — и делал это, не колеблясь, — и рушились репутации, низвергались карьеры... Мун запускал пальцы во многие пироги. После первой мировой войны он объездил весь свет. Знал Ближний Восток как никто из говорящих по-английски людей его времени. Поднимался в горы. Летал на самолетах. По его заявлениям, он успешно любил женщин всех цветов кожи.

«Никогда не забуду ту малютку с четками в Неаполе», — говорил он, унижая одновременно и итальянских женщин, и католическую церковь.

Таков, говоря кратко, был Обри Мун.

В семьдесят пять лет Мун был карикатурой на себя тридцатилетнего. В годы первой мировой войны он был красив и романтичен — в военной форме, самодовольный, живой, высокий, стройный, с нахальными черными усиками и волосами, черными, как вороново крыло, гладкими и блестящими. В семьдесят пять волосы и усы были все еще черными, но явно не по особой милости природы. Его щеки отвисли и побледнели, а под глазами появились большие меш-

ки. Тонкие губы под крашеными усами неизменно кривились чуть заметной жестокой усмешкой. Он не гнушался никакими жертвами. Никто не был для него слишком ничтожным или слишком важным — от кондуктора автобуса до президента, — если он хотел его сожрать.

Два года назад Обри Мун явился в отель «Бомонд» с намерением купить большие апартаменты — пентхаус, занимавший отдельный участок на крыше. Мистер Шамбрэн показал ему пентхаус «Л», который был не занят и предназначался к продаже. Его цена — 194 000 долларов — ничуть не смутила Муна. Он даже не дослушал, что обслуживание будет стоить 32 000 долларов в год.

— Отлично, — сказал он мистеру Шамбрэну. — Но я хочу пентхаус «М».

— Пентхаус «М» уже занят, мистер Мун, — возразил Шамбрэн. — Но «Л» совершенно идентичен «М».

— А я хочу «М», — спокойно сказал Мун. — Я заплачу его владельцу десять тысяч долларов, чтобы он со мной поменялся.

— Это невозможно. Владелец не нужны десять тысяч долларов, мистер Мун!

— Тогда сделка не состоится.

Мистер Шамбрэн пожал плечами, скрывая разочарование.

— Как вам угодно. Но могу я узнать, почему вы хотите именно пентхаус «М»?

— Очень просто. Моя фамилия начинается с буквы М. Или я получу пентхаус «М», или обращусь в другое место! Лицо мистера Шамбрэна было непроницаемо.

— Допустим, мне удалось бы убедить жильца пентхауса «М» позволить мне снять с его двери букву «М», заменить ее буквой «Л» и таким образом прикрепить букву «М» к вашей двери. Это бы вас устроило? Думаю, это не стоило бы вам и пяти долларов.

— Ну что ж, если моя квартира будет известна как пентхаус «М»...

Это было началом своего рода шахматной партии между мистером Шамбрэном и мистером Обри Муном — игры, которую Шамбрэн осуществляет так искусно.

Мистеру Шамбрэну не было дела до того, что кровать Обри Муна — копия старинной китайской джонки. Ему было безразлично, что пентхаус «М» изобилует бирманскими ширмами, китайскими расшитыми тканями, тибетскими Буддами, роскошными коврами. Его не интересовало, что в комнате, где жил Мун, возвышалось нечто вроде трона с от-

кидной спинкой и пенопластовым матрацем, затянутым японскими шелковыми тканями. Мистера Шамбрена не смущало то, что во время редких посещений пентхауса «М» ему приходилось смотреть на Муна снизу вверх, в то время как тот восседал, развалившись на своем троне, курил сигарету, вставленную в длинный агатовый мундштук, и прихлебывал из стакана охлажденное кокосовое молоко. В то время как мистер Амато чувствовал себя рабом, пресмыкающимся перед властелином, мистер Шамбрэн презирал Обри Муна и мог себе это позволить, ибо Мун не знал за ним решительно ничего плохого. Единственная трудность для Шамбрена состояла в том, чтобы сдержаться и не рассмеяться в лицо Великому Человеку.

В практике Муна мистер Шамбрэн был большой редкостью. Он имел лишь одно уязвимое место — он не догадывался, что Мун подметил его презрительно-насмешливое отношение к себе и ненавидел его за это лютой ненавистью. Однако Обри Мун затаился, терпеливо поджидая момента, когда мистер Шамбрэн ослабит свою бдительность.

Марго Стюарт сидела за переносным столиком с пишущей машинкой в нескольких футах от трона Обри Муна. Великий Человек кипел от негодования:

— Мистер Амато заплатит за свою маленькую неточность! Я не допущу, чтобы слуги обращались со мной с такой аристократической небрежностью. Напомни-ка мне, Сэнди, на чем мы остановились?

Свое прозвище¹ Марго Стюарт получила давным-давно за милую особенность покрываться летом множеством веснушек. Теперь его употребляли многие люди, в том числе и Обри Мун.

Мун разлегся на своих японских шелках, зажав тонкими губами агатовый мундштук и глядя на Марго сверху вниз блестящими черными глазами. У девушки было ощущение, будто он заглядывает со своего возвышения прямо за вырез ее платья. Как будто какой-то мерзкий паук ползал по ее обнаженному телу. И, леденя от ужаса и отвращения, она подумала, что когда-нибудь это может случиться.

Она судорожно вздохнула.

— Вы хотите, чтобы этим занялся мистер Уолдрен, который ведает отделом развлечений в отеле?

¹ Сэнди (sandy) — песок (англ.).

— Я не хочу, чтобы мистер Уолдрен из отдела развлечений что-либо для меня делал,— сказал Мун своим тонким холодным голосом.— Кстати, Сэнди, я предпочитаю твои платья с треугольным вырезом, а не с высоким каре, как это. Я никогда не принадлежал к той школе, которая считает, что пуританская суровость больше щекочет воображение, чем откровенная обнаженность. Возьми себе на заметку. Только треугольный вырез в рабочие часы!

Марго застыла в молчании перед своей машинкой, держа руки на клавишах, чтобы унять дрожь.

— Я всегда удивляюсь, Сэнди, когда мне напоминают, какая ты строгая и чопорная малышка.— Язвительный смешок полоснул ее по нервам.— Ну ладно, вернемся к развлечениям. Ты позвонишь в Метрополитен Опера и скажешь, что в субботу вечером, после спектакля, я хочу, чтобы весь хор был у меня!

Машинка стрекотала. Сэнди работала у Муна давно и уже научилась ничему не удивляться. С таким же успехом он мог бы пожелать, чтобы к нему явились члены Верховного Суда, и, вполне возможно, они бы явились.

— Вы имеете в виду какое-то конкретное произведение?

— Когда в конце обеда в зал внесут торт, который мне представляется триумфом архитектуры,— они споют «С днем рождения».

— Нет, какой будет их главный номер?

— Дорогая Сэнди, это и будет их главный и единственный номер! Они споют «С днем рождения, милый Обри» и отправятся по домам.

Это потрясло даже ее. Хор Метрополитен Опера?

— А ты можешь предложить другой хор, который может спеть это лучше? Если так, мы пригласим его.

— Я не знаю лучшего хора.

— Отлично! Кстати, отель, конечно, захочет воспользоваться моим вечером, чтобы сделать себе рекламу. Я хочу быть уверен, что эта реклама встретит мое одобрение. Попроси пресс-секретаря зайти ко мне в два часа дня для небольшой беседы. Как ее зовут?

— Элисон Барнвелл,— сказала Сэнди, не сводя глаз с машинки. Она почти физически ощущала сардоническую улыбку Муна.

— Что ты думаешь о мисс Барнвелл, Сэнди?

— Ничего не думаю, мистер Мун. Она всегда очень вежлива и дружелюбна.

— Интересно, как далеко может зайти ее дружелюбие? — спросил Мун, и в голосе его прозвучало что-то ко-

шачье.— Длинные ноги, благородная осанка, волосы рыжие от природы... Полна жизненных соков.— Он помолчал.— Так что же, Сэнди?

— У меня нет никакого мнения, мистер Мун.

— Конечно есть! Ты не любишь ее, потому что у нее много такого, чего в тебе нет. Ну, ладно! Пусть она будет здесь в два часа. И еще, Сэнди...

— Да, мистер Мун?

— Можешь в это время взять отгул на два часа. Ты мне не понадобишься.

В дверь позвонили.

— Это мистер Амато.

— Впусти его,— приказал Мун со своей усмешкой,— и оставь нас. Предлагаю тебе пойти в свою норку и позвонить в Оперу. Их цена, как ты понимаешь,— наша цена.

Сэнди встала и пошла к двери. Вошел мистер Амато, нагруженный бумагами и блокнотами.

— Доброе утро, мистер Амато!

— Доброе утро, мисс Стюарт...

— Мистер Мун ждет вас.

— Простите за опоздание. Я...

— Сюда, пожалуйста, мистер Амато!

Мун в японском кимоно устался со своего трона на мистера Амато. Черные острые глаза на миг остановились на золотых часах у того на руке.

— Надеюсь, мистер Амато, вы сможете объяснить, почему вы опоздали на семь минут?

— Я пытался предугадать ваши требования,— залепетал Амато.— Я знал, что у вас будут кое-какие вопросы, и хотел быть готовым ответить на них. Я уверен, что вы...

Сэнди направилась к дальней двери. За ней и находилась ее «норка», снабженная звуконепроницаемой изоляцией. Но прежде чем войти туда, она замедлила шаг. Справа от нее стоял шкаф тикового дерева, который использовался как бар. На верхней полке были расставлены бутылки с разными сортами виски, джина, водки, бренди.

«Водка почти не оставляет запаха,— подумала Сэнди.— Один только глоток — и сегодня я буду спасена. Но утром, в семь минут одиннадцатого?»

Она быстро вошла в свой крошечный кабинетик, затворила за собой дверь и села за рабочий стол. Ладони ее были влажны.

Телефон издал тихий мурлыкающий звук. Она взяла трубку:

— Квартира мистера Муна!

— Мисс Стюарт, это мистер Гамайэль. — Голос напоминал об Оксфорде, но с каким-то неуловимым иностранным акцентом. Осман Гамайэль, египетский дипломат, имел временную резиденцию на одиннадцатом этаже отеля «Бомонд».

— Доброе утро, мистер Гамайэль!

— Я полагаю, — мистер Гамайэль произносил слова с ясной, заученной отчетливостью, — что бесполезно просить вас соединить меня с мистером Муном?

— Боюсь, что да, сэр. Совершенно бесполезно!

— Я бы отблагодарил вас, мисс Стюарт! Соедините меня с ним, остальное я возьму на себя...

— Простите, мистер Гамайэль. Но если я и соединю вас с ним, он тотчас же повесит трубку, а потом уволит меня.

В трубке раздался глубокий вздох.

— Вы не скажете, по крайней мере, когда он выйдет из дома?

— Не имею ни малейшего представления, мистер Гамайэль! Он может вообще не выходить в ближайшие дни. Он занят подготовкой своего дня рождения.

— Еще один день рождения!

От сдержанной ненависти, прозвучавшей в мягком голосе, Сэнди вдруг стало страшно.

— Могу вам сказать одно, мистер Гамайэль: вы — в списке приглашенных гостей. Может, тогда и поговорите с ним?

— Я всегда в списке приглашенных, — ответил мистер Гамайэль. — Он приглашает меня ради ежегодного удовольствия плюнуть мне в душу. Пожалуйста, простите за вульгарность, мисс Стюарт.

— Ничего...

Наступила долгая пауза, затем отбой. Через минуту Сэнди сняла трубку. Ее голос немного дрожал.

— Джейн? Соедините меня, пожалуйста, с мисс Барнвелл.

Элисон Барнвелл, казалось, никогда не падала духом. Даже от звука ее голоса вы чувствовали себя лучше.

— Эллисон, это Сэнди Стюарт!

— Привет, дорогая! Как вы там? — сказала Элисон Барнвелл. — Как я понимаю, мы собираемся выйти на орбиту?

— Мистер Амато сейчас у мистера Муна...

— Бедняга, — посочувствовала Элисон.

— Мне велено попросить вас прийти сюда в два часа дня. Мистер Мун хочет обсудить с вами вопрос о рекламе.

— Я с почтением предстану перед ним ровно в два!

— Элисон!

— Что-нибудь не так, Сэнди? У вас какой-то странный голос.

— Просто немного устала, — ответила Сэнди. — Элисон!..

— Да?

— Вы не можете прислать кого-нибудь вместо себя? Ну, можете же вы заболеть, или должны заняться выставкой мод, или еще что-нибудь?..

— Деточка, в отеле «Бомонд» мы бросаем все дела, стоит Великому Человеку шепнуть хоть словечко...

— Не ходите к нему, Элисон!

Наступило короткое молчание, затем Сэнди услышала смех Элисон, теплый и бесстрашный.

— Значит, Великий Человек в своем волчьем настроении? Выше голову, Сэнди! Я ведь не маленькая девочка. Запомнили?

Глава 3

Мистер Шамбрэн никогда не делал перерыва на обед. Как директор отеля «Бомонд», он был нужен множеству людей, чаще всего — между одиннадцатью и тремя часами: гостям отеля, штатным сотрудникам, посторонним лицам или организациям, желающим использовать помещение отеля для устройства банкетов или вечеров, выставки мод, специальных конференций. Особого внимания требовали прибытие или отъезд знаменитостей, важных особ и просто богатых людей. Хотя всеми этими проблемами занимались специальные отделы и их руководители, в экстренных случаях мистер Шамбрэн всегда был наготове. Он владел даром подчинять своему авторитету людей, но всегда готов был взять на себя ответственность при решении щекотливых вопросов. Он мог принимать решения мгновенно и, проработав на своем посту почти тридцать лет, мог, не хвастаясь, сказать, что ни разу не раскаивался в своих решениях. Некоторые из них оказались неверными или неэффективными, но Шамбрэн твердо знал: повторись такая ситуация, он бы разрешил ее таким же образом.

Завтрак мистера Шамбрэна всегда был сытным — фруктовый сок, бараньи котлеты или небольшой бифштекс, иног-

да жареная форель или дуврский балык и тосты без счета. И кофе, кофе, который он пил весь день. Обедал он в семь часов вечера, и его обед отвечал требованиям самого изысканного вкуса.

Сотрудники любили мистера Шамбрена и понимали его с полуслова. На первый взгляд казалось, что большую часть своего времени он проводит в праздном безделье, но очень скоро становилось ясно, что он обладает одним удивительным свойством — всегда оказываться на месте в нужный момент.

В тот понедельник, около часу дня, мистер Шамбрэн сидел за рабочим столом в своем кабинете, потягивая свой неизменный кофе и куря египетскую папиросу.

— Вас хочет видеть мистер Гамайэль, сэр! Он в приемной, — доложила по селектору секретарь.

Мистер Шамбрэн поднялся из-за стола и направился к двери, чтобы лично приветствовать посетителя.

— Рад вас видеть, мистер Гамайэль! Входите, пожалуйста. Чашечку кофе?

— С большим удовольствием, — ответил мистер Гамайэль, присаживаясь в кресло у стола.

Мистер Гамайэль, египетский дипломат, был невысоким ростом, худ, с кожей кофейного цвета и печальными темными глазами. На нем было черное пальто с пушистым меховым воротником, в руке черная трость с тяжелым серебряным набалдашником, на голове — элегантная шляпа.

— Позвольте ваше пальто, сэр, — сказал Шамбрэн. — Здесь очень жарко. Вы перегреетесь.

— Благодарю вас!

Гамайэль снял пальто и шляпу и передал их Шамбрэну. Потом снова сел в кресло.

Шамбрэн взял с сервировочного столика две чашечки турецкого кофе и продвинул гостю сигаретницу. Потом уселся и слегка приподнял брови с выражением вежливого вопроса.

— Как тут спокойно! — Гамайэль отпил кофе. — О, божественно!

— Спасибо, сэр! Я сам его варю. Есть некоторые вещи, которые я никому не доверяю.

— Вот именно поэтому я здесь, мистер Шамбрэн.

— Весьма польщен! Я к вашим услугам.

— Я хочу получить авиабилеты для себя и моего секретаря сразу же после полуночи в субботу.

— Это очень просто, — ответил Шамбрэн. — Наше бюро путешествий...

— Я не хочу, чтобы ваше бюро путешествий занималось этим,— прервал его Гамайэль.— Если бы это было обычное дело, я не стал бы отнимать ваше драгоценное время.

— О!

— Я хочу уехать совершенно незаметно, не привлекая ничьего внимания, мистер Шамбрэн! Я оставляю вам деньги, чтобы расплатиться с администрацией после моего отъезда.

— Понимаю.

— Я думаю, вы сможете забронировать два места, не указывая моего имени. Я директор фирмы «Заки и сыновья», импортирующей редкие духи. Вы можете сказать, что один из представителей фирмы должен лететь в Александрию, но кто именно — будет решено в самый последний момент. Разумеется, мой паспорт и другие документы в полном порядке.

— Это можно устроить.

— Я сказал — сразу после полуночи,— продолжал Гамайэль,— но учтите, что до полуночи я буду в гостях у Обри Муна. Я смогу уйти только с последним ударом часов. После этого мне понадобится какое-то время, чтобы доехать до аэропорта. Если рейс будет только утром, я найду способ провести время, не возвращаясь в отель.

— А ваши вещи?

— Мои вещи, мистер Шамбрэн, будут вывезены по частям в течение недели, так что в ночь на воскресенье я выйду от Обри Муна подышать свежим воздухом перед сном — я нарочно делал это каждый вечер последние три месяца.

— Постараюсь забронировать места,— сказал Шамбрэн.— И сразу же дам вам знать.

— Только прошу вас, не по телефону! Я вполне уверен в лояльности ваших телефонисток, но не могу допустить, чтобы о моем отъезде стало известно еще кому-нибудь кроме вас.

— Польщен вашим доверием.

Печальные темные глаза пристально посмотрели на Шамбрэна.

— Я возбудил ваше любопытство?

Шамбрэн дружески рассмеялся.

— Если бы человек в моей должности дал волю своему любопытству, мистер Гамайэль, он скоро оказался бы пациентом в клинике. Вы попросили о сугубо личной услуге. Она будет вам оказана.— Его тяжелые веки опустились.— Я допускаю известную долю любопытства, но оно не связано с планами вашего отъезда.

— Вот как?

— Меня удивляет, почему человек с вашим положением, вашим богатством позволяет втянуть себя в такое вульгарное мероприятие, как день рождения Обри Муна. На вашем месте, мистер Гамайэль, я бы вышел подышать свежим воздухом гораздо раньше. Я случайно знаю, что есть рейс в Александрию около одиннадцати часов.

Щека кофейного цвета задергалась.

— Ваша проницательность, мистер Шамбрэн, стала легендой среди гостей отеля...

— Простите, если я был нескромен.

Гамайэль встал и оперся на трость с такой силой, что рука на серебряном набалдашнике побелела. Он перевел дух, положил трость на стол, позволил мистеру Шамбрэну подать ему пальто, надел шляпу и произнес, тщательно выбирая каждое слово:

— Я спросил насчет вашего любопытства, и вы мне честно ответили, мистер Шамбрэн! Это не было нескромностью. Но это было то, что у вас называется «в яблочко». Ответ на ваш вопрос мог раскрыть гораздо больше, чем нужно для спокойствия. Но на днях вы его, может быть, получите. Спасибо за внимание и помощь, мистер Шамбрэн!

— Рад служить вам! Кстати, хочу дать один совет.

Гамайэль резко обернулся и устремил взгляд на мистера Шамбрэна. В глазах директора вспыхнули веселые огоньки.

— Если уж вы будете на вечере Муна, сэр, избегайте, как чумы, супа из хвостов кенгуру. Он отвратителен!

Кабинет Элисон располагался на четвертом этаже, там же, где и святилище Шамбрэна. Элисон Барнвелл работала в отеле сравнительно недавно. Ее назначение на должность пресс-секретаря прошло не совсем гладко. Элисон рекомендовал владелец отеля «Бомонд», мистер Джордж Бэтл, один из самых богатых людей в мире. В его империи отель был всего лишь игрушкой, стоившей несколько миллионов долларов. Станные слухи ходили об этом мистере Бэтле, например, что он ни разу не приехал в Америку потому, что боялся летать, а путешествовать морем не решался из страха утонуть.

Быть рекомендованной на работу самим хозяином — казалось, что может быть лучше? Его рекомендация была равносильна приказу. Но именно в этом и была загвоздка. Отелем управлял Пьер Шамбрэн, и кадры подбирал он сам. Назначение на работу через его голову было далеко не луч-

шим способом завоевать дружбу и влияние среди служащих отеля «Бомонд».

Элисон имела к мистеру Джорджу Бэтлу весьма отдаленное отношение. Друг ее отца был и другом мистера Бэтла. Он-то и представил ее хозяину «Бомонда» на одном из вечеров в Каннах, где Элисон налаживала рекламу для какой-то кинокомпании. Приятель отца предложил Элисон на должность, которая в этот момент была свободной, похвалив между делом способности мистера Бэтла судить о людях с первого взгляда. Мистер Бэтл, желая утвердить за собой репутацию тонкого психолога, взглянул на Элисон и сказал «да». И не ошибся. Конечно, он ничего не понимал в людях, но вполне доверял своему другу. В данном случае друг сделал удачный выбор, предложив взять на работу Элисон. Она обладала хорошим вкусом, обаянием и умением видеть разницу между добротной рекламой и дурной славой.

Сначала Шамбрэн держался с ней холодно и настороженно. Но от Элисон, с ее неунывающей веселостью, трудно было отмахнуться. Не зная обычаев и порядков отеля, она приходила к Шамбрэну за советом и помощью. И очень скоро проницательный Шамбрэн оценил ее. И растаял. Между ними возникло и чисто человеческое доверие друг к другу. Шамбрэн единственный в отеле «Бомонд» знал, что прелестная мисс Барнвелл — вдова, живущая под своим девичьим именем. Муж Элисон, которого она страстно любила, погиб при строго секретных обстоятельствах во время атомных испытаний в пустынях Невады. Шамбрэн знал, что жизнерадостность девушки, гордая посадка ее прелестной головы были лишь частью маскировки. Глубокие раны, нанесенные пережитой трагедией, не заживали. Он знал также, что это было причиной ее удивительной работоспособности. То, что она занята чуть ли не круглые сутки, отвлекало ее от собственного горя.

После телефонного звонка Сэнди Элисон заглянула в кабинет Шамбрэна.

— Какое приятное вторжение, — расцвел Шамбрэн.

Его проницательный взгляд отметил совершенство ее костюма. Она умела прекрасно одеваться, не имея на то достаточно средств. Шамбрэн всегда считал, что только от самих женщин зависит, насколько они привлекательны, и Элисон была блистательным подтверждением его теории.

— Садитесь, дорогая. Кофе?

Элисон наморщила нос. Она одна во всем отеле смела утверждать, что турецкий кофе мистера Шамбрэна для нее далеко не нектар.

— Я к вам за советом, — сказала она. — С утра я вижу вокруг только зеленые лица, да и вы, надо сказать, выглядите неважно. Поскольку и мне приказано предстать пред Очи, я должна быть во всеоружии.

— Мун послал за вами? — спросил Шамбрэн, наливая себе кофе.

— Да, и меня предупредили, что Великий Человек в весьма похотливом настроении.

— Не ходите, если вам не хочется. Давайте я возьму это на себя.

— Не глупите, — ответила Элисон. — Но я хочу знать, куда дует ветер. Я видела мистера Муна только один раз, в баре. Я заметила, что он поглядывает на меня с большим интересом. Ужасно неприятное чувство — как будто тебя публично раздевают. Что за человек?

Шамбрэн сел за стол и, прищурившись, взглянул на Элисон. Несколько лет назад он мог бы влюбиться в нее.

— Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что Мун — самый отвратительный тип, которого я когда-нибудь видел. А мы здесь, поверьте, Элисон, имели дело с гнусными личностями.

— Чересчур... э-э-э... властный?

— Садист! Никто, от мала до велика, не ускользает от его внимания: горничные, экономки, посыльные, лифтеры, телефонистки, клерки, официанты, администраторы — вся команда. Иметь с ним дело даже по самому пустяковому поводу — сущее наказание.

— А возражать ему — против правил?

— Если это касается отеля — да! Если же он перейдет на личности — возражайте сколько угодно. — Шамбрэн засмеялся. — Не так давно кто-то выразил свой протест весьма своеобразно. Мун имел обыкновение примерно раз в неделю давать обед в Гриль-баре. Он не очень-то щедр на чаевые. К тому же груб и сварлив. На одном таком обеде ему стало плохо, и он вынужден был покинуть своих гостей. Через две недели — то же самое. Я вызвал метродотеля, обслуживающего эти обеды Муна, и сказал ему: «Прекратите ваши штучки!»

Голубые глаза Элисон заблестели.

— Вы хотите сказать, что ему подсыпали слабительное?

— Я не могу это доказать, но после моего предупреждения ему ни разу не стало плохо.

— Потрясающе!

Шамбрэн закурил папиросу, прикрыл глаза тяжелыми веками.

— Только не вздумайте недооценить его, Элисон! Это очень непростой тип подонка — опасный подонок. Этот званный вечер рассчитан на двести пятьдесят гостей. Очень сомневаюсь в том, что его интересует хотя бы один из них. Тридцать тысяч долларов для того, чтобы принять двести пятьдесят человек, на которых ему, в сущности, наплевать, и развлекать их всего четыре часа — здесь есть о чем задуматься.

— Тридцать тысяч долларов! — произнесла Элисон, широко раскрыв глаза.

Шамбрэн пожал плечами.

— Тридцать тысяч — это еще не много. Орхидеи с Гавайских островов, специальные продукты из Австралии, Канады, Европы. Хор Метрополитен Опера, чтобы пропеть «С днем рождения». Золотые безделушки от Тиффани для подарков гостям. Кушанья, напитки, подношения. Да, тридцать тысяч совсем не так много. Мы устраиваем четыре-пять банкетов подобного рода в год, но для крупных фирм, которые могут списать их как расходы на поощрение своих служащих.

— Но он-то что от этого имеет? — спросила Элисон. — Ведь эти люди его не интересуют?

— Должен напомнить вам, дорогая, что у нас отель люкс! С утра и до вечера мы имеем дело с излишествами. Мы стоим очень дорого, Элисон, но мы в этом не одиноки. Люди тратят такие деньги, чтобы создать определенный имидж. Мун устраивает вечер за тридцать тысяч долларов потому, что этим он утверждает свой образ. Конечно, вы не сталкиваетесь с такими людьми на каждом углу, но города полны ими и у нас, и за границей. В отеле «Бомонд» мы имеем дело с их концентрацией.

— Ух! — выдохнула Элисон.

Шамбрэн засмеялся.

— Знаете ту витрину меховых изделий в вестибюле? До того, как вы сюда приехали, в этой витрине был выставлен маленький механический медвежонок. Он сидел за столом, а перед ним стоял стакан. Нос медведя то погружался в стакан, то поднимался. Вы, наверное, видели такие игрушки. Когда нос мокрый, он поднимается, когда сухой — опускается и вытягивается вперед. Так вот, одна южноамериканская дама, которая остановилась у нас, пришла ко мне узнать, сколько стоит этот медведь. Я позвонил в магазин. Сто восемьдесят четыре доллара сорок пять центов. Я сказал это даме, выразив мое сожаление. За игрушку — такая невероятная цена! «Пожалуйста, пришлите двенадцать

экземпляров мне в Эквадор,— спокойно сказала она.— Я хочу подарить их моим внукам». И она удалилась, подтвердив свою репутацию доброй бабушки. Никогда не удивляйтесь, Элисон, любой сумме денег в этом заведении. Как только вы решите, что то, что вы услышали,— верх экстравагантности, тут же явится кто-нибудь, кто даст еще больше.

Элисон покачала головой.

— Ну что ж, по крайней мере, вы помогли мне увидеть мистера Муна в перспективе. Какие предложения я должна подготовить, прежде чем явлюсь к нему?

— Он сам вам скажет, чего хочет,— ответил Шамбрэн.— Обри Мун всегда точно знает, что ему нужно,— и получает это.— Его глаза сузились.— Зная вас, дорогая, я думаю, что вы выйдете из этого испытания с честью. Боюсь только, что вы найдете в нем мало привлекательного.

Элисон встала.

— Я никогда не говорила вам, что занималась в колледже джиу-джитсу? Нас уверяли, что нам часто придется этим пользоваться.— Ее глаза помрачнели.— Я слишком скоро стала единственной женщиной единственного мужчины, чтобы проверить, так ли это...

Она стремительно вышла в приемную и буквально столкнулась с молодым человеком, стоявшим у стола секретаря Шамбрена.

— Извините,— сказала она.— Замечталась.

Элисон обратила внимание на глаза молодого человека, серые, с тонкой сеткой морщин в уголках. Трудно было определить, молод ли он или просто выглядит молодо. У него были светлые, коротко подстриженные волосы. Рот плотно сжат, однако стоило ему улыбнуться, и все лицо его смягчалось, принимало добродушное выражение.

— Напротив, в этом было что-то приятное,— ответил он.

«Звучит как-то по-братски»,— подумала Элисон, направляясь в свой кабинет.

Глава 4

Если босс Пьера Шамбрена, вечно отсутствующий мистер Джордж Бэтл, не был способен мгновенно определить характер человека, то Шамбрэн, пробыв на посту директора отеля «Бомонд» более двадцати лет, умел вычислить незнакомца мгновенно. Он видел множество человеческих типов и мог почти безошибочно классифицировать их. Сответствуют ли их средства стоимости пребывания в отеле?

Скандалисты ли они, развратники или жалобщики? Не является ли отель «Бомонд» лишь маскировкой для какой-нибудь аферы? И — в более общем, расплывчатом смысле — «подходящие» они или «неподходящие»?

Молодой человек со светлыми волосами, с морщинками возле глаз, суровой складкой рта и неожиданно открытой улыбкой вызвал у Шамбрена сомнение лишь в одном. Цена отеля — сорок долларов в сутки за одноместный номер — слишком высока для гостя этого типа. Но, может быть, он собирается устроить себе короткие каникулы?

Шамбрен взглянул на письмо, которое ему вручил молодой человек:

«Дорогой Пьер!

Буду глубоко благодарен за любое содействие, оказанное Вами моему молодому другу Джону Уилзу.

С приветом

Тони Вейл».

Энтони Вейл некогда был помощником Шамбрена в отеле «Бомонд», а теперь занимал должность директора «Чедвик Хауза» в Лондоне. Шамбрен принял решение.

Он поднял глаза и улыбнулся Джону Уилзу.

— Как поживает Тони?

— Отлично, во всяком случае, когда я видел его последний раз, сэр! — У Уилза был мягкий и приятный голос. Его речь звучала вполне по-британски, но что-то в ней было не то.

— Вы англичанин, мистер Уилз?

— Нет, сэр! Американец. Уроженец Колумбуса, штат Огайо. Но я много лет проживал в Англии. Мой отец представлял в Лондоне крупную компанию. Когда началась война, он вступил в британскую армию. Меня с матерью отослали домой. А после войны мы вернулись обратно в Лондон.

— Значит, ваш отец благополучно пережил все это?

— Он пережил войну. — Щека Уилза задергалась. — Умер в 1950-м, в Лондоне. А несколько месяцев назад я похоронил и мать...

— Так, так... Чем могу служить, мистер Уилз?

Уилз вынул сигарету, закурил. Шамбрен чувствовал на себе его внимательный, изучающий взгляд. Ну что ж, пусть попытается прочесть что-нибудь в полуприкрытых глазах!

— Я всего попробовал понемногу, мистер Шамбрен. Для большой войны, правда, я был слишком мал. Кое-что делал здесь, в Америке. Восемнадцать месяцев в Корее. Лет-

чиком. После этого трудно сделать карьеру. Прерванное образование... Обычная история в наше время.

— Слишком обычная, — сказал Шамбрэн.

— Мне уже тридцать три, — сказал Уилз таким тоном, будто это была глубокая старость.

— Счастливчик, — вздохнул Шамбрэн.

— Совершенно случайно мне повезло. Несколько знакомых парней решили начать дело по организации туристских поездок — типа кругосветных путешествий, самого высокого класса, на уровне люкс. Мне предложили быть директором одного из маршрутов. Но для этого я должен хорошо знать свое дело!

Пальцы Шамбрэна забарабанили по столу что-то бравурное. Тон Уилза был менее искренним, чем вначале. Рассказывая о своих планах, он избегал смотреть Шамбрэну в глаза. Может быть, просто смущение от того, что парень до сих пор не нашел своего места в жизни? Может быть...

Неожиданно Уилз улыбнулся — совершенно обезоруживающей, искренней улыбкой.

— Я никогда не бывал долго ни в отеле люкс, ни на первоклассных курортах. Не люблю я все это, да и денег у нас никогда не было. Но теперь мне нужно знать всю эту кухню. Тони сказал, что ваш отель — самый роскошный в мире! Что мне надо, сэр, — так это просто пошататься тут и там, приглядеться, как работает вся эта машина, понять ее изнутри.

— Ну, это не так уж и трудно. Сколько времени вам нужно?

— Только неделю, сэр. Включая субботу.

— Где вы остановились?

— Я уже снял здесь номер, сэр.

— Пожалуй, поручу-ка я вас моему пресс-секретарю. Она знает отель сверху донизу и может познакомить вас с руководителями разных отделов, со всеми, с кем вам захочется поговорить. Однако придется подождать до завтрашнего утра. Сегодня она занята другим делом, кстати, оно может заинтересовать вас. Вы, конечно, слышали про Обри Муна?

Голубые глаза Уилза вдруг заблестели, взгляд стал жестким.

— Да. Конечно.

— В субботу вечером он отмечает у нас в отеле свой день рождения. Приглашены двести пятьдесят человек. Этот вечер будет стоить ему от тридцати до сорока тысяч долларов. Типичная операция «люкс», мистер Уилз! Пожалуй, я

попрошу мисс Барнвелл ввести вас в курс дела. Вы увидите наш бизнес во всем его объеме.

— Это очень интересно,— сказал Уилз.— Познакомиться с делом под таким углом зрения — это как раз то, что мне нужно.

— Прекрасно! Завтра утром я устрою вам свидание с мисс Барнвелл. А теперь — осмотритесь. Я позвоню руководителю службы безопасности. Его зовут Джерри Додд. Бывший полицейский. Все, что вы захотите увидеть, любое место, какое захотите посетить,— обратитесь к Джерри. Он все устроит. А завтра утром — мисс Барнвелл.

— Не знаю, как благодарить вас, мистер Шамбрэн!

— Пустяки. Сказать по правде, мне даже льстит то, что я могу показать наш отель человеку, который интересуется его работой.

Джон Уилз вышел в холл. Во рту у него пересохло. Трудно было врать в лицо такому приличному парню, как Шамбрэн. Интересно, как бы он повел себя, если бы знал, что помогает будущему преступнику, собирающемуся совершить убийство у него в отеле?

Без трех минут два Элисон Барнвелл позвонила в дверь пентхауса «М». Возможно, из духа противоречия она надела сегодня лучшее из своих вечерних платьев, которое прекрасно подчеркивало ее стройную фигуру. Одной из привилегий ее работы была возможность покупать одежду со скидкой, и она имела знакомого модельера, который продавал свои модели после демонстрации по низкой цене. Если Обри Мун на самом деле настроен похотливо, решила Элисон, она заставит его пережить самое острое разочарование. Старый козел! В субботу ему стукнет семьдесят пять!

Дверь открыла Сэнди Стюарт. Увидев Элисон, она ахнула.

— Вы должны были послать кого-нибудь другого, Элисон,— прошептала она.

— Не глупите, детка! Это моя работа.

— Он отсылает меня прочь.

— Ну и отдохните,— сказала Элисон.— Если бы я не смогла обскакать семидесятипятилетнего сластолюбца, мне следовало бы уйти в монастырь.

— Вы его не знаете,— вздохнула Сэнди.

— Я знаю себя,— спокойно возразила Элисон.— Но не будем заставлять Великого Человека ждать.

Элисон не совсем ясно представляла, что ее ждет, но вид

Обри Муна, облаченного в японский халат, полулежащего на своем троне, возле которого в горшочке курился фимиам, Муна, прихлебывающего кокосовое молоко и держащего сигарету, вставленную в длинный агатовый мундштук, — вызвал в ней непреодолимое желание расхохотаться. Однако черные, как бусинки, глаза подействовали на нее отрезвляюще. Элисон вдруг почувствовала, как по спине пробежала легкая дрожь. «Вот оно — зло в его чистом виде», — подумала она.

— Рад отметить вашу пунктуальность. Вы истинно деловой человек, мисс Барнвелл! — Голос Муна был тонкий, как бы замирающий, однако очень напряженный, как струны фортепиано.

— Я ценю не только ваше время, мистер Мун, но и свое, — произнесла Элисон нежным голосом.

— Вы свободны, Сэнди, — повернулся Мун к своей секретарше. — На два часа.

— Может быть, что-нибудь нужно? — начала Сэнди.

— Ничего, — прервал ее Мун, раздраженно махнув рукой, чтоб она уходила. — Садитесь, пожалуйста, мисс Барнвелл.

— Спасибо. — Элисон села, достала блокнот и золотой карандашик из своей сумочки крокодиловой кожи и с веселой готовностью подняла глаза на Великого Человека.

Мун смотрел на нее изучающим взглядом. И явно остался доволен тем, что увидел.

— Надеюсь, вы пришли сюда, не питая ко мне вражды?

— Вражды? А почему я должна чувствовать к вам вражду, мистер Мун? Мы едва обменялись двумя словами с тех пор, как я здесь.

— Ну, ну, мисс Барнвелл. Те, кто меня не знает, преубеждены против меня — благодаря моим друзьям и врагам. По лицу Сэнди я понял, что она предупредила вас о том, что я позволил себе некоторые замечания по поводу вашей привлекательности и даже размышлял вслух, насколько вы можете быть расположены ко мне. Конечно, это шокировало бедняжку Сэнди, она такая пуританка! И потом, мистер Шамбрэн, — я так и слышу, как он предупреждает вас, что я декадент, да еще порочный. Но святые, как правило, весьма скучны, не правда ли?

— Никогда не была знакома ни с одним из них, — парировала Элисон.

Мун внимательно всматривался в лицо девушки. Казалось, он пытается разгадать ее, прочитать ее мысли.

— Моя философия жизни, мисс Барнвелл, несколько

шокирует святош и конформистов. Меня окрестили садистом за то, что я говорю правду о слабых и нерешительных людях, которые правят нашим миром. Но видите ли, большинство из нас воспитаны на мифе, по которому Бог — это любовь. Но Бог допускает войны. Он допускает жестокость. Эксплуатацию слабых, гибель беспомощных. Он насылает засухи, ураганы, наводнения, порчу. Тысячу лет человек лгал и в то же время, осеняя себя крестом, говорил: «Пусть Бог поразит меня на месте, если я лгу». И ни разу Бог не покарал кого-либо за слова лжи. Ненависть — вот ключ к постижению Бога, и человека тоже! Большинство людей маскируют свою ненависть фальшивым благородством. Хотите знать правду об Обри Муне? Он никогда не прикидывался благородным, не пытался скрыть ненависть и враждебность, лежащие в основе его натуры. Так что Обри Мун в большей степени честный человек, чем любой другой из ваших знакомых, мисс Барнвелл!..

Элисон посмотрела ему прямо в лицо.

— Значит, люди ненавидят вас за то, что вы не прикрываетесь благородством, которого у вас нет?

— Как прикрываются они, мисс Барнвелл...

— И чтобы наказать их, вы разыгрываете из себя Бога — ваш вариант Бога — и посылаете на них разрушительные ураганы, наводнения, засухи?

Черные глазки полоснули холодом.

— Не слышу ли я нотки дерзости, мисс Барнвелл?

— Я не из дерзких, мистер Мун, — улыбнулась она. — Разве что на работе. А моя работа — организация рекламы, общественного мнения. Может, перейдем к делу?

— Вы для меня в некотором роде сюрприз, мисс Барнвелл! В вас есть нечто большее, чем хорошенькое личико и красивая фигура. Мне придется об этом подумать. А теперь, как вы предлагаете, перейдем к делу — обсудим, как мы подадим публике мой день рождения...

Элисон сидела не шевелясь, держа наготове карандаш и блокнот, и молилась о том, чтобы кровь не прилила к ее щекам и не выдала бы гнев и отвращение, которые она испытывала к этому шуту.

Минут за двадцать до начала беседы Элисон с Обри Муном одна из телефонисток на коммутаторе третьего этажа приняла красный сигнал из номера 609.

Тихий, без всякого выражения женский голос спросил:

— Не могли бы вы прислать в номер телефонную книгу?

— Какую именно, мисс? В сетке под столиком возле вашей кровати четыре телефонных книги по Нью-Йорку.

— О!..— Пауза.— Тогда будьте добры, пришлите мне бостонскую телефонную книгу.

— Может быть, я найду нужный вам номер, мисс?

— Пожалуйста, пришлите мне книгу.

— Сейчас, мисс.— Телефонистка выключила связь.— Кто в номере 609?

Миссис Вич справилась в картотеке.

— Некая мисс Памела Прим. У нас впервые, насколько я знаю.

— Она просит телефонную книгу по Бостону...

Книга была отправлена с посыльным. Прошло двадцать пять минут, и на щите снова вспыхнул красный сигнал на номере 609. Тот же тихий голос произнес:

— Не могли бы вы прислать мне телефонную книгу по... по Чикаго?

На этот раз телефонистка не задавала вопросов. Каким бы странным ни показалось требование постояльца — в отеле «Бомонд» оно выполнялось неукоснительно.

— Может, она практикуется в чтении? — сухо заметил посыльный, унося вторую телефонную книгу.

Через двадцать минут снова загорелся красный сигнал из номера 609.

— Не могли бы вы... не могли бы вы принести мне телефонную книгу по Филадельфии? Пожалуйста!

— Конечно, мисс.— Связь отключилась.— Сумасшедшая ведьма,— пробормотала телефонистка, вручая посыльному третью телефонную книгу.

За долгие годы работы на коммутаторе миссис Вич не имела дело со странными просьбами. Где-то, в каком-то далеком уголке ее упорядоченного мозга, зазвучали сигналы тревоги. Тревоги за отель, который был ее жизнью.

Прошло, пожалуй, минут пятнадцать после того, как унесли третью телефонную книгу. Миссис Вич резко встала из-за своего стола и подошла к телефонистке, обслуживающей шестой этаж.

— Что-нибудь еще из номера 609?

— Нет, миссис Вич. По-моему, она просто коллекционирует телефонные книги.

— Соедини меня с мистером Шамбреном! — резко сказала миссис Вич и вернулась к своему столу.

Через минуту в трубке зазвучал бодрый голос Шамбрена:

— Да, миссис Вич?

— Номер 609 затребовал три иногородних книги,— доложила миссис Вич.— Некая Памела Прим, согласно гостевой карточке. Между тем никаких иногородних звонков не было, сэр. Я подумала...

— Графоманка разыскивает адреса? — предположил Шамбрэн.

— Я подумала о другом, сэр,— внешне спокойно сказала миссис Вич.— На этих книгах можно стоять, если сложить их в стопку.

В голосе Шамбрена появились жесткие нотки.

— Спасибо, миссис Вич! Велите Джерри Додду ждать меня на шестом этаже. Пусть захватит ключ.

На резкий стук в дверь номера 609 ответа не последовало. Джерри Додд открыл дверь служебным ключом.

— Господи, спаси нас,— прошептал Джерри.

Перед ними показывались голые пятки мисс Памелы Прим. Стул, на котором она, видимо, сложила стопкой семь телефонных книг, опрокинулся и лежал на полу. Мисс Прим повесилась на поясе от махрового халата.

Самоубийство в большом отеле не столь уж необычно. Джерри Додд разрезал пояс и положил мисс Прим на кровать. В том, что делать что-либо было уже бесполезно, никто не сомневался. Тут же были приняты обычные меры: вызвали полицию, принесли кислород, хранившийся в аптеке на втором этаже. Это была формальная процедура, ибо мисс Прим уже ничем нельзя было помочь.

— Никогда не знал до этого дня, как ее зовут,— сказал Джерри, когда все усилия оказались тщетны.

— А вы ее знаете? — спросил Шамбрэн.

— Ее знают почти все в отеле. Мы называли ее просто «Герцогиня».

Первой мыслью Шамбрена было уволить ночного администратора: в отеле «Бомбонд» не сдают номера женщинам определенных профессий. Потом он вспомнил, что Карл Невер, который работает ночью, заболел, а у его заместителя не было основания отказывать какой-то Памеле Прим.

Единственным имуществом мисс Прим была небольшая дорожная сумка. Дамская сумочка лежала открытой на бюро. Шамбрэн взглянул, нет ли там каких-нибудь документов. Кроме губной помады, пудры и нескольких ключей в сумочке было заказное письмо, адресованное мисс Памеле Прим. Указанный на конверте дом находился в нескольких кварталах от отеля «Бомонд». Имя и адрес были напеча-

ны на обычном конверте с маркой, на месте обратного адреса — почтовый ящик почтамта.

Само письмо было также напечатано на машинке, на листе хорошей белой бумаги. Читая его, Шамбрэн постепенно менялся в лице.

«20 декабря.

Дорогая мисс Прим!

Мне хорошо известна Ваша ненависть к Обри Муну. Я знаю также в точности состояние Ваших финансов. У меня к Вам предложение, которое одновременно удовлетворит и Вашу жажду мести, и потребность в деньгах. В этот момент на Ваше имя в Уолтон Трест Компани на Медисон-авеню положена сумма 10 000 долларов. Можете получить их сегодня же. Можете использовать их, как Вам угодно: расплатиться с долгами, уехать за границу, сжечь их на костре.

Вы зарабатываете право на эти деньги, если через два месяца, то есть двадцатого февраля, Обри Муна не будет в живых.

Если Вы возьмете деньги, а он в полночь 20 февраля будет еще жив, Вы сами не доживете до конца следующего дня.

Если же Вы не возьмете этих денег, то останетесь жить, но много-много раз пожалеете о том, что упустили единственный случай освободиться от Муна, от нищеты и деградации».

Письмо не было подписано.

Шамбрэн молча передал листок Джерри Додду.

— Какой-то розыгрыш, — недоуменно пожал плечами Джерри.

— Если уж вы хотите заплатить десять тысяч за чье-то убийство, то не станете нанимать невротичную девицу. Вы найдете профессионального убийцу, и притом за половину этой цены. А кстати, не был ли Мун одним из ее клиентов? — спросил Шамбрэн.

— По данным ночной смены, раза два в месяц она проводила у него час или два.

— Возможно, и чаще, — сухо сказал Шамбрэн. — Сегодня у нас пятнадцатое. У нее было еще шесть дней, считая сегодняшней, но она не выдержала. Вероятно, знала, что не сможет этого сделать, и выбрала самый мрачный способ решения проблемы.

В 6.30 вечера известие о самоубийстве в отеле «Бомонд» стало общим достоянием. При обычных обстоятельствах смерть неизвестной девушки в крупном отеле не вызвала бы

никакого интереса за его стенами. Но письмо, найденное в ее сумочке и связавшее ее имя с Обри Муном, превратило ее смерть в чрезвычайное происшествие.

«ЗАГОВОР С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА ЗНАМЕНИТОГО ПИСАТЕЛЯ».

В 6.30 вечера версия этого события появилась на экранах телевидения.

В скромном номере на четырнадцатом этаже отеля «Бомонд» Джон Уилз лежал на кровати, сцепив под головой руки, и смотрел программу новостей. Когда диктор стал читать адресованное Памеле Прим письмо, он резко встал и выключил телевизор. На лбу его выступили капельки пота. Включив настольную лампу, он выдвинул средний ящик бюро. В нем лежали чистые сорочки.

Приподняв несколько сорочек, он добрался до аккуратно сложенного голубого шарфа, вынул его и развернул. Там были бумажник с паспортом и маленький автоматический револьвер.

Раскрыв бумажник, он вынул листок белой бумаги и начал читать. Его губы шевелились.

«

20 декабря.

Дорогой Джон Уилз!

Мне хорошо известна Ваша ненависть к Обри Муну. Я знаю также в точности состояние Ваших финансов. У меня к Вам предложение, которое одновременно удовлетворит Вашу жажду мести и потребность в деньгах.

В этот момент на Ваше имя в Уолтон Трест Компании на Медисон-авеню положена сумма 10 000 долларов. Можете получить их сегодня же. Можете использовать их как Вам будет угодно...»

Взгляд Уилза перескочил через несколько строчек:

«Если Вы возьмете деньги, а он в полночь 20 февраля будет еще жив, Вы сами не доживете до конца следующего дня».

Уилз сложил листок и вложил его в паспорт. На мгновение его правая рука сжала револьвер, как бы примеряя его в ладони.

— Что за бред? — произнес он вслух.

ЧАСТЬ II

Глава 1

На Харди, лейтенанта полиции, оглушительная слава Обри Муна не произвела ровным счетом никакого впечатления. Это был большой, смуглый, атлетически сложенный молодой человек, который выглядел скорее как добродушный защитник университетской футбольной команды, нежели как сыщик из отдела по расследованию убийств. Сокровища Востока в комнате Муна, слабый аромат благовоний, сам хозяин, полулежащий на своем троне, — все это сложилось в сознании молодого лейтенанта в образ подозрительный и фальшивый. «Псих какой-то», — решил он.

Обри Мун отреагировал на лейтенанта полиции как на назойливую муху. Великий Человек словно надел маску, и прочесть что-нибудь на его лице было невозможно.

— Мы навели справки в Уолтон Трест Компани, мистер Мун, — сказал Харди. — Действительно, сумма 10 000 долларов была внесена, а потом снята мисс Памелой Прим.

— А кем внесена, — сказать вы не можете? Кто внес эти деньги, когда, как?

— Мы это и расследуем, — ответил Харди.

— Воображаю, — скучающим тоном произнес Мун.

— Кто мог ненавидеть вас настолько, чтобы заплатить 10 000 долларов за ваше убийство?

— Сотни людей! Буквально сотни, лейтенант, — холодно улынулся Мун.

— Не вижу здесь ничего смешного.

— Ну, это как посмотреть, лейтенант! Для меня, например, мысль о том, что бедняжка Памела, разделяя мое ложе, могла бы вонзить мне нож в бок, или подлить яду в стакан, или, может быть, задушить меня куском проволоки, — сама мысль об этом в высшей степени комична. У нее было талантливое тело, но ум маленький, сентиментальной восьми-летней девочки.

Из угла комнаты донесся резкий свистящий звук. Пьер Шамбрэн выдохнул сквозь зубы воздух. Он пришел вместе с Харди. Трагедия Памелы Прим явно взволновала этого обычно невозмутимого человека.

— Десять тысяч долларов — не пустяк, — сказал Харди. — Едва ли найдутся сотни людей, способные вас так сильно ненавидеть, мистер Мун.

— Я был бы очень разочарован, если бы это оказалось не так!

— Ради Бога, кончим эту комедию! — сказал Харди резко.

Мун взглянул на лейтенанта с видом усталого презрения:

— Молодой человек, кто-то готов расщедриться, лишь бы я не пережил день своего семидесятипятилетия. Он был бы просто идиотом, если бы сделал ставку только на одну лошадку. Памела была выбрана в высшей степени неудачно. Я предлагаю вам найти еще кого-нибудь, у кого неожиданно появился новый счет в банке.

— Вы считаете, кому-то еще предложили деньги? — нахмурился Харди.

Мун усмехнулся.

— Если бы я хотел наверняка убрать человека, равного Обри Муну, хотя человека, равного Обри Муну, нет, — я бы не ограничился одним исполнителем моего замысла, — и черт с ними, с затратами. Вы должны ясно понимать, лейтенант, что я нуждаюсь в защите! Вашему начальству вряд ли понравится, если вы расслабитесь после самоубийства бедняжки Памелы.

— Если вы чувствуете себя в опасности, — сказал Шамбрен ровным, лишенным эмоций голосом, — то самое разумное, — отменить ваш вечер. В компании двухсот пятидесяти гостей вы будете отличной мишенью.

— Дорогой Шамбрен, никто не может мне указывать, что я должен делать. Никто не заставит меня изменить мои планы! Ваша обязанность, как директора этого отеля, обеспечить мою безопасность...

— Вечер? Какой, почему? — спросил Харди.

— Мистер Мун собирается торжественно отметить, что ему посчастливилось дожить до семидесяти пяти лет, — объяснил Шамбрен. — В Большом бальном зале, в обществе двухсот пятидесяти гостей. В субботу вечером.

— Не думаю, что комиссар полиции разрешит вам пойти на такой риск до окончания следствия.

— Не разрешит? Мне? — В глазах Муна появился холодный блеск. — Интересно, как это он собирается остановить меня? Я желаю этого вечера — и он будет, в этом ли отеле или в другом, если мистер Шамбрен объяснит своему хозяину, почему он отказывается от столь прибыльного предприятия!

Шамбрен пожал плечами.

— В конце концов, это ваша жизнь, мистер Мун. Если вы желаете рисковать ею — ради Бога! Мне это совершенно безразлично.

Мун ехидно засмеялся.

— Вот видите, лейтенант. Никто меня не любит!

— Ничего не вижу,— упрямо сказал Харди.— Вы относитесь к этому крайне несерьезно. Что вы не договариваете?

— Я ничего не знаю, кроме одного: кто-то решил сыграть со мной весьма дорогостоящую шутку. Предположим я побегу прятаться, сделаю себя посмешищем. Нет уж! Я предпочитаю не бежать.

В том, что случай с Пемелой Прим был явным самоубийством, сомнений не было. Харди интересовало теперь другое — угроза жизни Муна, высказанная в письме, обнаруженном в сумочке погибшей девушки. Инстинкт подсказывал ему, что это была шутка. Чудовищная шутка, которая привела к самоубийству. Но одна деталь смущала Харди — указанная сумма 10 000 долларов. Десять тысяч долларов было положено в банк Уолтер Трест на имя мисс Прим, и она взяла эти деньги и как-то воспользовалась ими. В представлении Харди такая сумма не ассоциировалась ни с чем, похожим на шутку.

Они вернулись в кабинет Шамбрена, и Харди позвонил комиссару полиции. То, что в деле был замешан Мун, наполняло все происходящее зловещим холодом.

В комнату вошла Элисон Барнвелл, вызванная Шамбренном. Харди с одобрением оглядел девушку.

— Защищать его — не наше дело,— говорил между тем Шамбрен твердым голосом.— Наше дело — защищать отель! Нам и так уже нанесен ущерб. История самоубийства появится в вечерних газетах, о ней уже трубят радио и телевидение. Связь с Муном делает это самоубийство материалом для первой полосы. В ближайшие несколько дней все репортеры отдела новостей будут осаждать наши пороги.— Он раздраженно ткнул пальцем в блокнот для записей.— Уиллард Сторм уже вопит об интервью со мной!..

Уиллард Сторм был восходящей звездой журналистики. Его ежедневная полоса, которая называлась «Стормцентр», все больше оттесняла Уинчела Салливана и других старомодных поставщиков новостей и происшествий. Сторм представлял тот тип репортера, который Шамбрен особенно ненавидел: сенсация любой ценой, неважно, какими средствами.

— В этом есть какое-то безумие,— сказал Харди.— Нормальный человек до такого не додумается!

Тонкое лицо Элисон было бледно.

— Сомневаюсь я, чтобы это была шутка, — задумчиво произнесла она. — Десять тысяч долларов...

Шамбрэн сделал нетерпеливый жест.

— В нашем деле, Элисон, никакая сумма не должна вас удивлять! Я только сегодня прочитал вам лекцию на этот счет. Этот отель кишит людьми, для которых десять тысяч долларов — карманные деньги. Это ваше годовое жалование, а для них это сумма, с которой они отправляются за покупками в магазин. — Он стукнул кулаком по столу. В его голосе зазвучал гнев. — Ненавижу того, кто может позволить себе отсчитать десять тысяч долларов, чтобы довести девушку вроде Памелы Прим до самоубийства! Ее смогли довести до отчаяния, потому что она оплачиваемый винтик в машине удовольствий, которая работает на них день и ночь, из года в год!..

— А мы, — сказала Элисон, и глаза ее лихорадочно заблестели, — главные механизмы этой машины удовольствий. Отель «Бомонд» — площадка для игр богачей в Нью-Йорке! Примерно так говорится в нашем буклете.

— Ну, ладно! — сказал Шамбрэн все еще с гневом. — Мы служим богачам. Но мы вовсе не обязаны при этом лизать им пятки!

В своем номере на четырнадцатом этаже Джон Уилз, лежа на кровати, сквозь дым сигареты созерцал потолок. Лицо его страдальчески морщилось, словно от боли. Это и была боль, и он жил с ней уже двенадцать лет — с этой раной, всегда кровоточащей и никогда не заживающей.

«Джон Уилз» было его легальное имя, узаконенное судом, но родился он Джоном Мак-Айвером. Это имя могло бы многое сказать Шамбрэну. Оно было хорошо известно любому журналисту, работавшему в прессе в 1950-м году. Имя капитана Уоррена Мак-Айвера, вычеркнутого из списков британской армии за адюльтер с женой своего командира, не сходило со страниц газет. Военно-полевой суд стремился доказать, что вовсе не любовь привлекла Уоррена Мак-Айвера к супруге полковника, а та секретная информация, которой располагал ее муж. Поскольку полковник был связан с «Бомбой», Уоррена Мак-Айвера, несмотря на то, что он упорно настаивал на своей невиновности, классифицировали как самого отъявленного негодяя и преступника. Мак-Айвер, естественно, отрицал наличие каких бы то ни было отношений с указанной леди и гневно отвергал обви-

нение в шпионаже. Ему сильно повредили показания этой леди, которая вдруг заявила, что ее любовник не кто иной, как знаменитый писатель, журналист и путешественник Обри Мун.

Однако директор отеля, горничная и официант, обслуживавшие их номера, в один голос показали, что постоялец, который оставил в регистрационном журнале фальшивую подпись «Мистер и миссис...», был именно Уоррен Мак-Айвер. Сомневаться в показаниях свидетелей не было никаких оснований. Популярность Муна среди английской публики не уступала популярности кинозвезды, и вряд ли кто-нибудь перепутал бы этого смуглого, саркастичного, элегантного брюнета с блондином Уорреном Мак-Айвером.

Обвинение в шпионаже не было доказано, хотя мало кто в нем сомневался. «Мудрые» замечания насчет «дыма и огня» высказывались в самых широких кругах. Мак-Айвер был с позором изгнан из армии. Через два года в номере маленькой ливерпульской гостиницы капитан Уоррен Мак-Айвер застрелился.

Мак-Айвер был отцом Джона Уилза.

Когда с ним случилось несчастье, Джон Уилз служил в американской армии в Корее. Полученные им фактические сведения были скудны, тогда как сенсационные слухи хлынули потоком. Отношения Уилза с собратьями летчиками испортились, он оказался в полной изоляции. Джон чувствовал, что ему не доверяют. Слухи о шпионаже отца, хотя никем и не доказанные, сделали его изгоем.

Приходили письма от матери. Из них было ясно одно: она верит мужу, любит его и останется с ним, несмотря ни на что.

Джон Уилз плохо знал отца. В 39-м Уоррен Мак-Айвер вступил в британскую армию, а его семья вернулась в Америку. Джону было тогда десять лет, и семь лет он общался с отцом только в письмах. Всю войну Мак-Айвер занимался обезвреживанием бомб, которые падали на Лондон. Это требовало стальных нервов и того особого «тихого» героизма, который никогда не оценивается толпой. Зато в воображении маленького Джона отец был самым доблестным героем. А когда Уоррен Мак-Айвер получил орден из рук самого короля, он и вовсе стал для мальчика недостижимым идеалом.

Мак-Айверы вновь объединились в Англии в сорок седьмом. В то лето Джону исполнилось семнадцать лет. Уоррен Мак-Айвер остался в армии, потому что найти работу было трудно. К тому же его специальные знания и опыт представ-

ляли ценность в случае новой войны. А подготовка к ней, как ни трудно в это поверить, уже началась.

Отец оказался совсем не таким, каким воображал его себе Джон. Это был спокойный, углубленный в себя человек, начисто лишенный того ореола доблести и славы, который ожидал увидеть его юный сын. Но отсутствие внешнего блеска вполне возмещалось глубокой душевной теплотой, спокойным дружелюбием и полным пониманием трудностей, которые Джону пришлось преодолевать, чтобы сблизиться с отцом после восьмилетней разлуки. Вдвоем они бродили по Лондону, выезжали за город ловить рыбу и, не говоря о своих отношениях ни слова, стали по-настоящему близкими людьми. И еще одно воспоминание: черные дни в Корее, когда до молодого Мак-Айвера стали доходить слухи об отце. Он думал тогда о том, что не видел двух людей, столь любящих друг друга и живущих в такой гармонии, как его отец и мать. Трудно было поверить, что Уоррен Мак-Айвер, по той или иной причине, мог завести роман с другой женщиной. Но война делала с людьми странные вещи. В его собственной эскадрилье были люди, не расстававшиеся с фотографиями своих жен и детей и в то же время искавшие романтических приключений там, где им бы и не снилось в мирное время.

У Джона окончился срок службы, он был демобилизован и вернулся в Англию. Дело Мак-Айвера уже было похоронено в газетных архивах. То, что он увидел, потрясло его. Его родители жили в дешевой квартире в бедной части Лондона. Выгнанный из армии, Уоррен нигде не мог найти работы. Едва ему удавалось куда-либо устроиться, его тут же увольняли, так что он даже не успевал освоиться со своими новыми обязанностями.

«Как будто кто-то преследует его, ожидая, пока он найдет работу, и тут же выбивает из-под ног почву», — рассказывала Джону мать.

Уоррен Мак-Айвер был человек конченный. Физически он выглядел совершенно больным. Джон часто ловил на себе его взгляд, который тот отводил в сторону, как только глаза их встречались. Видимо, Джон не смог убедить отца, что верит в него. Но вся беда состояла в том, что верить было, собственно, не во что. Отец наотрез отказался обсуждать дело. Однажды, почти со слезами гнева на глазах, он сказал: «Ты должен поверить мне, Джонни! Я столько раз оправдывался. Нет смысла повторять все это еще раз тебе».

Но шло время, и нести далее этот крест оказалось невыносимым. Мак-Айвер решил покончить счеты с жизнью. Он сказал жене и сыну, что ему предлагают работу в Ливер-

пуле. Почему это произошло именно в Ливерпуле, Джон так никогда и не узнал.

За день до отъезда отец предложил сыну прогуляться, как в старые времена. Они долго шли, почти не разговаривая. Изредка Мак-Айвер показывал на какое-нибудь здание или незастроенный участок, где он в былые времена трудился над живой тикающей бомбой. Наконец они забрели в какой-то паб на окраине города, усталые, голодные, мучимые жаждой. Там, за кружкой пива, Уоррен Мак-Айвер рассказал сыну всю свою историю.

Это произошло как будто случайно.

— Лондон все еще несет на себе следы бомбежек, — начал Джон, с трудом подыскивая тему для разговора. — Трудно понять, как люди, пережившие эту войну, могут допустить, чтобы такое повторилось! Они верят каждому слову, которое произносят сегодня политики, и позволяют втягивать себя в новую войну.

— Истина — странная вещь, — ответил Уоррен Мак-Айвер. — Раньше я думал, что она есть сущность. Я говорил: «Памятник Нельсону был воздвигнут в таком-то году», — и знал, что это истина. Но люди переписывают историю заново, и то, что мы сегодня признаем ложью, завтра станет истиной. Интересно, не делали ли того же наши историки в прошлом? Истина не абсолютна. Истина это то, во что мы верим сегодня, независимо от того, лежит ли в ее основе исторический факт или нет.

Говоря, он набивал старую почерневшую трубку.

— Мне следовало быть умнее, — вдруг сказал он с такой щемящей горечью, что Джон почувствовал, как она отозвалась болью в его собственном сердце. Повинуясь интуиции, он промолчал. Впервые Джон почувствовал, что отец готов к откровенному разговору. Но когда тот заговорил, в первый момент показалось, что он ошибся.

— В сорок пятом это было, — начал Мак-Айвер. — Я делал свое дело — носился по вызовам туда, где обнаруживались неразорвавшиеся бомбы, буквально выслушивал их через стетоскоп, отвинчивал головку взрывателя, зная, что стоит кашлянуть — и ты полетишь в вечность. Нервное это дело, Джонни! Когда наступала краткая передышка, расслаблялся. В расслабленном состоянии я здорово напивался.

Однажды ночью бомба попала в отель «Брунsvик Хауз». Во время бомбежки мы делали все, что потребуется. Я оказался в спасательном отряде. Мы держали пожарную сеть, чтобы люди могли прыгать в нее из окон третьего этажа. В окне третьего или четвертого этажа я увидел мужчину. Он

боролся с женщиной и парой ребятишек! Ему удалось оттолкнуть их и выпрыгнуть первым. Когда мы изыскли его из сетки, я его узнал. Это был Обри Мун, известный писатель и военный корреспондент. Я знал его по фотографиям в газетах. В конце концов и женщина, и дети были спасены буквально за минуту до того, как вся эта часть здания рухнула.

Джона поразила ненависть в голосе отца, когда он произнес имя Муна.

— Примерно через неделю, а может, немного позже, — продолжал Мак-Айвер, — Мун явился к нам в офицерскую столовую в качестве гостя. Он был тогда страшно популярен. Люди во всем мире лили слезы в чай, когда читали за завтраком его репортажи. Наш командующий попросил Муна сказать несколько слов. И тогда Мун рассказал о бомбежке «Брунsvик Хауза», о героизме людей и, в скромных выражениях, о собственном героизме, который он проявил при спасении многих жизней. — Мак-Айвер перевел дух. — Я уже порядочно нагрузился, Джонни! К тому же в те годы мы не любили фальшивых героев. Я встал и рассказал все, чему был свидетелем. Моветон, конечно, но мне было наплевать на манеры. Я возмутился, когда услышал, как он трубит о своем героизме. После моего рассказа его речь показалась такой дешевой. Полковник публично высказал мне порицание, а неофициально похлопал меня дружески по плечу. Разумеется, я знал, что отнюдь не приобрел друга. Но я тогда не догадывался, что приобрел врага, имеющего власть, влияние, а главное — деньги, и что он будет преследовать меня, пока кто-нибудь из нас не отправится в мир иной...

Дрожащей рукой Мак-Айвер поднес к трубке спичку.

— Поверишь ли, Джонни? Я больше никогда не встречался с Муном. Но он все время держит меня за горло, каждая минуту, все эти семь лет.

Джон молчал, боясь прервать этот внезапно хлынувший поток слов.

— Ты знаешь, почему я после войны остался в армии, — продолжал Мак-Айвер после минутной паузы. — Никакой работы. У меня были знания и опыт, которыегодились в военном деле. Я получил новое назначение. Мой новый командир во время войны был временно генералом, а теперь получил постоянный чин полковника. Он вел себя так, будто весь мир виноват в его понижении. Он был недалекий малый. Когда-то ему посчастливилось жениться на очень привлекательной молодой женщине, которая служила под его нача-

лом в женском вспомогательном отряде. Может быть, ее прельстила золотая полоска и ореол его чина во время войны, но теперь он ей осточертел. Мне нравилась эта девочка. Ее звали Кэтлин. Когда я говорю: она мне нравилась, Джонни, это значит, она нравилась мне как человек, с которым вместе работаешь и встречаешься каждый день. Между нами ничего не было. Абсолютно ничего! Вот пример исторического факта, переписанного заново, когда ложь стала истиной. Однажды вечером мы были на танцах в одном частном доме. Я танцевал с Кэтлин — по долгу службы. Все младшие офицеры танцевали с женами своих полковников. Я заметил, что в этот вечер она пила много больше, чем следовало бы, с каким-то странным, отчаянным видом. Она попросила проводить ее на балкон — подышать свежим воздухом. Почему она выбрала именно меня для своих признаний — не знаю. Все это было как-то путано и дико. Она не переносит полковника. Она любит кого-то другого. Она должна каким-то образом стать свободной. Не могу ли я ей помочь? Конечно, я сказал «да», не придав этому особого значения. На следующий день она мне позвонила и пригласила в отель «Рассел Сквер», в номер 62. Мне это не понравилось. Я вовсе не хотел втягиваться в сложные отношения почти незнакомой женщины. Но у нее был такой отчаянный голос! И я пошел...

Трубка Мак-Айвера погасла. Он потянулся было за спичками, но передумал и положил трубку на стол. Джон заметил, что руки его дрожат.

— Я поехал в гостиницу, — мрачно сказал Мак-Айвер. — Подошел к номеру 62 и постучал. В комнате была Кэтлин — пьяная, в истерике. Мне пришлось здорово похлестать ее по щекам, прежде чем она пришла в себя. Тогда она мне все рассказала. Человек, которого она любит, — Обри Мун. В то время Муну, должно быть, было за шестьдесят, но такие знаменитости, как он, не имеют возраста. Думаю, он просто ошеломил ее, обещая дом в Лондоне, виллу к Каннах, квартиру в Нью-Йорке, платья, бриллианты... Бог знает, что еще! Она была не такая уж дуручка, чтоб поверить в подобную болтовню. Кто знает? Главное то, что Мун надругался над ней и бросил. Она была на грани самоубийства. И в этот самый момент в номер вошли полковник, директор отеля и частный сыщик. Полковник тут же решил, что я и есть тот самый «мистер Уилсон», который зарегистрировался в отеле вместе с «миссис Уилсон» — его женой. Разумеется, я отрицал это. Надо сказать, что и Кэтлин отрицала — и тогда, и позже. Она сказала правду — тот человек,

который месяц или два снимал этот номер, назвавшись «мистер Уилсон», был на самом деле Обри Мун. И знаешь, Джонни, что было потом? Дежурный клерк под присягой показал, что именно я расписался в журнале. Горничная и официант заявили, что видели меня в номере с Кэтлин. При этом они с жалостью смотрели на меня. Все знали, как выглядит Обри Мун. Никто не мог бы спутать его со мной! Я не знаю, как это могло случиться, Джонни. Меня судили военно-полевым судом на основании ложных показаний. К счастью, обвинение в шпионаже провалилось. Но Мун не успокоился. Целью его было дискредитировать меня, изгнать из Англии. Я не смог удержаться ни на одной работе. Меня увольняли отовсюду. Платные агенты Муна не отпускали меня ни на минуту. Вечное, вечное преследование, целых семь лет, Джонни! Однажды я пошел к нему. Он рассмеялся мне в лицо и напомнил тот случай в офицерской столовой. И я понял, что он никогда не оставит меня в покое. Я понял, что беспомощен против таких денег и такого влияния. Никому не удастся задеть его тщеславие — и остаться в живых. Из этого я сделал такой вывод, Джонни, — бороться против денег бесполезно! Богатый всегда добьется своей цели, честная она или нет. Одно время я надеялся, что Мун устанет непрерывно преследовать меня. Не тут-то было! Теперь я точно знаю — он не устанет никогда...

После долгого молчания Джон сказал:

— Одного только не понимаю, отец. Тебя застали в номере этой леди случайно?

Мак-Айвер устало покачал головой.

— Мун хотел порвать с Кэтлин. Он устроил за ней слежку. Должно быть, кто-то подслушал нас в тот вечер, когда она просила о помощи. Вероятно, он был в восторге. Одним ударом убить двух зайцев! Он дождался момента, когда она позвонила мне и пригласила в отель. Там уже ждали подкупленные им свидетели. Полковника известили — ловушка захлопнулась. Все это правда, Джонни, истинная правда! И что бы тебе потом ни говорили, верь мне!

Джон почувствовал, как в нем закипает гнев.

Мак-Айвер сжал руку сына.

— Никогда не пытайся вступить с ним в борьбу из-за меня, Джонни! Ты не сможешь выиграть. Кончится это тем, что и ты попадешь в список его жертв и окажешься там, где сейчас я.

Через два дня капитан Уоррен Мак-Айвер прострелил себе голову в ливерпульской гостинице, и вся эта полузабы-

тая история вновь появилась на страницах газет. Но даже в своем горе Джон заметил, что «истина» уже превратилась в неясный призрак.

Трагическое самоубийство Уоррена Мак-Айвера должно было стать окончанием этой саги. Но не стало.

Джон с матерью вернулись в Америку. Мун в это время жил в Нью-Йорке, в баснословно богатом отеле «Бомонд». Джон снял небольшую квартиру в Гринич-Виллидж. Ему нужно было срочно найти работу, чтобы содержать себя и мать. Но, увы, он не владел ни одной гражданской специальностью. Ему пришла в голову мысль применить свой опыт военного летчика в одном из крупных аэропортов или на коммерческих авиалиниях.

Джон справился насчет работы в «Интернэшнл». В заявлении требовалось указать свое имя, фамилии родителей и множество других подробностей. Когда он уходил из отдела кадров, кто-то его сфотографировал. В тот же день в вечерних газетах появилась фотография — весьма плохая — и история о том, что Джон Мак-Айвер, сын человека, продавшего секрет атомной бомбы, обратился с просьбой устроить его на работу.

И тогда начались его мытарства. Трудно было поверить в правдоподобность истории, которую рассказал ему отец, но теперь Джон понял, что это была холодная, жестокая правда. Он не мог устроиться на работу. Поступив куда-либо, он вскоре получал отказ. Он требовал объяснений — тщетно. Наконец он предпринял отчаянный шаг — взял фамилию матери. Он получил работу на авиалинии Кьюнард Лайн. Так он попал в Лондон, где познакомился с Тони Вейлом, другом Шамбрена. Потом в один день его вдруг уволили без всякой причины. Он пошел к директору по кадрам, который был, в сущности, совсем неплохой малый. Кто-то намекнул начальству, что он — сын Уоррена Мак-Айвера, объяснил ему тот по секрету. Очень жаль, но всегда есть риск нежелательной огласки.

И началось: статист в каком-то фильме, воспитатель в летнем лагере для мальчиков, споры с профсоюзами ради получения карточки, которая давала бы ему возможность устроиться на работу... В разгар этих бедствий умерла мать. Это не было неожиданностью. Многие месяцы он следил за ней, с ужасом замечая, как она слабеет и падает духом. Сердечная недостаточность — так ему сказали. Но Джон-то знал, в чем дело. Медленное и неуклонное уничтожение на ее глазах мужа, а теперь и сына оказалось непосильным испытанием для женщины.

Возвращаясь домой с похорон, Джон Уилз вдруг заметил за собой новую привычку — говорить вслух.

— Мун ее убийца! — сказал он так громко, что двое прохожих обернулись и уставились на него.

Положение его не улучшалось. Бесконечные неудачи, за которыми стоял Обри Мун, следовали за ним повсюду.

Однажды утром он получил заказное письмо с уведомлением, которое надлежало отправить по адресу: ящик 2197, Главпочтамт. Он распечатал письмо и прочел:

«Дорогой Джон Уилз!

Мне хорошо известна Ваша ненависть к Обри Муну. Я знаю в точности состояние Ваших финансов. У меня к Вам предложение, которое могло бы одновременно удовлетворить Вашу жажду мести и потребность в деньгах».

Он дочитал до конца. Деньги будут выплачены ему в том случае, если к полуночи 20 февраля Муна не будет в живых.

Конечно же, это шутка! Подлая, глупая шутка! Но когда он зашел в Уолтон Трест на Медисон-авеню, деньги там были. Его деньги! Банк получил денежный ордер с распоряжением открыть на указанную сумму текущий счет на имя Джона Уилза. Деньги принадлежали ему! Никто другой не мог их получить.

Он ушел, оставив деньги в банке, но мысль о них сжигала его, как лихорадка, и он пытался на тысячи ладов найти причину для их получения.

После многолетнего ада Мак-Айверам наконец-то что-то причитается. Положил эти деньги, конечно же, не Мун. Можно обдумывать это предложение, рассматривать его под разными углами зрения, как делает человек, желающий купить лошадь, но вывод один. Кто-то предлагает ему десять тысяч в обмен на жизнь Обри Муна.

Каждый раз, когда Джон Уилз доходил до этого вывода, он старался отмахнуться от этой истории. Кто бы ни был его корреспондент, он просто сумасшедший! Джон прекрасно знал, что в наши дни можно нанять профессионального убийцу за гораздо меньшую цену. А он — не профессиональный убийца. Как ни соблазнительны эти деньги, положенные на его имя, он — не убийца!

Но постепенно свирепая ненависть, которую он испытывал к Обри Муну, начинала закипать в нем, как похлебка на огне. Он вспомнил убогий номер в ливерпульской гостинице, где застрелился его отец. Вспомнил мать, которую Мун медленно, но верно свел в могилу. Подумал о тупике, в каком

оказался он сам. Поистине, этот человек заслуживает смерти.

Но он же не убийца!

Он бесконечно перечитывал письмо. «Мне хорошо известна Ваша ненависть к Обри Муну». Да, в приступах отчаяния и гнева он не раз говорил о своих бедах. Может, он даже знаком с автором письма? Он перебирал всех своих знакомых. Но ни один из них не мог выбросить десять тысяч долларов таким странным способом. Это соображение направило его мысли в другое русло.

Человек, сделавший с Мак-Айверами то, что сделал Мун, способен на подобную жестокость и по отношению к другим людям.

Джон давно прочитал все, касающееся карьеры Муна. Он знал, что в бытность свою журналистом Мун опорочил и уничтожил много влиятельных людей. Возможно, есть и другие, которые находятся в таком же положении, как он. Но десять тысяч долларов? Впрочем, даже богатого человека можно лишить того, что ценится выше денег, — власти, престижа, семьи, любимых людей... Богач может оказаться таким же беспомощным, как Джон. Но зачем поручать это дело другому? А если это женщина, не имеющая достаточной смелости, чтобы выполнить свое намерение? Или большой человек, неспособный добраться до Муна сам?

Прошел уже месяц из двух, предложенных Уилзу автором письма, а Джон все ломал голову над этой проблемой. Он верил в закон. Никто не имеет права наказывать своим именем. Вас могут арестовать, и вполне справедливо, за то, что вы застрелили надоевшую вам собаку соседа. Но если собака бешеная?

Мун не раз преступал рамки закона. Он заплатил за ложь об Уоррене Мак-Айвере — и закон оставил его без наказанным. Мун, возможно, знать не знает, что погубил мать Джона. Но все равно он виновник ее смерти. Он живет вне закона и, значит, может быть наказан только вне закона.

Понемногу моральные принципы Джона отступали. Предположим, он возьмет деньги. Но он может не выполнить условия. Тогда он окажется под угрозой кары, обещанной автором письма, и придется что-то предпринимать, чтобы избежать ее. С другой стороны, Мун может через месяц умереть своей смертью — ведь ему уже за семьдесят! В конце концов, время у него есть, а деньги дадут ему возможность прилично одеться и прожить целый месяц без забот и хлопот. Он сможет снять номер в отеле «Бомонд» и

спокойно все обдумать. Он может взвесить все на месте, там, где должно произойти само действие.

Три раза подходил он к дверям Уолтон Трест — и, не открыв их, уходил прочь.

В четвертый раз он снял со счета деньги.

Глава 2

Сообщение, переданное в теленовостях, потрясло Джона Уилза до глубины души. Он воображал, что, избирая его орудием мести, неизвестный противник Муна тщательно обдумал свой выбор. И вдруг появляется эта Прим, тоже получает десять тысяч долларов и в отчаянии кончает жизнь самоубийством! Значит — двадцать тысяч! Все смешалось и перепуталось. Сознание отказывалось в это верить. Однако его доля в этом странном деле была вполне реальной. Два новых костюма и смокинг — вещественное доказательство. Дюжина сорочек в ящике бюро, пистолет и паспорт под ними — вещественное доказательство. Деньги были реальностью. Этого нельзя было отрицать.

Джону казалось, что за ним следят. Он даже поискал глазок в стене номера. За всем этим скрывается какой-то очень богатый сумасшедший. От него можно ждать чего угодно.

Джон посмотрел, нет ли в номере спрятанного микрофона. Нигде ничего не было.

Он закурил и стал посреди комнаты, всей кожей ощущая на себе чей-то пристальный зловеющий взгляд. Прежде он представлял именно Муна в таком положении, себе же отводил роль преследователя. Теперь все изменилось. Очевидно, кому-то известно, зачем он здесь, в «Бомонде». За каждым его движением следят. Он долго был жертвой Муна. Теперь стал жертвой его врага. В голове внезапно вспыхнула догадка, что, если он доведет дело до конца и убьет Муна, его схватят прежде, чем он успеет убрать пистолет. Он понял, что так же слаб и бессилен, как и погибшая Памела Прим. Кто-то захотел убрать Муна чужими руками и тут же передать предполагаемого убийцу в руки полиции.

Вопрос с деньгами путал все карты. Человек, который мог потратить двадцать тысяч долларов, чтобы купить мало-надежного убийцу, мог с успехом потратить и больше. Может, у кого-то еще появился неожиданно счет в банке?

Джон бросил сигарету в пепельницу. Конечно, его заманили в ловушку! Если он убьет Муна, анонимный подстрекатель почти наверняка передаст его в руки полиции, как бы

тщательно он ни подготовил свое отступление. А если он не убьет Муна, этот сумасшедший богач расправится с ним по-своему. «Если возьмете деньги, а в полночь 20-го февраля он будет жив, Вы сами не доживете до конца следующего дня», — вспомнил он строки письма.

Он досадливо поморщился. Все это слишком театральное, чтобы быть реальностью. Однако Памела Прим мертва, а ее деньги были такой же реальностью, как и его десять тысяч. Холодные мурашки пробежали у него по спине.

Он вступил в царство «Бомонд» со спокойной уверенностью, что наконец-то сам распоряжается своей судьбой и все зависит только от его собственной воли. Теперь он понял, что ловушка захлопнулась в тот момент, когда он взял деньги из Уолтон Трест.

«Спокойно, приятель, — сказал он себе. — Прими факты такими, какие они есть. Игра еще не проиграна. В запасе сегодняшний вечер. И еще шесть дней — до полуночи 20 февраля».

Бар «Трапедия» был подвешен в пространстве, как птичья клетка, над фойе перед Большим бальным залом. Это фойе, окрашенное в бледно-розовый цвет, отделанное вишневым деревом, служило местом встреч в те дни, когда бальный зал был закрыт. «Трапедия», с покрытыми изощренной резьбой флорентийской работы стенами, пользовалась популярностью главным образом из-за своей экзотичности. Художник декорировал ее подвижными фигурками артистов цирка, работающих на трапедиях. Они слегка покачивались от движения воздуха, вызываемого скрытой системой кондиционирования. Джон Уилзу казалось, что все помещение слегка покачивается, что было, конечно же, иллюзией.

Новые обстоятельства заставили Джона особенно внимательно отнестись к своей внешности. Он надел новый, прекрасно сшитый смокинг и черный с золотом галстук. Главное — это непринужденность. Пусть наблюдающий за ним решит, что он готовится выполнить свою часть сделки. В действительности главной заботой Джона стало опознать этого таинственного наблюдателя и выяснить характер грозящей ему опасности.

Все в отеле «Бомонд» казалось призрачным, от фасада до внутреннего убранства, — бело-зеленый навес над тротуа-

ром, зеленые ковры, рекламные витрины лучших магазинов города, бесконечные зеркала, блеск вестибюля, прохладная, приглушенная интимность многочисленных гостиных.

А люди! В вестибюле, куда спустился Джон, был только один человек, облик которого не навел на мысли о безграничном богатстве. Человек этот подошел к нему.

— Мистер Уилз?

— Да! — Джон почувствовал, как напряглось его тело. Всякий, кто приближался к нему, вызывал подозрение.

— Джерри Додд, сэр! Руководитель службы безопасности. Мистер Шамбрэн просил встретить вас здесь.

Джон успокоился и достал сигарету. Додд был худой, жилистый человек лет под пятьдесят, с профессиональной вежливой улыбкой, которая не скрывала острые пронизательные глаза, способные увидеть и прочесть многое с первого же взгляда. У Джона возникло чувство, что, если бы он забыл снять со своего нового костюма этикетку с указанием цены, она сказала бы Джерри Додду гораздо больше, чем Джону хотелось бы.

— При всех сегодняшних заботах и хлопотах, — сказал Джон, тщательно обдумывая каждое слово, — я удивлен, что мистер Шамбрэн вспомнил обо мне.

— Мистер Шамбрэн никогда ничего не забывает, — ответил Додд. — Он показал мне вас сразу же после завтрака. Слышали новости по телевизору?

— Да. Это ужасно! Меня несколько удивило, что полиция разрешила опубликовать это письмо.

Джерри Додд покачал головой.

— У них не было выбора. Один из ближайших дружков Муна как раз тот парень, что пишет «Сторм-центр», Уиллард Сторм. Знаете эту колонку в газете?

— Читал. Довольно остро, даже грубо иногда...

— Очень грубо, — весело сказал Джерри Додд. — Мун передал ему весь материал. Следовательно и полиции ничего не оставалось, как только сделать заявление со своей стороны.

— Как Мун отнесся к этой истории? — спросил Джон, прикуривая сигарету.

— Недостаточно серьезно, по нашему мнению. Я бы на его месте не отмахнулся от этого со смехом. Может статья, кто-нибудь еще отзовется на это десятитысячное предложение. Говоря по правде, не хотел бы я оказаться перед таким соблазном, — Джерри засмеялся.

— Вероятно, юбилейный вечер, о котором мне говорил

Шамбрэн будет отменен? — сказал Джон. — Жаль, он был бы хорошей практикой для меня!

— О, нет, он состоится, — ответил Додд. — Никто не может заставить Великого Человека публично признать, что он боится! Он скорее сделает из себя мишень. Ну, это его похороны, а не наши. Ладно, если я вам понадобится, мистер Уилз, свистните.

— Спасибо. Я бы хотел выпить глоток хорошего сухого мартини. Какой из ваших баров...

— «Трапедия». Прямо и наверх, один пролет. Берегитесь красоток, если они без кавалеров или компании! Девочка Прим была такой профессионалкой. Возможно, они устроят ей поминки.

— Странно, как в таком месте терпят подобных девиц...

— Вы еще не знаете, мистер Уилз, что значит «такое место». Если клиенту что-то надо и он может за это заплатить — он получит все что хочет. Есть только одно правило, которому наши клиенты обязаны подчиняться.

— Какое же?

— Нельзя сорить на ковер в вестибюле, — шепотом сказал Додд. — Пока, мистер Уилз!

Мартини в «Трапедии» был само совершенство. Когда Джон собрался расплатиться, бармен, упитанный темно-волосый молодой человек, весело улыбнулся:

— Просто распишитесь вот здесь, мистер Уилз! Это за счет отеля.

— Это почему же?

— Приказ мистера Шамбрена. Зеленая улица. Говорят, вы друг Тони Вейла. Отличный парень! Я его хорошо знал. Он помог мне встать на ноги, когда я пришел сюда. Вы тоже по части отелей, мистер Уилз?

— Плавающих отелей, — ответил Джон, входя в свою роль. — Круизы вокруг света.

— Здорово! Мне бы тоже хотелось там поработать когда-нибудь, — позавидовал бармен. — Простите, заказ! Меня зовут Эдди, мистер Уилз. Если что-нибудь надо, только скажите.

Что ж, мистер Шамбрэн оказался приятным сюрпризом. Очевидно, он безоговорочно поверил в то, что Джон рассказал ему о своих «планах».

Джон поставил стакан с недопитым мартини и закурил сигарету, разглядывая бар. «Трапедия» явно процветала. Двое официантов неслышно двигались между столиками, принимая заказы. Все шло гладко и без видимой спешки, однако Джон заметил, что заказы исполнялись мгновенно.

Многие посетители были в вечерних туалетах. «Трапедия», по-видимому, была переходной ступенью перед более серьезным выходом. Джону в свое время приходилось видеть новоиспеченных богачей. Здесь все было не так. В целом люди в «Трапедии» вели себя совершенно непринужденно. На женщинах были дорогие платья, драгоценности. Косметика и прически дам были несколько экстравагантнее того, что Джону доводилось когда-либо видеть. Этим людям не надо было заботиться о том впечатлении, какое они производят на глазающую толпу. Даже популярная кинозвезда, сидевшая в углу за столиком, могла расслабиться — ведь в отеле «Бомонд» ей не угрожали ни охотники за автографами, ни экзальтированные молодые поклонники, очарованные блеском ее славы. Здесь вообще было очень мало молодежи.

Глаза сидевших за столиками людей на мгновение с недоумением останавливались на Джоне, а затем, не меняя выражения, скользили дальше. Уилзу было не по себе. Может, среди этих людей сидит и *этот* человек и спокойно наблюдает за ним? Но ни в одной из светских масок, окружавших его, он не заметил какой-либо крошечной трещинки, которая бы позволила уловить выражение скрывавшегося под ней лица. Должно быть, в этом баре сидят десятка два людей, которым ничего не стоит заплатить двадцать тысяч долларов за убийство неудобного им человека.

Он уже собирался уходить, когда на стул рядом с ним плюхнулась женщина. На ней были пальто и коричневая шляпка с мягкими полями, прикрывавшими глаза. И на шляпе, и на пальто блестели капельки растаявших снежинок.

— Эдди! — Ее голос прозвучал неожиданно громко. Она оглянулась, будто удивившись силе собственного голоса.

— Привет, мисс Стюарт, — отозвался Эдди.

— Я бы хотела, — сказала девушка, старательно выговаривая слова и понизив голос, — очень сухого двойного мартина с водкой!

Джон увидел, что она совершенно пьяна.

— Будет сделано, мисс Стюарт. — Эдди взглянул на Джона и чуть заметно подмигнул ему. Он начал быстро готовить напиток, манипулируя стаканом и бутылками с ловкостью мага. Не прошло и минуты, как напиток стоял перед девушкой.

— Без обмана, Эдди! — резко сказала она.

— То есть?

— Я сказала — без обмана! Это меньше, чем одна честная порция!

— Не лучше ли выпить по одной? — спросил Эдди.

— Я сказала: двойная, значит, двойная, Эдди! — Она сделала сердитый жест рукой, и ее сумочка, которую она положила на стойку бара, унала на пол, растеряв все содержимое.

Джон машинально нагнулся и стал подбирать вещи. В ее глазах мелькнуло выражение благодарности. Веснушки на переносице придавали ей вид грустной маленькой девочки. В сумке не было ничего необычного: ключ от номера, губная помада, компактная пудра, кошелек с мелочью. Он вложил все это в сумочку и положил ее на стойку.

— Большое спасибо, — сказала девушка.

— Пожалуйста, мисс Стюарт!

Она взглянула на Джона.

— Вы кто? Я вас здесь раньше не видела.

— Джон Уилз, — ответил он. Не может она быть одной из тех девиц, о которых предупреждал Додд.

— Марго Стюарт, — сказала она. — Газетчик? Сыщик?

— С чего вы взяли, что я сыщик? — улыбнулся Джон.

— Тут ими кишмя кишит. Если вы богатый молодой миллионер, лучше уезжайте из города или, по крайней мере, из этого отеля. Вы можете заплатить десять тысяч долларов за убийство человека?

Джон почувствовал легкий холодок, пробежавший по спине.

— Мой девиз — сделай сам! — ответил он.

Эдди приготовил новую порцию и перегнулся через стойку.

— Мисс Стюарт — секретарь Обри Муна. Видно, сегодня все, кто связан с Муном, немного не в себе.

Мутные глаза Марго Стюарт не отрывались от лица Джона.

— Вы как-нибудь связаны с мистером Муном, Джон Уилз?

— Я — один из его читателей, — ответил Джон. Он особенно тщательно загасил сигарету. — У вас сегодня трудный день?

— Вы не знаете мистера Муна, иначе вы бы знали, что этот день мало чем отличается от других дней. — Марго Стюарт залпом отхлебнула половину содержимого стакана. Ее передернуло, будто вкус ей был невыносим.

— А что, люди грозятся убить его каждый Божий день? — спросил он, заставив себя улыбнуться.

— Каждый Божий день, — ответила она мрачно. И добавила, к его удивлению: — Но, главным образом, в глубине своих разбитых сердец.

— Ваш босс имеет представление, кто пытался нанять мисс Прим?

Она взглянула на него из-под своей шляпки.

— А вы все-таки газетчик?

— Мистер Уилз имеет дело с круизами вокруг света, — вступил в разговор Эдди.

— Сколько бы стоило мне, Джон Уилз, — спросила девушка, — отправиться вокруг света, и опять вокруг, и опять — до бесконечности?

— Примерно столько же, сколько стоит и теперь, — засмеялся Джон. — Я хочу сказать, что именно этим мы все и занимаемся. Все ходим вокруг, и ходим, и ходим...

Она отвела глаза.

— Э-э... Да вы комик!

— Однако вы не смеетесь. — Джон знаком попросил Эдди наполнить его стакан. Это случайная встреча с секретарем Муна может пригодиться.

Она посмотрела на него затуманенным взглядом.

— А я ведь что-то про вас знаю, Джон Уилз! Джон Уилз... — Голос ее оборвался, как будто иссяк.

Он почувствовал, как напряглось все его тело. Опять эта старая история! Сейчас она скажет, что он — сын Уоррена Мак-Айвера, и тогда Мун наверняка узнает, если еще не узнал, что он здесь, в отеле «Бомонд». Тут же доложит об этом Шамброну — и конец игре.

— Что-то я про вас знаю, — продолжала девушка, все труднее выговаривая слова. — Только не вспомню, в каком контексте. Вот Эдди вам скажет, что я делаю в свободное время, чтобы не помнить вещи и контексте. Но когда я протрезвею, Джон Уилз, я постараюсь вставить вас в контекст. «Ты пожале-е-ешь!» — неожиданно пропела она фразу из детской песенки.

— О чем это я пожалею? — спросил Джон, стремясь придать голосу беспечность. — Вы ничего не можете знать обо мне, мисс Стюарт! Я не знаменитость и не важная персона. Я просто гид...

Она наставила не него указательный палец, рука ее дрожала.

— Если вы заплатили бедняжке Прим, чтобы она убила моего босса, я так поставлю вас в контекст, да, да! Довести ее до того, что она... Это было убийство, Джон Уилз! — Она повысила голос. — Почему вы сами не сделали свое грязное дело?

— Полегче, мисс Сэнди, — сказал Эдди. — Вы несете чепуху.

— Это я-то, Эдди? — Она покачала головой. — Вы не входите в этот контекст, Джон Уилз? Симпатичные глаза. Симпатичные руки. Мне нравятся мужские руки. Эдди, я заплачу за стакан Уилза! Вместо извинения. — Она подперла подбородок рукой, не сводя с Джона глаз. Казалось, она поддерживает голову, чтобы не упасть лицом на стойку. — Пьяная путаница, Джон Уилз! Я вас совершенно не знаю, правда? Что бы я ни сказала, я вас совершенно не знаю. Вы ведь не были знакомы с Прим? Она бывала у нас раз или два в месяц. Нет, Джон Уилз! Я вас совершенно не знаю. Что бы вы ни сделали, я вас совершенно не знаю...

Ее подбородок соскользнул с подпиравшей его руки, и Марго Стюарт упала головой вперед, сильно ударившись лбом о стойку. Если бы Джон не обхватил ее за плечи, она упала бы на пол.

— Ну, с ней все ясно, — сказал Эдди. — Вырубилась. — Он подозревал одного из администраторов. — Я знал, что так кончится, когда она вошла.

Дежурный посмотрел на нее с раздражением.

— Вы не должны были обслуживать ее!

— Я и не обслуживал, — ответил Эдди. — Капля вермута и чистая вода, вот и все! Она просила двойную порцию водки, только я ведь не дурак, мистер Дель Греко. Она-то воображала, что это водка, это ее и доконало.

— Извините, что причинили вам беспокойство, сэр, — обратился Дель Греко к Джону.

— Ничего страшного. Насколько я понял, она живет здесь, в отеле? Может, помочь ей добраться до номера?

— Не беспокойтесь, сэр! Это уже не впервые. — Дель Греко жестом подозвал официанта. Джон не успел оглянуться, как они вывели ее из бара.

— Служебный лифт сразу за углом, — объяснил Эдди. — Уже не в первый раз мы укладываем ее бай-бай. И вот что занятно. Стоит ей так напиться, как она дает понять вам, что просто ненавидит мистера Муна. Удивляюсь, почему она не уходит от него, если терпеть его не может!

— Наверное, ей очень хорошо платят, — сказал Джон и подумал: «Нет, тут совсем другое дело! Еще одна жертва в ловушке Муна. „Что бы вы ни сделали, я вас совершенно не знаю“. Может, она меня узнала? Догадалась, зачем я здесь? И в пьяном тумане дала обещание молчать».

Наступил вторник.

Джон Уилз завтракал в номере. Он хотел просмотреть утренние газеты. Спешить было некуда, ибо ясного представления, куда ему следует идти и что делать, он пока не имел.

Газеты на разные лады обыгрывали историю Муна. Даже «Таймс» не смогла смягчить зловещие контуры этой истории — самоубийство девушки, услугами которой, очевидно, Мун время от времени пользовался, и странное письмо, обнаруженное в ее сумочке, которое свидетельствовало о существовании заговора против Муна. «Таймс» строго придерживалась фактов, цитируя письмо и сообщая, что Мун отказался сделать какое-либо заявление корреспонденту газеты. Полиция обещала обеспечить знаменитому писателю надежную защиту. Прокуратура занималась расследованием возможного заговора против Муна. Среди других публикаций была краткая биография Муна, очевидно, извлеченная из архивов «Таймса». В ней приводился список его книг и пьес, характеристика его журналистской деятельности, упоминались его премии и отмеченные наградами фильмы. Все это не проливало света на истинный характер Муна.

«Геральд Трибюн» мало отличалась от «Таймс», если не считать нескольких фотографий, помещенных на одной из внутренних полос. На одной фотографии Мун красовался перед раздраженным Бернардом Шоу. На другой — сидел на террасе своего дома в Каннах, в обществе прославленной итальянской кинозвезды. Третья, снятая в период войны, запечатлела Муна в военной форме и с тростью, беседующего с красавцем принцем Уэльским на улице разрушенной французской деревни. На четвертой была прекрасная брюнетка с прической начала двадцатых годов. Подпись под фотографией гласила, что эта женщина — Виола Брук, прославленная звезда английской сцены, постоянная спутница Муна в годы после первой мировой войны, ее таинственное исчезновение стоит в одном ряду со знаменитым делом судьи Крейтера.

Имя красавицы ничего не говорило Джону Уилзу. Виола Брук исчезла до того, как он родился.

Зато менее значительные газеты были полны сообщений разного рода. Группа репортеров «Ньюс» немало потрудились в поисках информации. Газета поместила фотографию погибшей девушки, найденную у нее в квартире. Оказывает-

ся, имя «Памела Прим» было ее сценическим псевдонимом. Она начинала свою карьеру танцовщицей в мюзиклах на Бродвее. Ее настоящее имя было Морин О'Коннор. Она приехала из шахтерского городка в западной Пенсильвании. Ее отец много лет назад погиб в шахте в результате обвала. Мать уехала с музыкантом из джаза, оставив девочку на попечение соседей. «Ньюс» пускалась в пространные рассуждения о том, почему враг Муна избрал девушку возможным орудием убийства.

Члены комиссии, присудившей Муну премию по литературе, не узнали бы его в нарисованном в «Ньюс» портрете. Он упоминался в деле о разводе: французский министр покончил с собой, оставив записку о том, что его довели до этого опубликованные в печати статьи Муна; история Виолы Брук также приводилась на страницах «Ньюс», причем с некоторыми подробностями. Так, рассказывалось, что после второго акта пьесы, дававшейся в одном из лондонских театров, она ушла со сцены в свою гримуборную, а когда ее пришли звать на выход в третьем акте, комната была пуста. С той минуты никто больше ее не видел. Газета также поместила сведения о возбуждении против Муна дела о клевете, которое тот выиграл. Венцом всего была история Уоррена Мак-Айвера, трагически завершившаяся его самоубийством.

Джон читал эту статью как замороженный, боясь поверить своим глазам. Впервые в печати высказывалось предположение, что его отец, возможно, говорил правду. «Ньюс» не церемонилась в своем отношении к Муну. Из всего сказанного в газете следовало, что Мун отпетый негодяй.

В другой газете Джон прочел колонку «Сторм-центр». Уиллард Сторм утверждал свое преимущество перед другими репортерами. Он был другом Муна, вхож в его дом и знал все это дело изнутри. Он характеризовал Муна как одаренного, великодушного человека, жертву зависти менее способных людей, журналиста, борца, который оказывал благотворное влияние на многих сильных мира сего. Сторм подчеркивал мужество Муна. Несмотря на письмо, раскрывающее заговор против него, Мун не собирается отменять свой день рождения. Он никогда не бежал от опасностей! Не побегит и теперь. Колонка заканчивалась грозным предупреждением мэру, главному прокурору, комиссару полиции и администрации отеля «Бомонд» о том, что они отвечают за безопасность Великого Человека. Читателю оставалось только предположить, что предупреждение привело всех этих лиц в сильнейший трепет...

Джон отложил газеты и допил давно остывший кофе. Кто-то, очевидно, совсем рядом, тоже прочитал эти газеты. Но ни в одной из них не было даже туманного намека на предположение относительно человека, заплатившего Памеле Прим за то, чего она в конечном итоге не смогла выполнить. «Ньюс» поставила другой вопрос: «Теперь, когда Памелы Прим нет в живых, не попытается ли враг Муна найти себе другого наемника?»

Джон Уилз мог бы ответить на этот вопрос.

Удивительный Пьер Шамбрэн приветствовал Джона тепло и непринужденно.

— А я вас как раз и жду, Уилз!

Взгляд Джона остановился на высокой рыжеволосой девушке, сидевшей на краешке Шамбренова стола. Лицо ее показалось ему знакомым.

— Оправились после ушиба? — спросила она.

— Ушиба?

— Ну и ну! Не очень лестно для меня, должна сказать, — заметила Элисон. — Обычно молодые люди, столкнувшись со мной, не забывают об этом.

— О, Господи! Вчера утром, — вспомнил Джон, — в приемной.

Шамбрэн стоял у сервировочного столика, наливая себе свой неизменный кофе.

— Плохое начало, Уилз, — сказал он. — Это наш пресс-секретарь мисс Барнвелл! Я собирался поручить вас ей, но должен сказать, что, если вы могли встретить Элисон и забыть об этом...

— Пожалейте человека, — попросила Элисон.

Джон не помнил, чтобы кто-нибудь так искренно и дружески улыбался ему, как эта мисс Барнвелл.

— Я сама дрожала от страха, когда в первый раз пришла к вам, мистер Шамбрэн, — сказала девушка, улыбаясь. — Если бы со мной столкнулся сам Рок Халсон, я бы его не узнала!

Шамбрэн, посмеиваясь, сел за стол.

— Ну так вот, Уилз, вчера вы включились в первоклассный спектакль.

— Полагаю, весь этот шум — большое зло для отеля, — сказал Джон, кивнув на кучу газет на столе.

Шамбрэн засмеялся.

— Элисон мучает та же мысль. Скандал вредит бизнесу: это закон игры. Но открою вам правду! Стоит разнести слухам, что кто-то отравился у вас, — и ваш ресторан наполовину опустеет. Стоит только шепнуть, что какой-то вор

выкрал из номера норковую шубу, — и половина гостей толпами покинет отель. Тухлая кровать или пропажа вещи, которую легко можно заменить другой, обратит их в бегство. Но если какой-нибудь нувориш застрелит девушку во время танцев в вашем бальном зале, у вас не будет отбоя от желающих снять номер в вашем отеле! Убийство, особенно убийство такой знаменитости, как Мун, было бы очень выгодно с точки зрения бизнеса. Я это знаю, и мой совет директоров это знает, хотя мы можем сколько угодно вопить и ломать руки. Публично мы скорбим по поводу такой возможности, но бизнес от этого только выигрывает.

— Это почти верх цинизма! — Элисон была шокирована.

— Что сделает отель, чтобы защитить Муна? — спросил Уилз.

Шамбрэн пожал плечами.

— Мы мало что можем! Отель кишит полицейскими. Он, конечно, не пустит их к себе в квартиру, но они толпятся в холле, поднимаются и спускаются на лифте, протирают наши кресла. Он прикрыт ими, как сеткой. А между тем все время бьет себя в грудь и кричит о своем бесстрашии. Кстати, сегодня он пригласил своих друзей в Гриль-бар. Надо будет сказать полиции, чтобы они не допустили скопления народа.

— Перед вашим приходом, Уилз, я спрашивала у мистера Шамбрена, как мне быть с представителями прессы.

— Деточка, — ответил Шамбрэн, — мне кажется, сегодня в бальном зале будет демонстрация мод. В Кристальной гостиной устраивается прием для тунисского посла. Завтра организуется обед для Лиги женщин-избирателей. В четверг — прием у старой миссис Хейвен в пентхаусе «Л», на котором она объявит, что дарует земельный участок для нового кладбища собак. Все эти мероприятия как раз в вашей компетенции, Элисон!

— Вы прекрасно знаете, что я спрашиваю, как быть с Муном! — рассердилась Элисон.

— С Муном? — повторил Шамбрэн, поддразнивая ее. — С каким Муном? Ах, да, этим писателем, который в субботу дает званый вечер! Мистер Амато может дать вам для прессы массу пикантных подробностей об этом вечере. К тому же вы ведь говорили с самим Муном, не так ли?

— Говорила! — ответила Элисон так резко, что Джон с удивлением посмотрел на нее. — Но вы не знаете, о чем я вас спрашиваю, мистер Шамбрэн! Меня осаждают репортеры, и каждый требует какого-нибудь заявления со стороны

отеля о том, что у нас произошло и что происходит.

— По поводу смерти мисс Прим мы можем только выразить наше сожаление. А что касается угрозы Муну, никакого заявления мы сделать не можем. Это дело прокурора и полиции. Учтите, Элисон, *никакого* заявления! — Шамбрэн холодно улыбнулся. — Интересно, успеет ли хор Метрополитен Опера пропеть свое «Поздравляем с днем рождения»? Хотите пари? По доллару с каждого против двух моих!

— Каким бы он ни был подонком, не вижу ничего смешного в таких шутках, — сухо заметила Элисон.

— Вы должны воспитать в себе некоторую черствость, Элисон, если хотите заниматься нашим делом. — Шамбрэн посмотрел на нее отечески снисходительно, но тон его был серьезен. — Шутить над всем — часть нашего имиджа! Проявлять эмоции по поводу чего-либо — значит показывать свою слабость. Но шутки шутками, а в душе и я сентиментален. Я переживаю смерть этой девочки Прим, хотя никогда не знал ее. Вы читали, что раскопала про нее «Ньюс»?

Элисон утвердительно кивнула.

— Никаких шансов на будущее, — продолжал Шамбрэн. — Смерть отца. Дурная мать. Вероятно, никакого формального образования. Она только и могла, что показывать со сцены свое тело, а после каждого показа попадала в лапы какого-нибудь Джона с Бродвея. Возможно, она решила, что если уж попадать в лапы, то за деньги. Талантливое тело, но ум сентиментальной восьмилетней девочки — так, кажется, сказал про нее Мун. Как бы то ни было, она настолько ненавидела его и настолько хотела освободиться, что взяла десять тысяч от таинственного благодетеля и решила на убийство. Но в последний момент не нашла в себе сил выполнить эту задачу. Вы скажете — слабая, невротичная, неуравновешенная девушка. Но это по-человечески беспомощное существо. Я переживаю ее смерть. Мне жаль, что, не зная ее, я не мог вовремя ей помочь. Но Мун! — Губы Шамбрэна на миг сжались. — В нем нет ничего человеческого. Мисс Прим — не первая, кто покончил с собой. Был еще французский дипломат, возможно, и та английская актриса, и несчастный Мак-Айвер, дело которого было явно сострепано Муном. Это — только те, о ком мы знаем. А сколько еще жертв было за пятьдесят лет расчетливого садизма? Неужели вы действительно думаете, Элисон, что меня хоть немного беспокоит судьба такого человека? Так что, когда я шучу насчет того, успеет ли хор спеть «Поздравляем с днем рождения!» на его вечере, я просто

маскирую тайную надежду, что кто-нибудь под шумок выпустит из него кишки.

— Амины! — пробормотал Джон.

— Вы, мужчины, — растерянно произнесла Элисон.

Шамбрен усмехнулся.

— Предоставим Муну беспокоиться за свою жизнь, а если он умрет, обойдемся без цветов. И я не шучу! Ну, ладно, мисс Барнвелл, берите-ка мистера Уилза и покажите ему, как мы тут организуем площадку для игр богачей в Нью-Йорке.

Отдел, которым ведала Элисон, занимал три комнаты рядом с кабинетом Шамбрена.

— Итак, первое, что мы сделаем, Джонни, — закажем столик в Гриле и перекусим. Я бы не хотела пропустить первое публичное появление Муна, а вы?

Джон покачал головой. Он чувствовал себя как кролик перед удавом. Но рано или поздно он ведь должен встретиться с Муном лицом к лицу?

Элисон была совершенно права, когда говорила, что ее кабинет осаждают репортеры. Им пришлось буквально прокладывать себе путь сквозь толпу журналистов, громко требующих новых сведений. Наконец они вошли в кабинет Элисон и захлопнули за собой дверь.

— Хотела бы я хоть на пять минут напустить их всех на мистера Шамбрена, — усмехнулась Элисон. — Вряд ли ему пришло бы в голову шутить. Садитесь, Джонни. — Она сняла телефонную трубку. — Будьте добры, соедините меня с мистером Кардозой в Гриле! — Она взглянула на Джона. — Посмотрим, забыл ли он, как вы, мои женские чары? Это старший официант в Гриле. Добрый день, мистер Кардоза! Говорит Элисон Барнвелл. — Она прикрыла трубку рукой, пока тот что-то пространно говорил. — Не забыл! Ну, теперь главное испытание, — сказала она. — Мистер Кардоза, мне нужен столик на двоих сегодня. Да, я знаю, сегодня там званий завтрак... Зачем же еще, как вы думаете, я стала бы рисковать своей фигурой?.. Нет, это не приказ мистера Шамбрена. Это моя личная просьба, дорогой мистер Кардоза... Конечно, мы будем висеть на люстре, если необходимо... Спасибо вам большое, мистер Кардоза! Вы просто ангел. — Элисон опустила трубку. — Ну вот, все в порядке. Он рассыпался в обещаниях. Очевидно, я еще что-то имею на своем счету!..

— Вы прелестны! — улыбнулся Джон.

— Как далеко заходит ваша скромность, Джонни? — Она засмеялась. — Как видите, я заметила вас вчера, а это означает, что я не хотела, чтобы вы меня забыли. Что именно я, как пресс-секретарь, должна для вас сделать в этом выстланном плюшем аквариуме?

— Я и сам точно не знаю, — ответил Джон, избегая ее взгляда. — Я еще не готов задавать умные вопросы. Если я просто буду ходить за вами по пятам и смотреть, как работает вся эта машина?

— Ходите, Джонни! Вы не против, если я перейду на дружеский тон?

— Конечно, — с готовностью сказал он.

— У меня противная память, Джонни. — Улыбка угасла на губах девушки.

— Ну вот еще!

— Послушайте. Я открою вам свои секреты, Джонни, потому что я хочу того же с вашей стороны. Когда-то я была замужем за самым лучшим человеком на свете. Он погиб во время испытания бомбы в Неваде. Какое-то время я хотела умереть. Мне нравилось быть замужем. Нравилось, чтобы меня любили. Я знала, что никогда больше не полюблю и, если даже выйду замуж, это будет не то, совсем не то. Наконец я взяла себя за шкурку и пошла работать. Специальности у меня не было, но мне посчастливилось получить хорошее образование. Я попробовала стать репортером, но для этой работы я оказалась слишком женщиной. Я стала организатором рекламы для туристического агентства. Потом была модельером, работала в одной кинокомпании и наконец — здесь. Вот тут и возникает моя противная память. Противная, потому что напоминает о страшных вещах. После того как я вас впервые увидела, она напомнила мне что-то, что следовало забыть.

— Что?

— Фотографию молодого человека, выходящего из отдела кадров «Интернэшнл». Отец этого человека был специалистом по обезвреживанию бомб. Может, из-за каких-то моих собственных ассоциаций та фотография мне запомнилась. И история, связанная с ней, история человека, покончившего с собой после столкновения с Обри Муном.

Джон с трудом перевел дыхание.

— Ну вот, вы знаете — кто я!

— Знаю, Джонни. — Она мягко улыбнулась. — Я подумала, что должна вам это сказать, если мы собираемся провести вместе ближайшие несколько дней. А вы знаете, когда мистер Шамбрэн упомянул о вашем отце, вы побелели,

как бумага? Мистер Шамбрэн не заметил. Он был зачарован звучанием собственной речи.

— И вы ничего не сказали ему?

— Зачем? Как я теперь вспоминаю, вы легально изменили свое имя. Напоминание о том, что вы — Мак-Айвер, принесло бы вам много новых бед, не правда ли?

— Массу бед...

— Меня беспокоит другое, Джонни! Когда вы явились сюда изучать гостиничное дело, вы, должно быть, знали, что в этом отеле живет Обри Мун?

— Знал.

— Он может вас узнать?

— Не знаю.

— Во всяком случае, на одно вы можете рассчитывать: мистер Шамбрэн не выведет вас отсюда за ушко по первому требованию Муна. Джонни?

— Да?

— Джонни, вы здесь действительно для того, чтобы изучить наше дело?

У него сжалось сердце. Притворяться было поздно. Она застала его врасплох.

— Ваша память слишком настойчива, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

С минуту она молчала.

— Вы не хотите дать мне возможность понять вас, Джонни? — спокойно спросила она.

Он сидел, разглядывая свои руки, сжатые в кулаки. Симпатичные руки, сказала вчера эта девочка, мисс Стюарт. Почти наверняка она тоже знает, кто он. «Что бы вы ни сделали, я вас совершенно не знаю».

Он взглянул на Элисон и вдруг почувствовал, как больно сжалось горло. Его охватило страстное желание рассказать ей всю эту историю, все, до последней детали! С того дня, как погиб его отец, он ни с кем не говорил откровенно. Он не мог поделиться своим горем с матерью — ей и так было тяжело. За двенадцать лет он никому не мог объяснить, как глубоко ранило его самоубийство отца. Джону не с кем было поделиться собственным горем. Никто не знал, какие проклятья он выкрикивал по ночам в подушку в адрес Муна. Все это вновь поднялось в нем, когда он посмотрел в голубые глаза Элисон.

Он облизнул пересохшие губы.

— Я пришел сюда для того, чтобы убить его!..

И тут его прорвало... Элисон слушала его молча. На лице ее было выражение жалости и дружеского сочувствия.

— Это было бы не так уж трудно, — заключил он. — Я мог бы, не задумываясь, столкнуть его на рельсы в метро! Я еще не дошел до того, чтобы за ним охотиться, но, если бы представился случай, я бы его не упустил! Пять недель назад пришло письмо...

— Письмо? — задала Элисон первый вопрос.

— В моем номере лежит точная копия письма, которое нашли в сумочке Памелы Прим. Кроме того, что оно адресовано мне.

— Джонни!

— Деньги были в банке Уолтон Трест. Я не сразу взял их. Все это время, когда я твердил себе, что цивилизованный человек не может убить другого человека, даже если ненавидит его, я помнил об этих деньгах. А потом пошел и снял их со счета. Купил кое-что из одежды. Связался с Тони Вейлом в Лондоне и попросил его дать мне рекомендательное письмо к Шамберу. Я думал... не знаю, что я думал! Я хотел только осмотреться. Но я купил пистолет. И вот — все устроено, у меня впереди еще целая неделя для окончательного решения — вдруг это самоубийство... Какой-то сумасшедший решил во что бы то ни стало оборвать карьеру Муна в день его семидесятипятилетия, на его званом вечере. Этот кто-то думал, что его намерение осуществит Памела Прим. Что это сделаю я. А может, у него есть на примете еще кто-то третий? Очевидно, он все знает про меня, как знал про Памелу Прим. И я думаю, что он способен осуществить свои угрозы. Он пишет, что я не доживу до следующего вечера, если возьму деньги и не убью Муна...

— Значит, вы на минуточку сошли с рельсов и взяли эти деньги, — сказала Элисон тоном опытного сыщика. — Часть их вы потратили. Но вы не собираетесь делать то, что от вас хотят. Поэтому вы идете в полицию, вручаете им ваш экземпляр письма и помогаете в розыске сумасшедшего.

— Спасибо, что выслушали меня, — сказал он, роясь в карманах в поисках сигареты.

— Ведь именно это вы хотели сделать? — настойчиво спросила она.

— Я еще не решил до конца.

— А чего тут решать? — В ее голосе прозвучало нетерпение. — Мой дорогой Джонни, не ведите себя как герой плохого детектива, который не принимает совершенно очевидных мер для своего спасения. Итак, вы взяли деньги, чтобы убить человека, что, вероятно, ставит вас в какой-то мере вне закона. Но если вы придете к лейтенанту Харди, покажете ему письмо, сдадите револьвер, предложите ему

свою помощь — думаю, они отнесутся к вам снисходительно!

— Как я могу им помочь?

— Одно то, что вы отдадите им ваше письмо, — уже помощь! Это письмо говорит о том, что Мун в гораздо большей опасности, чем они думают.

— Значит, я буду помогать спасать Муна? — сказал он с горькой усмешкой.

— Джонни, Джонни, Джонни! Вы будете помогать самому себе! Вы позволили себе двенадцать лет жить как герой мелодрамы. Пора это прекратить! Вы должны говорить с людьми так же, как говорили со мной. Вы не должны играть роль мальчика для битья в истории Муна. Будьте мужчиной, Джонни! Поднимитесь к себе, возьмите письмо и револьвер и принесите их сюда. А я поищу Харди, он где-то здесь, в отеле.

Джон встал. Он почувствовал, будто гора с плеч свалилась.

— Вы всегда играете роль матери-наставницы, Элисон? — спросил он.

— Если вы будете говорить обо мне как о «матери», мой мальчик, можете покинуть этот кабинет и никогда в нем не показываться! — Ее улыбка согрела его. — Господь с вами, Джонни! Вы ведь знаете, что это именно то, что вам нужно?!

Лейтенант Харди слушал с таким видом, будто не верит ни одному слову из того, что слышит. Пока Джон говорил, он время от времени заглядывал в письмо, потом переводил взгляд на револьвер.

Наконец Джон умолк.

— Это самая фантастическая история, какую я когда-либо слышал, — сказал Харди, с подозрением взглянув на Элисон. — Это случайно не какой-нибудь способ сделать рекламу, мисс Барнвелл?

Но Харди уже знал, что это не так. Он заметил, поднеся письмо к свету, что оно напечатано на той же бумаге, с теми же водяными знаками, что и письмо, адресованное мисс Прим. Кроме того, он был хорошо знаком с историей капитана Уоррена Мак-Айвера. Если Уилз — мошенник, он не выбрал бы для своей аферы историю, к которой имеет самое непосредственное отношение. Нет, как ни дико все это звучит, молодой мистер Уилз говорит правду!

— Смею надеяться, что проверка подтвердит ваше сообщение, — сказал Харди. — Банк — это темное дело. — Он

внимательно посмотрел на Джона.— Кто еще об этом знает?

— Только мисс Барнвелл.

— Против вас могут выдвинуть обвинения в заговоре с целью убийства.— Никто не отреагировал на это замечание Харди. И тогда он встал и начал мерять шагами кабинет Элисон.— Вы думаете, эти угрозы в письме имеют реальный вес, Уилз?

— А вы на моем месте стали бы рисковать, считая, что в них нет реальной опасности?

Харди вздохнул.

— Значит, у нас нет выбора, не так ли? А я вам скажу, что в этом деле нужен не сыщик, а психоаналитик! Просто непостижимо, что такой разумный парень, как вы, мог шататься по городу целых пять недель, решая, следует ли ему взять эти деньги и убить человека! Неужели вы не понимали, что вас хотят подвести под монастырь? Тот, кто готов потратить столько денег, наверняка хочет обеспечить себе выгоду от такого дела. Вот он и решил использовать Прим, вас, кого-нибудь еще, чтобы убрать врага, а самому умыть руки! И где мы найдем этого подонка? Ну, допустим, мы пойдем на Главпочтамт и проверим почтовый ящик, указанный в обратном адресе на конверте. Но как мы узнаем, кто арендовал тот ящик? Кто-то заплатил за него и воспользовался им, но кто? Если этот тип решил действовать инкогнито, он и останется инкогнито.

— Я считаю, он должен быть здесь, в гостинице,— сказал Джон.— Он должен следить за мной и за другими. Если имеешь дело с марионетками, нужно быть рядом, чтобы управлять ими.

— Вы очень хотите, чтобы этого типа поймали?

Джон взглянул на Элисон.

— Конечно, если вы спрашиваете, хочу ли я жить и после той субботы.

— Вы явились сюда с почти твердым намерением убить человека,— сказал Харди.— Готовы ли вы на некоторый риск, чтобы спасти свою жизнь?

— Какой именно?

Харди взорвался.

— Почему я знаю? Это же просто сумасшедший дом! Тут все непредсказуемо. Этот Мун в своем идиотском китайском будуаре улыбается, как сиамский кот, и будто вызов нам бросает — мол, защищайте меня! Может, нам следовало бы привести вас к нему вместе с вашим письмом и сказать: посмотри, корешок, револьвер-то и в самом деле заряжен! —

Глаза Харди сузились. — А может, наоборот, надо молчать обо всем этом. — Он свирепо взглянул на Элисон. — Сколько вы способны держать язык за зубами, мисс Барнвелл?

— Сколько понадобится, лейтенант!

— О'кей! Допустим, мы сделаем вид, будто ничего не случилось. Вы, Уилз, ничего нам не рассказывали. Вы все тот же потенциальный убийца, что и утром. Вы зондируете почву, изучая постепенно дела в большом отеле. О письме никто не знает. Может, этот тип чем-нибудь себя выдаст? Может, захочет напомнить вам, что срок истекает? Заговорит с вами в баре. Позвонит в номер по телефону. Подсунет под дверь записку. Словом, как-то проявится. Может быть, это наведет нас на след. А может, мы перехитрим сами себя, и кто-то толкнет вас в шахту лифта. Тот, кто так хорошо осведомлен о вашем прошлом, Уилз, о жизни малышки Прим, может также знать, что мы сидим сейчас втроем и готовим ему ловушку. — Он взглянул на телефон внутренней связи на столе Элисон. Тот был выключен.

— И очень может быть, вы обнаружите его после того, как вытащите меня из шахты, — сказал Джон.

— Если бы я мог гарантировать целесообразность риска, — ответил Харди, — я бы заставил вас рисковать, вместо того чтобы просить вас сделать это добровольно.

Джон посмотрел на Элисон. Она была явно испугана. Его сердце забилось чуть быстрее. Значит, он ей не совсем безразличен.

— Я согласен на ваш план, — сказал он лейтенанту.

ЧАСТЬ III

Глава 1

Есть большая разница между подготовкой рискованного плана в уютном кабинете Элисон и осуществлением этого плана на практике. Одно дело сказать: «Да, я согласен быть сыром в мышеловке», — и совсем другое — стать действительно такой приманкой.

Джон Уилз никогда не был трусом, но преследования, которым он подвергался последние двенадцать лет, превратили его в законченного пессимиста. Он уверовал в неизбежность своего поражения в борьбе против Муна. И вот в течение всего лишь одного часа произошло два события. В разговоре с Элисон он неожиданно нашел выход чувствам, которые уже достигли критической точки. В Харди он на-

шел союзника, который предложил ему рискованный шанс навсегда вырваться из онутавшей его сети. Слабый огонек надежды засветился, как пламя свечи в далеком окне.

Харди ушел, оставив их вдвоем с Элисон. Лейтенант решил установить наблюдение за Джоном. Два или три человека будут охранять его и следить за каждым, кто проявит к нему интерес. Эти сыщики, плюс охранники в распоряжении Джерри Додда, будут в состоянии постоянной готовности. Через пятнадцать минут они все соберутся в вестибюле, и Харди покажет им Джона.

— Вы должны знать наших людей, — сказал Джоу Харди перед уходом. — Мы не хотим, чтобы вы зря тратили время, подозревая кого-нибудь из моих мальчиков.

Лейтенант был непреклонен еще в одном пункте. Никто, решительно никто не должен знать об их планах. Он особенно подчеркнул это для Элисон, которая собиралась предупредить мистера Шамбрена.

— Вы должны вести себя совершенно естественно, — говорил Харди. — Тот, кто запросто выбросил двадцать тысяч, готов подкупить кого угодно! Если посыльный, телефонистка, горничная подадут нашему другу хоть малейший намек на то, что вы не тот, за кого он вас принимает, то есть не его наемник, — все пропало!

— Вы не доверяете мистеру Шамброну? — спросила Элисон.

— Я не верю, что человек будет вести себя совершенно естественно, если будет посвящен в наши планы. Я и вам не верю, мисс Барнвелл, да только теперь с этим ничего не поделаешь! Наша единственная надежда, Уилз, в том, что наш друг считает, будто вы еще не пришли к окончательному решению и вас надо немножечко подтолкнуть. Вот на чем мы его и поймает, если действительно поймает.

— Я не уверен в том, что смогу вполне убедительно сыграть свою роль, зная, что у меня на спине нарисована мишень, — сказал Джон.

— Эта мишень уже давно у вас на спине, — возразил Харди, — но только сейчас вы это по-настоящему осознали, вот и все! Если будете вести себя немного нервно или нерешительно — тем лучше. Он решит, что вы все еще на распутье.

Харди ушел, чтобы организовать своих людей. Элисон взглянула на Джона. Ее лицо было тревожно.

— О, Джонни, во что я вас втравила?

— Дорогая Элисон. — Он хотел подойти к ней поближе,

но подумал и остался там, где был. — Помню, когда я был ребенком, отец сказал мне одну вещь. Мне было тогда десять лет, и нас с матерью эвакуировали из Лондона в Штаты. Прощаясь, отец сказал мне, хотя, как я теперь понимаю, слова предназначались моей матери: «Когда-нибудь, Джонни, ты поймешь, что человек сам по себе — только половина целого, словно банкнота, разорванная пополам. Он не имеет ценности сам по себе, если не найдется вторая половина. Я никогда не стану целым, Джонни, если ты не привезешь мне обратно вторую половину». Конечно, он имел в виду мою мать. У меня никогда не было второй половины, Элисон! Я знаю, вы мне помогли просто потому, что у вас доброе сердце. Я знаю, не я — ваша вторая половина. Но тем, что вы разделили со мной мою беду, вы заставили меня на минуту ощутить себя целым человеком. Спасибо вам!..

— Что я могу вам сказать на это? — промолвила она серьезно. — Если это помогло вам, я счастлива. Я знаю, как ково это, когда вторая половина утеряна навсегда...

Джон понял, что Элисон предлагала ему только дружбу, на большее надеяться не приходилось.

Через пятнадцать минут они спустились в вестибюль. Там было полно народу. Каким образом стало известно, что Обри Мун появится в Гриле? Для Джона это было загадкой. Может, через журналиста Уилларда Сторма? У входа в Гриль клубилась толпа, пытаясь дорваться до старшего официанта, мистера Кардозы, который стоял по ту сторону красного бархатного шнура и повторял, что в Гриле нет ни одного свободного места.

Как было условлено, Джон огляделся, ища в толпе Харди. Лейтенант стоял у газетного киоска и разговаривал с коренастым человеком. На миг их глаза встретились. Харди положил руку на плечо своего собеседника. Затем перешел на другую сторону вестибюля. Там у витрины разглядывал выставленные товары высокий худощавый человек. И вновь рука Харди на миг легла на его плечо. Этот маневр повторился еще два раза. Указав четвертого агента, Харди опять мельком взглянул на Джона и исчез.

— О, Господи, — тихо произнесла Элисон.

Джон обернулся и увидел, что к ним приближается очень странная старуха. Ее шляпа напоминала лоток фруктов, прикрытый легкой развевающейся тканью. Норковая шуба сияла в ярком свете люстр и выглядела на ее полной фигуре как просторная палатка. На руках у нее примостился черно-белый спаниель.

— Сумасшедшая из Шеллота, — сказала Элисон. — Ее

апартаменты рядом с квартирой Муна. Миссис Джордж Хейвен.

— Та самая, что интересуется кладбищами для собак?

— Та самая. Будьте ласковы с ней, и, ради Бога, Джон, поговорите с Тото,— это все, о чем Элисон успела его предупредить.

Миссис Хейвен надвинулась на них, как шхуна с развернутыми парусами.

— А-а, Барнвелл.— Ее голос прозвучал, как гул древних пушек. Люди оглядывались — и уже не могли отвести от нее глаз. Она была поистине музейным экспонатом.

— Доброе утро, миссис Хейвен! — приветствовала ее Элисон.— Как поживает маленький Тото?

— Сердится на меня,— ответила миссис Хейвен.— Не дала ему побегать, все только по делу. А он привык в это время гулять в парке.— Стеклообразные глаза остановились на лице Джона.— А это кто, мисс Барнвелл?

— Джон Уилз, миссис Хейвен,— почтительно ответила Элисон.

— Здравствуйте, миссис Хейвен,— сказал Джон старухе. Затем протянул руку и дотронулся до плоской головы спаниеля.— Хэллоу, старина! — В ответ спаниель снисходительно оскалил зубы.

— Я надеялась обсудить с вами мой завтрак, назначенный на четверг. Когда вы собираетесь опубликовать материал насчет нового кладбища?

— Могла бы я зайти к вам завтра утром?

— Если пробьетесь! — Миссис Хейвен огляделась. Вся ее облаченная в мех фигура выражала крайнее возмущение.— Этот нелепый Мун с его вечными историями! Я не могу дойти до дверей, не столкнувшись чуть ли не со всей манхеттенской полицией. Если он очень хочет, чтобы его убили, пусть делает это не так публично. Вас устроит десять часов, мисс Барнвелл?

— Конечно, миссис Хейвен!

Миссис Хейвен перевела на Джона свои стеклообразные глаза.

— Не может быть, чтобы в вас было только плохое, Уилз,— сказала она.

— Надеюсь, что нет! — ответил Джон.

— Разговаривал с Тото... Я всегда говорю, люди, которые любят собак, не могут быть абсолютно плохими! Вы должны как-нибудь прийти ко мне на чашку чая...

— С большим удовольствием,— сказал Джон.

— Ну, насчет удовольствия мы еще посмотрим! Так в

десять утра, мисс Барнвелл.— И она направилась к лифту, расправив паруса.

— Гав! — шепнула ей вслед Элисон.

— Спасибо за совет насчет Тото!

Элисон засмеялась.

— Она купила у нас свою квартиру семь месяцев назад и до сих пор не сказала ни слова мистеру Шамброну. Он ужасно раздосадован. Еще бы! Он — единственный из работников отеля, не удостоенный ее милостивого внимания. «Любишь меня — люби и мою собаку», — гласит поговорка. Видите ли, он ни разу не снизошел до того, чтобы поговорить с Тото! Ну ладно, пойдем к нашему столику, не то мистер Кардоза не сможет удержать его за нами. Вы способны пробиться сквозь эту толпу?

Работая локтями, они добрались до бархатного шнура. Мистер Кардоза, невозмутимый, как ледяное изваяние, пропустил их. Люди, оставшиеся по другую сторону шнура, проводили их ненавидящими взглядами, словно отпетых негодяев.

— Надеюсь, мисс Барнвелл, вы подарите мне за это вечер в театре, — сказал Кардоза, провожая их через уже наполненный зал к зарезервированному для них столу.

— О'кей, — согласилась Элисон.

Кардоза с улыбкой подвинул ей кресло.

— Я всегда знал, что у него две головы. Думаю, здесь вас не заденет ни одна шальная пуля.

— Вы всерьез считаете, что?..

— Нет, — сказал мистер Кардоза. — Я не думаю, что он пришел бы, если бы ему действительно грозила опасность. Прошу извинить меня...

Они едва уселись за свой столик, как послышался нарастающий гул голосов. Великий Человек шел через вестибюль. Через мгновение он появился у бархатного шнура мистера Кардозы.

Джон Уилз впервые увидел его во плоти. Он почувствовал, как напряглись мышцы и больно сжалась челюсть. В этот момент на его руку легла прохладная рука Элисон.

— Спокойно, Джонни, — сказала она.

Мун стоял в дверях, окидывая зал небрежным взглядом. На нем был превосходно сшитый темно-серый костюм, черно-белый жилет и пышный галстук-бабочка. Ему можно было дать лет пятьдесят. Левая рука слегка поглаживала усики. Правая скрывалась в кармане брюк. Он молчал, но все почти явственно слышали его мысли: «Ну-ну, лизоблюды, смотрите — я весь перед вами».

Джон отвернулся. Он вновь увидел перед собой измученное лицо отца, услышал его усталый, скорбный голос: «Я не знал, что приобрел врага, имеющего власть, влияние, а главное — деньги, и что он будет преследовать меня, пока кто-нибудь из нас не умрет...»

— Вот тот, похожий на невинного студента-второкурсника, — это Уиллард Сторм, журналист, — услышал Джон голос Элисон.

Он заставил себя обернуться. Мистер Кардоза с поклонами вел Муна к столу. За ним по пятам следовал молодой человек в очках с роговой оправой и очень модной, неуловимо наглой внешностью.

— Одной породы птички, — сказала Элисон. — В своем роде мистер Сторм — современная версия Обри в молодости.

Теперь они подошли к столу, отведенному для них в центре зала. Вокруг хлопотливо порхал мистер Кардоза. Джон заметил Шамбрена, стоявшего в дверях рядом с Харди и его людьми. Мун был под тщательным наблюдением. Джерри Додд и один из его помощников силой оттаскивали от входа какого-то фотографа.

— Мистер Шамбрен не допустит никакой шумихи, как бы она ни нравилась Муну, — сказала Элисон.

В этот момент черные глазки Муна заметили Элисон. Он улыбнулся насмешливой, издевательской улыбкой. Щеки Элисон вспыхнули. Джон уже хотел выразить свое возмущение, как вдруг почувствовал на себе пристальный, изучающий взгляд Муна. Насмешливая улыбка угасла, глаза превратились в узкие щелочки. Потом Мун повернулся и что-то сказал Уилларду Сторму. Тотчас журналист направил на Джона свои очки в роговой оправе.

— Кажется, он меня заметил, — сказал Джон.

— У нас свободная страна, — возразила Элисон. Она сердилась на себя за то, что покраснела.

Джон ждал, но ничего не происходило. Мун отвернулся и стал обсуждать с мистером Кардозой меню завтрака. Сторм вынул из кармана блокнот и начал что-то писать в нем, бросив взгляд на Джона.

— Мисс Барнвелл!

Джон поднял глаза на человека, остановившегося возле их столика. Когда-то он был красив, он и сейчас красив в профиль, подумал Джон. На нем были черный пиджак и полосатые брюки, под мышкой он держал папку с бумагами.

— Мистер Амато! Привет! Джон Уилз, познакомьтесь: мистер Амато, наш метрдотель.

Амато поклонился.

— Слышал о вас от Шамбрена, мистер Уилз! Он говорил, что вы интересуетесь устройством пиров и праздников. — Он слегка повернул голову в сторону Муна. — Можно подумать, это современный Гамлет. — Амато содрогнулся. — Может, сейчас не время, мисс Барнвелл, но Шамбрен сказал, что вас, возможно, интересуют некоторые детали субботнего вечера. Можно к вам присоединиться?

— Конечно, — сказала Элисон.

Амато придвинул третье кресло, уселся и раскрыл папку.

— Вот тут у меня меню. Может быть, вы используете некоторые подробности в сообщениях для печати?

— С днем рождения! — улыбнулась ему в ответ Элисон.

На лбу Амато выступили крошечные капельки пота.

— Будь он проклят, — пробормотал он.

— Ну, все не так уж плохо, мистер Амато!

— Будет в десять раз хуже, чем вы думаете. Все это возбуждение, вся эта шумиха превратят личный праздник в предмет национального, даже всемирного интереса. А посему Его Величество постарается сделать для нас это предприятие в двадцать раз труднее. Когда он в центре всеобщего внимания — он просто дьявол! Я-то воображал, что полиция убедит его отказаться от этой затеи.

— Они пытались, — сказала Элисон. — Быть в центре всеобщего внимания — это именно то, чего хочет наш мистер Мун.

— О, Господи, — вздохнул Амато. Он вытащил из нагрудного кармана шелковый платочек и вытер лоб.

— Но, мистер Амато, ваше дело — выбрать нужную еду и вина, вот и все! И, как говорит мистер Шамбрен, никто не сумел бы все это лучше организовать, чем вы.

— Вы не понимаете, — возразил Амато. — Ему невозможно угодить! Тут нечто большее, чем вина и купанья. — Взгляд, брошенный им в сторону центрального стола, был полон ненависти. — Все должно происходить с точностью хронометра! Закуски — ровно в восемь, ни на минуту раньше или позже. Тарелки должны быть убраны ровно через шесть минут. Должен быть подан сигнал одному из оркестров — музыка заглушит звон посуды. Через шесть минут — подать суп! И так далее, и тому подобное...

— Так вы представьте ему свое меню, он внесет свои исправления, а вы достаньте себе хронометр, — бодро сказала Элисон. — Раз начав, вы уже будете механически следовать установленному распорядку. Меню при вас, мистер Амато?

Амато кивнул и опять вытер лицо платком.

— Мечтаю посмотреть, как человек может потратить тридцать тысяч долларов на банкет для своих друзей,— сказала Элисон.

— Неужели это реальная сумма? — спросил Джон. — Мистер Шамбрэн называл эту цифру, но я подумал, что он просто преувеличивает для наглядности.

— Набежит и больше, — ответил Амато, — если включить подарки, устройство бара в фойе перед бальным залом, хор Метрополитен Опера.

Он вынул из папки несколько листов бумаги и протянул им. Джон поймал себя на том, что читает написанное с чувством какого-то благоговейного ужаса.

Большой бальный зал и гостиные.

Приглашение к 7 часам вечера.

Начало обеда в 8 часов вечера.

Около 250 гостей.

Ответственный: мистер Амато.

Далее следовало меню, включавшее:

холодные закуски шести сортов:

горячие закуски трех сортов.

Собственно обед — одиннадцать блюд на выбор, причем каждому блюду соответствовал определенный сорт вина. В качестве первого предлагался суп из хвостов кенгуру с вином «мадера специальная».

В заключение говорилось:

«Во время «Десерта Мун» будет исполнено «Поздравляем с днем рождения» силами двух оркестров и хора Метрополитен Опера.

Гостям, оставшимся после окончания обеда, в фойе бального зала будут предложены сэндвичи и шампанское».

К этому прилагался примерный подсчет стоимости всего мероприятия — 22 386 долларов.

— Конечно, — сказал мистер Амато, вытирая лицо платком, — если к этому добавить стоимость двух оркестров и хора Метрополитен Опера, золотые зажигалки и компактную пудру для всех гостей, понадобятся не меньше тридцати тысяч, чтобы покрыть эти расходы. Да, я забыл еще цветы с Гавайских островов, это по меньшей мере три тысячи долларов, сигареты с Суматры, художественные меню с ручной росписью, по пять долларов каждое. О, даже тридцать тысяч долларов будет мало!

— Вы начали составлять это меню и подсчитывать расходы вчера, в десять часов утра? — спросил Джон.

— Это моя работа, — пожал плечами Амато. Он был доволен произведенным впечатлением. — Но убедить мистера Муна принять все это — совсем другое дело!

— Вы никогда не пытались баллотироваться на пост президента Соединенных Штатов, мистер Амато? — спросил Джон. — Такие способности, такое владение цифрами. — Он восхищенно покачал головой. — Я буду агитировать за вас!

— Дорогой мистер Амато, — сказала Элисон. — А что такое «Десерт Мун»?

— Это праздничный торт, но весьма особого рода, — сказал явно польщенный Амато. — Он будет сделан в форме яхты мистера Муна. Искусственный лед, скрытый в контейнере в центре, создаст иллюзию дыма, выходящего из трубы. Иллюминаторы будут оснащены крошечными электрическими фонариками. Это будет настоящее произведение искусства.

— И в тот момент, когда Великий Человек вонзит в него нож, — продолжала Элисон с ноткой благоговения в голосе, — хор Метрополитен Опера запоем...

— «Поздравляем с днем рождения», — закончил Амато.

— Вот именно! С днем рождения, — шепотом произнес подошедший неслышно Кардоза. — Вас требуют пред Очи, Амато!

— Что? — Амато, как ужаленный, подскочил в своем кресле.

— Вас увидели и зовут. Прежде чем меню подвергнется огласке, он может внести в него какие-нибудь изменения. Вы, мисс Барнвелл, будьте любезны сопровождать Амато. Великий Человек приглашает вас выпить с ним стакан коктейля, прежде чем он приступит к завтраку.

— Прошу прощения, Джонни. — Элисон встала с кресла.

Джон наблюдал, как Элисон и потеющий от волнения и страха Амато подходят к столу Муна. В глазах любопытствующей публики это была премиленькая сценка. Мун сыграл ее с очаровательным изяществом. Он поднялся с кресла, взял неохотно протянутую руку Элисон, поднес ее к губам, а затем подвел девушку к креслу, заранее подвинутому предусмотрительным Кардозой.

Для мистера Амато кресла не нашлось. Он стоял, как провинившийся школьник, ожидая, пока Мун удостоит его

высочайшего внимания. А Мун не спешил. Он был в центре событий, к тому же Элисон была очаровательна.

Джон оглядел зал, ища взглядом того единственного человека, который мог бы наблюдать за ним. Но, насколько он мог судить, все взоры были устремлены к центру зала, и ни одна душа в Гриле не интересовалась никем, кроме Великого Человека.

Прежде чем томящийся мистер Амато дождался своей очереди, произошел один маленький эпизод, продливший его агонию. У входа в Гриль появилась Марго Стюарт. Помощник мистера Кардозы пропустил ее в зал. Она устремилась прямо к столику Муна, не глядя ни вправо, ни влево. На ней было то «выходное черное платье», которое имеет в своем гардеробе каждая девушка, состоящая на службе. Джон не мог хорошенько разглядеть ее, но был уверен, что после вчерашнего она чувствует себя отвратительно.

Подойдя к Муну, она вручила ему лист бумаги. Он взглянул на нее с таким выражением, будто от одного ее вида ему стало плохо. Появление Марго разрушило очарование, которое он создавал, играя роль престарелого, но галантного Дон-Жуана. Он взглянул на записку, нетерпеливым жестом дал Марго понять, что она может идти, и снова повернулся к Элисон.

Марго Стюарт двинулась по боковому проходу между столиками, путь ее неминуемо лежал мимо столика Джона Уилза. Она смотрела на него с таким выражением, будто он был частью стенной росписи, ничем не выдавая того, что видела его раньше. Может, вчерашняя встреча просто вылетела из ее головы? Ведь она была пьяна до бесчувствия. Поравнявшись с его столиком, она мимоходом задела его, уронив на его колени маленький смятый клочок бумаги.

Джон быстро оглянулся на Муна. Ни Мун, ни Уиллард Сторм не обратили ни малейшего внимания на уход Марго. Мун заказывал Кардозе коктейль, Сторм пытался очаровать Элисон.

Не поднимая с колен записку, Джон развернул ее.

«Могу я вас видеть? Только не звоните в пентхаус „М“. М. С.».

Джон медленно повернулся к выходу. Но Марго Стюарт уже исчезла в толпе, все еще клубившейся по ту сторону бархатного шнура.

Между тем Великий Человек наконец-то снизошел до мистера Амато. По всему было видно, что происходит избивание несчастного устроителя банкетов. Лицо Амато из баг-

рово-красного стало пепельно-серым. Дрожащими руками он подал Муну и Сторму копии меню.

Именно в этот момент неизвестно откуда появился Пьер Шамбрэн, спокойный, улыбающийся, непринужденный, и стал рядом с Амато.

Все это было похоже на немой фильм без титров. Мун что-то резко и сердито сказал Шамбрэну. Тот ответил с улыбкой. Мун разразился какой-то тирадой и сделал жест в сторону Джона. Сторм и Элисон обернулись и посмотрели на Джона. Шамбрэн продолжал слушать с невозмутимым видом. Когда Мун, наконец, выдохся, Шамбрэн что-то сказал Амато, а потом Элисон. Амато мгновенно ретировался, оставив Шамбрэну свою папку. Элисон поднялась с кресла, что-то вежливо сказала Муну и направилась к Джону.

— Ух, этот тип! — выдохнула она, усаживаясь на свое кресло.

Тут же появился мистер Кардоза с двумя порциями martinis, которые они не заказывали.

— Двойные, мисс Барнвелл, — сказал он весело. — А каков наш Шамбрэн? Настоящий пареня!

— Да, — согласилась Элисон. Она повернулась к Джону. — Мистер Кардоза извинит нас, если мы пойдем выпьем и закусим где-нибудь в другом месте. Да, Джонни? Здесь я просто задыхаюсь!

— Разумеется, мисс Барнвелл, — сказал Кардоза. — Если хотите, я велю официанту отнести что-нибудь в ваш офис. — Он усмехнулся. — Там, у входа, одна пара так и размахивает пачкой долларов, чтобы я устроил им столик. Я сделаю бизнес, отдав им ваши места.

Элисон положила руку на плечо Кардозы, потом быстро пошла к выходу. Джон последовал за ней. Краем глаза он видел, что Мун все разносит Шамбрэна, а тот слушает его с таким видом, словно все это доставляет ему истинное удовольствие.

Они пробились через толпу и молча поднялись на четвертый этаж, в кабинет Элисон.

— Нет, все-таки Мун — это нечто невообразимое! — с гневом сказала Элисон. — Каждый взгляд его — оскорбление. Он ухитрился в присутствии Амато и Сторма сделать намеки на какие-то отношения между нами. Я уверена, что Сторм думает, будто в свободное время я ублажаю эту тварь!

Элисон отвернулась. У Джона мелькнула мысль, что она вот-вот расплачется. Вместо этого она с силой ударила кулаком по столу.

— Грязный подонок! — с ненавистью сказала она. Потом повернулась к Джону. — Простите, Джонни...

Он понимающе усмехнулся.

— Можете повторить, если хотите!

— Джонни, дело плохо...

— Мун узнал меня? — спросил Джон, и губы его сжались.

— Узнал, объяснил Сторму, кто вы, пожурил меня за то, что я завтракаю с его врагом. А под конец обвинил Шамбрена в том, что он укрывает в своем отеле потенциальных убийц.

— А Шамбрен?

— Он знает, кто вы. А если даже и не знал, то дивно притворялся. Он — прелесть! И откуда он взялся так неожиданно? Мун обращается с Амато, как нельзя обращаться с собакой, — и вдруг появляется Шамбрэн. «В таком важном деле, как ваш день рождения, мистер Мун, я не хочу оставлять детали на усмотрение моих подчиненных, — сказал он. — Бегите, Амато!»

— Ну и бежал же он!

— «Я также передам мисс Барнвелл ваши пожелания по поводу освещения этого события в прессе, — сказал потом Шамбрэн. — Мы не должны отрывать ее от гостя». Тут Мун как закричит: «Да вы знаете, кто он такой? Это же потенциальный убийца, от которого вы должны меня защищать!» Я так обалдела, Джонни, что не могла сразу вступить, но Шамбрэн меня опередил: «Это Джон Уилз. Изучает гостиничное дело. Сын человека, который из-за вас пустил себе пулю в лоб». «И вы позволяете ему вникать в дела отеля, понимая, что он вполне может меня убить?» — завопил Мун. «А разве есть правило, по которому в отель «Бомонд» допускаются только те, кто вас любит?» — ответил Шамбрэн. На этом я и ушла, Джонни!

В дверь постучали.

— Наверное, наши мартини, — предположила Элисон.

Джон открыл дверь и остолбенел. Перед ним, перекинув через руку салфетку и держа поднос с тремя наполненными стаканами и горячими бутербродами на блюде, стоял Шамбрэн.

— Могу я обслужить вас, сэр? — спросил Шамбрэн. Глаза его смеялись. Как заправский официант, он внес поднос в кабинет Элисон и поставил его на стол. Поклонившись, он подал стакан Элисон и помахал Джону:

— Угощайтесь, сэр!

Потом вдруг стал серьезен.

— Маленький тост! — сказал он и поднял свой стакан. — Выпьем за отделение овец от козлищ! Кстати, говоря о козлищах, я имею в виду вашего потенциального поклонника, Элисон. Да, я знаю, кто вы, Джон Уилз!

«Вот так», — подумал Джон.

Шамбрэн вынул из серебряного портсигара свою любимую египетскую папиросу. Джон, стараясь унять дрожь в руках, поднес ему зажигалку. Сквозь облачко дыма на него внимательно смотрели темные глаза Шамбрэна.

— Преподам-ка я вам урок по ведению отель-бизнеса. — Шамбрэн снял с блюда крышку. Множество секций было заполнено маленькими сэндвичами с рыбой, копчеными колбасками, запеченными в тесте устрицами. Элисон отрицательно покачала головой, отклоняя угощение. Шамбрэн подцепил себе рыбный сэндвич на палочке.

— Вы не можете, дети, выполнять такую работу, как моя, если не знаете всего, что вам положено знать, и многое из того, чего вам знать не положено. Обри Мун — это мой крест. И чтобы успешно нести этот крест, я должен знать о нем все, что только возможно. Нельзя допустить, чтобы Мун застал меня врасплох! При нашей первой встрече, Джон, я вычислил вас через несколько минут. Вы сын покойного Уоррена Мак-Айвера. Естественно, у меня сразу же возник вопрос, насколько правдива ваша версия насчет изучения гостиничного дела.

— Нет, — начал Джон. — Я...

Мягким жестом Шамбрэн остановил его.

— Я решил, что, возможно, вы говорите правду, и не хотел ставить вам препятствия. У вас их и так было достаточно. Но потом я понял, что ошибся. Это было сегодня, когда я узнал, что вы, Элисон и лейтенант Харди вступили между собой в некий заговор.

— Вы и это знаете? — спросила Элисон тонким голоском.

— Когда я не буду знать, что происходит в моем собственном отеле, я уйду в отставку! Не спрашивайте, как я об этом узнал. Но одно вам должно быть ясно — в моем штате есть люди, которым я доверяю на все сто процентов. — И он взглянул на Элисон с лукавой улыбкой.

— Простите меня, мистер Шамбрэн. — Элисон покраснела. — Я...

— Вы благородно старались облегчить участь человека, — сказал Шамбрэн. — Вы считали, что не имеете права рассказать мне об этом. Я не обижаюсь! Но приходится иметь и таких помощников, которые говорят мне все, не рассуждая. — Он повернулся к Джону. — Есть только один

способ бороться против денег, если вы сами их не имеете. Это требует особого рода ловкости и цинизма. Если бы ваш отец в свое время знал этот секрет, он был бы сейчас командующим войсками НАТО. Хотите, открою секрет?

Джон кивнул.

— Неважно, богат человек и влиятелен или беден, у него всегда есть определенные слабости. Так вот, Джон, следите за ним до тех пор, пока не нащупаете его ахиллесову пятую...

— И используйте его слабость против него самого?

— Отнюдь нет, дорогой мой! В этом и заключается мой секрет. Никогда не пользуйтесь открыто его слабостью. Знайте о ней про себя, храните свое знание как драгоценную тайну. Только дайте ему понять, что вы ее знаете. Вот тут-то, Джон, ваш отец и совершил ошибку! Он открыл свой секрет — заявил всему миру, что Обри Мун — трус. Если бы он держал свой секрет при себе, но шепнул бы при случае Муну про ту историю во время пожара, Мун много бы дал, чтобы эта история осталась тайной. Тогда, пожалуй, ваш отец мог бы командовать войсками НАТО. Мун сделал бы это, вместо того чтобы использовать свои деньги и могущество против вашего отца. Ошибка Мак-Айвера заключалась в том, что он раскрыл свои карты до совершения сделки.

— Вы не зря говорили о цинизме, — пробормотала Элисон.

— Конечно, деточка! Это борьба за выживание. Я не думаю, что в этом здании есть хоть один человек, о котором бы я не знал того, что он очень хотел бы скрыть. Узнавать такие вещи — моя задача. Я знаю, кто из мужчин обманывает своих жен и кто из жен обманывает своих мужей. В повседневной жизни это может дать мне не больше, чем вежливое приветствие тех, кто в других обстоятельствах просто бы меня игнорировал. Но в более серьезных случаях это окупается с лихвой. — Шамбрэн усмехнулся. Он вытер пальцы бумажной салфеткой и направился к выходу.

— Вопросы есть, дети мои?

— Что вы имеете против Муна? — спросил Джон.

— Мун — случай уникальный. Вот уже четверть века, как его грехи стали общенародной собственностью. Он сумел обратить их в свою пользу. Он знает технику тайного шантажа не хуже, чем я. Если он знает что-нибудь за вами, Джон, советую вам уйти в тень. — Шамбрэн помедлил, колеблясь. — Поскольку я тоже знаю кое-что о вас, Джон, было бы неплохо узнать и все остальное. Но, как я полагаю, лейтенант взял с вас слово молчать?..

Шамбрэн ласково улыбнулся Джону, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

— Удивительный человек, — задумчиво произнесла Элисон.

Глава 2

Пять минут спустя в кабинете Элисон появился лейтенант Харди. Его направил туда Джерри Додд, которому позвонил по телефону Джон.

Харди был свидетелем того, что происходило в Гриле, так что Джону не пришлось ему ничего рассказывать.

— Что вы там видели, кроме этого, так сказать, представления? — нетерпеливо спросил он.

— Я что-то не понимаю, — ответил Джон. — А что я там должен был видеть?

— Черт возьми, Уилз, предполагалось, что вы ищете заказчика, который заплатил вам десять тысяч долларов за убийство человека! Если наше предположение верно, то — десять против одного — он там был и наблюдал за спектаклем, устроенным Муном. Так что же вы видели?

— Боюсь, что, как и все в Гриле, только Муна и его компанию, — медленно покачал головой Джон. — К тому же мне сразу стало ясно, что он меня узнал и что-то сказал обо мне Сторму.

— Это я видел, — сказал Харди. — А что вы воображали? Что он травил вас двенадцать лет и не знал, как вы выглядите? Я это видел. И я видел вас и, если бы я заплатил за убийство Муна, остался бы очень доволен. Вы были воплощением ненависти! Наверняка мистер Х считает сейчас, что его вклад окупится. Но вы и мисс Барнвелл должны были, как мы условились, выследить этого парня. Кто-нибудь из вас хоть что-нибудь заметил?

— Боюсь, я настолько был захвачен личными переживаниями, что начисто забыл, зачем я там...

Харди кисло усмехнулся.

— А мисс Барнвелл сражалась за свою репутацию в глазах общества. Бьюсь об заклад, что и она ничего не видела!

— Спасибо, что по крайней мере оценили мое положение, — сказала Элисон.

— За последние сутки я кое-что узнал об этом заведении. — Харди потер подбородок. — Все выглядят совершенно одинаково. О, конечно, среди них есть тонкие и толстые,

высокие и низкие, брюнеты и блондины, но все они выглядят одинаково. Высший сорт! Элита! Позолоченные шкуры! Но кое у кого в этой позолоте есть трещины. У них та же ненасытная тяга к сплетням, к копанию в грязи, как у любого другого. Однако я не заметил того, кого искал. Того, кто следил за вами, Уилз! Я надеялся, что вы кого-нибудь заметили. Обычно слежку за собой чувствуешь кожей.

— Мне очень жаль, — сказал Джон. — Но я должен вам сказать кое-что. Ради этого я и просил вас прийти сюда. Во-первых, Шамбрен знает, кто я, и знает, что я в чем-то с вами сотрудничаю.

— То-то мне показалось, что он усмехнулся, когда я проходил мимо. Значит, он все знает? О деньгах, о письме, о том, что мы делаем?

— Мы ничего ему не говорили, — ответил Джон. — Он сам обо всем догадался. Он раскусил меня вскоре после нашей встречи. Он знал, что вы тут были и говорили с нами. Если он знает еще что-нибудь, то, во всяком случае, он об этом умолчал. Но у него есть свои способы узнавать, что к чему.

— Ну, я так и знал — что-нибудь обязательно просочится, — вздохнул Харди. — Такое уж это место. Ладно! Пусть узнает все сам. То, что мы делаем, останется по-прежнему тайной. Ладно! С этим все. Что же во-вторых?

Джон достал смятый клочок бумаги, который бросила ему Марго Стюарт в Гриле, и протянул его Харди.

— Во всей этой передрыге я совсем забыл вам рассказать о вчерашней встрече с этой девушкой в баре «Трапедия»...

И он кратко изложил Элисон и лейтенанту историю своего знакомства с Марго Стюарт.

— Так... — задумчиво протянул Харди. — И что вы обо всем этом думаете? Что ей от вас нужно?

— У меня создалось впечатление, что она знает, кто я. И почти наверняка не любит Муна. Я бы хотел с ней встретиться...

— Конечно, — ответил Харди. — Это необходимо. Разговаривайте с каждым, кто захочет с вами заговорить. Это единственный шанс добраться до нужного нам человека! Но в следующий раз держите себя в руках. В этом чертовом Гриле только один из присутствующих ничем не выдал своих чувств. Мун на секунду уронил свою маску — он занервничал и повысил голос. Сторм вел себя как голодный волк — так и ждал, когда со стола упадет какая-нибудь крошка грязи, которую он сможет опубликовать в своей ко-

лонке. Мисс Барнвелл была смущена и разгневана. Вы, Уилз, просто запылали при виде Муна. Официанты хотя и делали свое дело, но что-то бормотали друг другу. Посетители таращили глаза. И только один человек был абсолютно спокоен...

— Мистер Шамбрэн,— прошептала Элисон.

— Не в бровь, а в глаз, мисс Барнвелл! Он подошел к Муну, чтобы защитить вас и мистера Амато. Должно быть, он негодовал на Великого Человека за то, что тот устроил эту сцену. Он открыто говорит, что ненавидит Муна. Должно быть, он не раз получал по носу за те два года, что Мун живет здесь, в отеле.

— Вы хотите сказать, что Шамбрэн...— начал Джон.

— Я сказал только, что он был единственным, кого нельзя было читать, как книгу,— прервал его Харди, вставая.— Повидайтесь с Марго Стюарт и дайте мне знать, то там затевается. И перестаньте витать в облаках! Смотрите и слушайте, что происходит вокруг вас. Этот тип может догадаться, что от него отступились, и вы получите хороший удар в спину.

Встретиться с Марго Стюарт оказалось весьма непросто. Секретарша Муна жила в отеле, чтобы в любой момент, когда она могла понадобиться своему хозяину, оказаться рядом. Ходили слухи, что потребности Муна не всегда ограничиваются его литературными делами.

— Я никогда этому не верила,— сказала Элисон.— С тех пор как я здесь, она пьет все чаще и больше! Мне кажется, что она тоже попала в одну из ловушек Муна. Послушайте, Джонни, я могла бы позвонить в пентхаус! Что-нибудь насчет освещения праздника в печати. И вызвать Марго сюда, в кабинет!

Телефонистка, получившая указания не соединять никого напрямую с пентхаусом «М», сообщила, что мисс Стюарт нет на месте. Не ответила та и на звонок в ее номер.

Элисон предстояло дать в печать материал о демонстрации мод, которая проходила в бальном зале. Джон спустился с ней. В вестибюле он пообщался с Джерри Доддом. Джерри сказал, что минут двадцать назад Марго Стюарт вышла на Пятую авеню.

— Примерно в это время она обычно уматывает в лавочку на Мэдисон-сквер записаться на ночь ликером. Она должна скоро вернуться — через 15—20 минут, если ее куда-нибудь не занесет.

Джона покорило — да, здесь каждый знает самые интимные подробности жизни обитателей отеля.

— Пойдемте со мной, посмотрим на красивых девушек, — предложила Элисон. — Джерри позовет вас, когда она вернется.

— Это можно, — согласился Джерри.

В бальном зале происходило представление парижских моделей вечерних платьев. Зал был залит ослепительным белым светом. За столиками сидели люди, записывая что-то в блокнотах. Человек с сильным французским акцентом представлял публике каждое платье. Джон смотрел, как манекенщицы с белыми, будто мел, лицами спускались с эстрады, глядя невидящими, но провоцирующими глазами на мужчин. Ему вспомнились слова Харди. Эти манекенщицы, как и завсегдатаи отеля «Бомонд», были похожи друг на друга, как две капли воды.

Джону стало скучно. Элисон как пресс-секретарь обязана общаться с этими людьми, а ему здесь делать нечего!

В вестибюле было пустынно. Джерри в ответ на вопросительный взгляд Джона покачал головой. Джон уселся в кресло, с которого прекрасно просматривался весь вестибюль, вытащил сигареты и щелкнул зажигалкой.

— Добрый вечер, мистер Уилз! — приветствовал его незнакомый голос.

Джон поднял глаза. Рядом с ним, улыбаясь, стоял невысокий смуглый человек в дорогом черном костюме, чуть-чуть слишком облегающем его фигуру. Его улыбка была тоже как будто слишком ослепительна. Кожа имела кофейный оттенок. Речь звучала по-европейски, но с легким акцентом. Он опирался на черную трость с тяжелым серебряным набалдашником.

— Мое имя Гамайэль, мистер Уилз! Осман Гамайэль. У меня к вам поручение.

Сердце Джона учащенно забилося. Вот оно!

— Слушаю вас, мистер Гамайэль, — учтиво сказал он. Гамайэль улыбался.

— Сейчас не время для чашки чая, мистер Уилз, но миссис Хейвен подумала, что вы не откажетесь от рюмочки после ваших переживаний в Гриле!

Джон вздохнул. Эта ненормальная старуха!

— Очень сожалею, — ответил он. — Поблагодарите за меня миссис Хейвен. Я, к сожалению, вынужден отказаться. Я жду одного человека...

— Полагаю, вы нашли бы разговор с миссис Хейвен весьма полезным для себя, мистер Мак-Айвер!

Джон вздрогнул.

— Вы знаете, кто я?

— Знаю, мистер Уилз, — раз уж вы предпочитаете называть себя Уилзом. Может быть, я знаю даже, зачем вы остановились в этой гостинице. Ну так как, поднимемся к миссис Хейвен?

Джон колебался.

— Я и в самом деле жду кое-кого. Не возражаете, если я оставлю свои координаты администратору?

Блестящие черные глаза Гамайэля весело заискрились.

— Мой дорогой мистер Уилз, конечно же, оставьте! За вами бдительно следят трое городских сыщиков и бдительный мистер Додд. Разве я осмелился бы столь открыто приглашать вас, если бы мы задумали не дружескую беседу, а что-нибудь дурное? Видите ли, все мы — члены одного клуба. Вы, миссис Хейвен, я...

— Клуба?

— Клуба Ж. О. М. — Жертв Обри Муна.

Предупредив Джерри Додда, где его можно найти, Джон последовал за Гамайэлем. Лицо его было утрюмо. То, что он сын Уоррена Мак-Айвера, — уже ни для кого не секрет. В ту секунду, когда Мун сказал это Уилларду Стому, сей факт стал всеобщим достоянием. Но когда успел Стом сообщить об этом Гамайэлю?

Они поднялись на крышу. Оба молчали. Гамайэль, опираясь на трость, загадочно улыбался.

Дверной звонок в пентхаус «Л» прозвучал на глубокой низкой ноте, как редуцированная копия Биг Бена. Дверь открылась почти мгновенно. Перед ними была сама миссис Хейвен в домашнем платье с фантастическим обилием кружев, которые выглядели как деталь маскарадного костюма.

— Вы очень добры, миссис Хейвен, — начал Джон.

— Входите, Уилз, — прервала его старая дама. — Как я вам давеча сказала, это мы еще увидим!

Джон и Гамайэль последовали за ней. Старуха расправила паруса и поплыла в комнату.

Джон остолбенел. Он никогда не видел ничего подобного. Комната напоминала антикварную лавку, торгующую старьем и рухлядью. Насколько он мог судить, в ней было раза в два больше мебели, чем она могла вместить, большей частью — викторианской эпохи. Тяжелые портьеры из красного бархата закрывали окна. Вокруг были разбросаны воскресные газеты, по-видимому, не менее чем за шесть месяцев. Полки с книгами, штабеля томов на полу... Джон,

однако, заметил, что нигде не было ни пылинки. Вероятно, то, что для него казалось чудовищным, и было для хозяйки порядком. Если бы ее попросили найти «Таймс» за июнь прошлого года, она сделала бы это мгновенно.

Позади какого-то неопределенного предмета послышалось сопение. Там стояла корзинка Тото, и в ней на алой атласной подушке развалился маленький спаниель.

— Для чая, пожалуй, слишком рано, — сказала миссис Хейвен. — Большинство людей, хоть недолго живших в Англии, любят скотч с теплой водой или с содовой. Вы как, мистер Уилз?

— Я предпочитаю лед. С удовольствием выпил бы виски со льдом.

Гамайэль уселся в мягкое кресло. Он явно чувствовал себя здесь как дома. Миссис Хейвен подвинула большую клетку с двумя попугаями. Под ней оказался современный холодильник, выглядевший весьма странно в этой комнате. С большим знанием дела старуха приготовила Джону напиток, достала со стола, задвинутого за резной диванчик, стакан и бутылку.

— Надеюсь, это поможет вам оправиться от шока, в который вас привели мои апартаменты, мистер Уилз, — сказала она, протягивая Джону виски, — шока, который вы из вежливости стараетесь скрыть. Однако ваши манеры кое в чем изменили вам, молодой человек!

— Прошу прощения, — забормотал Джон. — Я...

— Вы не поздоровались с Тото! Он может обидеться...

Джон вспотел, внезапно ощутив, что в комнате страшно жарко, градусов тридцать, не меньше. С болезненной улыбкой, он повернулся к Тото:

— Привет, старина!

Тото заворчал и свернулся калачиком на своей атласной подушке.

Миссис Хейвен подала Гамайэлю изящный ликерный фужер с жидкостью, по цвету напоминающей персиковый сок. Себе она взяла старинный стакан, наполненный чем-то, похожим на неразведенный бурбон.

— За взаимопонимание! — Миссис Хейвен опрокинула стакан, отхлебнув сразу половину, и откинулась на высокую спинку кресла.

Джон подумал, что, наверное, много лет назад она была красавицей. Теперь она выглядела карикатурой на свое прошлое.

— Из того, что сказал Осман, вы, наверное, догадались,

что я пригласила вас сюда не для светской болтовни, Уилз!

— Во всяком случае, я понял, что я здесь не ради прекрасных глаз,— сухо сказал Джон.

— Не иронизируйте, Уилз! Мы все попали в адскую ситуацию.— Она отпила из своего стакана. От ее острых глаз не укрылось, что Джон следит за ней с недоумением.

— Моя бабка была трезвенницей,— сказала она.— Не допускала в своем доме ни капли ликера. Дед восполнял этот пробел в своем клубе. Но всю жизнь бабушка выпивала вечером стакан напитка под названием «Прюнелла». Девяносто процентов алкоголя. Она научила меня презирать все ненастоящее. Вот это, если вам интересно,— она подняла свой стакан,— настоящее стопроцентное виски из Кентукки. Цвет его происходит от специальных дубовых бочек, в которых его выдерживают. Я бы предложила и вам стаканчик, да боюсь, с непривычки ударит вам в голову. А теперь — к делу! Пожалуйста, Осман.

— Мистер Уилз, мы, конечно, составляем меньшую часть того клуба, о котором я упомянул,— начал он мягко.— Но мы оказались в таком положении, что имеем право действовать в этой крайней ситуации от лица всех членов.

— В крайней ситуации? — переспросил Джон.

— Переходите к делу, Осман! — резко сказала миссис Хейвен и повернулась к Джону.— Разумеется, нет никакого клуба и нет никаких членов. Но мы с вами, как, впрочем, и многие другие, на острове людоеда. Возможно, в данном случае людоед съел лишнее, но это слабое утешение для тех, кто попал к нему в суп.

— Меня еще не лишили слова? — невозмутимо спросил Гамайэль.

— Конечно нет! Я же сказала — переходите к делу. Неподвижная белозубая улыбка обратилась к Джону.

— У миссис Хейвен очень богатое воображение, мистер Уилз! Людоед, о котором она говорит, это, конечно, Мун. Остров людоеда — его мир, в котором живем и мы, нравится нам это или нет. Вы, дорогой Уилз, двенадцать лет были одним из ингредиентов в суповом котле нашего людоеда. Мун ел вас так же, как и нас...

— Осман! — прогудела миссис Хейвен.

— Я лишь пытаюсь объяснить мистеру Уилзу смысл вашей метафоры, дорогая!

— Ну ладно! Ближе к делу.

— Так вот. Ситуация такова: похоже, кто-то из членов клуба — смею вас уверить, нам совершенно неизвестный —

восстал. Развивая метафору миссис Хейвен, можно сказать, что один из ингредиентов в супе оказался неудобоваримым.

— Осман!

— Простите, дорогая! Вы нарисовали такую забавную картинку, что мне невольно хочется продолжать в том же духе. Итак, говоря прямо, сэр: кто-то намерен убить Обри, как мне кажется, в день его рождения, в субботу. В том, чтобы убить его именно в этот день, есть нечто символическое. И если бы этот неизвестный преуспел, то и вы, и я, и миссис Хейвен, и многие другие имели бы, на первый взгляд, все основания устроить свой собственный праздник. Мы ведь все давно желаем Обри смерти. Но — есть одно большое «но», мистер Уилз!

Жара и вся эта словесная вязь мешали Джону сосредоточиться. Страшно хотелось курить.

— Пожалуйста, курите, мистер Уилз, — сказала миссис Хейвен, будто прочитав его мысли. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Сам того не сознавая, он все это время теребил влажными пальцами пачку сигарет.

— Наша проблема — время, мистер Уилз. — Голос Гамайэля, казалось, доносился издалека. Этот ровный, плавный голос как будто гипнотизировал. — Если Обри будет убит в субботу вечером, очень многие из нас окажутся беззащитными. Наш людоед не оставит нас в покое, даже если умрет от несварения желудка!

— Осман! — Старая миссис Хейвен направила на Джона костлявый палец. — Пока вы не запутались во всем этом, Уилз, я задам вам один прямой вопрос. Нет, два вопроса! Вы здесь для того, чтобы убить Обри Муна? И если да, то делаете вы это по собственному желанию или как чей-то агент?

Джон помолчал, собираясь с мыслями. Вот оно! То, на что надеялись он и Харди. Вполне вероятно, что эта сумасшедшая старуха, живущая за двести тысяч долларов на куче старья, и ее восточный друг — именно те заговорщики, которые втянули его и Памелу Прим в эту историю.

Джон решил действовать осторожно.

— И вы думаете, что я признаюсь почти незнакомым людям в намерении убить человека? — сказал он.

— Я надеюсь на ваш здравый смысл! — резко произнесла миссис Хейвен. Ее пальцы, на которых сверкали бриллианты, нетерпеливо дрожали. — Я знаю про вас все, Уилз! И про вашего отца, и про то, что сделал с вами обоими Обри Мун. Если у вас появилась потребность убрать его с дороги, я вам сочувствую. Нам известно и другое: вам было абсо-

лютно негде достать десять тысяч, чтобы заплатить мисс Прим! Мы знаем также, что подобный образ действий — не в вашем духе. Если уж вы решились — вы сделаете это сами! Так вот, если вы работаете один, мы надеемся отговорить вас от вашей затеи. Если же вы работаете на того человека, который пытался подкупить мисс Прим, мы просим вас указать нам его, чтобы мы убедили его оставить эту идею.

— Значит, вы, мистер Гамайэль, и вы, миссис Хейвен, стремитесь защитить Муна? — сказал Джон медленно, обдумывая свои слова.

Глухой звук, похожий на рычание, вырвался из груди старухи.

— Будь он проклят! К черту Обри! Пусть он сдохнет от рака печени и три черные собаки осквернят его могилу! — Она вся тряслась от ярости.

Джон непонимающе уставился на нее.

Голос Гамайэля ворвался в эту бурю эмоций, как сладкий сироп.

— Короче, мистер Уилз! Обри Мун уже много лет готовят к внезапной насильственной смерти. Если этого не случилось, то лишь потому, что большинство из нас поняли — как только он умрет, все, что должно было оставаться тайным, станет явным. Обри позаботился о том, чтобы ни один из нас не избежал наказания!

— Ящик Пандоры, — пробормотала миссис Хейвен. Ее порыв, казалось, истощил ее силы. Голова откинулась на спинку кресла, темные накрашенные веки сомкнулись.

— Вы не верите, мистер Уилз? — В голосе Гамайэля зазвучали ледяные нотки. — В настоящий момент я, например, имею возможность оказать услугу моей родине. Я не могу действовать в открытую. Не смею! Если бы Мун узнал, он бы уничтожил меня с поистине дьявольским удовольствием. Многие недели я стараюсь пробиться к нему, чтобы заключить с ним нечто вроде сделки, окончательного соглашения. Он смеется надо мной и не желает говорить даже по телефону. Если я хочу сделать то, что принесет счастье моему народу, я должен сделать это тайно и исчезнуть отсюда так, чтобы он не узнал. Вечная секретность — и вечный страх, что он все равно окажется хитрее и проницательнее, чем я...

— Такой он и есть, — пробормотала миссис Хейвен. — Всегда хитрее и проницательнее любого из нас.

— Мы обратились к вам так прямо, мистер Уилз, только потому, что у нас очень мало времени, — сказал Гамайэль. —

Меньше ста часов. Если вы затеваете что-то свое, — может быть, воспользовавшись чьим-нибудь планом, — мы хотим показать вам, какие бедствия ваш поступок принесет множеству людей, столь же невинных, как вы и ваш отец! Если вы действуете от кого-то, кто подкупил мисс Прим, если, возможно, вас самого подкупили... — Его предположение прозвучало как вопрос.

Однако его толкают не в ту сторону: пытаются заставить отказаться от действия!

— Допустим, я чей-то агент, — сказал Джон.

— Вы должны познакомить нас с вашим хозяином! — В голосе Гамайэля уже не было ни мягкости, ни вкрадчивости. Этот маленький смуглый человек вдруг показался страшным и опасным. — Я сочувствую вашему хозяину. Его довели до крайности. Но он действует как безумный! Ему на всех наплевать! И на вас тоже, Уилз, ведь он предаст вас, как только дело будет сделано. Полиция должна на ком-то отыграться?!

— А что бы вы сделали, если бы узнали, кто этот человек? — спросил Джон.

— Убедили бы его отказаться от своего плана, — сказала миссис Хейвен. — Показали бы ему, что случится со всеми нами, если его план будет приведен в исполнение.

— А если не сможем убедить — остановим. Вплоть до применения силы. Видите, мистер Уилз, я с вами абсолютно откровенен!

Было невыносимо жарко. Джон вытер лицо платком.

— Вы знаете обо мне так много, такие подробности! Несомненно, вы подозреваете, кто этот человек?..

— Он не похож ни на кого из известных нам людей, — ответила миссис Хейвен. — Этот кто-то сошел с ума, Уилз, и мы не можем узнать его в этом безумии...

«Неужели это правда? — подумал Джон. — Или все это игра, цель которой — выведать мои намерения, узнать, что мне известно, кого я подозреваю?»

— А вы не думали обратиться в полицию? — спросил он.

— С чем? — возразил Гамайэль. — Не секрет, что Муна ненавидят многие. Он наслаждается тем, что говорит репортерам и полиции, как много существует людей, которые его ненавидят! Он публично заявил, что его безопасность — в том огромном количестве врагов, которые сделают все, чтобы он был цел и невредим! Я не могу сообщить полиции ничего нового. Они спросили бы меня: «Что дало ему такую власть над вами? И над другими?» — Уголки его губ дрог-

нули. — Если бы я открыто рассказал свою историю, Уилз, в моей стране нашлись бы люди, которые четвертовали бы меня в застенке, глубоко под землей, чтобы никто не услышал моих криков. А если бы я назвал другие имена, эти люди были бы публично опозорены, их семьи разрушены, карьера загублена. Мы ничего не выиграем, если обратимся в полицию, — разве что укажем пальцем на человека, который собирается убить Муна...

— А мы не знаем, на кого указать, — продолжила миссис Хейвен.

Джон подивился про себя, что же такое могла сделать эта странная старая женщина, чтобы оказаться во власти Муна. Он был готов верить им, но пойти на риск и рассказать всю правду не мог. Он закурил новую сигарету и глубоко затянулся. Рубашка его взмокла от жары, царившей в комнате.

— Мне известно, да и вы знаете, что за вами следит полиция, — сказал Гамайэль. — Вы с ними говорили.

— Скажем так: они говорили со мной, — ответил Джон. — Они знают, кто я! Мун знает, что я в этой гостинице. Если бы я захотел убить его, вряд ли мне удалось бы до него добраться.

— Они будут охранять Обри самым тщательным образом. — Миссис Хейвен с силой поставила стакан на столик. — Повредить ему и бежать может оказаться просто невозможным! Наш безумец пытался осуществить свой план через Прим, а может, и через вас, Уилз. Как знать — если он исчерпает все средства, не сделает ли он *это* сам? И тогда его схватят...

— Если бы вы не боялись, что вас арестуют, вы могли бы застрелить Муна сегодня днем в Гриле, — сказал Гамайэль.

— В наших интересах, чтобы Мун жил, и да поможет нам Бог! — произнесла миссис Хейвен.

Темная, в красных отблесках комната поплыла перед глазами Джона. Он с трудом подавил готовый вырваться смех. Они показались ему свихнувшимися детьми — все, включая Муна, — разыгрывающими написанную автором мелодраму. Ведь это отель «Бомонд», самая дорогая и фешенебельная гостиница в мире, это Нью-Йорк, воплощение современной цивилизации. В их нелепом заговоре нет чувства реальности. И все же, всего несколько месяцев назад президент Соединенных Штатов заявил, что какой-то миг безумия мог бы превратить всю нашу планету в пылающий погребальный костер. Перед лицом этой идеи можно ли утверждать, что в мире Муна, в мире денег, себялюбия и кан-

нибализма, уничтожение нескольких десятков человек из мести и по злобе — вещь невероятная?

— Я бы рад помочь, — услышал Джон свой собственный голос. — Я сочувствую вам. Я видел, как мой отец лежал с окровавленной головой на ковре в дешевом номере гостиницы. Мун сотворил достаточно зла в этой жизни, чтобы позволить ему творить зло и после его смерти! Я не знаю человека, которого вы назвали моим хозяином. Не имею ни малейшего представления о нем! Полиция старается найти его — и не знает, куда смотреть и где искать...

— Не знаю почему, но я вам верю, — покачала головой миссис Хейвен.

Джон заставил себя улыбнуться.

— Не знаю почему, но и я вам верю, — повторил он.

— Ступайте, Уилз, — сказала миссис Хейвен устало. — Нам с Османом придется о многом подумать.

Джон поймал свое отражение в зеркале лифта, который с захватывающей дух скоростью нес его вниз, в вестибюль. Его рубашка прилипла к груди, светлые волосы слиплись, лицо пылало. Лифтер усмехнулся.

— Я видел, в каком виде выходят из этой парилки! Вы еще лучше других.

— Вы не представляете, — пробормотал Джон. — Там можно жарить мясо прямо в комнате на столе!

Он вышел из лифта, вытирая лицо платком. Джерри Додд встретил его с усмешкой.

— А я уже собирался отправить к вам наверх посыльного с кислородом! Мне следовало предупредить вас... Эта девочка, Марго Стюарт, явилась полчаса назад с обычным бумажным свертком. Она поднялась на восьмой этаж, в свой номер.

— Спасибо! А где Харди?

— Пошел в управление. Сказал, что вернется к обеду. Вы могли бы позвонить ему. Что-нибудь стряслось?

— После разговора с миссис Хейвен и ее другом я не знаю, на каком я свете! Позвоню ему из номера. Я должен принять душ и переодеться.

Однако в свой номер он не пошел, а вышел на четвертом этаже, чтобы поймать Элисон. К счастью, она была на месте.

— Молчите! Вы только что выиграли бостонский марафон? — спросила она с удивлением.

— Я только что расстался с миссис Хейвен...

— О, мой бедный Джонни! А я еще велела вам полюбезничать с Тото!

— Это не был светский визит.— И он кратко передал ей суть этого фантастического разговора.— Странная вещь,— сказал он,— я потерял ощущение реальности. Закрываю глаза — и вижу фигуры, бегущие по склону корейской горы в укрытие,— я вижу их в прорезь моего пулемета, из которого я по ним стреляю. Я вижу отца с раздробленной головой. Вижу Муна. Муна смеющегося, Муна угрожающего, Муна с хлыстом в руке. Вижу умирающую мать. Вижу эту старуху из другого века и Гамайяля. И все они каким-то образом живут в состоянии ужаса! Не пройдет и ста часов, как мир может взлететь на воздух. Я не вижу простых вещей, вроде чашки кофе рано утром. Не чувствую вкуса первой хорошей сигареты. Не представляю себе, как можно просто идти по улице, разглядывать витрины. Не могу...

— Откройте глаза,— резко прервала его Элисон.

Он медленно опустил руки и уставился на нее.

— Помните меня? — спросила она.— Симпатичную девушку, которой вы нравитесь?

— Целых двенадцать лет, Элисон! Только теперь это кружится все быстрее и безумнее...

— Джонни!

— Да? — послушно отозвался он.

— Ступайте наверх, примите холодный душ, наденьте свежую рубашку и возвращайтесь сюда! А я приготовлю вам отличный мартини со льдом. Потом мы выйдем. Поужинаем в кафе. А потом пойдем на концерт и будем сидеть на балконе, держась за руки, и наблюдать за музыкантами, у которых тоже есть свои неприятности.

— Мне надо позвонить Харди...

— После мартини!

— А вы не позвоните пока Марго Стюарт? Додд сказал, что она полчаса назад поднялась к себе в номер.

— Интересно! — Элисон подняла трубку и попросила соединить ее с Марго Стюарт.

— Что интересно?

— Я готова была держать пари, что могу повелевать вами одним мановением руки, мистер Уилз! Кажется, я теряю свои чары?..

— Элисон! Я...

— Джонни, милый, отнесемся ко всему этому проще! — Она положила трубку.— Марго не отвечает. Наверно, поднялась в пентхаус «М» доложить Великому Человеку о своем возвращении. Я позвоню ей, пока вы переодеваетесь.

— Поверите ли, пока я слушал их там, наверху, я поймал себя на том, что думаю о президенте Кеннеди и о конце света!

— Я думаю, в конце концов все уладится,— сказала Элисон.— Но как вы об этом узнаете, если не переоденетесь и мы не выйдем отсюда?

— О'кей,— засмеялся Джон.— Отнесемся ко всему этому проще!

Он старался следовать этому принципу еще пять минут, которые понадобились, чтобы подняться на четырнадцатый этаж и дойти до дверей номера. Он старался относиться ко всему проще еще одну минуту, пока отпирал дверь и нащупывал выключатель. Еще прежде, чем вспыхнул свет, он почувствовал что-то необычное. Это был слабый аромат гардении. Он старался относиться ко всему проще еще десять секунд, пока думал, что в отеле «Бомонд», вероятно, принято, чтобы от горничных приятно пахло.

Выключатель зажег одновременно лампу на тумбочке у кровати и торшер в углу.

Элисон напрасно пыталась дозвониться до Марго Стюарт. Марго лежала поперек его кровати и не дышала. Она не дышала потому, что голова ее была размозжена ударом термоса, место которому было на тумбочке, а сейчас он лежал на коврик у кровати, запачканный еще свежей кровью.

ЧАСТЬ IV

Глава I

Джон выскочил в холл, захлопнул за собой дверь номера. Тело его покрылось холодным потом, ноги вдруг стали ватными. Он почувствовал, что не в состоянии сделать ни одного шага.

Надо было пойти к ближайшему телефону и позвонить Джерри Додду. Джерри знал бы, что делать. А потом ждать, пока Харди и компания не допросят его о случившемся. Однако он не мог бы ответить на их вопросы! Он представил себе, как все это будет:

«Алиби, мистер Уилз, где ваше алиби? Вы хотите уверить нас, что встретили эту девочку только вчера вечером? Что она делала у вас в номере? Почему вы ударили ее термосом?»

Может, это и есть та расплата, которой грозил Джону автор письма? Не придется ли ему отвечать за то, чего он не делал?

Он оттолкнулся от стены. Инерция помогла дойти до лифта. Он нажал кнопку. Мигнул красный свет. Двери одного из лифтов раздвинулись. Лифтер испуганно посмотрел на него.

— Вестибюль, пожалуйста,— ушасал он собственный до неузнаваемости изменившийся голос.— Простите, я передумал,— поправился он, когда лифт ринулся вниз.— Четвертый, пожалуйста!

Двери открылись и так же неслышно закрылись. Он тихо пошел по зеленой ковровой дорожке к кабинету Элисон. Элисон была теперь его единственной связью с реальностью, его единственной надеждой.

— Вот это скорость! — удивилась Элисон. Но тут же вскочила, подбежала к нему, схватила за плечи. Должно быть, он качался, как подрубленное дерево.

— Ради бога, Джонни!

— Марго Стюарт,— с трудом выговорил он.— У меня в комнате... Мертвая... Убита.

— Джонни!

— Кто-то размозжил ей голову термосом...

— Что вы предприняли?

— Направился к Джерри Додду. А попал сюда.— Он засмеялся.— Толкните меня в нужную сторону!

Она сильно ударила его по щеке.

— Прекратите, Джонни! Ну? Сядьте сюда.— Она слегка подтолкнула его к креслу и сняла телефонную трубку.

Элисон говорила по телефону, а он не мог сосредоточиться. Голос ее звучал как в тумане. Через мгновение она была опять рядом с ним, крепко сжимая его руки в своих.

— Я видел много мертвецов на войне. Я должен был привыкнуть. Но почему-то...

— А я ей так и не дозвонилась! Должно быть, она поднялась к вам, чтобы дожидаться вас там?

— Вы успели приготовить мартини? — спросил Джон, к собственному удивлению.

— У меня есть пинта бренди. Это лучше! — Элисон достала бутылку, плеснула в стакан. Джон почувствовал, как что-то взорвалось внутри, обожгло огнем.

Без привычной профессиональной улыбки Джерри выглядел странно.

— Ваш ключ у вас, мистер Уилз? — спросил он.— Вам лучше пойти с нами.— С ним был кто-то из людей Харди.

— Вот,— протянул ключ Джон.— Но я не могу! Я не хочу, я...

— Вы там что-нибудь трогали?

— Нет. Да... дверь.

— В комнате — ничего?

— Вы... выключатель. Я включил свет! Бедная девочка, лежит там, при свете всех этих ламп. В отличие от Памелы Прим, Марго Стюарт, очевидно, имела мужество бороться...

— Оставайтесь здесь! Никуда не уходите,— приказал Джерри.— Через минуту пришло парня стеречь вас, для вашей же безопасности. Мистер Уилз! Ее убили вы?

— Боже мой!

— О'кей! Я просто спросил...

Люди приходили и уходили. Харди со своими ребятами, Шамбрен, помощник прокурора Нейлор, лысый, как яйцо, и непроницаемо жесткий. Кто-то снял у Джона отпечатки пальцев. Кто-то принес влажную тряпку, чтобы он мог стереть с пальцев чернила. Когда все вокруг начинало кружиться с бешеной скоростью, он поворачивал голову. Элисон была бледна, но ее ободряющая улыбка появлялась всякий раз, когда он ее ждал.

Вопросы, вопросы, вопросы — и механически следующие ответы. Секретов больше не было. Харди был вынужден отказаться от задуманной игры. Видимо, все уже знали, что Джон Уилз, так же как и Памела Прим, взял деньги за то, чтобы убить Муна.

— Эта история абсолютно нелепа! Здесь нет ни грана правды. Это просто невероятно, чтобы быть правдой! — Голос Нейлора, громкий и гневный, заполнил всю комнату. Потом вдруг лицо Нейлора возникло прямо перед глазами Джона, как неожиданный крупный план в кино. Помощник прокурора сидел верхом на стуле и наклонился к Джону так близко, что тот ощущал его дыхание заядлого курильщика.

— Ладно, Уилз! Оставим всю эту чепуху насчет таинственных убийств, завершающих судьбы своих жертв. Вы продолжаете утверждать, что видели Стюарт только один раз?

— Вчера вечером. В баре «Трапеция». Она была пьяна. Я думаю, она знала, кто я.

— Мне кажется, что вы сами не знаете, кто вы! Вы никогда не видели ее до вчерашнего вечера?

— Никогда.

— И тем не менее, она бросает вам в Гриле записку, в

которой говорит, что ей необходимо встретиться с вами? Почему? Почему, Уилз?

— Не знаю.

— Бросьте. Почему?

— Не знаю!

— Вы дали ей ключ от вашего номера и велели подождать вас там. Так это было?

— Нет! Ключа я ей не давал. Мой ключ был при мне все это время. Я отдал его Джерри Додду. Я...

— Вы дали ей ключ! Вы забрали его после того, как убили ее...

— Нет!

— Зачем она хотела вас видеть?

Джон невольно отодвинулся от Нейлора.

— Я не знаю.

— Она что-то имела против вас? Пыталась вас шантажировать? Так?

— Повторяю — я никогда не говорил с ней! Я не знаю, что ей было нужно!

— Вы замыслили убийство Обри Муна. Она догадалась. Прижала вас к стенке, так?

— Нет.

— Вы не собирались убивать Обри Муна? Вы явились сюда под фальшивым именем, имели при себе револьвер — и не собирались убивать Муна?

— Я... у меня не было никакого плана. Уилз — мое официальное имя. Я...

— Но вы явились сюда с определенным намерением — составить план, разведать обстановку!..

— Я все рассказал лейтенанту Харди!

— О'кей, мистер Уилз! Значит, вы просто невинная жертва. Вы простили Муну самоубийство отца. Вы простили ему свою искалеченную жизнь. Вы были полны любви к нему! Вы помогали лейтенанту Харди найти таинственного Х. Потом — чистая случайность, совпадение. Вы приглашаете к себе в номер секретаря Муна — и бац! Почему?

— Я не приглашал ее к себе в номер, — сказал Джон медленно, подчеркивая каждое слово. — Я не знаю, что ей там было нужно. Я не убивал ее! На термосе есть отпечатки моих пальцев?

— Этого мы еще не знаем, мистер Уилз! Может быть, вы сэкономите нам время?

— Я никогда не пользовался им...

Нейлор встал.

— Когда кто-то хочет меня видеть, мистер Уилз, я

обычно могу догадаться зачем. Человек хочет занять у меня денег, ждет какого-то совета в области закона, хочет, чтобы я пригласил его на обед. Вы говорите, что не знаете, чего она хотела. Так попробуйте догадаться!

— Может быть, что-нибудь, связанное с Муном? Если она знала, кто я, может, хотела мне что-то сказать про Муна?

— Она хотела помочь вам?

— Может быть...

— Помочь совершить убийство?

— Нет!

— Так что же? Она вас не знала, но хотела помочь вам...

— Вы предложили мне дать свою версию.

Нейлор отвернулся.

— Все, Харди, я отказываюсь! Ваш беби, вы с ним и возитесь! Он либо самый хладнокровный преступник, либо просто упрямый осел! Давайте сюда Муна!..

И вот они оказались совсем рядом. Джон Уилз и Обри Мун. Появление Муна резко изменило атмосферу допроса. Ни яростный Нейлор, ни невозмутимый Харди больше не владели ситуацией. Сверхпочтительный вид принял Нейлор. Харди выглядел как солдат перед атакой. Вслед за Муном вошел Уиллард Сторм.

— Извините, мистер Сторм, но здесь полицейское расследование, а не пресс-конференция! — сказал Нейлор. — Вам придется подождать за дверью.

— Или Сторм останется здесь, или я уйду, — произнес Великий Человек своим тонким, насмешливым голосом. — Я не питаю доверия к вашему брату, Нейлор! Вы до сих пор не нашли человека, который угрожает мне. Вы допустили, чтобы мою секретаршу убили у вас под носом. Я хочу, чтобы здесь был кто-то достаточно смелый, чтобы сказать правду о всеобщей некомпетентности.

— То, что здесь происходит, не подлежит огласке, — предупредил Нейлор.

— Я сам решу, что подлежит, а что нет! — отрезал Мун. — А вы напрасно тратите время, мистер Нейлор. Если бы я согласился на удаление Сторма, это означало бы лишь то, что я потом передам ему в точности содержание нашего разговора. — Он повернул голову и посмотрел прямо на Джона. — Что произошло, Уилз? Ее пятки были недостаточно круглы, чтобы вам понравиться?

Туман, все это время застилавший глаза Джона, рассеялся. Все вдруг встало на свои места. Перед ним был человек, который чуть не сделал его убийцей! Джон отчетливо

увидел его крашенные усы и волосы, его жесткие глаза, опухшие веки, почувствовал слабый запах одеколона. И еще запах денег и славы. Если права миссис Хейвен, десятки человеческих жизней зависят от его капризов! Но в конце концов, он такой же человек, из плоти и крови. С ним можно и нужно бороться. И Джон с удивлением почувствовал, как страх уходит из его души.

— Вы знаете о каких-либо отношениях между Уилзом и вашей секретаршей, мистер Мун? — спросил Нейлор.

Джон спокойно ждал, что тот ответит. В подобной ситуации Мун уже оклеветал его отца.

Мун пожал плечами.

— Этот человек, которого вы называете Уилзом, известен мне как Джон Мак-Айвер! По правде сказать, если у него и был роман с Марго Стюарт за моей спиной, то я ничего об этом не знал. Но это у него в крови, мистер Нейлор! Его отец был изгнан военно-полевым судом из британской армии за шашни с женой полковника с целью шантажа. Весьма возможно, что сын завел шуры-муры с моей секретаршей, чтобы добраться до меня. — Он с улыбкой взглянул на Джона, явно ожидая бурных возражений. И был разочарован, увидев, что Джон сидит молча.

— Вы не знаете, был ли у них роман? — повторил вопрос Нейлор.

— Не знаю, был ли, — сказал Мун таким тоном, будто он это подозревал.

Вмешательство лейтенанта Харди повернуло ход событий совершенно в другое русло.

— Мистер Нейлор не так хорошо знаком с этим делом, как я. У меня было двадцать четыре часа, чтобы раздобыть кое-какие сведения. По общему мнению всех работников отеля, у Марго Стюарт был роман с вами, мистер Мун! Она являлась к вам по первому зову, в любое время дня и ночи. Давайте выясним этот вопрос. Была ли она вашей любовницей, мистер Мун?

— Нет, — рассмеялся Мун. — Сэнди, как я ее называл, никогда не была моей любовницей! Начать с того, что слишком... слишком себя жалела. К тому же, любовь пьяной женщины ничего не дает мужскому «я». Меня скорее привлечет простая и талантливая профессионалка вроде покойной и, должен признаться, горько оплаканной мной мисс Прим...

— Но вы доверяли ей? — спросил Нейлор.

— Я никогда не доверял Сэнди своих личных секретов. Вы-то уж, Нейлор, как юрист, должны знать, что никогда нельзя доверять алкоголикам!

Нейлор продолжал гнуть свою линию. Попытка Муна опорочить погибшую девушку, по-видимому, не произвела на него впечатления.

— Я хотел бы получить ответ на свой вопрос! Ваш доверенный секретарь, мисс Стюарт, старалась встретиться с Уилзом. У вас есть по этому поводу какие-нибудь соображения? Вы предполагаете, что он мог воспользоваться ею, чтобы проникнуть к вам? Что она могла сказать ему такого, что помогло бы ему как-то повредить вам?

Мун повернулся и презрительно взглянул на Джона.

— Мак-Айверу — повредить м н е?

— У него есть причины мстить вам!

— Возможно, он воображает, что имеет причины. Но одно я знаю точно: у него не хватит смелости поднять на меня не то что руку — даже палец! Уже почти десять лет он, как индийский нищий, жалуется всему свету, как плохо с ним обошлись. Посмотрите на него! Вот мы оба здесь, а он даже бровью не поведет. Конечно, он способен трахнуть беспомощную девушку по голове. У его отца был лозунг, с которым он и умер, — «женщины и дети в первую очередь»!

Джон, сдерживая нарастающий гнев, почувствовал, как его плечо сжала чья-то рука. Он обернулся и увидел Пьера Шамбрена. Глаза Шамбрена смотрели мимо, на Муна, но рука, лежащая на плече Джона, была рукой друга. Она удержала его на месте, и он только крепче сжал зубы.

— Ну-ну! Вездесущий мистер Шамбрен! — Глаза Муна холодно заблестели. — Вы всегда появляетесь в самый критический момент, Шамбрен!

— Отель «Бомонд» — мой мир, мистер Мун, — спокойно сказал Шамбрен. — И все, что в нем случается, — мое прямое дело. Я бы убедительно попросил мистера Нейлора продолжать расследование, вместо того чтобы позволять вам обливать всех грязью. С меня довольно, Мун! Я хочу, чтобы с этим было покончено, а потом я пришлю уборщиц, которые отмоют офис мисс Барнвелл.

— Я буду вести дело по-своему, Шамбрен! — резко произнес Нейлор.

— Не сомневаюсь! Я тоже поведу его по-своему. Вам, полагаю, нужны факты. Вы никого не можете осудить, не имея фактов. Тем, что вы позволите порочить репутации живых и мертвых, вы ничего не решите. Вот я стоял тут в дверях и слушал, как вы пытались заставить мистера Уилза признаться, что это он дал ключи от номера мисс Стюарт. А я знаю, как она вошла в номер, не имея при этом ключа мистера Уилза!

— Откуда вы знаете? — спросил Нейлор.

— Я управляю этой гостиницей. Я знаю, как она работает. Как и вы, Нейлор, я ищу легкие ответы, но я ищу их по-другому. Мисс Стюарт вернулась в отель около четырех тридцати. Поднялась на свой восьмой этаж. Потом подошла к дежурной по этажу, некой миссис Ниффон, и попросила одолжить ей отмычку — общий ключ, который открывает все номера. Она якобы захлопнула дверь своего номера, а ключ забыла на столе. Миссис Ниффон хорошо ее знала и потому поверила ей — и нарушила правила! Смена ее кончилась, и она уехала домой. Ключи забывают в номерах десятки раз на дню. По правилам, дежурная по этажу должна сама открыть дверь отмычкой, не выпуская ее из рук ни на минуту. Но миссис Ниффон торопилась. Она одолжила мисс Стюарт свой ключ-отмычку, взяв с той обещание немедленно вернуть его ночной дежурной, которая должна была ее сменить. Так мисс Стюарт получила отмычку, которой до сих пор нет на месте.

— И что, этим ключом для восьмого этажа можно открыть номер на четырнадцатом? — спросил Харди.

— На любом этаже!

— Но мы не нашли этого ключа ни в номере, ни в сумочке мисс Стюарт.

Шамбрэн пожал плечами.

— Возможно, тому, кто ее убил, он еще понадобится. — Он перевел взгляд на Нейлора. — Вы ищете определенного ответа и потому отбросили историю, опровергающую вашу версию. Но ведь кто-то же положил в банк десять тысяч долларов для мисс Прим и еще десять тысяч для Уилза? Кто-то же написал им письма? Кто-то замышляет убийство мистера Муна? Не пытайтесь поставить смерть мисс Стюарт вне этих фактов! Не думайте, что есть простой ответ, вроде некоего романа между мисс Стюарт и Уилзом. Вы знакомы с картинами экспрессионистов? Нужно время и тщательный анализ, чтобы понять их смысл, реальное содержание. А вы и мистер Мун потратили еще слишком мало времени. Автор нашего сценария обещал вам еще одну смерть в ночь с субботы на воскресенье.

Нейлор, хмурясь, смотрел на Шамбрэна. Он был уязвлен, но все-таки профессионал одержал в нем верх.

— Я тронут вашей заботой о моей безопасности, Шамбрэн, — сказал Мун. — С нас довольно этих драк на ковре, не правда ли? Все же хочу сделать вам маленькое заявление, мистер Нейлор! Мое доверие к вам и к полиции приближается к нулю. Я употреблю все доступные мне средства само-

защиты! Это место кипит враждебными мне людьми. Вы дали себе труд поговорить с той сумасшедшей старухой, что живет рядом со мной? Да она впледела бы ромашки в волосы от радости, если бы со мной что-нибудь случилось! Вы побеспокоились, чтобы проследить за этим подозрительным дипломатом по имени Гамайэль? Он бы купил место в ложе, чтобы присутствовать на моей казни. А этот вот Джон Уилз — Мак-Айвер! Вы, Харди, проявляете полную беспомощность! Ну что же, я имею разрешение носить при себе пистолет. — Он похлопал по карману своего темно-серого костюма. — И я воспользуюсь им без колебаний, не задавая вопросов!

— Почему вы не хотите уехать отсюда, Мун, пока мы не выясним все это дело? — спросил Нейлор.

— Мой дом — моя крепость! И я желаю остаться здесь. Пошли, Сторм! Пусть себе мыши играют...

Он вышел. Никто его не удерживал.

Глава 2

Джон закрыл лицо руками. Он чувствовал себя как выжатый лимон. Сдержаться во время допроса Муна оказалось тяжелым испытанием. Он старался представить, что было бы, если бы он поддался искушению и бросился на Муна? Удовлетворение, которое он бы испытал, стоило любого наказания!

— Я не слышал подробностей вашего визита к миссис Хейвен, — неслышно подошел к нему Харди. — Знаю только, что вы там были и говорили с ней и с Гамайэлем. Чего они хотят?

Джон глубоко вздохнул.

— Помощи.

— Помощи? От вас?

Джон с трудом попытался повернуть свои мысли к старухе и ее восточному другу.

— Они хотели, чтобы вы помогли им убить Муна? — спросил Нейлор.

Джон покачал головой.

— Чтобы я помог им защитить Муна. Это трудно объяснить! Они говорят, что Мун уже много лет шантажирует их. Их и многих других.

Нейлор засмеялся.

— Шантажирует? С его-то деньгами! Право, меня уже тошнит от вас, Уилз!..

— Ваша беда, Нейлор, в том, что вы говорите прежде, чем думаете,— сказал Шамбрэн все тем же ровным голосом.

— Ну, я достаточно вас терпел, Шамбрэн! Спасибо за факты, но позвольте нам продолжить допрос!

— Послушайте, я знаю котов, что живут в этом переулке, гораздо лучше, чем вы,— невозмутимо ответил Шамбрэн.— Для вас все до примитивности просто! Шантаж — это только вымогательство денег. Но вымогать можно самые разные вещи — и самыми разными способами. Вы можете шантажом добиться от людей покорности, даже рабства. Заставить честного человека стать мошенником. Любимое занятие Муна в этой жизни — играть судьбами людей, заставлять их делать то, чего они не хотят делать. Что-то вроде мании величия. Почему бы вам не выслушать Джона до конца, прежде чем налепить на него ярлык идиота?

— Хорошо, Уилз! Продолжайте вашу волшебную сказку,— угрюмо произнес Нейлор.

— Я согласен, это звучит довольно нелепо,— начал Джон,— но он шантажирует их для того, чтобы они обеспечивали его безопасность. Он знает что-то, что может обернуться против них, мистер Нейлор! И если он умрет насильственной смертью, то, что он знает о них, станет известно всему свету. Это для него — своеобразное страхование жизни, если хотите!

— А как, по их мнению, вы могли бы им помочь? — спросил Харди.

— Они считали, что я приехал сюда убить Муна. Догадывались, что мне заплатили за то, чтобы я это сделал. И пытались доказать мне, почему Мун должен жить. Они просили меня назвать имя человека, который мне заплатил, чтобы и его убедить отказаться от его намерений. Им казалось, что Харди кого-то подозревает. Что бы Мун ни говорил о миссис Хейвен и мистере Гамайэле, поверьте, им нужно, чтобы он жил, они боятся его смерти!

— И они убедили вас в этом?

— Да!

— Похоже, это попытка выудить у вас сведения о наших подозрениях насчет них самих,— сказал Нейлор.— Я хочу побеседовать с этими типами!

Дверь открылась, и в офис вошел один из сыщиков Харди. Лейтенант отошел с ним в угол, и с минуту они о чем-то совещались. Когда он вернулся, лицо его было мрачно.

— Пока что мы вытянули пустой билет. Мои люди допросили всех лифтеров, посыльных, портье. Ничего интересного!

— Если он не сидит сейчас здесь,— сказал Нейлор, злобно взглянув на Джона,— то он уже далеко, может быть, за много миль отсюда!

— Но он должен вернуться,— предположил Шамбрэн.— Он ведь не сделал своего дела. Нет, Нейлор, он здесь, в отеле, или скоро здесь появится.

Шамбрэн повернулся к Харди.

— Будь я на вашем месте, лейтенант, я задал бы массу вопросов, которые здесь еще не задавались.

— Например? — спросил Харди.

Шамбрэн пожал плечами.

— Мистер Нейлор не хочет, чтобы я вмешивался!

— Вас спрашиваю я. Например?

— Мне легче принять некоторые вещи как факт, нежели вам и Нейлору, лейтенант! То, что кое-кто выбрасывает десять тысяч долларов, чтобы купить таких, казалось бы, ничемных агентов, как Памела Прим и Джош Уилз, кажется вам невероятным. Но я-то вижу, как ради каприза бросаются на ветер гораздо большие суммы! Вы не верите, потому что для вас это непостижимо. Я же перевариваю этот факт довольно легко, но меня беспокоит не это...

— Что именно? — Харди был в нетерпении.

— Действительно ли предполагалось, что Памела Прим и Джон должны убить Муна? Я запнулся на этом потому, что имею дело с людьми. И я знаю, что ни за Прим, ни за Уилзом не числится фактов насилия. Ни один из них никого не убивал. Есть у них, правда, одна общая черта — ненависть к Муну. Но если бы вы спросили меня, как человека, способного довольно верно судить о людях, что бы сделали эти двое, получив письма и убедившись в реальности тех денег, я бы ответил так: они взяли бы деньги, подумали некоторое время, а потом рассказали нам или кому-нибудь другому всю правду! Я мог предположить самоубийство, но подумал бы, что Памела Прим в конце концов кому-нибудь обо всем расскажет, как это сделал Джон.

— Итак?

— Итак, мой первый вопрос, лейтенант! Чего ожидал от них автор писем? Чтобы они убили Муна или чтобы раскрыли заговор против него? Если человек, которого мы ищем, не дурак, то ответ может быть только один: он хотел, чтобы они раскрыли заговор.

— Но в этом нет никакого смысла! — воскликнул Нейлор.— Вы хотите сказать, что он — враг самому себе?

— Бессмысленно, говорите вы? — прищурился Шамбрэн.— Тогда мой второй вопрос: существует ли действи-

тельно заговор против Обри Муна, или это все — лишь камуфляж, призванный скрыть какую-то иную цель и иной план?

Харди тихо присвистнул.

— Убийство Марго Стюарт? — предположил Нейлор.

— Думаю, надо учесть и это. Правда, я склонен отвергать эту мысль! Это убийство носит слишком импровизированный характер. Наш мистер Х не мог знать раньше чем за полчаса до убийства, что мисс Стюарт решила взять ключ-отмычку и войти в номер Джона. Значит, он должен был следить за ней, идти по пятам. Он входит в номер и убивает ее — термосом! Если бы мисс Стюарт была главной его мишенью, он, конечно, подготовился бы более основательно. Вернемся немного назад, джентльмены, и подумаем. В данный момент я отвечаю на второй вопрос так: я не верю в заговор с целью убить Муна! Я считаю, что все это — камуфляж, скрывающий какую-то другую цель. Ответив таким образом на второй вопрос, я прихожу к мысли, что Марго Стюарт каким-то образом догадалась об этом, собиралась рассказать все Джону и была за это убита...

— Ну и что вам это дает? — спросил Харди.

— Я задаю себе вопрос номер три. Я не могу угадать, какова была реальная цель, реальный план. Но Марго Стюарт угадала! Почему она не пришла с этим к нам, Харди? Почему решила пойти к Джону? На это легко ответить. Она была у Муна в руках! Одна из жертв его шантажа. Он что-то знал о ней. Поэтому она все больше и больше пила. Она решила пойти к Джону, потому что он мог ей посочувствовать. Он был такой же жертвой Муна! Он мог бы воспользоваться ее информацией, никак ей не повредив.

— Наш друг догадался, что у нее на уме, и был вынужден срочно с ней разделаться, — продолжал Харди.

— Вы догадливы, лейтенант, — улыбнулся Шамбрэн.

— Ваш следующий вопрос?

— Вопрос четвертый. Если мисс Стюарт выбрала Джона потому, что он не осмелился бы обратиться в полицию; потому, что, будучи жертвой Обри Муна, он мог отнестись к ней с сочувствием, спросим себя: было ли то, что мисс Стюарт собиралась сказать Джону, как-либо связано с Муном? Я отвечаю: да. Если бы это было не так, у нее не было бы причин бояться! Это приводит нас к вопросу номер пять.

— Продолжайте, — попросил Харди.

Шамбрэн медленно оглядел свою внимательную аудиторию. Джон почувствовал, как мурашки побежали по спине. Кажется, он догадался, куда клонит Шамбрэн!

Шамбрэн помедлил, закуривая одну из своих египетских папирос.

— Итак, ответив на наши вопросы таким образом, мы делаем решительный шаг. Если заговора против Муна не существует и все это лишь искусный камуфляж, скрывающий другой план, если мисс Стюарт была убита, потому что догадалась об этом, если она пошла к Джону, потому что то, что она узнала, было опасно для Муна, — тогда мы должны спросить себя: не сам ли Мун — тот человек, которого мы ищем?!

— До какого абсурда вы можете дойти? — спросил Нейлор, однако в голосе его звучало сомнение.

— Имеет ли Мун деньги для осуществления такого плана? — спросил Шамбрэн и сам же ответил: — Да, имеет! Такой ли он человек, который мог бы увлечься подобной интригой? Да, конечно! Кто лучше всех знал бы, как и почему его ненавидят мисс Прим и Джон? Сам Мун! Достаточно ли хорошо он разбирается в людях, чтобы просчитать их поступки? Да! Есть ли какие-либо факты, подтверждающие нашу теорию? Думаю, есть!

— Какие факты? — спросил Харди.

Шамбрэн прошелся по комнате и ловко стряхнул пепел с папиросы прямо в середину пепельницы, стоявшей на столе.

— Что только что произошло в этой комнате? — спросил он, вернувшись на свое место.

— Что вы имеете в виду?

— Ту сцену, что разыграл здесь Мун. Мы предполагаем, что он мастер интриг. Каков был итог вашего разговора с ним? Он вам не доверяет. Он примет меры, чтобы защитить себя. У него есть пистолет и разрешение на него. Он унотребит его без колебаний, не задавая вопросов. Мы все тут бегаем вокруг, ищем способы защитить его — вы, Нейлор, вы, Харди, я, весь мой штат. Но если я прав, ему ничего не грозит! И мы только что были свидетелями того, как человек использовал придуманную им самим опасность, чтобы заранее оправдать убийство, которое он совершит. «Сожалею, джентльмены! Я услышал шаги за спиной. Я предупредил вас, что буду защищаться!»

— Пожалуй, в этом что-то есть, — пробормотал Харди.

— Он потратил двадцать тысяч долларов для того, чтобы ни один человек в мире не заподозрил, что достойный сожаления несчастный случай есть хладнокровный расчет, преднамеренное убийство! Дешевая цена, лейтенант, вам не кажется? — Шамбрэн невесело улыбнулся. —

Предлагаю вам последний и решающий факт! Как вел себя Мун, когда самоубийство Прим выявило, что против него существует заговор? Испугался ли он, узнав, что его собираются убить? Ничуть! Вы жаловались на его несерьезное отношение к опасности. Однако мы знаем, что этот человек — трус! Отец Джона Уилза погиб, потому что обнаружил этот факт. Мун не выказал страха перед грозящей ему опасностью, потому что *никакой опасности не было!* Он знал, что это всего лишь дымовая завеса, ибо сам ее создал. Теперь он сделал последний шаг: он заранее подготовил нас к тому, что произойдет убийство! Он совершит его вполне открыто, и все будут его жалеть, а Уиллард Сторм оповестит весь мир о том, что все произошло потому, что полиция оказалась неспособной защитить его!..

— И вы во все это верите? — спросил Нейлор уже без всякого вызова.

— Верю, — ответил Шамбрэн. — И все это чертовски беспокоит меня.

— Почему?

— Потому что я не вижу даже намека на ответ к последнему вопросу, который мы должны себе задать. Кого Мун хочет убить?

Шамбрэн загасил папиросу и взглянул на Харди.

— Я не могу доказать ни одного слова из того, что я вам изложил! Но у меня нюх на людей. Характер Муна кажется неправдоподобным. Трудно поверить в истинность того, что о нем рассказывают. Но поговорите с кем-нибудь вроде Джона, кто знает о нем правду. Я видел, например, как Осман Гамайэль, человек богатый и влиятельный, извивался перед ним, как рыба, пойманная на крючок. Есть только один Мун! И вдруг у него появляется враг, такой же коварный, такой же сильный, как он сам. Мун дал мне ключ в руки, сказав вчера, что в мире нет равного ему. Я стал думать. Двух Мунов быть не может, — сказал я себе! И тогда все стало складываться, связываться, и я убедился, что двух Мунов нет, есть один Мун — смертоносный и опасный.

— В этом есть лишь одно «но», — сказал Нейлор.

Шамбрэн посмотрел на него с удивлением.

— Сразу после самоубийства Прим к Муну была представлена охрана, — рассуждал Нейлор. — Он может думать что угодно, но она эффективна! Два человека в холле перед входом в его квартиру, двое снаружи на крыше. Дежурство круглосуточное. Мун выходил из квартиры дважды — сегодня днем в Гриль и вечером — сюда, к нам. Каждый раз его сопровождали двое людей Харди. Значит, он не

мог подняться на четырнадцатый этаж и убить Марго Стюарт! Это опровергает вашу теорию, Шамбрэн, если только вы не допускаете, что у него были сообщники.

Шамбрэн весело улыбнулся.

— Во-первых, я не исключаю возможность сообщника! В отеле сотни служащих. На свои деньги Мун мог нанять дюжину помощников. Он мог соблазнить даже обычно честного человека. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что Мун мог выйти из квартиры. Есть служебный ход — по черной лестнице, служебный лифт. Вы не поставили туда охраны, а его предупредили, чтобы он эту дверь не открывал и никого не впускал. Если кто-нибудь и мог проникнуть к нему через сад на крыше, то через служебный ход доступа не было никому. То есть никто не мог войти к нему с черной лестницы без его ведома и содействия. Но сам он мог выйти через служебный ход сколько угодно раз, и вы бы никогда об этом не узнали!

— Что вы об этом думаете, Харди? — обратился Нейлор к лейтенанту.

— Принимаю, — ответил Харди. — Принимаю на все сто процентов! И не скрою — чувствую себя иначе. Я знаю, чего и где искать. И первое, что я сделаю, — поставлю охрану у служебного хода. — Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

— Ну что ж, я тоже принимаю. — Нейлор подошел к Джону и протянул ему руку. — Простите, что мучил вас, мистер Уилз! Надеюсь, вы согласитесь, что этого требовал мой долг?

— Конечно! — Джон встал и пожал протянутую ему руку. — У меня такое чувство, будто я пробуждаюсь от долгого и тяжелого сна. — Он подошел к Шамбрэну. — Как вы думаете, не меня ли он собирается убить?

— А вы ему опасны? — спросил Шамбрэн. — Не просто как жертва, жаждущая мести, а как человек, что-то знающий о нем? Что-то, что может повредить его престижу, его положению, подорвать его влияние и авторитет? Я не думаю, что Мун пошел бы на такой риск просто потому, что ему кто-то не нравится.

— А ему никто не нравится, кроме Обри Муна, — сказала молчавшая до сих пор Элисон. — Логика вашего рассуждения, мистер Шамбрэн, просто удивительна! Но что теперь будет?

Шамбрэн пожал плечами.

— Полагаю, мистер Нейлор и Харди будут следить за ним, наблюдать за каждым его шагом. Думаю, они прове-

рят кое-что, например, не снимал ли он со своего счета двадцать тысяч долларов. Я предполагаю, что они возьмут образцы шрифта у пишущих машинок, имеющихся в квартире Муна, и сравнят их со шрифтом писем. Ему нельзя предъявлять обвинения на основании моей теории, нужны доказательства. Логически рассуждая, я делаю еще один вывод, и он касается уже меня лично! Очевидно, он не собирается покидать гостиницу и, следовательно, хочет, чтобы «прискорбный несчастный случай» произошел именно здесь. Из этого можно заключить, что намеченная им жертва — человек, постоянно живущий или работающий в отеле. — Он заколебался. — Интересно, не могли бы миссис Хейвен и Гамайэль помочь нам теперь, когда ситуация изменилась и Мун из жертвы превратился в предполагаемого убийцу?

Глава 3

Первой мыслью Джона было то, что лучший способ защитить предполагаемую жертву Муна — это открыть его замыслы широкой публике. Ему тут же доказали, что результат был бы только отрицательный. Это насторожило бы Муна, который мог отказаться от своего плана и придумать другой. Мун успел бы быстро уничтожить улики, такие, как снятые со счета деньги и шрифты пишущих машинок. И наконец, если бы пресса, радио или телевидение имели глупость использовать эту историю, их, а заодно и Шамбрена, привлекли бы к суду за клевету.

Но нельзя же стоять в вестибюле отеля «Бомонд» и каждому проходящему говорить: «Берегитесь Муна, он хочет вас убить!»

Последите за кошкой, и вы найдете мышиную норку.

Ожидаемая помощь со стороны Гамайэля и миссис Хейвен задерживалась. Старая дама имела ложу в опере, куда и отправлялась каждый вторник. Она уехала туда и на сей раз в своем древнем автомобиле, который вел столь же древний шофер. Гамайэля с ней не было, однако он тоже отсутствовал. Один из портье вспомнил, что Гамайэль имел обыкновение совершать частые прогулки, иногда небольшие, иногда долгие и далекие, так что угадать, когда он вернется, было невозможно. Однако его нередко видели в «Голубой лагуне» — ночном клубе отеля «Бомонд», куда он обычно являлся в десять часов вечера, к началу варьете. Потом он обедал, а в полночь смотрел повторение варьете.

Шамбрэн предложил Джону и Элисон отправиться в «Голубую лагуну».

— Тогда вы сможете сообщить мне, когда появится Гамайэль,— сказал он.— Что касается миссис Хейвен, то она вернется только после одиннадцати. Вагнеровский цикл кончается поздно.

Джон жаждал действия, но никакого конкретного дела пока не намечалось. Мун и Сторм были в пентхаусе «М». Пентхаус надежно охранялся, и если бы Мун захотел куда-нибудь выйти, то сразу попал бы под неусыпное око ребят Харди, а пока все сидели тихо и ждали.

Полицейские перенесли вещи Джона в другой номер, и он, наконец, смог принять душ. Потом переоделся и спустился в вестибюль встретить Элисон. Она жила в двух кварталах от гостиницы.

Джон увидел, как девушка вошла через вращающуюся дверь и направилась к нему. Стройная, с гордо посаженной головой, она двигалась плавно и непринужденно, и он почувствовал, как что-то сжалось у него в груди. Эта девушка, независимо от ситуации, всегда была верна себе — честная, прямая, женственная, неизменная и недоступная.

— Вы неплохо выглядите,— сказала она Джону.

— Вы тоже,— ответил он. С ней было легко и просто, и обычный обмен любезностями казался смешным. Она действительно была красива, так красива, что даже дух захватывало!

Элисон взяла его под руку, и они пошли через вестибюль в «Голубую лагуну». Дежурный администратор провел их к столику, который зарезервировал для них Шамбрэн.

В зале царила полутьма. Ансамбль, состоящий из рояля, флейты, ударных и баса, исполнял что-то в изощренных ритмах современного джаза.

— Мистер Шамбрэн заказал для вас обед, мисс Барнвелл,— сказал дежурный администратор.— Коктейли и вина — по вашему выбору.

— Тот martini, что нам так и не удалось выпить? — предложил Джон.

— Прекрасно,— согласилась Элисон.— Но что касается обеда, то мистер Шамбрэн — порядочный гурман. Едва ли мы получим наши сосиски, Джонни!

— Но мы могли бы взяться за руки! Хотя мы не на балконе и не в концертном зале...

Она бросила на него обеспокоенный взгляд.

— Не знаю, Джонни, не знаю... Все это слишком быстро.

Его сердце сильно забилося. Смысл ее слов был достаточно ясен.

— Я не уверена в своих чувствах, Джонни, — продолжала она. — С тех пор как я потеряла вторую половину долларовой бумажки, я дружила только с теми, кто нуждался в поддержке. Вы нуждались во мне, Джонни, и мне легко было прийти вам на помощь. Но...

— Элисон!

— Я отказалась от мысли о чем-либо другом. И вдруг, среди всей этой чудовищной свистопляски, ловлю себя на том, что мне этого до боли не хватает. Я убеждаю себя: это все потому, что мне так тоскливо без Билла. Но почему теперь, после четырех лет? Я стараюсь вспомнить, как он выглядит, — и он выглядит как вы!

— Элисон! — Он хотел взять ее за руку, но она мягко его отстранила.

— Пожалуйста, Джонни! Когда я говорила, что мы будем сидеть на балконе и держаться за руки, я была вашим другом, не более! Так просто, милый пустяк. Но сейчас все не так, и это меня мучает. Пусть все будет, как было, пока я не узнаю вас, Джонни! Ведь я знаю вас только в экстремальной ситуации. Надо признать, что тут вы смотрите. А каков вы за завтраком? Как вы обсуждаете с женой домашние проблемы, учите вести машину? Каков вы в обычной, нормальной жизни?

— Вы читаете газеты? — серьезно спросил он. — Можно ли в наше время жить не в экстремальной ситуации? Я смотрел на вас, когда вы шли ко мне, и говорил себе: вот если бы я мог проводить с ней каждый день! И я думаю, что делал бы это отлично, Элисон!

Официант принес martini.

— Все же подождем немного, Джонни, — тихо сказала она. — Ну, пожалуйста..

— Конечно, мне этого не хочется. Но, дорогая Элисон...

— За нас, Джонни! Что бы ни было — за нас!

Пьер Шамбрэн сидел в своем кабинете на четвертом этаже. Перед ним дымилась чашечка кофе. Его стол был завален скопившимися за день бумагами — заказами, которые надо подписать, отчетами руководителей отделов, которые нужно прочитать и утвердить, деловой корреспонденцией, находившейся в его ведении. Тут же лежал составленный Амато подробный план субботнего званого вечера.

Шамбрэн не прикоснулся ни к одной из бумаг. Он подошел к окну, держа в руках чашечку с кофе, и устремил взгляд в черноту Центрального парка, пронизанную тут и там огоньками уличных фонарей. Безграничный гнев вскипал в душе этого человека.

Безупречный порядок его мира распался по милости Обри Муна. Шамбрэн воспринял это как личный вызов. Большую часть своей деловой жизни он противоборствовал власти денег. Он научился особым приемам этой борьбы — обаянию, невозмутимости, совершенному значению каждой детали предпринимаемой операции, непрерывному изучению человеческих причуд. Тайная разведывательная служба снабжала его информацией, которую он мог использовать, чтобы повернуть ход вещей в нужное ему русло. Но в состязании с Муном этих приемов оказалось недостаточно. Его разведка не дала ему одного, самого важного, ключа — к о г о Мун собирается убить. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, почему Мун приложил столько стараний, чтобы так обставить это убийство?..

«Что же могло повредить Муну?» — спрашивал себя Шамбрэн. Жизнь Великого Человека, песомненно, была полна историй, подобных истории Мак-Айвера. Однако разглашение таких историй нисколько не волновало его. Репутация Муна была построена именно на легенде о его садизме. Может быть, он совершил совсем иное преступление, которое кто-то теперь хочет разоблачить? Но если так, почему этот человек медлит? Едва ли его можно было бы подкупить...

Ответ нужно искать в самой извращенной личности Обри Муна. В чем его самая большая слабость? В непомерном тщеславии. Жажда всегда быть в лучах прожектора. Неважно, что высветит этот прожектор, лишь бы оставаться на сцене, в центре внимания, купаться в лучах славы! Он потратил двенадцать лет, преследуя семью Мак-Айвера только потому, что его тщеславие пострадало, когда Уоррен Мак-Айвер публично обвинил его в трусости. Даже стравнительно небольшая рана, нанесенная его тщеславию, может превратить Муна в опасного врага...

Шамбрэн вернулся к столу, поставил пустую чашку и криво усмехнулся. Причина могла быть настолько нелепой, что никто не смог бы о ней догадаться! Марго Стюарт, например, вполне могла быть убита за намерение рассказать о том, что у Великого Человека на груди нет волос. Или что вся его болтовня насчет женщин — сплошной обман. Но что является причиной в данном случае? То, что знала о Муне

Марго-Стюарт, едва ли существенно, иначе ее убийство не было бы совершено столь небрежно. Конечно, и то небольшое, что она знала, могло бы навести на след, но не она была главной мишенью. В противном случае это убийство было бы подготовлено более тщательно...

Шамбрэн сел за стол и сдвинул в сторону груды бумаг. Он собрал утренние газеты и начал по второму разу читать все то, что было написано о Муне. Где-то здесь был ключ, намек, указующий знак. Он снял трубку и попросил соединить его с пентхаусом «М». Телефон был занят.

— Занято уже давно, мистер Шамбрэн! Мистер Сторм диктует своему синдикату завтрашнюю колонку.

— Дайте мне мистера Амато.

— Кажется, он уже ушел, сэр!

Шамбрэн опустил трубку с раздраженным вздохом. Он хотел получить списки гостей, приглашенных на день рождения Муна. В этом списке должно быть имя предполагаемой жертвы. Мун наверняка включил его, даже если знал, что этот человек не придет. Не включить его — значило бы привлечь к нему внимание. Несомненно, Амато имеет этот список, он должен заказать пригласительные карточки.

Шамбрэн уже поднялся с кресла, как вдруг что-то в «Трибюн» бросилось ему в глаза. Он постоял, глядя на газету, потом, сам того не замечая, стал тихонько насвистывать какой-то мотив. Наконец он снова снял трубку.

— Соедините меня с мистером Амато! Он дома.

Возможно, лейтенант Харди и не отличался мгновенной реакцией заядлого сыщика, но работал он тщательно и упорно. Он принял теорию Шамбрэна без всяких оговорок. А приняв, сразу начал действовать, отчетливо сознавая ожидавшие его трудности.

Муна пока трогать нельзя, хотя первой мыслью Харди было арестовать его под предлогом обеспечения его безопасности. На основе предполагаемого покушения на жизнь Муна подобная акция со стороны полиции была бы оправдана. В то же время Харди знал, что адвокат Муна мог бы добиться его освобождения раньше, чем они успели бы собрать достаточно фактов для его настоящего ареста.

Первым делом нужно было принять все меры безопасности здесь, в отеле «Бомонд». Тем временем следует использовать две имеющиеся у них возможные улики — вклады в банке и пишущие машинки. Сыщик по имени Грубер был отправлен в пентхаус «М», чтобы собрать образцы

шрифтов. Если Мун поднимет скандал, Грубер скажет ему, что они должны сверить шрифты его машинок со шрифтом некоторых бумаг, обнаруженных среди вещей Марго Стюарт. Пусть Мун попотеет от страха, размышляя над этим сообщением!

Харди засел за телефон, пытаясь соединиться со служащими банка Уолтон Трест и банка, где был счет Муна. Если дата, когда Мун снял деньги со счета, совпадет с датой вклада в Уолтон Трест двадцати тысяч долларов, это уже даст им в руки кое-какие нити. Конечно, это отнюдь не пошлет Муна на виселицу. Снятие со счета крупных сумм — обычное дело для человека, который тратит на свои банкеты сорок тысяч долларов! Но даже если им не удастся установить связь между этими двумя операциями, самый факт их свершения докажет Харди, что они на правильном пути.

Однако Харди не повезло. Все его усилия оказались напрасны. Просмотр банковской документации приходилось отложить до завтрашнего утра, так как того, кто имел к ней доступ, не было на месте. Все документы хранились в подвале с автоматической установкой времени, и открыть их раньше завтрашнего утра было невозможно.

Едва Харди покончил с телефонными звонками, появился Грубер и доложил, что в квартире Муна только одна пишущая машинка.

— Все, что он пишет, он диктует на магнитофон, а потом Марго Стюарт перепечатывала все это на машинке. Я взял образцы шрифта. Они не совпадают с тем, что в письмах Прим и Уилзу.

Харди со злостью рассматривал образцы.

— Но это ничего не значит, — бодро сказал Грубер. — Машинка-то из проката. Месяц назад у Муна была другая, из этого же ателье. А письма к Прим и Уилзу были написаны примерно недели за четыре-пять до этого. За это время фирма уже отремонтировала первую машинку, так что шрифт теперь, может быть, другой.

— Черт! — выругался Харди. — Как Мун воспринял ваше появление?

— Я его не видел. Там Уиллард Сторм. Мун отдыхал. Сторм разорялся насчет того, какой это был тяжелый день для Великого Человека. Сторм не возражал против того, чтобы я взял образцы шрифта.

— То-то вы такой веселенький. Уж Мун задал бы вам жару — хотя бы просто шутки ради!

Неудача встревожила Харди. Ему захотелось увидеть собственными глазами, что все идет как нужно. Он поднял-

ся в лифте на тот этаж, где была квартира Муна. У дверей в пентхаус «М» дежурили двое полицейских. Они доложили, что у Муна не было никого, кроме Грубера и Сторма. Последний пришел с Муном сразу после допроса и остался у него.

По пожарному ходу Харди вышел на крышу. Февральская ночь была холодна, и двое дежуривших здесь полицейских совсем оковали.

— Замерзнем тут совсем, лейтенант, — сказал один. — Может, будем дежурить по очереди?

— Нужно, чтобы здесь было двое, — ответил Харди. — Я пришлю вам двоих на смену.

— Кофейку бы!

— Пришло и кофе. — Харди взглянул на темные окна квартиры миссис Хейвен и вспомнил, что она сейчас в опере.

— Так не забудьте, что я вам говорил, — сказал он. — Кто-то может попытаться проникнуть к Муну, но главное, мне нужно знать, попытается ли сам Мун куда-нибудь выйти.

Он вернулся в здание, потирая застывшие руки. Чтобы проверить пост, установленный у служебного входа, нужно было либо пройти через квартиру Муна, либо спуститься на один пролет и там перейти на служебную лестницу. Не желая в данный момент встречаться с Муном, Харди спустился на один этаж, прошел по коридору и оттуда, по служебной лестнице, поднялся к черному ходу в квартиру Муна.

Еще не дойдя до площадки, он увидел, что его часовой лежит, распростершись, на ступеньках лестницы.

Холодная ярость охватила Харди. Человека сразили ударом сзади. На затылке зияла уродливая резаная рана. Он тяжело и прерывисто дышал. Харди приподнял его, придав ему более ровное положение. Потом взбежал по ступенькам и, убедившись, что дверь заперта, стал звонить и одновременно барабанить в дверь кулаком.

Казалось, прошло много времени, прежде чем он услышал, как отодвинули засов, звякнула цепочка и дверь открылась. Перед Харди, злобно глядя на него через очки, стоял Уиллард Сорм.

— Какого черта? — гневно сказал он. — Вы что, не можете прийти по-человечески, через парадную дверь?

Харди проскочил мимо него на кухню.

— Где Мун?

— Спит. По крайней мере спал, пока не начали ломиться в дверь.

— Позвоните и вызовите врача! Моего человека ранили.

— Минуту! — пробормотал Сторм. — Вы не имеете права беспокоить мистера Муна! Я...

— Звоните же! — крикнул Харди.

Еще не пройдя и десятка шагов внутрь насыщенной благовониями квартиры, он уже знал, что Мун здесь нет.

Глава 4

Мун ушел. Исчез бесследно. Постели в его спальне и гостиной были нетронуты с тех пор, как горничная убирала их утром.

Харди открыл парадную дверь и впустил дежуривших там двух сыщиков. Сторм, с горящими от возбуждения глазами, вызвал врача. Сыщики внесли раненого в квартиру. Тем временем Харди позвонил Джерри Додду.

— Мун сбежал! Перекройте все прилегающие улицы. Возьмите своих людей, моих, каждого, кому вы доверяете. Одному из моих мальчиков, кажется, проломили череп. Где Шамбрэн?

— Похоже, вы преследуете мистера Муна, — сказал Сторм. — Но ведь ясно, что убийца, которого вы ищете, трахнул вашего человека, открыл дверь и похитил мистера Муна!

Харди, попросив телефонистку соединить его с Шамбре-ном, повернулся к журналисту. Глаза его были холодны, как две новые монеты.

— Помолчите, Сторм! Через пару минут у вас будет масса времени для разговора, можете быть уверены.

— Мун ушел, — сообщил Харди Шамбре-ну. — Вышел через служебный ход, ранил моего человека в голову — и был таков!

— Должно быть, догадался, что мы его подозреваем, — ответил Шамбрэн.

— Я велел Джерри закрыть все ходы и выходы, но хватит ли у него людей? Как насчет служебного хода, кухни, что там у вас еще?

— Не будем тратить времени на разговоры, — сказал Шамбрэн. — Если он еще пробудет в отеле пять минут, он здесь и останется!

Опустив трубку, Харди повернулся к Сторму.

— Вы хотели говорить, Сторм! Пожалуйста, имеете полную возможность!

— Не давите на меня, Харди, — ответил Сторм. — Вы промазали с самого начала и сейчас опять мажете!

Харди слегка подтолкнул Сторма к креслу. В глазах за очками в черной оправе вдруг появилось выражение страха.

— Это далеко не лучший способ обращаться с прессой, Харди! Если с Муном что-нибудь стряслось, вам выгоднее иметь меня на своей стороне, гораздо выгодней!

— Не тратьте зря слов, Сорм, и слушайте, что я вам скажу! — Харди повернулся к одному из сыщиков, который появился в дверях. — Позови-ка тех, что на крыше! Они нужны здесь, в квартире. Как там Палмер?

— Тяжелое ранение, лейтенант!

— Сейчас будет врач. Один из вас останется здесь со мной. Остальные — на четвертый этаж! Доложите обо всем Шамброну. Он знает, куда вас послать. Мне нужен Мун, и немедленно!

— Есть, лейтенант!

Харди повернулся к Сорму.

— О'кей, приятель! У вас нет другой аудитории, кроме меня, так что давайте прямо — без лишних слов и угроз. Мне нечего терять, кроме работы, и, если мне придется вбить вам в глотку ваши прекрасные зубы, чтобы извлечь из нее чистую правду, — я это сделаю! Вы и Мун поднялись сюда после того, как мы говорили с вами в кабинете мисс Барнвелл. Что произошло с той минуты, как вы сюда пришли?

— Я не потерплю такого обращения, лейтенант! Я...

Харди угрожающе придвинулся к нему.

— Придется потерпеть, приятель! Отвечайте, и побыстрее. Что произошло после того, как вы с Муном пришли сюда?

Должно быть, Сорм почувствовал, что в словах и действиях Харди нет ни унции блефа. Он облизнул пересохшие губы.

— Ничего не произошло, — сказал он. — Мы пришли, Мун налил мне виски. Мне нужно было дать материал в газету, и я спросил, не могу ли я продиктовать его отсюда, по телефону. Он разрешил. Он очень устал. Захотел ненадолго прилечь. Ведь все-таки ему семьдесят пять. Такой день на него очень подействовал...

— Давайте дальше, — прервал его Харди. — Я поплачу о нем как-нибудь в другой раз!

— Вот и все! — Сорм развел руками. — Я сел за тот стол — набросать кое-какие заметки. Он ушел в комнату. Я работал с полчаса, потом пришел ваш человек сверить шрифты на машинке. На кой черт ему это было нужно?

— Он выполнял приказ! Итак, вы работали за этим столом...

— Вскоре после того, как ушел ваш парень, я позвонил в редакцию и продиктовал свою заметку. Едва я кончил, как вы начали ломиться в дверь. Естественно, я думал, что Обри все еще у себя в спальне. Я поспешил на кухню, чтобы впустить вас, пока вы его на разбудили.

— Значит, вы были здесь совсем один и писали свою заметку. А потом долго говорили по телефону. Так?

— Так.

— И вы говорите, что кто-то ударил моего человека, открыл черный ход отмычкой и похитил отсюда Муна?

— А что еще могло случиться?

— И вы ничего не слышали?

— Я закрыл дверь в холл, чтобы мой разговор по телефону его не потревожил. Я ничего не слышал, так что ничего другого нельзя предположить.

Харди вскипел.

— Вы непроходимый тупица, Сторм! Когда вы впускали меня, вам пришлось отодвинуть засов и снять цепочку. Выходит, тот парень, что так бесшумно вынес Муна, смог задвинуть засов и накинуть цепочку после того, как вышел на лестницу и закрыл за собой дверь? Что вы устали на меня, как баран на новые ворота!.. Вы были один в квартире. И именно вы заперли дверь после того, как выпустили Муна. Кого еще?

Лицо Сторма стало похоже на круг белого сыра.

— Соучастники убийцы садятся на электрический стул вслед за самим убийцей, приятель! У вас один шанс спасти свою шкуру, рассказав мне в точности все, что здесь произошло. Конечно, это слабый шанс, потому что, если Мун успеет сделать то, что он хочет сделать, никакие на свете слова вам не помогут!

На лице Сторма выступили капельки пота.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— сказал он.— Вы все время говорите так, будто Мун собирается кого-то убить. Но ведь это он в опасности, видит Бог! Поэтому я действительно выпустил его через черный ход, как только мы сюда пришли. Он сказал, что ему осточертела ваша слежка. Сказал, что хочет повидаться с кем-то, но тайно, так, чтобы никто об этом не узнал. То, как он это сказал, как при этом улыбался... я подумал, что это дама. Возможно, старик имеет какую-нибудь девочку в укромном уголке отеля? Наверняка кто-нибудь это знает! Такое нельзя долго держать в секрете. Так что там вы его и найдете...

— И вы должны впустить его в квартиру обратно?

— Нет. Он сказал, что вернется нормальным путем и

тем самым преподнесет вашим людям сюрприз. Он покажет, какой вы тугодум — не подумали поставить охрану у черного хода.— Сторм поднял руку, как бы защищаясь.— Я только цитирую его!

Харди глубоко вздохнул. Это уже было похоже на правду. После того, как Мун вернулся из кабинета Элисон к себе в пентхаус, прошло добрых полчаса, в течение которых Шамбрэн развивал свою теорию, прежде чем был выставлен часовой на верхней площадке служебной лестницы. Сторм, возможно, виноват лишь в том, что дурачил полицию, ничего при этом не зная о делах Муна. Итак, что же произошло, если исходить из этой версии? Почему Мун передумал и вернулся по служебному ходу? Почему нанес удар Палмеру? Все, что он должен был сделать,— посмеяться над Палмером и попросить, чтобы тот позволил ему войти в квартиру.

И тут Харди осенило. Если Палмер не успел увидеть, кто его ударил, Мун получил бы лишнюю возможность утверждать, что мифический убийца совсем близко, всего в нескольких шагах от его порога!

У дверей раздался звонок. Пришел врач.

— Оставайтесь с ним,— приказал Харди одному из полицейских, указывая на Сторма.— Не спускайте с него глаз. Не подпускайте к телефону!

— Я арестован? — осведомился Сторм. К нему вернулась доля его обычной самоуверенности.

— Чертовски догадливый парень,— повернулся к нему Харди.— Соучастие в замышляемом убийстве!

— Я имею право связаться с моим адвокатом!..

— Попробуйте! Джо, если он подойдет к телефону, разнеси его на части!

— Вы за это ответите! — пригрозил Сторм.

— Возможно.— Харди последовал за врачом в комнату, где лежал раненый Палмер.

Элисон и Джон увидели Джерри Додда в тот момент, когда им подали изысканный черепашковый суп.

— Извините,— сказал он. От его бывлой веселости не осталось и следа.— Вас обоих ждут у Шамбрена.

— О, Джерри,— недовольно протянула Элисон.— Мы только начали обедать. Может быть, через полчаса?

— Мун сбежал,— коротко сказал Джерри.— Пробил голову одному из парней Харди. Всех, на кого он мог положить глаз, требуют в кабинет Шамбрена. И прежде всего

вас, мистер Уилз! И мисс Барнвелл тоже. Босс считает, что Мун, возможно, и ею заинтересуется.

— Мной? — Элисон широко раскрыла глаза.

— Босс думает, что Мун может использовать вас, чтобы оказать давление на мистера Уилза. А насчет супа — прошу прощения!

Они прошли за Джерри к лифтам. Каждый, кто знаком с бытом большой гостиницы, сразу почувствовал бы смутную тревогу. У вращающихся дверей стояли полицейские, люди в штатском поспешно переходили из одного зала, бара, ресторана в другой.

Едва они дошли до лифта, в вестибюль ворвался мистер Амато. Он выглядел чрезвычайно нелепо — в спортивной куртке из яркой шотландки, распахнутом твидовом пальто и альпийской шляпе. Очевидно, он так спешил, что не успел надеть свой обычный рабочий костюм. Под мышкой он нес большой конверт.

— Вечер отменили? — спросил он, и страстная надежда прозвучала в его голосе. — Мистер Шамберн попросил меня срочно явиться к нему со списком приглашенных! А я захватил его домой, чтобы дать художнику, который завтра утром должен оформить пригласительные билеты. Так вечер отменили?

— По-моему, ваша язва может успокоиться, — ответил Джерри.

Они поднялись на четвертый этаж и прошли по коридору к офису Шамбрена. Джон вдруг заметил, что крепко сжимает руку Элисон.

В кабинете Шамбрена было полно народа. Джон увидел в углу непривычно смиренного Сторма. Шамбрэн сидел за письменным столом, склоняясь над планом гостиницы. Вокруг него собрались Харди и переодетые в штатское полицейские.

Харди показал план.

— Трудно представить себе, как он мог выйти из отеля незамеченным! Вы говорите, что все служебные входы ночью охраняются?

— После того, как кончается доставка продуктов, — ответил Шамбрэн. — Фактически невозможно внести даже кубик льда без проверки! Беда в том, что, не считая последних пятнадцати минут, ни у кого не было оснований задерживать Муна. Могло показаться странным, что он выходит из отеля мимо кухонь, но он ведь чужак, это всем известно...

— Но его бы запомнили! Его же все знают! — сказал Харди.

Шамбрен слушал, сжав зубы.

— Пока никто не вспомнил, что видел его. Но чтобы проверить это, нужно время. Сейчас в отеле работает свыше тысячи двухсот человек!

— Во всяком случае, он мог сойти только вниз, — заметил Харди. Он начал отдавать распоряжения своим людям, указывая определенные точки на плане.

В эту минуту появилась почтенная миссис Вич, неся переносной телефон.

— Спасибо вам, миссис Вич, — улыбнулся ей Шамбрен. — Устраивайтесь здесь. — Он освободил стол и положил туда план отеля. — Через несколько минут сюда начнут звонить отовсюду. Будут сообщать, какой участок проверен. Отмечайте каждый такой участок на плане. Дежурные по этажам обыскивают все чуланы, бельевые, проверяют каждый номер на каждом этаже. Если вам сообщат, что все в порядке, отметьте этот этаж!

— У вас есть чертежные кнопки, мистер Шамбрен? Ими отмечать быстрее и нагляднее.

— Молодчина! — Шамбрен достал из ящика стола коробку с кнопками. Миссис Вич наладила свой телефон, и тотчас же раздалось жужжание зуммера. Миссис Вич ответила и, послушав, быстро воткнула кнопку в какую-то точку на плане. Шамбрен посмотрел, отечески похлопал ее по плечу и повернулся навстречу запыхавшемуся Амато.

— Спасибо, что сразу пришли, Амато!

— Вечера не будет? Что случилось, мистер Шамбрен? Он отменил банкет?

— Банкета не будет, друг мой, — улыбнулся Шамбрен. — Возвращайтесь домой и напейтесь допьяна! Это принесет вашей язве гораздо больше пользы, чем вы воображаете. Только оставьте мне ваш список.

Амато положил перед ним список гостей.

— Я молился, — сказал он. — Молился всю дорогу, пока ехал сюда! Конечно, я всерьез не верил, но все-таки молился. — Он вышел танцующим шагом, даже не поинтересовавшись, что произошло.

В кабинете стало тихо, только непрерывно звучал зуммер телефона миссис Вич. План все гуще пестрел кнопками. Харди следил через плечо и втихомолку тоже молился. Он ждал, надеясь, что после очередного звонка какая-то точка на плане останется открытой. Это значило бы, что кто-то видел Муна.

— Как насчет наших двух друзей? — обратился Шамбрен к Джерри Додду.

— Гамайэль еще не вернулся, но мне сообщат, как только он явится. А за миссис Хейвен я послал Джека Строумейера. Он привезет ее из театра прямо сюда, не дожидаясь окончания спектакля.

— Пожалуй, это пока все, что мы могли сделать.— Шамбрэн посмотрел на Джона и Элисон с едва заметной усталой улыбкой.— Простите, что прервал ваш обед, детки! Джерри ввел вас в курс дела?

— В самых общих чертах,— ответила Элисон.

Шамбрэн объяснил, что произошло.

— В этом нападении на Палмера мало смысла, разве что Мун окончательно спятил. Но мы не должны исключать и эту возможность. Он может наброситься на любого, кто ему почему-либо не понравится.

— Он, должно быть, исчез из отеля,— сказал Джон.— Иначе бы его нашли через пять минут. Ведь его все знают в лицо!..

Шамбрэн устало махнул рукой в сторону миссис Вич, которая как раз втыкала очередную кнопку.

— Вы имеете хотя бы отдаленное представление о том, сколько здесь укромных уголков и закоулков? В таком отеле, как этот? Простите, одну минутку! Мне нужно посмотреть этот список.— Он развернул листы, которые привез Амато. Он явно искал чье-то имя — и нашел. Губы его сжались. Он повернулся к Джерри.

— Строумейер будет звонить из оперы?

— Н-нет, мистер Шамбрэн. То есть, если все в порядке, если она там и с ней ничего не случилось.

— Ну что ж, будьте внизу, Джерри! Как только придет машина, нужно взять миссис Хейвен под охрану. Никто не должен приближаться к ней ни с какой стороны, пока она не дойдет от машины до этого кабинета. Никто, кроме вас и Строумейера! Понятно?

— Вполне,— ответил Джерри и исчез.

— Миссис Хейвен и Гамайэль — единственный ключ к разгадке,— объяснил Шамбрэн.— То, что их нет в отеле, настоящее бедствие.— Он снова взглянул на миссис Вич. Она только что сняла трубку и воткнула еще одну кнопку.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросил Джон.

— Сидите и ждите,— ответил Шамбрэн.— Когда явится миссис Хейвен, вы и Элисон можете понадобиться.

— Думаете, она даст ответ на ваш вопрос?

Тяжелые веки Шамбрэна почти сомкнулись.

— Я думаю, она и есть ответ!

Едва стрелка часов перешагнула цифру десять, у боково-

го входа в отель «Бомонд» остановилась машина. Оттуда вышел старый шофер и открыл дверцу. В глубине, напряженно выпрямившись, сидела миссис Хейвен. Старик откинул покрывавший ее колени меховой полог. Джек Строумейер, всю дорогу просидевший в неловком молчании рядом с миссис Хейвен, вышел с противоположной стороны и, обойдя машину, остановился на тротуаре. Из отеля появились Джерри Додд и двое полицейских.

Старик-шофер помог миссис Хейвен выйти из машины.

— Простите, что испортил вам вечер, миссис Хейвен! — сказал Джерри.

— Искренне надеюсь, ради вас, Додд, что ваш хозяин имел для этого серьезные основания! Вы понимаете, что сегодня пела Нильсон? — Она оттолкнула протянутую руку Джерри. — Я не нуждаюсь в вашей помощи, Додд! Отто прекрасно знает мои привычки.

Старый шофер, едва доходявший до плеча миссис Хейвен, взял ее под руку и довел до вращающейся двери.

— Доброй ночи, Отто!

— Доброй ночи, мадам!

Миссис Хейвен бурно прорвалась через двери и на всех парусах устремилась в противоположный конец вестибюля. Додду и Строумейеру пришлось буквально бежать за ней. Ее синее пальто, подбитое песцом, летело за ней, как шлейф. Платье под ним напоминало наряды героев диккенсовских «Больших ожиданий».

— Я доберусь к себе и без вашей помощи, Додд!

— Боюсь, нам придется идти в кабинет мистера Шамбрена, мадам.

— Если Шамбрен захочет объяснить свое бесцеремонное поведение, пусть придет ко мне сам! — отрезала миссис Хейвен. — Имейте в виду, Додд, я никогда не доверяла этому человеку. За семь месяцев, что я здесь живу, он ни разу не поговорил с Тотто! Берегитесь того, кто не любит собак!

— Это распоряжение полиции, миссис Хейвен, — сказал Джерри. — Боюсь, что вам все же придется пойти с нами к мистеру Шамброну.

— Распоряжение полиции? — Ее голос прозвучал так громко, что люди в другом конце вестибюля оглянулись.

— Что-то касающееся мистера Муна, мэм! Сюда, пожалуйста!

Ее рука, украшенная кольцами, как короткая клешня сомкнулась на его запястье.

— Так заговор против Муна удался? — спросила она.

— Нет, мэм! По крайней мере, мы думаем, что нет. Лейтенант Харди и мистер Шамбрэн все вам объяснят, мэм!

Она тяжело оперлась на него. Он подумал, что ей стало плохо. Но она тут же выпрямилась и вошла в лифт. Они молча поднялись на четвертый этаж. Строумейер вышел первым и убедился, что в коридоре никого нет.

Миссис Хейвен величественно всплыла в кабинет мистера Шамбрэна, явно справившись с минутной слабостью.

Первым, кого она увидела, войдя в комнату, был Джон Уилз. Глаза ее гневно заблестели.

— Это вам я обязана всем этим, Уилз?

— Простите, миссис Хейвен! Я рассказал лейтенанту Харди, и мистеру Шамбрэну, и Элисон о нашей встрече. Но вас пригласили сюда не потому.

— Пригласили! Этот молодой человек буквально выволок меня из ложи, — а во втором акте пела Нильсон! Значит, вы не пожелали сохранить наш секрет, Уилз! Я разочарована. Не в вас, а в своем суждении о вас!..

— Миссис Хейвен, с тех пор как мы с вами виделись, так много произошло... Вы знаете, что секретарь Муна убита?

— Я думаю, — мягко заметил Шамбрэн, — что миссис Хейвен лучше было бы сесть. — Он с поклоном указал на уютное, обитое зеленой кожей кресло у своего письменного стола.

— Ваши манеры официанта на меня не действуют, мистер Шамбрэн! Человек, который мог семь месяцев игнорировать невинную собачку... — проворчала она, удобно устраиваясь в кресле.

Харди все еще стоял у стола миссис Вич, лицо его выражало благоговейный ужас.

— Не хотите ли кофе, миссис Хейвен? — спросил Шамбрэн.

— Нет! Вот если бы у вас нашлось немного пшеничного виски...

— Сию минуту!

Пока Шамбрэн наливал виски, Элисон присела на ручку кресла миссис Хейвен.

— То, что произошло, просто ужасно, миссис Хейвен, — сказала она. — По-видимому, против мистера Муна нет никакого заговора...

— Никакого заговора?

— Против Муна — никакого! Он сам заговорщик, и его замысел направлен против одного из вас.

— Что вы хотите сказать этим своим «против одного из вас», мисс Барнвелл?

— Против клуба, — сказал Джон. — Клуба мистера Гамайэля.

Шамбрэн подошел, держа маленькую рюмку с бурбоном, и предложил ее женщине.

— И это называется по-вашему «выпить»? — Она опрокинула рюмку, осушив ее одним глотком. — Кто-нибудь, наконец, объяснит мне вразумительно, что происходит? Хотела бы я знать, стоит ли это того, чтобы срывать меня с «Зигфрида»?

Спокойно, почти в тоне обычной беседы, Шамбрэн ввел старую леди в курс событий. Она слушала, сидя прямо и неподвижно в своем кресле.

— Так что, как видите, — заключил Шамбрэн, — этот человек охотится за кем-то, но за кем — мы не имеем ни малейшего представления! Мистер Уилз подсказал нам, что вы и мистер Гамайэль могли бы нам помочь. Мы не нашли мистера Гамайэля. Мы должны были привезти вас сюда, мы думаем, что спасаем чью-то жизнь. И даже великая Нильсон простила бы нас, если бы знала, почему вы ушли из театра!

— Не будьте идиотом, Шамбрэн, — сказала она твердо и каким-то совершенно незнакомым голосом. Она смотрела куда-то сквозь них, как будто их здесь и не было.

— Позвольте мне быть предельно точным, миссис Хейвен, — произнес Шамбрэн. — Мы привели вас сюда не просто для того, чтобы получить какую-то информацию. Мне показалось, что вы, именно вы являетесь мишенью Обри Муна!

— Какая чепуха, — ответила она, избегая его взгляда.

Он повернулся и взял со стола утренний выпуск «Трибюн». Газета была раскрыта на странице, где были помещены фотографии. Мун с Бернардом Шоу, Мун с итальянской кинозвездой, Мун с принцем Уэльским и репродукция портрета пропавшей без вести Виолы Брук... Он подал газету миссис Хейвен. Она посмотрела на фотографии и пристально взглянула на Шамбрэна.

— Я не хочу обидеть вас, миссис Хейвен, сказав, что мне было двенадцать лет, когда это случилось, в 1922 году, не правда ли? Я не думаю, что когда-нибудь видел портрет Виолы Брук, еще сегодня утром, когда я просматривал газеты, он не привлек моего внимания. Но вечером, когда я увидел его снова, меня вдруг осенило!..

— Виола Брук давно умерла! — резко сказала миссис Хейвен.

— Я уверен, что все, кто сейчас находится в этой комнате, уважают ваши желания, миссис Хейвен. Но учтите, Обри

Мун знает, что она жива! И я думаю, он смертельно боится ее, миссис Хейвен. Ее-то он и собирается убить. Вы могли бы нам сказать, почему, и помочь нам защитить ее!..

Она долго молчала. Все ждали, затаив дыхание.

— Ну что ж, вы правы, — сказала она наконец тихо, почти неслышно. — Я — Виола Брук!

Глава 5

Потрясенный Джон Уилз зачарованно смотрел на миссис Хейвен. Как? Эта нелепая старуха — та прославленная красавица, что сорок лет назад бесследно исчезла из своей гримборной в середине спектакля? Почти целый год газеты мусолили ее историю и отступились только тогда, когда всякая надежда найти ключ к ее исчезновению оказалась напрасной. Виола Брук, которая, по общему мнению, была любовницей Муна в течение ряда лет после первой мировой войны!

Глаза старой женщины обратились к Уилларду Сторму, сидевшему в кресле у противоположной стены. Он наклонился вперед, глаза его за стеклами очков в темной оправе возбужденно блеснули в предвкушении сенсации.

— Я говорю вам правду, Шамбрэн, которая мне дорого обойдется! Этот червяк, — миссис Хейвен указала на Сторма костлявым пальцем, — ославит меня на весь мир. Ему обязательно присутствовать при моем рассказе?

— Не беспокойтесь, миссис Хейвен, — сказал Харди. — Он будет делать все, что ему скажут. Ему придется считаться с нами, если он не хочет неприятностей!

— Даже в семьдесят три года женщина остается тщеславной, — сказала миссис Хейвен, не обращая ни к кому в особенности. — Некоторые женщины даже в старости сохраняют свою красоту. По многим соображениям, мне пришлось вести другую игру. Чтобы меня не узнали, я сделала себя комическим персонажем. Тридцать лет это была веселая игра. Последние пять лет стали адом!..

— Ваш муж умер пять лет назад, миссис Хейвен? — мягко спросил Шамбрэн.

Она кивнула. Глаза ее под густо накрашенными веками были закрыты.

— Мы не хотим причинять вам боль, миссис Хейвен, — сказал Шамбрэн. — Но в интересах дела мы должны выяснить некоторые подробности. Осман Гамайэль — ваш друг?

— Настоящий, верный друг!
— Он знает о вас всю правду, миссис Хейвен?
— Да! Он, мой шофер Отто и Обри — единственные, кто до этого момента знали истину.
— Вы знаете, где сейчас мистер Гамайэль?
— Нет. Он ушел от меня, когда я собиралась в театр.
— И ни вы, ни он ничего не знали об убийстве мисс Стюарт?

— Я ничего не знала, пока вы мне сейчас это не рассказали. Осман, уходя от меня, тоже ничего не знал...

— Насколько та история, что вы рассказали Джону Уилзу, соответствует действительности?

— История? — Она взглянула на Джона. — Я полагаю, он принял все как факт! Действительно, есть человек двадцать или более, которые будут морально и социально уничтожены, если Мун умрет насильственной смертью. Он собрал против этих людей определенные факты, и, если он умрет не своей смертью, эти факты будут обнародованы — может быть, его адвокатом, а может, поверенным в делах. Мы с Османом чувствовали, что просто необходимо сохранить ему жизнь. Мы думали, что Уилз, сам ставший жертвой, нас поймет... сможет помочь!

— Значит, насильственная смерть Муна сильно повредила бы вам, миссис Хейвен?

Ее объемистая грудь поднялась и опустилась, как огромная волна, от глубокого, долгого воздуха.

— Мне меньше, чем другим, — наконец сказала она. — Да, моя личная жизнь станет всеобщим достоянием! Да, моя подлинная личность будет установлена со всей сопутствующей этому шумихой! Но другие окажутся перед лицом настоящего бедствия...

— Но вы объединились с ними, хотя лично для вас опасность не так велика, как для них?

— Да, Шамбрэн! Да — потому что, если бы не я, Обри не смог бы превратить жизнь этих, да и многих других людей, вроде Уилза и его отца, в бесконечный ад. Я виновата, потому что была эгоисткой! — Она посмотрела прямо в лицо Джону. — Я виновата в смерти вашего отца, Уилз, потому что думала только о себе.

— Право же, этому трудно поверить, миссис Хейвен, — сказал Шембрэн.

— Это правда, — возразила она, — хотя должна сказать в свое оправдание, что в течение тридцати пяти лет понятия не имела о том, что происходит, что Обри вытворяет со своей жизнью и с жизнями других людей. Я хочу, чтобы вы

знали все как есть, Шамбрэн! — Ее костлявые руки крепко сжались.

Шамбрэн взял пустую рюмку и подошел к бару. Через мгновение он вернулся, неся высокий старинный стакан, наполненный до краев. Миссис Хейвен поблагодарила его сияющей улыбкой. Сорок лет тому назад эта улыбка, несомненно, была полна сокрушительного обаяния.

— Вот это совсем другое дело! — Она отпила почти полстакана и поставила его на стол. — Я жила с Обри Муном пять лет, Шамбрэн. Теперь для меня сказать это — все равно что признаться, что пять лет я болела проказой! Но вначале все было совсем иначе. Последний год войны. Вокруг безрассудство, радость, наслаждение жизнью. В те дни Обри был очарователен! Это было еще до того, как он стал знаменит, но, конечно, уже тогда он был баснословно богат. Мы делали все, что хотели, имели все, что желали. В ту пору я была в зените славы. Я тогда не сознавала, что обладание мной повышало престиж Обри. Он был богат, и людям казалось естественным, что такой человек завоевал прелестную и знаменитую Виолу Брук. Я думала, мне казалось, что мы влюблены друг в друга. Позже я открыла, что Обри никого не любит, кроме себя! Когда к нему пришла слава, после войны, благодаря его писаниям, — я стала ему не нужна, и тогда он начал садистски закручивать гайки. — Из груди старой женщины вырвался глухой звук, может быть, смех. — Тогда, Шамбрэн, я могла уничтожить его одним словом — но я этого не сделала. Я думала, что люблю его! Чего он только не делал, чтобы унизить и посрамить меня! Об этом слишком больно вспоминать даже теперь, через столько лет. Я работала в труппе, игравшей спектакль в «Вест-Энде». Спектакль имел успех и долго не сходил с афиш. За мной стал ухаживать молодой человек, его звали Хейвен. Я привыкла к поклонению. Множество людей воображали, что они влюблены в Виолу Брук! Но Джордж Хейвен был особенно настойчив. В какой-то момент я попыталась избавиться от него, рассказав ему всю несчастную историю моих отношений с Обри. Однако это его не оттолкнуло. И для меня он стал вдруг тихой гаванью, где я могла бы укрыться от бури, грозившей мне крушением. Однажды вечером, как раз перед началом спектакля, он пришел ко мне в примерную. Я не говорила вам, что он был инженером одной крупной нефтяной компании. Он сказал мне, что его посылают на Ближний Восток. Своему начальству он заявил, что женат и должен взять с собой жену. Пароход отходил в тот же вечер, в девять часов. Он умолял меня уехать с ним. Я отказыва-

лась. Мой спектакль... Моя карьера... А потом, когда он уехал, я поняла, что он — моя единственная надежда, если я вообще хочу как-то жить! В антракте, посреди спектакля, я вышла из театра. Я встретила с ним на пароходе — без вещей, в чем была. Я не успела забежать домой. Мы отплыли. Капитан обвенчал нас. «Виола Брук» был мой сценический псевдоним. Я венчалась под собственным именем. Если бы какой-нибудь репортер на борту и упомянул об этом эпизоде, мое имя никому ничего бы не сказало. А теперь я стала миссис Хейвен, и это имя тоже не представляло для прессы ни малейшего интереса!

Первое поселение, где мы обосновались, находилось в пустыне. Кроме нас там было еще трое белых, таких же инженеров, как Джордж. Никто из них не знал меня в лицо, и никому бы не пришло в голову ассоциировать меня с Виолой Брук. Мы стали частью этого мира. Случайная газета из метрополии дала нам представление о сенсации, вызванной моим исчезновением, но сценические фотографии Виолы Брук никого не насторожили, я знала, как можно изменить свою внешность. И пока мы жили вне Англии, мы были в безопасности. Мы не хотели возвращения этой истории! Не хотели, чтобы Обри о нас узнал. И там мы прожили на Ближнем Востоке тридцать лет. Он успешно работал и к концу третьего десятилетия был уже очень богат, а я превратилась в стареющую женщину, не имеющую никакого сходства с Виолой Брук.

Вскоре мы поняли, что можем спокойно вернуться в Англию. И только тогда я узнала, какую жизнь вел все эти годы Обри и сколько зла он причинил другим людям. Это открытие, Шамбрэн, потрясло меня, потому что я могла бы предотвратить многое!

— Вы говорите это уже не первый раз, миссис Хейвен. Каким образом?

— Вся карьера Обри Муна основана на обмане, — спокойно сказала она. — Его первый роман «Боевой порядок», который принес ему литературную славу, был экранизирован и переложен для сцены, который сделал Обри Муна самой яркой из звезд литературного мира, — написан не им...

— Простите? — произнес Шамбрэн, пораженный ее словами.

— Один молодой офицер, бывший в отпуске в Париже, дал Обри для прочтения свою рукопись. Обри не успел вернуть ее вместе со своими замечаниями, так как молодой человек был вскоре убит в сражении. Обри ждал, что кто-нибудь востребует рукопись, но никто так и не явился. Еще

до того, как Обри пришло в голову выдать книгу за свою, он дал мне ее прочесть. Так что я знала, кто автор.

Знала и тогда, когда книга вышла под именем Обри. О, конечно, он внес некоторые изменения — и неплохие. Но все равно, это была не его книга. Это меня очень огорчило, но я любила его и оставила все как есть. И вот ирония судьбы — именно эта книга и ее успех нас и разлучили. Позже я уже ни о чем не думала, только о бегстве, и мой дорогой Джордж помог мне в этом... — Миссис Хейвен сделала паузу и допила свой бурбон.

Наконец она снова заговорила.

— Пять лет назад Джордж умер. Мне было тяжело оставаться в Англии, и я переехала в Америку. Однажды, это было около года тому назад, меня навестил Осман Гамайэль. За все эти годы, что мы жили на Ближнем Востоке, Осман был единственным, кто узнал меня. Как настоящий друг, он не выдал моей тайны — он тоже был жертвой Обри — какая-то политическая оплошность. Осман рассказал мне страшную историю. С возрастом Обри стал еще более жестоким. Рассказывали о десятках людей, страдающих от его преследований. Осман знал, как Обри расплачивается за нанесенные ему обиды. Что можно было сделать, чтобы воспрепятствовать ему? Тогда-то я и вспомнила, что у меня есть кое-что против него.

Я приехала сюда, в «Бомонд», повидаться с ним. Не могу передать вам, Шамбрэн, что это была за сцена! Марго Стюарт была там и все это слышала. Потому он, наверное, и заставил ее замолчать. Бедная девочка! Вот вам пример излюбленного приема Обри — закручивать гайки. Она была влюблена в юношу, уехавшего воевать в Корею. Вела себя неосмотрительно. Появился ребенок. Молодой человек попал в плен и перешел на сторону красных. Она пыталась воспитывать ребенка, скрывая, что он незаконнорожденный и что отец его — изменник. Но Обри узнал ее секрет и держал ее на крючке, как рыбку!

Она снова помолчала, сидя с закрытыми глазами.

— Что же было, когда вы встретились с Муном лицом к лицу? — мягко спросил Шамбрэн.

— Он начал смеяться надо мной, говорил, что я стала карикатурой на самое себя. Но тут он просчитался, теперь меня этим не уязвишь! А потом, Шамбрэн, я пустила в ход свой козырь. Либо он прекратит свои безумные садистские выходки, либо я открою правду о начале его литературной карьеры. Я думала, он убьет меня на месте! К счастью, перед тем как поехать к нему, я написала заявление о ро-

мане «Боевой порядок», подписалась и сдала на хранение в сейф.

В сущности, это был тупик. Я применила против него его же прием. Если бы он уперствовал в своем садизме, я бы его разоблачила. Если бы я рассказала о нем всю правду, он бы обрушил свою месть на Османа и других. Я слишком хорошо знала, с кем имею дело. Достигнув вершины, увенчанный лаврами, он не потерял бы теперь даже намека на то, что в основе его карьеры — литературная кража! Поэтому я купила квартиру в этом отеле, живу рядом с ним и слежу за ним, как сторожевая собака. До самоубийства Прим, пока не обнаружилось, что против Обри существует заговор, все было относительно спокойно. Потом мы с Османом подумали, что кто-то другой, еще одна жертва Муна, доведенная до крайности, решил убить Обри, невзирая на возможные последствия...

Наступила пауза. Наконец, после долгого молчания, Шамбрэн сказал:

— Боюсь, что ваш человек, «доведенный до крайности», это сам Мун, миссис Хейвен!

Между тем сообщения по телефону стали реже. План отеля, лежащий перед миссис Вич, пестрел кнопками. Поиски Муна пока не дали никаких результатов.

Нужно было принять решение насчет безопасности миссис Хейвен, а это было нелегко, поскольку она настаивала на возвращении в свою квартиру.

— Вы можете охранять меня там, — сказала она Харди, — не хуже, чем в любом другом месте! Очевидно, Обри покинул гостиницу. Если он вернется, вы же можете не допустить его ко мне.

Не считая тюремной камеры, решил Харди, у себя дома она в такой же безопасности, как и в любом другом помещении. Можно охранять парадный и служебный входы. Никаким иным способом Мун не сможет проникнуть на крышу. Они могут проводить ее наверх, обыскать ее квартиру и прилегающий к ней участок крыши, выставить кордон вокруг ее пентхауса — и ни одна душа к ней не проникнет.

Шамбрэн, видимо, не был столь уверен.

— Будем смотреть на вещи прямо, миссис Хейвен! Сейчас Мун, вероятно, уже понял, что мы его ищем. Он знает, что рано или поздно мы его найдем и что ему предъявят обвинение в убийстве Марго Стюарт. Зная ход его мыслей, мы можем почти не сомневаться, что он сделает отчаянную попытку добраться до вас — главной причины его непри-

ятностей. А после этого ему будет уже все равно, что бы с ним ни случилось.

— Но как он сможет до меня добраться? Ваши люди блокируют все ходы к моей квартире!

— Не знаю,— ответил Шамбрэн.— Он знает вас лучше, чем мы, миссис Хейвен!

— Он знал меня сорок лет назад,— сухо сказала она.— Я уже не та, что была тогда...

Шамбрэн покачал головой.

— Он знает вас и сегодня! Знает, что вы готовы пойти на риск, став между ним и его садистскими забавами. Меня беспокоит мистер Гамайэль. Что, если Мун позвонит вам и скажет, что жизнь Гамайэля в опасности и зависит от вашего свидания с ним, Муном?

Она пристально посмотрела на Шамбрэна.

— Что я должна делать?

— Не сходить с места. Ничего не предпринимать. Ничему не верить,— сказал Шамбрэн.— Я бы предложил следующее. Хорошо, если бы с вами в квартире побыли мисс Барнвелл и мистер Уилз. Я не хотел бы оставлять вас одну даже на минуту! Если Мун вдруг позвонит вам, пусть к телефону подойдет мистер Уилз. Я не хочу, чтобы Мун сыграл на вашей симпатии к кому-нибудь из друзей.— Он покачал головой.— Сам не знаю, чего я жду, миссис Хейвен, но боюсь, что может случиться что-то такое, чего ни один из нас не предвидит!..

— Я пойду с миссис Хейвен,— сказал Джон.— Но не Элисон! Не впутывайте ее в это дело. Если дело дойдет до открытой схватки, то поверьте, миссис Хейвен, я не останусь в стороне!

Шамбрэн посмотрел на него как-то странно.

— Я думаю, Элисон тоже не хотела бы оставаться в стороне, Джон! И мне хотелось бы, чтобы рядом с миссис Хейвен была женщина. Не спрашивайте почему. Я просто должен быть уверен, что ничего не упустил из виду.

Тревога Шамбрэна сначала показалась Джону преувеличенной. Харди со своими людьми уже поднялись наверх. Они должны были обыскать квартиру миссис Хейвен и доложить по телефону о результате осмотра. Доступ на крышу для обитателей гостиницы закрыт с момента исчезновения Муна. Как только Харди позвонит, их уже будет ждать лифт, что рядом с офисом Шамбрэна. В холле наверху не будет никого из посторонних, и они проведут миссис Хейвен прямо к двери ее квартиры, не отставая от нее ни на шаг.

Старая миссис Хейвен не проявляла ни малейших при-

знаков возбуждения. Джон, стоявший рядом с Элисон, не был столь же спокоен. Каким-то образом тревога Шамбрена передалась и ему. Если Мун действительно намерен нанести удар, это должно случиться немедленно, ибо стена, которую они воздвигают вокруг миссис Хейвен, исключит возможность всякого нападения!

Зазвонил телефон. Это был Харди. Путь свободен. Никаких признаков опасности.

Шамбрен вышел в холл и вызвал лифт. Когда кабина открылась, он посигналил Джону, стоявшему в дверях. Двое полицейских прошли по коридору — один в одну сторону, другой — в другую, убедившись, что все спокойно. Затем Джон и Элисон быстро провели миссис Хейвен через холл к лифту.

У входа в пентхаус их встретил Харди.

— Все в порядке, миссис Хейвен! — сказал он уверенно.

Струя теплого воздуха охватила их, едва они вошли в квартиру. Элисон оглядывалась, широко раскрыв глаза от удивления. Миссис Хейвен сохраняла невозмутимое спокойствие, как будто принимала обычных гостей, — пока не повернулась к маленькой плетеной корзинке, где царствовал Тото.

— Вот глупыш, — сказала она. — Когда меня слишком долго нет дома, он сердится и забирается в мою кровать — что совершенно против правил!

Она проплыла по коридору, направляясь в спальню. Джон, Элисон и Шамбрен молча ждали, пока она вернется. Из холла, расставив по местам своих людей, вошел Харди.

— А где же она? — спросил он.

— Пошла за своей собакой, — ответил Шамбрен.

Они услышали ее громкий крик:

— Тото, скверный мальчишка, где ты?

— Здесь не было никакой собаки, — сказал Харди. — Я осмотрел каждый дюйм в доме!

Шамбрен уставился на Харди. И в этот момент до них донесся, как будто издалека, жалобный вой. Тото явно был в беде.

— Пошли! — крикнул Шамбрен.

Джон бросился вслед за ним. Порыв холодного ночного воздуха пронесся по коридору. Джон подумал, что где-то открыто окно. Вой Тото слышался отчетливее, но все еще издалека.

— Проклятый пес удрал на крышу! — сказал Шамбрен. — Миссис Хейвен! — крикнул он. — Не выходите, мы вам его сейчас достанем!

Дверь на участок крыши, принадлежавший миссис Хейвен, была распахнута настежь. Приблизившись, Шамбрэн и Джон увидели старую даму в развевающемся на ветру манто. Она открыла калитку, ведущую на соседний участок крыши.

— Тото! — донесся до них, перекрывая ветер, ее голос.

Джон, обгоняя Шамбрэна, очутился рядом с ней в тот момент, когда она шагнула за калитку. Сердце его замерло, он вдруг понял, что эта часть крыши — владения Муна.

Миссис Хейвен остановилась. Ее подбитое песком пальто вздымалось на ветру, как крылья. В нескольких ярдах от нее, отчаянно извиваясь на покрытой гудроном поверхности крыши, барахтался Тото. Его лапы были связаны так, что он не мог сдвинуться с места. Увидев миссис Хейвен, он жалобно заскулил.

Позади него, в рамке двух вечнозеленых деревьев, растущих в кадке, стоял Обри Мун. Он был без пальто и без шляпы, его жидкие волосы беспорядочно трепал ветер.

— Ах ты, старая, злобная ведьма! — донесся до Джона его голос. — В конце концов ты все-таки добралась до меня! Но это дорого тебе обойдется, Виола! Очень дорого!..

Он поднял руку и направил дуло пистолета прямо в широкую грудь миссис Хейвен.

Джон закричал во всю силу легких, надеясь отвлечь внимание Муна. В этот же миг из-за деревца возникла вдруг неясная фигура. Молниеносное движение — и Мун издал громкий вопль. Пистолет выпал у него из рук. Джон бросился вперед и упал, накрыв пистолет своим телом. Он услышал показавшиеся ему нелепыми слова миссис Хейвен: «Бедняжка Тото! Мой маленький Тото! Неужели ни у кого нет ножа?»

Джон вскочил на ноги. Мун, обезумев, молотил левой рукой, стараясь ударить атаковавшего его человека. Правая рука его беспомощно повисла. Человек нанес ему еще один удар, и Мун, рухнув, замер в неподвижности.

Шамбрэн и Харди с карманным фонариком в руке были уже тут, и Джон увидел мистера Османа Гамайэля, который, стоя над распростертым Муном, вытирал носовым платком серебряный набалдашник своей трости. Он бросился мимо Джона к миссис Хейвен, которая держала Тото, прижимая его к себе, как ребенка.

— Дорогая Виола, что я наделал! — вскричал он. — Я прокрался сюда, чтобы защитить его, как только услышал об убийстве Марго Стюарт, и вот — сделал именно то, чего

мы боялись! Но когда я увидел, что он в вас целится...

— Осман, не будьте идиотом! — громогласно произнесла старая дама. — Вы оказались просто героем! Кстати, у вас случайно нет перочинного ножа? Он перевязал бедного Тото, как индейку в День благодарения!

По свидетельству хирурга, нанесенные Муну повреждения не представляли опасности для его жизни.

Нетрудно было представить себе, что произошло. Правда, поскольку Мун еще не подвергался допросу, это были в основном догадки, но догадки вполне реальные. Каким-то образом Муну стало известно, что Шамбрэн разгадал его намерения. Возможно, он просто подслушал весь разговор. После этого у него осталась лишь одна цель: миссис Хейвен должна быть наказана, а дальше — будь что будет. Но как? Ее будут оберегать, на крыше выставят посты охраны. Поэтому он проскользнул обратно на служебную лестницу и внезапно атаковал полицейского. Вместо того, чтобы выбраться из отеля, он поднялся на крышу и прокрался к черному ходу квартиры миссис Хейвен. Там он подождал, пока Харди не отозвал своих людей с крыши, послав их обыскивать гостиницу. У него был ключ-отмычка, который он взял у Марго Стюарт. В том, что именно он убил Марго, не было сомнений. Она знала историю миссис Хейвен. Она знала или угадала правду о предполагаемом покушении на жизнь Муна. Он сам сфабриковал эту фальшивку. Может, в подпитии она пригрозила ему разоблачением. Он пошел за ней следом в номер Джона и убил ее, будучи уверен, что подозрение падет на Уилза.

— Таким образом, он ждал у квартиры миссис Хейвен, чтобы я освободил крышу, — сказал Харди. — Потом, с помощью отмычки, он вошел внутрь через черный ход. Счастье, что ее там не было!

Они сидели в гостиной миссис Хейвен, с наслаждением потягивая ее знаменитое виски из Кентукки. Все, кроме Гамайэля, который прихлебывал свой неизменный розовый ликер.

— Самым безопасным для него после этого было вернуться к себе в пентхаус, — продолжал Харди. — Он правильно предположил, что мы не будем больше искать его там. Фактически мы ни разу не вышли на крышу до того момента, когда проводили сюда миссис Хейвен. И вот он разработал план действий. Он вернулся сюда и забрал собаку. Он знал, что миссис Хейвен непременно выбежит, как

только услышит собачий вой! И будет отличной мишенью, независимо от того, кто окажется у нее за спиной. Если бы не мистер Гамайэль, все вышло бы так, как он задумал...

— А я,— сказал Гамайэль,— проклинал себя, как последнего идиота! Ведь я не знал, как все обернулось. Я вышел пройтись. Очень беспокоился. Чувствовал, что человек, который решил убить Муна, при первой же возможности нанесет удар. Самый удобный путь — добраться до Обри по крыше. Меня тревожило, хорошо ли охраняется крыша. Я вернулся в отель, вовсе не стараясь сделать это тайно. Подозреваю, что это был самый напряженный момент. В общем, факт тот, что меня никто не заметил. Я прошел по коридору к служебному лифту, который ночью работает без лифтера, поднялся на крышу. Вот и все — проще простого!

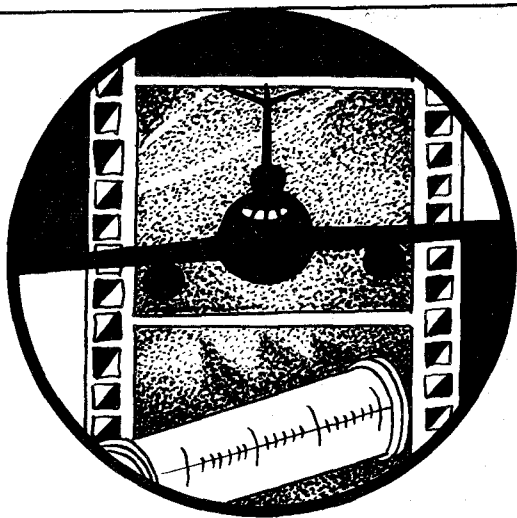
— Возведите стену хоть в девять футов высотой, все равно кто-нибудь отыщет в ней незакрепленный кирпич,— заметил Харди.

— Я рыскал по крыше, надеясь найти хоть кого-нибудь из ваших людей, Харди! Встревоженный легкостью, с какой я проник сюда сам, я уже собирался сойти вниз и устроить вам разнос, как вдруг увидел, что в квартире миссис Хейвен вспыхнул свет и сразу же погас. Но я же знал, что она уехала в оперу! Она никогда не пропускает спектакля, если поет Нильсон. Поэтому я спрятался за одним из больших кустов — посмотреть, что будет дальше. Вообразите, дорогая, как я удивился, когда увидел, как из вашей квартиры вышел Обри, да еще с Тото на руках! — Он пожал плечами.— Немного позже меня удивило, что пришла полиция и стала обыскивать ваш дом. Как только они ушли, опять появился Обри с Тото — связанным, как вы видели,— и положил его на крышу. Бедный песик безутешно плакал, а потом — потом выбежали вы. Я действовал инстинктивно...

Миссис Хейвен нежно поглаживала Тото, лежавшего у нее на коленях.

— Я думаю, мы одержали победу, Осман! — сказала она.— Обри будут судить за убийство бедняжки Стюарт. Он не даст никаких показаний против наших друзей, потому что я не расскажу правду об авторе «Боевого порядка». Думаю, он постарается любой ценой спасти свое литературное бессмертие! — Она оглядела Джона, Элисон и всех вокруг сияющими глазами.

— Кажется, наш людоед наконец объелся! Наполните же стаканы, Уилз, я хочу выпить за это...

ОБОРОТНИ

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Майкла Дигби Салливана друзья и болельщики звали не иначе, как Диггер. Ему было двенадцать, когда его отец, летчик-испытатель тридцатых годов, погиб в бою над джунглями Бирмы. Пять лет спустя его мать, очаровательная Лаура Льюис, игравшая в тридцатых и начале сороковых годов в фильмах со «звездами» Голливуда, летела с группой артистов на концерты в частях действующей армии. Самолет потерпел катастрофу над Тихим океаном. В интервью корреспонденту одной из голливудских газет семнадцатилетний сын Лауры произнес пророческую фразу:

— Я собираюсь умереть на суше.

От матери юноше осталось немалое наследство, так что в деньгах он не нуждался. От отца он получил смуглую кожу и греческий профиль. Многие прочили ему карьеру артиста, но эти прогнозы не оправдались. Он никогда не появлялся на киноэкране, кроме как в выпусках хроники, и не выходил на сцену.

Специального образования он не получил, но унаследовал любовь отца к мощным двигателям. Диггер придерживался обета, данного сразу же после трагической смерти матери. Он оставался на земле. Гоночные машины стали его хобби, и к двадцати пяти годам он уже выигрывал многие соревнования во Франции, Италии, Мексике, Америке. Свои автомобили он конструировал и строил сам. Дюжину раз он попадал в аварию, но отделывался лишь царапинами. В тридцать лет Диггер считался одним из лучших гонщиков, наравне со Стирлингом Моссом и другими великими. Его хорошо знали во многих курортных городках других стран, где автомобильные гонки котировались куда выше, чем в Америке. В поле зрения репортеров часто попадали любов-

ные пассии Диггера: известные красавицы, киноактрисы, манекенщицы. Но жениться он, похоже, не собирался.

Затем, в 1960 году, парижская полиция арестовала Диггера Салливана по обвинению в убийстве полковника Жоржа Вальмона. Главным свидетелем обвинения была Жюльет Вальмон, дочь убитого. С десятков раз в парижских газетах появлялись фотографии ее и Салливана и уже пошли разговоры, что Диггер попался-таки на крючок. А тут она обвинила его в убийстве отца. На предварительном слушании выяснилось: у Салливана железное алиби. Однако Жюльет Вальмон настаивала, что перед смертью ее отец назвал Диггера, и она сама видела, как тот убегал с места преступления. Салливана освободили, но пересуды о том, сколько пришлось выложить ему за это алиби, не прекращались.

В 1963 году, когда Салливану было тридцать пять лет, горничная «Бомонта», самого роскошного отеля Нью-Йорка, застала его в чужом номере, куда он проник, по всей видимости, с целью грабежа. Горничная вызвала сотрудника службы безопасности «Бомонта», и Салливана, мрачного и молчаливого, препроводили в кабинет управляющего отелем на четвертом этаже.

Выше я пересказал вам все то, что знал о Диггере Салливане к тому моменту, когда его ввели в кабинет Шамбрэна. Он поселился в «Бомонте» четыре дня тому назад, а моя работа как пресс-секретаря отеля состояла, помимо прочего, и в том, чтобы уведомлять местных газетчиков о прибытии знаменитостей. Естественно, я не коснулся его прошлых грехов, да и весьма смутно помнил ход судебного процесса, состоявшегося тремя годами раньше. Журналисты также не сочли нужным заглянуть в старые подшивки своих же газет, поэтому в колонках светской хроники проскользнуло лишь упоминание о его прибытии в Нью-Йорк да перечень его достижений как гонщика.

Два человека, смотрящие друг на друга через стол, сработанный флорентийскими мастерами не одно столетие тому назад, являли собой полную противоположность. Слово «красота» обычно не применимо к мужчинам, но Диггера Салливана нельзя было охарактеризовать иначе, чем красавец. Шесть футов три дюйма роста, широкие плечи, узкие бедра, великолепный профиль. Все же чувства, которые он, должно быть, испытывал, схваченный за руку на месте преступления, скрывали темные очки. Он стоял, словно окаменев. Его молчание, его неподвижность приковывали внимание, и я едва слышал, что говорил Шамбрэн. На меня

Майкл Дигби Салливан произвел впечатление героя рыцарского романа.

Напротив него стоял Пьер Шамбрэн, управляющий отелем и мой босс, невысокого роста, коренастый, смуглолицый, с черными глазами, которые могли пронзать насквозь и светиться добродушным юмором. По происхождению он француз, что явствует из имени, но еще маленьким мальчиком пересек океан и считает себя американцем. По роду деятельности — организация работы отелей — он часто бывает в Европе, свободно говорит на нескольких языках, так что во многих странах его принимают за своего. А уж в «Бомонте» он король. Об отеле он знает все, вплоть до мельчайших нюансов. Сотни сотрудников отеля любят и боятся его. Он поощряет инициативу, и все его подчиненные знают, что в конфликтных ситуациях он всегда готов взять на себя ответственность за спорное решение. Его уважают настоящие короли, крупные промышленники, видные политические деятели, кинозвезды и светские львицы, коридорные и уборщицы, проститутки, приходящие по вызову, старшие официанты и даже самые вспыльчивые из людей — шеф-повара. Он умеет отнестись почтительно к важным шишкам, знаменитостям, богачам, не выказывая подобострастности, и поговорить дружелюбно с теми, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы, обходясь без покровительственного тона. Кроме того, его черные с набрякшими веками глаза намекают на то, что он знает о собеседнике гораздо больше, чем ему следовало бы знать.

Шамбрэн, как обычно, курил египетскую сигарету, сквозь синеватый дым разглядывая Салливана.

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы смогли прийти ко мне, мистер Салливан, — Шамбрэн сел.

— У меня не было выбора, — хрипло ответил Салливан.

Шамбрэн указал на меня.

— Вы знакомы с мистером Хаскеллом, нашим пресс-секретарем?

— Вы собираетесь подбросить газетам лакомый кусочек?

— Наоборот, мистер Салливан. Едва ли мы упрочим репутацию «Бомонта», если широкой публике станет известно, что один из наших гостей оказался вором.

Щека Салливана дернулась.

А Шамбрэн как ни в чем не бывало продолжал:

— Работа мистера Хаскелла состоит в том, чтобы препятствовать распространению подобной информации.

Я попросил его прийти, потому что хочу, чтобы наш разговор проходил при свидетеле.

Салливан не ответил. Он не кивнул, даже не посмотрел на меня. И почему-то мне стало неловко, словно вором был я, а не он.

Шамбрэн взглянул на лежащую перед ним полоску бумаги.

— «Майкл Дигби Салливан,— прочитал он вслух.— Конструктор спортивных автомобилей, автогонщик. Расчетный счет на сумму с пятизначной цифрой в Уолтэм-Траст. Неограниченный кредит. Владелец виллы на юге Франции, дома и небольшого автомобильного завода около Грит-Солт-Флэтс в штате Юта. Собственность не заложена, приносит ежегодный доход»,— он посмотрел в темные очки.

— Ваша тайная полиция потрудились на славу,— пробурчал Салливан.

Шамбрэн взял со стола квадратный бланк из плотной бумаги.

— Мы постоянно набираем информацию о наших гостях, мистер Салливан. Ранее вы останавливались у нас дважды. В эти учетные карточки, помимо постоянного адреса, финансового положения, имен ближайших родственников, если они есть, мы вносим и специальные сведения. Отмечаем, не было ли конфликтов с администрацией или служащими отеля, а также личностные особенности каждого гостя. Буква «А» на карточке указывает, что гость — алкоголик. «Ж» на карточке мужчины говорит о том, что он весьма неравнодушен к женщинам, особенно к дорогим проституткам, которые изредка заглядывают в бар «Трапеция». «М» на женской карточке указывает, что дама ищет богатого мужа. «Ч» означает, что данный гость не может позволить себе цены «Бомонта», и надо следить за тем, чтобы его счет не оказался чрезмерно большим. В случае семейных пар «МЛ» мы ставим, когда муж выдает за жену любовницу, а «ЖЛ» — когда жена наставляет мужу рога. Ваша карточка, мистер Салливан, девственно чиста. Вы — идеальный гость, от которого администрация не ждет никаких подвохов.— Шамбрэн затушил окурок и тут же зажег новую сигарету.— Разумеется, медицинские сведения мы не собираем,— добавил он.

— Как хорошо сознавать, что и у нас могут быть секреты,— сухо заметил Салливан.

— Мне приходилось сталкиваться с очень богатыми людьми, страдающими психическими заболеваниями. Кста-

ти, среди женщин, относящихся к этой категории, не так уж редко встречается клептомания.

— И мне вы поставили такой же диагноз? — бесстрастно спросил Салливан.

— Нет, — Шамбрэн откинулся на спинку стула. — Сегодня днем вы попросили у горничной, обслуживающей ваш этаж, ключ-отмычку, обосновав просьбу тем, что забыли свой ключ в номере и обнаружили это, лишь захлопнув дверь. Пятнадцать минут спустя горничная заметила табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ» на дверях номера, который занимали господин и госпожа Шарль Жирар. Так уж получилось, но она видела, что Жирары покинули номер полчаса тому назад. Она решила, что они просто забыли снять табличку, сняла ее сама и открыла дверь, чтобы занести в номер. Естественно, она не могла не заметить, как вы роетесь в чемоданах Жираров и в бюро.

— Похоже, преступник полностью изобличен, — подытожил Салливан.

— От Жираров я узнал, что из их номера ничего не пропало. Мистер Салливан, вам не хватило времени найти то, что вы искали?

Салливан словно и не слышал вопроса.

— Вы сказали Жирарам, кто побывал в их номере?

— Нет, — покачал головой Шамбрэн.

Мне показалось, я заметил, как мгновенно спало напряжение, сковывающее Салливана. Он полез в карман ладно скроенного пиджака за сигаретами.

— Что вы искали, мистер Салливан? — голос Шамбрэна посуровел.

Салливан поднес к сигарете золотую зажигалку.

— Вы, конечно, знаете, что в Египте есть городок под названием Эль-Аламейн? — спросил он, вроде бы меняя тему разговора. — Там Восьмая армия Монтгомери, прорвав фронт Роммеля, переломила ход Северо-Африканской кампании. Но до начала сражения фронт замер на долгие месяцы. Союзники и немцы установили в пустыне чуть ли не два миллиона мин. После окончания войны прошло уже восемнадцать лет. Но вам известно, что по каким-то причинам карта минных полей не обнародована ни одной из сторон? И восемнадцать лет, с постоянством, свойственным восходу и заходу солнца, местные жители подрываются на этих затаившихся чудовищах. Вы спросите, почему не предпринимается никаких мер. Они предпринимаются. ООН и различные благотворительные организации поставляют протезы рук и ног тем несчастным, кто остается в

живых, но без одной или двух конечностей. А чиновники тем временем обсуждают технические детали, связанные с публикацией карт минных полей. Вот вам веселенькая история, которая пока не стала достоянием общественности.

Салливан замолчал, и в кабинете повисла тяжелая тишина.

— От ваших слов стынет кровь, мистер Салливан, но я не понимаю, какое отношение имеют они к случившемуся в нашем отеле,— наконец заметил Шамбрэн.

— Вы же спросили, что я искал.

— И пока не получил ответа.

Вновь дернулась бледная щека Салливана.

— Я искал полевые мины. Старые полевые мины.

Черные глаза Шамбрэна не отрывались от лица Салливана.

— Как я понимаю, в переносном смысле.

— Разумеется, мина, которую я ищу, не взорвет ваш отель, Шамбрэн. Во всяком случае, его стены уцелеют,— он глубоко затаился.— Теперь, как водится, вы вызовете полицию?

Ответ Шамбрэна меня удивил.

— Я хотел бы подумать над этим. Мадам Жирар, насколько мне известно, в девичестве звали Жульет Вальмон.

Жульет Вальмон, которая три года тому назад публично обвинила Салливана в убийстве!

Впервые Салливан отвел глаза, повернувшись к окнам, выходящим на Центральный парк.

— Совершенно верно.

Шамбрэн встал, показывая, что разговор подошел к концу.

— Мистер Салливан, вы, безусловно, знаете, что завтра сюда приезжает господит Поль Бернардель, специальный представитель президента Франции в Международной торговой комиссии. Я подозреваю, что именно этим вызвано ваше появление в отеле. Мне известно, что в недалеком прошлом вы встречались и с господином Бернарделем, и с мадам Жирар, тогда Жульет Вальмон. Сейчас неважно, кому я симпатизирую. Каждый гость в этом отеле вправе рассчитывать на одинаковые услуги и одинаковую безопасность. Номер отеля — неприкосновенная территория для всех посторонних. Попрошу запомнить это, мистер Салливан. Как вы будете решать свои проблемы, меня не касается. Но Жирары, пока они являются гостями «Бомонта», нахо-

дятся под моей защитой. И если для их защиты мне потребуется вызвать полицию, я ее вызову.

Салливан тут же повернулся к нему. Решение Шамбрэна его устраивало.

— Премного вам благодарен, — и он вышел из кабинета, без стука закрыв за собой дверь.

Шамбрэн вновь сел и начал складывать лежащие перед ним бумаги. Я стоял и молчал. Шамбрэн словно и не замечал меня.

— Я еще нужен вам, мистер Шамбрэн? — наконец не выдержал я.

Он поднял голову, его глаза весело блеснули.

— Вы молодец, Марк.

— Простите, сэр? — я не понял, что он хотел этим сказать.

— Только один человек из тысячи мог устоять перед искушением обрушить на меня лавину вопросов. И только один человек из тысячи способен выполнить работу, на которую я нанял вас. Я очень надеюсь на вас, Марк.

— Благодарю вас, сэр.

Тут он открыто рассмеялся.

— И снова никаких вопросов?

— Вы скажете мне все, что я должен знать. Могу я послать пресс-релиз, подготовленный к завтрашнему прибытию Поля Бернарделя?

— Ну, разумеется, — кивнул Шамбрэн.

Я направился к двери.

— Марк!

— Да, сэр?

— В картотеке под буквой «Ж» вы найдете досье на господина и госпожу Шарль Жирар. Вырезки из французских и американских газет, начиная с весны шестидесятого года. Прочитайте их на досуге. Там вы найдете ответы на некоторые вопросы, которые вы, несомненно, хотите задать. После того, как вы ознакомитесь с историей Жульет Вальмон, Поля Бернарделя и Майкла Дигби Салливана, возвращайтесь назад, и мы обсудим наши дальнейшие действия.

— Могу я сразу задать один вопрос, сэр?

Шамбрэн вскинул брови.

— Насколько фигуральным был разговор о полевых минах здесь, в отеле?

— Мне понятна ваша озабоченность, — кивнул Шамбрэн. — Скажем так, одновременное присутствие в отеле господина и госпожи Жирар, Салливана и Поля Бернарделя

чревато крупными неприятностями. Нам есть что защищать помимо кирпичных стен, которым, как уверял Салливан, ничего не грозит. «Бомонт» — не просто здание, Марк. Это образ жизни.

Глава 2

Утверждение, что «Бомонт» — образ жизни, вдалбливалось в меня ежедневно с тех пор, как почти год назад я поступил сюда на работу. Чаще всего я слышал об этом от Алисон Барнуэлл, очаровательной женщины, тогдашнего пресс-секретаря отеля. Но месяц тому назад Алисон вышла замуж и распрощалась с нами. Я полагал, что Шамбрэн возьмет на ее место опытного специалиста, хорошо знакомого с подобного рода деятельностью, но он предложил эту должность мне.

— Возможно, у вас нет опыта, Марк, но за год вы уже многому научились и поняли, что свойственно нашему отелю, а что — нет. Новому человеку потребуется не меньше времени, чтобы освоиться. Если вы не против, я хотел бы работать с вами.

Естественно, я тут же согласился, но день, когда Дитер Салливан отправился на поиски мин в номер Жираров, ясно показал, что я еще не стал «зубром» в своем деле.

«Ж» — Жирары.

Досье я унес в свой кабинет, расположенный на одном этаже с кабинетом Шамбрэна. Шарль Жирар пользовался неограниченным кредитом. Жил он на улице Клебер в Париже. За прошедшие пять лет останавливался в отеле дважды, каждый раз один. В настоящее время впервые приехал с мадам Жирар. Никаких особых знаков я не обнаружил, не считая ссылки на прилагаемые вырезки из газет. Вырезки лежали в конверте из плотной бумаги.

Мои знания французского ограничивались школьным курсом, поэтому я смог прочитать только те статьи, что публиковались в лондонских и нью-йоркских газетах. Первые из них относились к маю 1960 года, когда в Париже убили полковника Жоржа Вальмона.

Полковник Вальмон, черноволосый, симпатичный мужчина, если судить по двум имеющимся в досье газетным фотоснимкам, активно поддерживал генерала де Голля. Он являлся советником президента Франции по алжирской проблеме. Генерал стремился к независимости Алжира, но встретил яростное сопротивление со стороны живущих в Алжире французов, и особенно офицеров расквартирован-

ных там частей французской армии. Террористическая организация, созданная этими офицерами, в 1960 году подняла в Алжире кровавые мятежи, а затем протянула щупальца и во Францию, поставив целью уничтожение верных союзников политики де Голля. В повседневную жизнь страны прочно вошли уличные стычки, взрывы бомб, политические убийства.

Судя по всему, полковник Вальмон занимал одну из первых строк в списке на уничтожение. Попытка покушения на его жизнь, предпринятая секретной армейской организацией (ОАС), закончилась неудачно. Вальмон временно ушел в подполье. Но десятью днями позже его изрешетили пулями в дешевой квартирке на Левом Берегу. Враги нашли и убили его. Для того времени — обычное дело, но далее оно приняло неожиданный оборот.

Вальмон, вдовец, жил вместе с дочерью, Жульет. Она тоже переехала в квартирку на Левом Берегу. В ходе расследования убийства полковника показания мадемуазель Вальмон произвели эффект взорвавшейся бомбы. В те дни белокурая красавица Жульет (волосы достались ей от матери-американки) часто появлялась на публике с Диггером Салливаном, известным автогонщиком. Правда, лондонские газеты чаще называли его американским авантюристом. Казалось, что Салливан и Жульет вот-вот объявят день помолвки.

Когда Вальмон ушел в подполье после первого покушения на его жизнь, только Салливан, как показала Жульет, знал, где находится полковник, не считая, разумеется, ее самой. Жульет Вальмон настаивала, что никто более не имел ни малейшего понятия о том, где затаился ее отец.

Утром того дня, когда убили Вальмона, Жульет пошла в магазин, чтобы купить еду. Менее квартала отделяло ее от обшарпанного дома, в котором они поселились, когда она услышала автоматные очереди. Жульет сразу поняла, что они означают. Побросала пакеты с едой и бросилась к дому. Увидела, как из подъезда выбежал мужчина, прыгнул в спортивный автомобиль с мощным двигателем и умчался. Она настаивала, что этот мужчина — Салливан, хотя и видела его только сзади. Не так уж много мужчин, даже издалека, можно принять за Салливана. Не запомнила Жульет и номерного знака, но клялась, что у подъезда стоял точно такой же автомобиль, что и у Диггера.

Жульет взбежала по ступенькам и нашла отца, рассеянного автоматными очередями, на полу. Она припала к нему, понимая, что надежды на спасение нет. Умирающий

смог произнести только одно слово: «Майкл». Ее отец, настаивала Жульет Вальмон, назвал имя убийцы.

Днем позже парижская полиция арестовала Дигтера. Его поиски продолжались уже более двадцати часов, когда он сам пришел в префектуру. Он отказался сказать что-либо в свое оправдание. С каменным лицом выслушал предъявленное обвинение. На суде, к всеобщему удивлению, не задал Жульет ни одного вопроса, не попытался поставить под сомнение ее версию. Казалось, знаменитый американец обречен.

Но потом пришла очередь свидетелей защиты, и адвокат вызвал Поля Бернарделя, известного французского промышленника. На заводах Бернарделя изготавливалась популярная во Франции недорогая малолитражка. Бернардель увлекался автогонками, и его машины участвовали во многих соревнованиях. Там-то и завязалось знакомство Бернарделя и Салливана, со временем переросшее в дружбу. Показания Бернарделя не оставили камня на камне от обвинительного заключения. Бернардель твердо заявил, что в день убийства Салливан находился в его загородном поместье. В тот миг, когда в квартире Вальмона прогремели автоматные очереди, он испытывал новую гоночную машину Бернарделя. Поместье находилось в двухстах километрах от Парижа. Они весь день возились с машиной и не имели возможности послушать выпуски новостей. Об убийстве полковника Вальмона узнали только на следующее утро. Дигтер возвратился в Париж, как только услышал, что полиция разыскивает его, и добровольно сдался властям. Никто не позволил себе усомниться в честности Бернарделя. Обвинению пришлось признать, что Салливан не мог убить полковника Вальмона.

Но прокурор попытался добраться до него другим путем. Только Дигтер и Жульет знали, где скрывается полковник. И Дигтера попытались обвинить в том, что он выдал Вальмона его врагам. Но прокурор не смог сформулировать даже мотив преступления. Салливан не интересовался политическими процессами во Франции, тем паче не принимал в них ни малейшего участия. Он полюбил, по меньшей мере, увлекся Жульет, подружился с полковником. Он был богат, так что не мог польститься на деньги.

Несмотря на все, Жульет твердила, что видела, как Салливан выбежал из подъезда и умчался в машине, в которой она сама ездила не единожды. А его алиби — фальшивка. Но последнее утверждение явно противоречило здравому смыслу. Дело в том, что Поль Бернардель был убежденным

голлистом, то есть находился по одну сторону баррикады с полковником Вальмоном. Кроме того, они дружили еще с юности. Так что Бернардель никогда бы не стал прикрывать убийцу Вальмона.

Дигтера Салливана полностью оправдали.

И лишь Жульет Вальмон отказалась поверить в его невиновность. Теперь ей совершенно ясно, заявила она репортерам, что Салливан ухаживал за ней с одной целью — втереться в доверие к полковнику, чтобы при удобном случае подставить его под пули террористов. Она назвала показания Бернарделя ложью и поклялась, что не пожалеет жизни ради того, чтобы доказать свою правоту.

Согласно газетным материалам, прокурор приложил немало усилий, чтобы поставить под сомнение показания Бернарделя. После вынесения оправдательного приговора он дал понять, что не откажется от поисков истины и приложит все силы, чтобы Дигтер понес заслуженное наказание.

Прокурора звали Шарль Жирар.

Последняя вырезка перенесла меня в настоящее. Шестью месяцами ранее Жульет Вальмон вышла замуж за Шарля Жирара.

И вот четыре главных героя этой загадочной истории объявились в тихом, умиротворенном королевстве Пьера Шамбрэна — в отеле «Бомонт».

— «Чревата крупными неприятностями», — так охарактеризовал ситуацию Шамбрэн.

Что ж, подумал я, приятно отвлечься от приевшихся показов мод, деловых банкетов, костюмированных балов.

На столе загудел сигнал аппарата внутренней связи. Мой секретарь Шелда Мэйсон, бывшая ранее секретарем Алисон Барнуэлл, решила пообщаться со мной. Она все еще не могла определиться в отношении ко мне, и меня это несколько нервировало, потому что Шелда была чертовски красива. Я чувствовал, что место ей — на страницах журналов мод, а не в крохотной клетушке на четвертом этаже. Я бы с большим удовольствием приглашал ее в ресторан или на концерт, а не просил принести ту или иную бумагу. Но опасался, что где-то затаился ее поклонник, которому могла не понравиться моя фривольность. У поклонников таких девушек, как Шелда Мэйсон, чувство собственника обычно гипертрофировано.

Похоже, Шелду умиляло происходящее в отеле «Бомонт».

— Мистер Мюррей Кардью шлет наилучшие пожела-

ния, — сухо сообщила она, — и ожидает увидеть тебя через двадцать минут в баре «Спартанец». Он обещает угостить тебя хересом, если, конечно, ты принесешь все материалы касательно встречи господина Поля Бернарделя в субботу вечером.

— Скажи мистеру Кардью, что я приду.

— Мистер Кардью не ждет ответа, — вразумила меня Шелда. — Его хватил бы удар, если б ты ответил «нет». Материалы по встрече Бернарделя я приготовила.

Шелда сидела за столом в изысканном зеленом костюме, подчеркивающим достоинство ее фигуры.

— Я тебя ненавижу, — улыбаясь, она протянула мне тонкую папку.

— В чем я провинился?

— Ты прошел мимо меня в кабинет, словно и не заметив, что я здесь. Я не привыкла к тому, что меня не замечают, мистер Хаскелл. Ты же знаешь, что я сгораю от любопытства.

— По какому поводу?

— Идиот! — ну где еще секретарь награждает босса таким эпитетом. — Что Великий Отец Белых сделал с Майклом Дигби Салливаном? Заточил в Бастилию?

— Он думает над этим.

— Тогда у меня еще есть время.

— На что?

— Мой дорогой Марк, ты, конечно, слишком глуп, чтобы понять, что Диттер Салливан — мечта любой девушки. Я надеюсь, что мне удастся убедить тебя познакомить меня с ним. Иначе придется подстеречь его в баре «Трапедия». Как ты думаешь, я красивее, чем она?

— Она?

— Жульет Жирар, — Шелда обворожительно улыбнулась. — Я могла бы рассказать тебе всю историю, Марк, и тебе не пришлось бы рыться в газетных вырезках. Кто-то из нас должен приглядывать за вновь прибывшими.

Кстати сказать, ее обязанности и состояли в том, чтобы ежедневно просматривать регистрационную книгу и сообщать мне, не требует ли кто из новых гостей нашего особого внимания. Она ничего не сказала мне о Жирах, хотя те жили в отеле уже несколько дней.

— Я не видел мадам Жирар, но поставил бы на тебя.

— Благодарю вас, сэр.

— Что Жирахы делают в Нью-Йорке?

— ООН, — ответила Шелда. — Шарль Жирар — специальный прокурор, представляющий интересы француз-

ского правительства. США отказываются выдать Франции бежавших оттуда членов ОАС, обвиняемых в подготовке покушения на генерала де Голля. Перед Жираром поставлена задача найти брешь в международном праве, не допускающем выдачи лица, нарушившего закон по политическим мотивам.

— Почему ты работаешь в отеле, а не в Государственном департаменте? — полюбопытствовал я.

— Потому что ты симпатичнее госсекретаря, это во-первых, — с улыбкой ответила она, — а во-вторых, я надеюсь, что в следующую выборную кампанию Пьер Шамбрэн будет баллотироваться в президенты нашей страны. Между прочим, Мюррей Кардью обгрыз уже не один ноготь, дожидаясь тебя.

Неохотно (будь моя воля, я бы не отходил от Шелды ни на минуту) я направился вниз, в бар «Спартанец», где ждал меня Мюррей Кардью. Отделанный дубовыми панелями бар предназначался только для мужчин. Посещали его главным образом пожилые люди. Скорее он напоминал клуб с сигарным киоском, где продавались также особые сорта трубчатого табака, газетной стойкой и угловыми столиками, где седовласые джентльмены часами играли в трик-трак.

Мистер Мюррей Кардью ежедневно приходил туда перед ленчем и уходил под вечер, чтобы переодеться к обеду. Когда я только поступил на работу в «Бомонт», Шамбрэн побеседовал со мной о Мюррее Кардью.

— Вы думаете, у нас полные досье на наших гостей? — начал он. — На фоне Мюррея Кардью мы просто дилетанты. Он сможет сказать вам, откуда взялись деньги у каждого из них, нарисовать фамильное дерево любого, он в курсе всех сплетен, не говоря о достоверной информации. Кардью стал бы величайшим шантажистом, если бы захотел обратить в деньги известные ему сведения. Но он джентльмен старой школы.

— И он слишком богат, чтобы нуждаться в деньгах, — смело добавил я, предположив, что беднякам в «Бомонте» делать нечего.

Шамбрэн улыбнулся и выудил из картотеки досье Мюррея Кардью. Мистер Кардью, занимавший одноместный номер на семнадцатом этаже, не платил по счетам уже семь или восемь лет. Питался он в отеле, иногда приглашал гостей к обеду. Их имена также имелись в досье.

— Разумеется, ему нужно немного денег, на одежду, чаевые, посещения оперы или музеев. Он получает их от меня, как безвозвратную ссуду.

— Почему? Он — ваш давний друг?

— Очень давний, — кивнул Шамбрэн. — Но стал бы я убирать скульптуру Эпштейна из Колонного зала, если б мне сказали, что освободившееся место можно использовать с большой выгодой для отеля? Мюррей Кардью неотделим от отеля, его традиций. И день, когда он не появится в баре «Спартанец», а такой день, конечно, придет, ему уже около восьмидесяти, ознаменует конец эры.

Трудно объяснить, какое впечатление производил на меня Мюррей Кардью. Мне — только тридцать. Мюррей Кардью — на семнадцать лет старше нашего века. Я однажды слышал его рассказ, как маленьким мальчиком он проводил лето в Саратоге. О Ричарде Кэнфильде, знаменитом владельце казино, о Викторе Герберте и его оркестре, выступавшем в роскошных отелях, об Уитни и Вандербильтах, только начавших создавать промышленные империи, о Берри Уолле, светском льве, который как-то выиграл пари, за один день появившись на людях в сорока костюмах... Мюррей Кардью одевался в стиле той эпохи. В «Спартанце» он появлялся в неизменных черном пиджаке, полосатых брюках, галстуке из серого шелка с широкими, как у шарфа, концами, украшенном заколкой с черной жемчужиной. Добавьте к этому перламутрово-серую жилетку с белыми перламутровыми пуговицами и гетры, серые — зимой, белые, из хлопка — летом. Если он надевал пальто, подозреваю, его единственное, с красивым меховым воротником, то обязательно с котелком и тростью из черного дерева с серебряным набалдашником. Молодежь видела в нем комика, участника костюмированного бала. Мне он казался воплощением достоинства. Стройная фигура, легкая походка, седые, тщательно уложенные волосы, аккуратно подстриженные усы, всем своим видом Мюррей Кардью показывал, что появление в обществе — дело серьезное, не терпящее пренебрежения даже в мелочах. Картину дополняла белая гвоздика в петлице пиджака, за которой он заходил в цветочный магазин в вестибюле отеля ровно в двенадцать часов сорок пять минут, разумеется, каждый день. Никогда не менялось и меню его ленча: сэндвич, ветчина на поджаренном ржаном хлебце и полбутылки шампанского.

По заведенному порядку Мюррей Кардью съедал сэндвич, запивая его шампанским, в полном одиночестве. Прием начинался лишь после того, как мистер Новотны, старший официант «Спартанца», заменял пустую тарелку и бокал на маленькую чашечку черного кофе, а Мюррей Кардью вставлял сигарету в серебряный мундштук. Словно по сиг-

налу, завсегдатаи один за другим подтягивались к его столику. Каждый минут десять болтал с ним о событиях текущего или давно минувших дней, а затем уступал место следующему. Около трех часов дня мистер Новотны приносил коробку гаванских сигар. Оценив их по лишь ему одному ведомым критериям, Мюррей Кардью выбирал сигару, доставал из кармана жилетки золотые ножницы и обрезал кончик. Мистер Новотны чиркал спичкой. Зажигалок Мюррей Кардью не признавал. Запах жидкости, которой заправлялись зажигалки, уничтожал тонкий аромат занимающегося табачного листа, высушенного на далекой Кубе.

В пять часов мистер Новотны возникал у стола с бокалом и бутылкой импортного хереса. Мюррей Кардью пристально смотрел на этикетку и одобрительно кивал. Уже более пятидесяти лет он пил херес одной и той же марки, но без его кивка бутылка на стол не ставилась.

В начале седьмого Мюррей Кардью покидал «Спарта-нец» и удалялся в свой номер. Вновь он появлялся через два часа. Никто не знал, как он их проводит, но предполагалось, что он спит перед обедом. Обедал он обычно в «Гри-ле», где его обслуживал сам Кардоза. Один или с гостями, Мюррей Кардью всегда надевал к обеду смокинг и белый галстук. Что там говорить, этот странный старик, сохраняющий традиции другой эпохи, являлся неотъемлемой частью «Бомонта».

Мюррей Кардью сидел за привычным столиком. Он заметил меня, едва я вошел в «Спартанец», но не подал и вида, дожидаясь, пока я не подойду к столу.

— А, мистер Хаскелл,— голос у него был тихий, мелодичный.

Я взглянул на полупустой бокал хереса.

— Надеюсь, я не задержал вас.

— Отнюдь, юноша, отнюдь. Присаживайтесь,— он поднял руку, подзывая Новотны. Тот мгновенно подошел и остановился у стола, ожидая дальнейших распоряжений.— Рекомендую вам попробовать этот херес.

— С удовольствием,— ответил я.

Мистер Новотны не шевельнулся. Мюррей Кардью еще не разрешил ему обслужить меня.

— Современные правила приличия не требуют от вас непременно принять мое предложение, мистер Хаскелл,— продолжал старик.— Я в курсе того, что молодежь вашего поколения отдает предпочтение «мартини». Меня слава богу, обошло это поветрие. Я никогда не жил ради мгновения, мистер Хаскелл. Я наслаждаюсь аперитивом в

это время дня, но не забываю о том безмерном удовольствии, которое получу от прекрасного обеда и марочного вина. А я убедился, во всяком случае, на своем примере, что «мартини» оказывает пагубное воздействие на небо.

— Я с удовольствием выпью хереса, мистер Кардью,— ответил я, хотя терпеть не мог херес.

Мюррей Кардью кивнул Новотны, тот отошел от стола и тут же вернулся с бокалом и бутылкой.

— Любимая марка мистера Кардью,— бесстрастно пояснил он.

— Отлично,— я не стал спорить.

Мюррей Кардью молчал, пока я не пригубил херес. От меня требовался комплимент.

— Если бы все марки хереса обладали таким букетом, я бы тут же отказался от «мартини».

Он довольно кивнул.

— Насколько мне известно, этого хереса в подвалах отеля предостаточно. Мистер Шамбрэн предупредил вас, что мне понадобится ваше содействие?

— Я полностью в вашем распоряжении, сэр.

— Посол Франции обратился ко мне по весьма деликатному делу,— продолжал Мюррей Кардью.— Месье Делакуру, посол и я провели вместе немало часов на Ривьере сколько-то лет тому назад. Отличный шахматист, этот Делакуру. Какие мы разыгрывали сражения, и, должен признать, частенько мне удавалось взять верх. Но все это не имеет отношения к нашему разговору, разве что объясняет, почему посол обратился ко мне.

— Мистер Шамбрэн всегда говорил, что по правилам этикета лучшего эксперта, чем вы, не найти.

— Милый человек, этот Шамбрэн,— в голосе Мюррея Кардью слышалась нотка снисходительности. В конце концов, Шамбрэн не принадлежал к светскому обществу. Он поднял бокал, но лишь коснулся им губ. Я понял, что он будет растягивать остатки хереса, пока я не осушу свой бокал до дна.

— Как вам известно, в субботу вечером должны состояться прием, бал и ужин в честь господина Поля Бернарделя, главы французской торговой комиссии, который приехал на переговоры с американскими бизнесменами.

— Я знаю, сэр.

— Суть вопроса — как рассадить гостей за ужином,— продолжал старик.— Господин Бернардель выставил только одно требование, но выполнить его не так-то просто. В Аме-

рике у него есть давний и близкий друг, который кстати, в данный момент живет в этом отеле.

— Диггер Салливан?

Тень пробежала по лицу Мюррея Кардью. Прозвища оскорбляли его.

— Майкл Дигби Салливан, — поправил он меня. — Фигура известная среди автогонщиков и создателей автомобилей. Господин Бернардель руководит большой автомобильной фирмой, он — представитель знатного французского рода. Салливану же, несмотря на все его обаяние, в этом смысле похвастаться нечем. Его отец был ирландским авантюристом, выходцем из простой семьи, хотя и отличился на войне. Мать снималась в кино. Талантливая киноактриса, так, по крайней мере, мне говорили, но ее отец торговал кухонной утварью то ли в Айдахо, то ли в Айове.

— К сожалению, я не знаю, где именно, — ввернул я.

— Это неважно. У Салливана нет связей ни среди политиков, ни в светском обществе. При обычном раскладе он никогда не оказался бы за главным столом. Но таково требование господина Бернарделя. Он хочет, чтобы Салливан сидел по его правую руку. Вот тут и начинаются наши затруднения.

— Какие же, сэр?

Мюррей Кардью посмотрел на меня, как на слабоумного.

— За стол сядут восемь человек, мистер Хаскелл. Господин Бернардель и Салливан — это двое, господин и госпожа Делакру уже четверо, принцесса Барагрэйв, в девичестве Мабел Гровеснор, и ее сестра мисс Айлин Гровеснор, дамы для господина Бернарделя и Салливана, то есть шестеро. Остаются два места. По дипломатическому протоколу их должны занять господин и госпожа Шарль Жирар, потому что во французском правительстве господин Жирар занимает должность, соответствующую нашему генеральному прокурору.

— Черт побери! — воскликнул я.

Глаза старика блеснули.

— Грубовато, мистер Хаскелл, но я согласен — черт побери!

— Тогда вы должны посадить Жираров куда-то еще.

— Именно здесь на сцену выходите вы, мистер Хаскелл.

— Я?

— Мое участие в этом деле, Хаскелл, обусловлено моей давней дружбой с месье Делакру. Секретарь французского посольства попросил, чтобы я помог рассадить гостей.

Среди них преобладают американцы, и я, без лишней скромности, заверил секретаря, что для меня это не составит труда. Но главный стол — прерогатива секретаря, Жана Лакоста. Он — ярый приверженец дипломатического протокола. Он, конечно, осведомлен...

— О том, что Салливана обвиняли в убийстве отца мадам Жирар? Что Бернардель спас Салливана? Что Жирар был прокурором на этом процессе и что он и его жена публично назвали алиби Салливана фальшивкой и заявили, что еще докажут свою правоту?

— Вижу, что вы подготовились основательно, — Мюррей Кардью сухо улыбнулся. — Интересное получается сочетание, не так ли?

— Да разве они могут сидеть за одним столом? — воскликнул я. — Мистер Бернардель не может этого не понимать. Раз присутствие Жираров неизбежно, он должен был принять меры, чтобы встретиться с Салливаном позже и в другом месте.

— Надо отметить, что господин Бернардель выразил свое желание относительно Салливана до того, как узнал, что на приеме будут Жирары. Когда, однако, ему сказали об этом, он отказался что-либо менять. Он полагал, что любое другое решение расценили бы однозначно: Салливан лишился его доверия и поддержки.

— А Жирары? Уж они-то наверняка предпочтут не оказываться за одним столом с Салливаном.

— Господин Жирар, как и наш юный друг из посольства, твердый сторонник общепринятых правил поведения в обществе. Он не хотел бы сидеть за этим столом, но просьба о смене места будет истолкована не иначе как слабость с его стороны. Абсурдная точка зрения, но приходится ее учитывать.

— Значит, особого веселья не получится?

— Совершенно верно. Не вечер, а мучение для всех, кто будет сидеть за главным столом.

— Ну, если никто не хочет уступать...

— Тогда, — прервал меня Мюррей Кардью, — мы не станем принимать во внимание их требования.

— Но как?

— Поправьте меня, мистер Хаскелл, если я в чем-то ошибусь. Программа вечера остается без изменений. Для начала на столах расставят карточки с фамилиями гостей, которые будут за ними сидеть.

— Да, сэр.

— После торжественной встречи господина Бернарделя,

за несколько минут до того, как гости войдут в Колонный зал и рассядутся за столы, установленные вокруг площадки для танцев, им раздадут листы, на которых указано, кто где сидит. Они найдут свой стол и, войдя в Колонный зал, сразу направятся к нему. Я прав?

— Да, сэр.

— О карточках с фамилиями гостей и этих листах должен заботиться отель, не так ли?

— Да, сэр. Это входит в мои обязанности.

Мюррей Кардью кивнул, улыбнулся.

— Заполняя посадочные листы, мистер Хаскелл, вы определите Жираров за стол номер шесть вместо первого стола. А на их место, за стол номер один, мы посадим английского автогонщика Джеффри Сэйвилла и его жену.

— Но этот Лакост, секретарь посольства, обнаружит подмену, как только увидит листы.

— Вот это ляжет на вас, Хаскелл. Он не должен увидеть посадочных листов. Вам придется не справиться с вашими обязанностями.

— Простите, сэр?

— Попросту говоря, вы «дадите маху». Эти посадочные листы появятся в самый последний момент. Когда Лакост захочет их увидеть, вы сошлетесь на задержку. Ему не останется ничего другого, как проверить сами столы. Он убедится, что все карточки с фамилиями гостей расставлены в полном соответствии с его указаниями. Но как только он покинет Колонный зал, вы, Хаскелл, или кто-то еще, кому вы это поручите, переставите карточки, чтобы они уже не входили в противоречие с посадочными листами, которые появятся, словно по мановению волшебной палочки. Карточки Сэйвилла и его жены перекочат на первый стол, Жираров — на шестой. Когда же все рассядутся и месье Лакост поймет, что произошло, он не поднимет скандала. Это было бы невежливо по отношению к виновнику торжества. Но, несомненно, потребует вашего немедленного увольнения.

— Хорошенькое дело! — воскликнул я.

Улыбка Мюррея Кардью стала шире.

— Я думаю, вы можете не беспокоиться за свое место, Хаскелл, так как идея исходит от Пьера Шамбрэна, вашего непосредственного начальника.

Ох уж этот мистер Мюррей Кардью!

Что же касается господина, который подписывал мой еженедельный чек, то хитростью он мог потягаться с самим Макиавелли.

Официально мой рабочий день закончился. До того как поступить на работу в отель, я не сидел в конторе ни одной лишней минуты. Под влиянием Шамбрэна мой образ жизни изменился, хотя он не настаивал на этом. Я сдал квартиру и переехал в отель. Теперь, после одного или двух коктейлей в конце рабочего дня, я поднимался к себе, переодевался к обеду и проводил вечер, кружа по отелю. Многочисленные бары, ночной клуб «Синяя комната», банкетные залы... я напоминал шерифа небольшого городка на Диком Западе, проверяющего, все ли спокойно на вверенной ему территории.

Это и был мой город, со своим мэром, полицией, общественными службами, частными, выкупленными владельцами, квартирами, номерами для приезжающих на короткий срок, ночными клубами, кафе, ресторанами, магазинами, телефонной станцией и сложными человеческими отношениями.

Мой город. Так я думал об отеле, и ощущал себя его частичкой, и болел душой за его репутацию. Полагаю, те же чувства испытывал Шамбрэн, благодаря чему все службы отеля работали в едином ритме, словно хорошо отлаженный часовой механизм. И остальные любили «Бомонт» не меньше моего. Джерри Додд, ведающий вопросами безопасности, Эттербюри, старший дневной портье, Карл Нэверс, старший ночной портье, — каждый из них мог с одного взгляда отличить богатого человека от шарлатана. Бармены, официанты, такие, как Новотны, или Кардоза, или Дел Греко, в чьем ведении находился бар «Трапедия». Амато, организатор банкетов, Джонни Гизкер, дневной бригадир оравы посыльных, Джонни Мэгтио, командующий ими по ночам. В любое время дня и ночи Пьер Шамбрэн мог нажать кнопку в своем кабинете и получить ответ на интересующий его вопрос прежде, чем слова успевали слететь с губ. Разумеется, он точно знал, кого надо спрашивать.

Бар «Трапедия» отеля «Бомонт» подвешен в воздухе, словно птичья клетка, над фойе Большого бального зала. Этот бар, со стенами из декоративной металлической решетки, очень популярен, потому что не похож ни на какой другой. Он украшен фигурками цирковых гимнастов на трапециях. В воздушном потоке, вызванном скрытой от глаз системой кондиционирования, фигурки слегка колышутся, создавая впечатление, что качается весь бар.

Старшего бармена «Трапедии», симпатичного толстячка с каштановыми волосами, звали Эдди. Он увидел, что я захо-

жу в решетчатые двери, и ледяной «мартини» появился на стойке до того, как я успел пересечь бар.

— Убивает вкус хереса,— пояснил он.

— Откуда вы знаете?

— Внутренний радар. Старик отправился отдохнуть?

— Похоже. Вы давно знаете мистера Кардью, Эдди?

— Он появился вместе с этим баром, задолго до меня. Вы знаете наши правила, мистер Хаскелл. Никогда не обсуждать постояльца.

— С другим постояльцем,— уточнил его я.

— Да, разумеется,— кивнул Эдди.— Многие из нас знают его историю. Двенадцать или тринадцать лет тому назад он решил, что проживет еще максимум пять лет. Крах биржи в двадцать девятом году серьезно подорвал его финансы. Денег осталось немного. Ровно на пять лет жизни в привычных ему условиях. Через пять лет деньги кончились, а здоровье осталось. Жить в другом месте он уже не мог. Поэтому он заказал роскошный обед в «Гриле», пожелал Кардозе спокойной ночи и поднялся в свой номер. Там его поджидал Шамбрэн. Он сидел в кресле, курил египетскую сигарету и подбрасывал в руке флакончик с таблетками снотворного. Их хватало на три смертельные дозы. Вы же знаете методы Шамбрэна. Он читает мысли, сукин сын,— в голосе Эдди слышалось нескрываемое уважение.— Он почувствовал неладное. И когда Кардью купил эти таблетки в нашей аптеке, а ему пришлось покупать их у нас, чтобы не платить наличными, которых у него уже не было, кто-то шепнул об этом Шамбрэну на ухо.

Мало того, что он отговорил старика от самоубийства в ту ночь, Шамбрэну удалось убедить его, что он необходим отелю, что отель готов оплачивать его содержание, да еще подкидывать денег на мелкие расходы. Старик ему поверил, и Шамбрэн приобрел еще одну пару глаз и ушей. Кое-кому это могло не понравиться.

— Но возражать никто не стал?

— Нет. Старик уж больно хорош. Никаких мелких придирок. Никогда не сует нос в чужие дела. Три, а может, четыре раза за последние восемь лет благодаря ему нам удалось предотвратить крупные неприятности. С точки зрения Шамбрэна, только этим он отработал потраченные на него деньги,— выражение лица Эдди изменилось. Он уже смотрел мне за спину.— За вами пришли.

И тут же рука легла на мое плечо. Я обернулся, чтобы увидеть Диггера Салливана. В смокинге, который сидел

на нем как влитой, и без темных очков. Впервые я взглянул в широко посаженные, искренние серые глаза.

— Позвольте угостить вас? — спросил он.

— Не откажусь.

— «Мартини»? — он посмотрел на мой бокал на стойке.

— Отлично.

— Пожалуйста, пусть принесут за стол, — попросил он Эдди.

Столик он выбрал неподалеку от входа, и мы сели. Официант принес «мартини». Другой поставил на стол блюдо с ломтиками поджаренного хлеба с икрой. Как только мы остались вдвоем, Салливан сразу взял быка за рога.

— Что вам известно обо мне?

— Я прочитал стопку газетных вырезок о ваших неприятностях.

— Тогда вы не могли не задаться вопросом, почему Шамбрэн не вызвал полицию или, по меньшей мере, не настоял, чтобы я немедленно выписался из этой сверкающей птичьей клетки.

— Вы правы.

— Может, вы спросили его?

— Нет.

— Вы принимаете его суждение?

— Он — босс.

— Черт побери. Значит, вы не знаете, почему?

— Нет.

— Да будет вам, Хаскелл, рассказывайте! — но белозубая улыбка не могла скрыть озабоченности в его глазах.

— Мне нечего сказать вам. Здесь, в «Бомонте», решения мистера Шамбрэна не обсуждаются, но выполняются.

Он загасил в пепельницу окурочек тут же закурил новую сигарету.

— Ничего не могу понять. Полагаю, за мной установлено наблюдение?

— Понятия не имею, — я попытался успокоить его. — Если б я знал, то, конечно, не сказал бы вам, но мне действительно ничего не известно.

Он ссутулился, как-то сжался.

— Кругом столько глаз.

Я понимал, что он имеет в виду. Речь шла не о посетителях в вечерних туалетах, заполнивших «Трапезию». Этот бар являлся для них промежуточной остановкой на пути в один из банкетных залов или ресторанов отеля. И сейчас Дел Греко и его помощник едва успевали принимать заказы.

Посетители бара, в большинстве своем, не принадлежали к нуворишам и держались свободно и раскованно. Дорогие наряды женщин, украшения, волосы всех цветов и оттенков. Но эти люди наряжались не для того, чтобы произвести впечатление на глазающую публику. Этот бар принадлежал им, сюда не допускались охотники за автографами и подростки, жаждущие общения со знаменитостями. Их лица оставались бесстрастными. Если взгляды и задерживались на нас с Салливаном, то не более чем на секунду. Мы же видели не их настоящие лица, но маски, которые они показывали нам.

И Салливан говорил не об их глазах.

Взгляды, которые он ощущал на себе, принадлежали официантам, барменам, мужчине, сидевшему в дальнем конце стойки, который мог быть сотрудником службы безопасности отеля, но на самом деле, насколько я знал, им не был. Кроме того, и мне самому всегда казалось, что где-то, возможно в потолке, имелся глазок, через который Шамбрэн следил за тем, что происходило в его мире.

— Одна из отличительных особенностей «Бомонта» — умение обслуживающего персонала предугадывать желания наших гостей, — словно подтверждая мои слова, официант, внезапно возникший у нашего столика, поднес спичку к еще не зажженной сигарете Салливана. Я улыбнулся. — Понимаете, о чем я говорю?

Он не ответил, замерев как статуя. Его серые глаза не отрывались от входа в бар. Он производил впечатление человека, которого поразило громом. Затем встал и начал обходить стол. Тут уж и я повернулся, чтобы посмотреть, чем вызвана столь резкая перемена в его поведении.

Молодая женщина у двери оглядывала бар широко раскрытыми, вероятно близорукими глазами. Я слышал, как воздух с шипением вырвался сквозь сжатые зубы Салливана.

Такие женщины, конечно, приковывают взоры. Блондинка с роскошными золотыми волосами. Черный комбинированный из шерсти и шелка костюм, слепяще-розовая блузка, ярко-синий пояс с пряжкой, украшенной драгоценными камнями. Организация показов мод в «Бомонте» возложена на меня, и я мог поспорить на свой последний доллар, что этот костюм она шила у Диора.

Женщины, сидящие за столиками, могли оценивать костюм, белые перчатки, изящные туфли-лодочки, мужчины же увидели совсем другое. Я думаю, каждый из них почувствовал то же, что и я, — хотелось подойти к незнакомке

и спросить, чем можно помочь. Сексуальная привлекательность в женщинах проявляется по-разному. Одни открыто предлагают себя. В других внешняя скромность как бы подчеркивает тающуюся внутри страсть.

К последним я бы отнес и эту блондинку. Всем своим видом она как бы показывала, что не может существовать без мужчины. Но Мужчины с большой буквы, особого мужчины, единственного во всем мире. Подернутые синим туманом близорукие глаза скрывали жгучий огонь. И разом охватившая меня печаль подсказала, что не быть мне этим Мужчиной. А по реакции Салливана я понял, что передо мной мадам Жирар, в девичестве Жульет Вальмон.

Она направилась в нашу сторону, но путь ее лежал дальше, в глубь зала. И у меня появилось нелепое желание протянуть руку и потрогать мадам Жирар, когда она будет проходить мимо нашего столика. Оставалось только гадать, видит ли она Салливана или его лицо для нее — расплывчатое пятно. Я не мог с уверенностью сказать, что она смотрит на него. И не чревато ли взрывом то мгновение, когда она осознает, кто стоит перед ней.

Легкий вздох прошелестел по бару, когда мадам Жирар сделала первый шаг. Он выражал всеобщее облегчение. Ее заставшая у дверей фигурка создавала магический эффект, который могло нарушить неловкое движение или грубый возглас. Она не шла, а, казалось, плыла по воздуху. Когда она приблизилась к нам, я уловил тонкий аромат ее духов. Она не подняла глаз на Салливана. Не узнала его, подумал я, к счастью для них обоих. Внезапно она заговорила, низким шепотом, глядя прямо перед собой.

— Ради бога, помоги мне!

И прошествовала дальше, а я, я подумал, что никогда не слышал такого отчаяния в голосе, такой мольбы. Я даже шагнул следом за ней. Может, она кого-то боялась? Или в ней еще жила трагедия смерти отца? Или она просто плохо видела и опасалась, что не дойдет до другого конца зала?

И тут я заметил, как из-за углового столика поднялся мужчина и поспешил ей навстречу. Интересный, с волевым лицом, лет сорока, с преждевременно поседевшими волосами. Но смотрел он не на женщину, но на Дигтера Салливана — Салливана, который все еще стоял лицом к дверям.

— К кому она идет? — услышал я его шепот.

— Седой мужчина... заинтересовался вами.

— Жирар, — с ненавистью процедил Салливан, не разжимая губ.

Я заставил себя повернуться к нему. Лицо посерело, кулаки сжались.

— Вы слышали ее? — спросил он, словно нуждаясь в подтверждении, что она не привиделась ему.

— Да, я слышал.

— О, господи, — и чуть ли не бегом рванул к дверям.

Я медленно подошел к стойке, два нетронутых «мартини» остались на столе. Эдди как-то странно посмотрел на меня.

— Он забыл заплатить.

— Похоже, что да.

— Ваш гость или внести в его счет?

— Мой гость.

Эдди хохотнул.

— Пора бы вашим глазам вкатиться обратно в глазницы. Лакомое блюдо эта мадам Жирар.

— «Блюдо» к ней не подходит, Эдвард, — я оглядел зал. Она сидела рядом с мужем, который ей что-то выговаривал. Она слушала, не прерывая.

Шарль Жирар, не без удовольствия отметил я, также не годился в Мужчины.

По бытующей в «Бомонте» легенде, Пьер Шамбрэн никогда не покидает отеля. Его загар создается ультрафиолетовой лампой, а выйдя на улицу, он тут же заблудится, потому что с той поры, как он впервые вошел в «Бомонт» в начале тридцатых годов, город существенно изменился. Разумеется, вышесказанное далеко от истины. Он бывает в городе едва ли не каждый день, а раз или два в неделю посещает театр или оперу. Его квартира — на крыше отеля, и это дает ему возможность погреться на солнышке. Приходы и уходы Шамбрэна не афишируются, а секретарь и дежурящий ночью сотрудник службы безопасности всегда знают, где он находится и как его найти. Поэтому при любом происшествии в отеле Шамбрэн словно возникает из-под земли и берет командование на себя. Когда я только поступил на работу в «Бомонт», мне сказали, что, как только я совершу ошибку, Шамбрэн тут же появится из-за угла. В большинстве случаев это утверждение соответствовало действительности.

В тот вечер, однако, Шамбрэн отправился в театр на спектакль «Кто боится Вирджинии Вульф?». Досмотреть пьесу до конца ему не удалось.

Я одевался к обеду, будучи в растрепанных чувствах.

Мои мысли постоянно возвращались к Жульет Жирар. Ее недоступность не вызывала сомнений, я не имел никакого права вмешиваться в ее дела. Но, как пятнадцатилетний мальчишка, влюбившийся впервые в жизни, я бы с радостью лег под колеса грузовика, если б моя смерть под ними могла принести ей хоть какую-то пользу. Я воображал, что спасаю ее от чудовищной опасности, в то время как романтический Диггер Салливан и ее суровый муж стоят рядом, не в силах помочь. Нужно видеть Жульет Жирар, ощутить на себе ее магию, услышать несколько произнесенных ею слов, чтобы понять, как такое могло произойти с тридцатилетним мужчиной, считающим себя взрослым.

Побрившись и переодевшись, я прошелся по ресторанам отеля, надеясь еще раз увидеть Жираров. Но из «Трапеции» они ушли, и я не нашел их ни в «Гриде», ни в «Синей комнате»...

В поисках этой удивительной женщины я наткнулся на Мюррея Кардью. В смокинге и белом галстуке, он обедал в тиши «Гриля» и приветствовал меня чуть заметным кивком.

В дверях «Гриля» меня остановил Джерри Додд, возглавлявший службу безопасности отеля. Джерри лет сорок, он тощ, невысок, всегда улыбается, но его глаза пронзают насквозь, и с одного взгляда он может узнать о человеке очень и очень многое. Он — один из пяти или шести служащих «Бомонта», которым Шамбрэн полностью доверяет. Обычно он работает с семи вечера до трех утра, когда бары, ночной клуб «Синяя комната» и рестораны полны гостей. На эти часы выпадает львиная доля происшествий — в отеле полным-полно посторонних.

— Вы сообразили, что к чему? — спросил он.

Занятый мыслями о Жульет Жирар, я вытаращился на него.

— Я говорю о Салливане. — Естественно, он знал, что я присутствовал при допросе Салливана в кабинете Шамбрэна.

— Босс же не думает, что Диггер — kleптоман, — продолжал Джерри. — Порядок в таких случаях один: «Извините, но нам нужен номер, который вы занимаете». За двадцать лет мы поймали многих любителей пошарить в чужих номерах. И я впервые сталкиваюсь с тем, что не принято никаких мер.

— Да, — подтвердил я, — босс сказал, что должен подумать.

Джерри рассмеялся.

— Он уже подумал. Но я ничего не могу понять, и мне это не нравится. Если у вас есть объяснение, поделитесь со мной, а?

— Пока нет, но я не забуду вашей просьбы.

В тот момент меня несколько не интересовали причины, побудившие Шамбрэна помиловать Салливана. Я бродил по отелю, чувствуя себя обманутым. Я не видел перед собой иной цели, кроме как дожидаться возвращения Жираров, если они отправились обедать в город. Тогда я мог надеяться, что увижу их у лифтов или в баре, если они решат выпить перед сном по коктейлю.

Около девяти вечера я внезапно осознал, что проголодался. Вновь зашел в «Гриль» и заказал мясной сандвич и овощной салат. В «Гриле» готовили самые вкусные овощные салаты. Когда же я покончил с едой и Кардоза поставил на стол маленькую чашечку кофе, меня разобрал смех. По роду моей деятельности мне каждый день приходится сталкиваться с десятками красивых женщин. И что только я себе вообразил? Просто удивительно, до какого абсурда может дойти человек... Я уже решил забыть о Жульет Жирар и поехать куда-нибудь поразвлечься, когда к моему столу вновь подошел Кардоза.

— Вас к телефону, мистер Хаскелл. Звонит Кардью.

Телефонный аппарат Кардоза принес с собой. Поставил его на стол, воткнул штекер в розетку в полу. Я взял трубку.

— Да, мистер Кардью?

— Извините, что беспокою вас, мистер Хаскелл, — донесся до меня усталый, старческий голос.

— Ну что вы, мистер Кардью, какие пустяки.

— Я пытался связаться с мистером Шамбрэном, но его, кажется, нет в отеле.

— Он поехал в театр, сэр.

— Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую мы обсуждали с вами сегодня.

— В размещении приглашенных, сэр?

— Не совсем, мистер Хаскелл, но речь пойдет о тех же самых лицах. Я хотел бы переговорить с вами, чтобы вы могли посоветоваться с мистером Шамбрэном, когда он вернется в отель. Боюсь, что я к этому времени уже буду спать.

— Хорошо, сэр. Я вас внимательно слушаю.

— Если вы не возражаете, не по телефону, мистер Хаскелл.

— Вы хотите, чтобы я поднялся к вам в номер, сэр?

— Если вас это не затруднит.

— Разумеется, нет, сэр. Я уже иду.

Я подписал чек, вышел из «Гриля» и через вестибюль направился к лифтам, но меня перехватил Карл Нэверс, старший ночной портье. Он только что получил телеграмму с просьбой о бронировании номера для Лили Дориш, немецкой кинозвезды. Указывалось и время прибытия — примерно час ночи, не лучшее для организации торжественной встречи.

— Эта дама привыкла, чтобы ее принимали по высшему разряду, — напомнил Карл. — Если в вестибюле она не увидит как минимум двух фотографов, скандала не миновать.

— Я думаю, мы что-нибудь придумаем, — успокоил я его.

— И вы держитесь поблизости, — попросил Карл. — Лили любит, когда вокруг нее выются симпатичные молодые люди. Наверное, стоит позвонить в пару газет, чтобы те прислали своих репортеров. Лили всегда найдет, что им сказать.

— В час ночи? — запротестовал я.

— Этот отель, — напомнил Карл, — принадлежит Джорджу Бэттлу, который сидит на Ривьере, считая деньги и другие ценности. Наша Лили числится среди «других ценностей». Так что не теряйте времени даром.

Я прошел в комнатку за стойкой и несколько раз позвонил по телефону, чтобы Лили Дориш не могла пожаловаться на оказанный ей прием. На это у меня ушло двадцать минут. Затем я вошел в кабину лифта и поднялся на семнадцатый этаж.

Дверь в его номер оказалась открытой, поэтому я постучал и переступил порог.

— Прошу извинить, что заставил вас ждать, сэр, но...

Следующее слово застряло у меня в горле. Мюррей Кардью лежал на спине, в неудобной позе, полностью одетый. Смокинг он сменил на черный бархатный пиджак. Седые волосы на левом виске покраснели от крови. Его ударили по голове!

Я не доктор. И не мог определить, дышит ли он. Но мне показалось, что у него чуть подрагивают веки.

— Мистер Кардью! — воскликнул я.

Ответа не последовало, и веки замерли.

Я попытался уложить его поудобнее, не прекращая говорить с ним. На столике стояла бутылка его любимого хереса, но мне не удалось влить хотя бы несколько капель в плотно сжатые губы. И лишь тогда я схватил телефонную

трубку, вызвал врача и Джерри Додда и попросил срочно связаться с Шамбрэном.

Затем принес из ванной мокрое полотенце, вытер начавшую сворачиваться кровь с виска, поправил белый галстук Кардью, пиджак. Он бы не хотел, чтобы его видели в неопрятном виде.

Я все еще не верил своим глазам, но во мне уже начала закипать злость. И злился я на мисс Лили Дориш. Если б не задержка, связанная с ее приездом, я бы не подвел Мюррея Кардью и оказался рядом в тот момент, когда ему требовалась моя помощь.

Старик, подумал я, наступил на одну из «полевых мин», упомянутых Салливаном.

Глава 4

Долгая, выматывающая силы и нервы ночь прервалась для меня приездом ослепительной Лили Дориш. Таких форм я не видел ни у кого и едва ли увижу в будущем. А ее улыбка растянулась от уха до уха. Несмотря на глубокую ночь, в вестибюль она вошла в черных очках, окруженная коридорными, сгибающимися под тяжестью дюжины чемоданов, и в сопровождении пожилой женщины с продолговатым лицом и выступающими скулами и резко очерченным носом, очевидно ее служанкой. Засверкали вспышки газетчиков и фотографов отеля. Карл Нэверс приветствовал ее, как заезжую королеву. Я механически выразил радость по поводу ее появления и в награду получил приглашение заглянуть к ней завтра на коктейль. Она пообещала ответить на все интересующие меня вопросы. Два репортера, которые задушили бы меня голыми руками, если б узнали, что я скрываю от них происходящее сейчас на семнадцатом этаже отеля, осведомились о ее планах. Но вместо ответа услышали радостный вопль Лили Дориш.

— Макс! Дорогой Макс! — заорала она.

Максом оказался высокий, широкоплечий мужчина с коротко стриженными волосами в смокинге, с моноклем, висящим на черном шелковом шнурке. Он направился к Дориш и склонился над ее рукой.

— Моя дорогая Лили, — сказано было, естественно, с немецким акцентом.

— Ты поужинаешь со мной, Макс? — теперь она видела во мне лишь служащего отеля. — Вы сможете договориться, Хаскелл, чтобы ужин подали мне в номер?

— Разумеется, — кивнул я.
— Меня я оставляю на совести вашего шеф-повара. Что-нибудь полегче. И бутылку сухого французского шампанского.

Я снова кивнул.

Макс вставил монокль в глаз и холодно оглядел меня.

— Стоимость ужина внесите в мой счет, пожалуйста.

— Нет, нет, Макси, — заворковала Дориш. — Я хочу, чтобы ты был у меня в долгу. И я жду твоего рассказа о Берлине и Париже.

Монокль вылетел из глаза Макси.

— Ну, если ты настаиваешь, — он, похоже, не возражал выпить задарма. Кого-то он мне напоминал, и я наконец вспомнил, что он похож на Конрада Вейдта, игравшего нацистов в старых военных фильмах.

Дориш увлекла его к лифту, и тут сердце у меня екнуло. В вестибюль вошли Жирары. Жульет стояла, держа мужа под руку, и наблюдала за процессией, шествующей к лифтам. Я не мог сказать, кто больше удивил ее, грудастая блондинка-немка или элегантный насулпленный Макси. А потом она внезапно отвернулась.

Я взглянул на ухмыляющегося Карла Нэверса.

— Зрелище запоминающееся.

— Кто этот Макси? — спросил я.

— Макс Кролл. Авангард прибывающей завтра делегации Бернарделя.

— А я мог бы поклясться, что он — немец.

— Вы правы. Директор автомобильного завода Бернарделя в Западной Германии. Воевал в вермахте. Большая шишка в «Общем рынке».

Теперь мне стала понятной реакция Жульет. Все, связанное с Бернарделем, напоминало ей об убийстве отца.

— А вы позаботьтесь об ужине для дамы, — напомнил Карл, все еще улыбаясь, — а не то вам позвонит Джордж Бэттл из своего дворца на Ривьере.

— Если он позвонит, я расскажу ему о Макси.

Я оглядел вестибюль. Дориш и ее свита уже уехали. Шарль и Жульет Жирар не спеша шли к лифтам.

— Что наверху? — услышал я вопрос Карла.

— Все по-прежнему. Орудие убийства не найдено. Непонятно, кто мог напасть на старика. Никто не заметил ничего подозрительного.

— Вам досталось от фараонов?

— Допрос еще не закончился.

Семнадцатый этаж.

Место смерти, раздражения, глубокого сожаления. Мюррей Кардью, осколок далекого прошлого, кто мог покушаться на его жизнь? И все же мне вспомнились слова Шамбрэна о том, что старик мог бы стать величайшим шантажистом, если б захотел разбогатеть. Вдруг на исходе жизни он решил свернуть на кривую дорожку?

Эта гипотеза могла рассматриваться наравне с другими. Сейчас полиция занималась проработкой версий и набирала факты. Как я и сказал Карлу Нэверсу, орудия убийства в номере не нашли. Судебный медик предположил, что Кардью ударили рукояткой пистолета. Но его могли ударить и любым другим тяжелым предметом с гладкой поверхностью. Ночная дежурная по этажу не заметила ничего подозрительного. И лифтер не видел человека, смахивающего на убийцу, хотя кто знает, как может выглядеть убийца. Ничего не дали и поиски отпечатков пальцев.

Я оставался единственной ниточкой. Кардью посылал за мной, но, как выяснилось, мое имя не было первым, которое пришло ему в голову. Телефонистка коммутатора показала, что сначала он попытался связаться с Шамбрэном. Потерпев неудачу, попросил соединить его с номером посла Франции в «Уолдорфе». Его превосходительство приехал в Нью-Йорк, чтобы принять участие в сессии Генеральной ассамблеи ООН, а также открыть первое заседание Международной торговой комиссии. Но месье Делакуру в номере не оказалось. И только тогда Мюррей Кардью попросил телефонистку найти меня, что она и сделала.

Но и я не мог сказать ничего вразумительного. Я надеялся, что Шамбрэн, уже возвратившийся из театра, даст мне хоть какой-то намек, но не смог ничего прочесть в его глазах, прячущихся под тяжелыми веками.

Лейтенант Харди внешне более напоминал недоумевающего защитника футбольной команды колледжа, чем сотрудника отдела убийств. Он вновь и вновь заставлял меня рассказывать о дневной беседе с Мюрреем Кардью.

— Неувязки в размещении гостей за столами — не причина для убийства, — говорил он. — Ну-ка повторите, что он сказал вам по телефону.

Я повторял, раз, другой, третий... «Возникли неожиданные затруднения в связи с той маленькой проблемой, которую мы обсуждали с вами сегодня», — сказал он. Речь шла не о самом размещении приглашенных, но «о тех же самых лицах».

Что это означало? Я не имел ни малейшего понятия.

Он хотел, чтобы после разговора с ним я передал все Шамбрэну, так как полагал, что к возвращению последнего из театра уже ляжет спать.

— С одной стороны, ему срочно понадобился Хаскелл, с другой — он собирался лечь спать, не дожидаясь Шамбрэна, — недоумевал Харди.

— Он — глубокий старик, — вступился за Мюррея Кардью Шамбрэн. — И склонен к старомодным выражениям. «Неожиданные затруднения» могли заключаться в том, что он вспомнил о ком-то еще, кого мы забыли включить в список гостей. Или мог найти ошибку в первоначальном плане. Или оказалось, что у месье Делакру аллергия на рыбу. Это означало, что нужно срочно менять меню. Так что «неожиданное» для мистера Кардью могло означать многое.

Харди на это не клюнул, чем завоевал мое доверие.

— Я думаю, речь все же шла о чем-то более важном, — он нахмурился, как маленький ребенок, изучающий головоломку. — О том, что могли решить вы, Шамбрэн. Поэтому он позвонил вам первому. Вероятно, что-то мог сделать и посол Франции. То есть едва ли Кардью волновался из-за меню.

— Наверное, нет, — кивнул Шамбрэн. — Но все равно, лейтенант, я не представляю, ради чего он меня искал.

Разговор этот происходил в номере Мюррея Кардью после того, как его тело увезли в городской морг.

— Значит, дело касается тех людей, которых Кардью хотел посадить за разные столы, — Харди справился с записной книжкой. — Посла Франции и его жены, Майкла Дигби Салливана, принцессы Барагрэйв и ее сестры, мисс Айлин Гровеснон, мистера и миссис Жирар и мистера Поля Бернарделя, который сейчас летит над Атлантикой. Не остается ничего другого, как побеседовать с каждым. Кто-нибудь из них остановился в отеле?

— Жирары и Салливан, — ответил Шамбрэн. — Забронирован номер и Бернарделю. Он должен приехать утром.

— Что ж, давайте начнем с тех, кто уже в отеле, — принял решение Харди.

— Но вам придется говорить с ними отдельно, — напомнил Шамбрэн. — Жирары и Салливан несовместимы.

И с того момента события, происшедшие в «Бомонте», получили два толкования, кое в чем и совпадавшие. Первое — полицейское, основанное на расследовании, прове-

денном лейтенантом Харди, неторопливым, но настойчивым. Второе касается людей, едва избежавших гибели, к которой их вели собственные чувства, страхи и злая воля.

О расследовании Харди легко прочесть в подшивках газет. Там есть все подробности об алиби и уликах, а также усилиях полиции, пытавшейся предотвратить дальнейшие преступления.

Моя история, центральной фигурой которой стал Пьер Шамбрэн, полностью известна только мне. По просьбе Шамбрэна я вел подробные записи. Многие ключевые сцены прошли у меня на глазах, о других я узнал от Шамбрэна и Диггера Салливана, который, возможно, более других представлял себе, что творит страх с людьми.

В половине второго ночи Диггера Салливана в отеле не было, поэтому в кабинет Шамбрэна первыми пригласили Жираров.

Но пришел лишь Шарль Жирар.

— Моей жене нездоровится, она очень устала, — пояснил он, входя в кабинет.

Шамбрэн представил его лейтенанту Харди и мне. Взгляд серых глаз уперся в меня, и я понял, что он вспомнил, где видел меня сегодня — в баре «Трапедия» с Салливаном, и причислил к друзьям последнего.

Вблизи Жирар производил впечатление. Пронзительный взгляд, квадратная челюсть, волевое лицо, в суде он был опасным соперником. Стройная, мускулистая фигура, скорее двадцатипяти-, а не сорокалетнего мужчины. В дружеской компании он мог бы быть обаятельным собеседником. Но сейчас более напоминал прокурора.

По-английски Жирар говорил без малейшего акцента, и я предположил, что школу или колледж он окончил в Англии.

— Если вы вызвали меня в связи с попыткой ограбления нашего номера, я могу лишь повторить, что все наши вещи на месте. Ничем не могу вам помочь и полагаю, что для вопросов вы могли бы найти более подходящее время.

— Просьба зайти ко мне не связана с дневным происшествием, месье, — ответил Шамбрэн. — По крайней мере, мы думаем. Сегодня вечером в отеле убили человека. Вы были знакомы с мистером Мюрреем Кардью?

— Никогда не слышал о нем, — без промедления ответил Жирар.

— Знала ли его ваша жена?

— Понятия не имею. Этот Кардью... убили его?

— Да.

— Как?

— Ударили по голове... чем-то тяжелым,— ответил Шамбрэн. По голосу чувствовалось, что он злится.

— Повторяю, я никогда о нем не слышал. Мать моей жены — американка. Жульет проводила здесь гораздо больше времени, чем я. Возможно, она и знала Кардю, хотя мне об этом ничего не известно,— его глаза сузились.— Он молод?

— Через месяц ему исполнилось бы восемьдесят,— ответил Шамбрэн.

Напряжение разом покинуло Жирара. Какой же он ревнивец, подумал я.

— Мы с женой провели вечер в компании месье Делакуру, посла Франции. Были на концерте в Центре Линкольна, а затем поехали в ночной клуб. В отель вернулись примерно полчаса тому назад,— его серые глаза остановились на мне.— Мне кажется, мистер Хаскелл видел, как мы вошли.

Похоже, он ничего не упустил.

— Мы не интересуемся вашим алиби, месье,— заверил его Шамбрэн и рассказал об участии Кардю в предстоящей встрече Бернарделя, в том числе и о том, как старик предлагал рассадить гостей. Жирар слушал с каменным лицом. А Шамбрэн продолжал говорить о том, как Кардю послал за мной, чтобы сказать, что у него возникли «неожиданные затруднения». Речь шла о приглашенных на званый ужин, а не о том, с кем они будут сидеть.

— Но я уже дал понять месье Лакосту, секретарю посольства, что моя жена и я не считаем необходимым нарушать этикет из-за личных отношений.

— Не в этом суть, месье,— покачал головой Шамбрэн.— Что мог узнать мистер Кардю об одном из вас столь важное, что его тут же убили, чтобы помешать передать кому-то еще полученные сведения?

— Мне кажется, вы торопитесь с выводами,— возразил Жирар.— Где доказательства, что его убили именно по этой причине? Его мог убить и тот же вор, что, по вашим словам, побывал у нас в номере. Мне не известны какие-либо секреты, связанные с моей женой, мною или кем-то еще, кто будет сидеть за столом посла на званом вечере в честь месье Бернарделя.

— Мы хотели бы узнать у вашей жены, знает ли она Кардю,— вмешался Харди.

— Повторяю, моя жена плохо себя чувствует. Она уже легла. Прошедший день очень утомил ее. Позвольте мне спросить у нее, знакома ли она с Кардю. Если да, то я уве-

рен, что она найдет в себе силы ответить на ваши вопросы. Если нет, я попрошу вас оставить ее в покое, по крайней мере, до утра.

— Хорошо, — согласился Харди.

Жирар снял трубку телефона на столе Шамбрэна и попросил телефонистку соединить его со своим номером. Его грубый голос внезапно стал мягким и нежным. С женой он говорил по-французски, в голосе слышалась искренняя озабоченность. Он упомянул фамилию Кардью. Затем положил трубку на рычаг.

— Моя жена никогда не слышала о Мюррее Кардью. Она ничем не может вам помочь.

— Тогда, если вы не возражаете, мы поговорим с ней утром, — принял решение Харди.

Едва он произнес эти слова, как открылась дверь и в кабинет вошли Джерри Додд и Диггер Салливан.

— Мистер Салливан только сейчас появился в отеле, и я сразу попросил... — Додд осекся, увидев Жирара.

Жирар и Салливан смотрели друг на друга. Салливан побледнел. Лицо Жирара, наоборот, стало пунцовым от злости. Он было открыл рот, чтобы что-то сказать, но сдержался и двинулся к двери, то есть к Салливану. Остановился перед ним.

— Предупреждаю вас, — его голос дрожал, — держитесь от нее подальше.

Глава 5

Жирар ушел, хлопнув дверью, а в кабинете повисла тяжелая тишина. Затем Диггер Салливан полез в карман смокинга за пачкой сигарет. Его губы изогнулись в сухой улыбке.

— Да, неприятная встреча, — он щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся, прошел к столу Шамбрэна. — Я потрясен тем, что рассказал мне Додд. Бедный Кардью. Я хорошо знал его, хотя близко мы не сходились. Он долго жил за границей, восемь или девять лет тому назад, — улыбка стала шире. — Сойтись близко мы и не могли, потому что мой отец был сыном ирландского революционера, а мать — актрисой, и ее папаша продавал гвозди и шурупы. То есть, с точки зрения Кардью, я принадлежал к простолюдинам. Да и об актрисах он был не слишком высокого мнения. Всегда щедрый, остроумный, хотя о многом он предпочитал не говорить, зная, что подобные сведения

тут же попадут в колонки светской хроники и причинят вред тем или иным людям. Мне он нравился. И я пришел сказать, что не убивал его. Но алиби у меня нет. Во всяком случае, сейчас.

— Как это? — удивился Харди.

Диггер коротко глянул на меня.

— Видите ли, я испытал потрясение... около шести вечера. Мне хотелось побыть одному, подумать. Я сел в машину, в гараже отеля подтвердят мои слова, и поехал за город, в Коннектикут. Я только что вернулся. Нигде не останавливался, ни с кем не говорил. Но машина у меня заметная. Белый «феррари», спортивная модель. Ее наверняка видели на автостраде.

— Пока меня не интересует ваше алиби, — заметил Харди.

Шамбрэн вновь пересказал историю с рассказыванием гостей. Диггер слушал внимательно, нахмурившись, не упуская ни единого слова.

— Когда я впервые услышал о возникших затруднениях, то сам предложил, что готов сесть за любой другой стол. Я вообще не хотел идти на этот чертов ужин. Вчера вечером позвонил Бернарделю в Париж, перед самым отлетом. Он и слышать об этом не хотел. Заявил, что тогда я окажусь в еще более щекотливом положении, чем теперь.

— Почему? — спросил Харди.

— Мой дорогой друг, очень многие, в том числе и Жульет Жирар, думают, что я убил ее отца. Если я не покажусь на торжественной встрече, кто-то решит, что я трусил. Это меня как раз не волнует, но мое отсутствие могут расценить и так, будто Поль Бернардель попросил меня не приходить. Он этого не хочет. Он заступился за меня, и не в его интересах дать повод к разговорам о том, что он, мол, изменил свое отношение ко мне. Как говорится, куда не кинь — всюду клин.

— И вы не представляете себе, о чем Мюррей Кардью хотел поговорить с Шамбрэном?

— Не имею ни малейшего понятия. Вы думаете, его убили, чтобы заткнуть ему рот?

— Вполне возможно.

Глаза Диггера сузились.

— Да, возможно, — повторил он.

— Значит, вы ничем не можете помочь нам?

— Сейчас нет, лейтенант, — у Салливана дернулась щека. — Я хотел бы помочь. Мюррей имел полное право умереть своей смертью. Он никогда и мухи не обидел.

Харди покачал головой. Ни одной ниточки, за которую он мог бы ухватиться. Он повернулся к Шамбрэну.

— Я намерен съездить в «Уолдорф» и побеседовать с послым. Возможно, он знает, о чем хотел поговорить с ним Кардью. А Джерри пусть продолжит опрос служащих отеля. Здрог кто-нибудь что-то да вспомнит.

— Я уже поговорил со многими, но безрезультатно, — ответил Додд. — Попробую еще раз.

Харди и Додд вместе вышли из кабинета.

Тут я почувствовал, что Диггер Салливан хочет остаться с Шамбрэном наедине, двинулся к двери.

— Подождите, Марк, — Шамбрэн подошел к комоду с электроплиткой, на которой всегда грелся кофейник. Стоя спиной ко мне и Диггеру, он продолжил: — Как я понимаю, вы готовы приоткрыть карты...

— Есть и такой вариант.

Шамбрэн повернулся к нам, с маленькой чашечкой кофе на ладони левой руки.

— Пока я следовал за вами с закрытыми глазами, доверившись вам, как поводырю, мистер Салливан, — он не сводил глаз с лица Диггера. — Далее это невозможно по ряду причин. Я не хочу таиться от Харди. Мне слишком часто приходится обращаться в полицию. Я не могу сидеть сложа руки. Я должен искать убийцу Мюррея Кардью, который был моим другом. Я не хочу ждать, пока появятся новые жертвы. Это ясно?

— Яснее некуда.

Шамбрэн вернулся к столу, поставил чашечку на полированную поверхность.

— И теперь, если уж мне суждено хранить ваши секреты, мистер Салливан, я не хочу хранить их один. Я несу ответственность перед мистером Бэттлом, владельцем отеля, и перед тысячами людей, тех, кто работает и живет в отеле. Если я затею с вами какую-то игру и со мной что-то случится, я хочу, чтобы мотивы, которыми я руководствовался, были известны не только мне и вам. И я готов выслушать ваши признания только в присутствии Хаскелла. Если вас это не устроит, мистер Салливан, я верну сюда лейтенанта Харди. И расскажу, что вас застали в номере Жирара, а я позволил вам уйти безнаказанным, потому что я романтик и в своих действиях руководствуюсь главным образом чувствами, а не логикой.

Вот я и получил ответ на вопрос, занимавший меня и Додда: почему Салливан не понес наказания, хотя его и застигли на месте преступления? Шамбрэн руководство-

вался свойственным ему шестым чувством. Но был ли он до конца откровенен? Или выбрал такое объяснение специально для Салливана?

Салливан взглянул на меня. Устало улыбнулся.

— Если я колеблюсь, то не потому, что не доверяю вам, Хаскелл. Могу я попробовать вашего кофе, Шамбрэн?

— Наливайте, пожалуйста. У меня кофе по-турецки.

— Выпью с удовольствием, — Салливан направился к комоду.

— Если не хотите, можете не принимать в этом участия, Марк, — обратился ко мне Шамбрэн.

— Вы — босс, — ответил я.

Диггер повернул голову.

— Будьте серьезнее, Марк. Дело опасное. Как говорила одна старушка, то, чего не знаешь, тебе не повредит.

— Какая старушка? — переспросил я.

Диггер пожал плечами. Сел в большое, обитое зеленой кожей кресло у стола Шамбрэна. Поставил чашечку кофе на маленький столик с другой стороны. Откинул голову и закрыл глаза. Заговорил, не открывая их.

— Следующий труп, который пронесут по вашим коридорам, Шамбрэн, скорее всего, будет мой.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы это предотвратить, — вставил Шамбрэн. — «Бомонт» не может себе этого позволить.

— Я — тоже, — Салливан махнул рукой в сторону чашечки кофе. — Я вовлечен в войну, которая началась в стране, являющейся родиной этого напитка. Там фермер выращивает мак и собирает семена, по существу, чистый опиум. Давайте проследим путь двадцати двух фунтов чистого опиума по ступеням экономики. Вы, господа, должны понимать экономику смерти Мюррея Кардью, моей и еще бог знает скольких людей. Наш турецкий фермер продает двадцать два фунта опиума за пятьсот долларов. Превратить опиум в морфий — пустяк, но для дальнейшей переработки в героин требуются секретная лаборатория и опытный химик. На содержание и охрану лаборатории нужны деньги, химику надо также платить гораздо больше, чем обычно платят химикам. Он же рискует. К тому времени, когда химик превратит урожай нашего фермера в килограмм героина (это чуть больше двух фунтов), он уже стоит пять тысяч долларов.

Допустим, эта лаборатория находится во Франции. Оттуда килограмм героина направляется в Италию, ставшую

штаб-квартирой крупнейших организаций, поставляющих наркотики на мировой рынок. Эти бизнесмены, а распространение наркотиков — огромный бизнес, посылают килограмм героина в Нью-Йорк, где спрос на наркотики особенно велик, кораблем из Неаполя, Генуи или Палермо или самолетом из римского аэропорта Фьюмичино. В доках Нью-Йорка наш килограмм героина стоит уже шестнадцать тысяч долларов. Проходя через руки дельцов и «пушеров», он превращается примерно в семьдесят тысяч доз, стоимостью пять долларов каждая. Простая математика показывает, что двадцать два фунта опиума, за которые наш фермер получил пятьсот долларов, теперь стоят триста пятьдесят тысяч долларов. Большие деньги, не так ли?

И я, и Шамбрэн промолчали.

— Федеральное бюро по борьбе с распространением наркотиков полагает, что в США более сорока пяти тысяч наркоманов¹, — продолжал Диггер. — Двадцать долларов — необходимый минимум, который должен ежедневно тратить наркоман на героин. Многие тратят больше. Примерно пятьсот миллионов долларов, главным образом украденных, попадает в карманы торговцев наркотиками. Это большое дело. Столь большое, что даже такого старика, как Кардью, прибудут без секундного колебания, если сочтут, что тому известно больше, чем следует. Та же участь может ждать некоего господина по фамилии Салливан, управляющего отелем Шамбрэна и молодого человека, который не верит афоризмам одной пожилой дамы.

Диггер пригубил кофе.

— Я затронул финансовый вопрос, чтобы вы поняли, что поставлено на карту

Для руководителей этого бизнеса важно уничтожить любого, кто может хоть в чем-то помешать распространению белого порошка, несущего смерть и болезни, среди тысяч людей. Уничтожить физически. Мюррея убили ударом по голове. Мне могут воткнуть в спину нож. Вас, Шамбрэн, скинуть с крыши вашего же отеля. А вы, Марк, вполне можете оказаться под колесами автомобиля на Мэдисон-авеню, — он допил кофе и поставил чашку на блюдце. — На вашем месте, Шамбрэн, я бы передал Майкла Диггби Салливана полиции, как обычного воришку. Потому что, вступив в игру на моей стороне, вы подвергнете себя огромному риску. Злодеи, которых я ишу, не коротают время в припортовых кафе Марселя или Нью-Йорка. Они ходят

¹ Данные 1963 года.

при белых галстуках и в смокингах, их женщины сверкают бриллиантами, и без них редко обходятся званые вечера.

Салливан замолчал, начал подниматься из кресла.

— А теперь, господа, позвольте откланяться.

— Сядьте, Салливан, — Шамбрэн все еще сверлил его взглядом. — Я, конечно, не хотел бы превращать «Бомонт» в стрелковый тир, но войны, как известно, бывают разные. Если торговцы наркотиками используют этот отель в качестве базы для своих грязных делишек, я, клянусь богом, не могу оставаться в стороне. Рассказывайте обо всем, Салливан.

Диггер опустил ся в кресло.

— Я впутался в это дело примерно так же, как и вы. Случайно. Стоял себе на перекрестке, никого не задевал и... вот н а тебе, — он шумно выдохнул. — Мне, конечно, следовало бежать со всех ног.

— Но вы не убежали, — констатировал Шамбрэн.

— Нет, хотя следовало. И не потому, что я боюсь. Просто я столкнулся с тем, от чего отказаться еще труднее, чем от наркотиков.

— Жульет Вальмон? — спросил Шамбрэн.

— Да, — кивнул Диггер. — Да, да, да!

По словам Салливана, все началось во время крупных международных шоссейных гонок на юге Франции. Автогонщик, которого он хорошо знал, техасец Эл Дженкинс, попал в аварию. Его отвезли во французскую больницу в крайне тяжелом состоянии. После гонки, в которой он финишировал вторым, Диггер навестил Дженкинса. Врач сказал, что шансы Дженкинса невелики. Чтобы снять боль, его кололи наркотиками. Диггер даже не понял, узнал ли его Дженкинс. Техасец оказался живучим. День сменялся днем, и даже врачи начали верить, что он выкарабкается. Диггер регулярно навещал его. К концу второй недели Дженкинс уже мог сидеть в инвалидной коляске, и анализы показывали, что дело идет на поправку. Но с Дженкинсом что-то творилось. Чем крепче он становился физически, тем сильнее нервничал.

Наконец он не выдержал и во всем признался Дигтеру. Он сидел на игле — не мог обойтись без героина. Так как ему становилось лучше, врачи перестали колоть ему морфий и у него начались «ломки». Он умолял Дигтера принести ему героина, без которого он не мог жить. Он даже сказал, что покончит с собой, если не получит наркотик в течение ближайших двадцати четырех часов.

— В такой ситуации можно проявить добропорядочность, показать, сколь высоки твои моральные устои,— продолжал Салливан,— и отделаться пустыми фразами, вроде «улыбайся и терпи». Но сначала надо представить, какие муки испытывает человек, лишенный наркотика. Я успокаивал Дженкинса, как мог, и позволил сообщить мне фамилию человека, который мог дать ему героин. Меня как громом поразило. Распространителем наркотиков оказался Лангло, старший механик команды Бернарделя. Я хорошо знал Лангло по многим гонкам, но понятия не имел, что он торгует наркотиками. Пообещав Дженкинсу, что постараюсь ему помочь, я подумал, что на моем обещании он продержится еще день.

Потом я разыскал врача. Он знал, что Эл Дженкинс — наркоман, искренне сочувствовал ему, но ничего не мог поделать. Наркотики выписывались только с ведома начальства. А заведующий отделением терпеть не мог наркоманов. И считал, что их может вылечить только сила воли. Врач сказал мне, что закроет глаза, если я захочу помочь Элу: «У вашего Дженкинса еще будет время перебороть эту пагубную привычку. А сейчас главное для него — оправиться от последствий аварии».

Поэтому Диггер отправился к Лангло и после долгих уговоров получил от него то, что требовалось Элу Дженкинсу.

— Лангло особо и не боялся,— отметил Салливан.— Во Франции наркомании не придают особого значения. По официальной статистике во всей стране лишь три сотни наркоманов. Вот почему во Франции и расплодилось те секретные лаборатории, о которых я говорил. Да, конечно, полиция сотрудничает с Интерполом и Федеральным бюро по борьбе с наркотиками. Раз в год они громят какую-нибудь лабораторию. Но не ведут, как мы, постоянный учет распространителей наркотиков и не следят за ними. Этот Лангло обслуживал многих спортсменов из разных стран, да и туристов тоже. Эл частенько пользовался его услугами. Поэтому, поломавшись для вида, Лангло дал мне героин и шприц, с которыми я вернулся в больницу,— лицо Салливана закаменело.— Эл умер раньше. Прыгнул вниз с солярия на десятом этаже больницы, когда медицинская сестра на мгновение отвернулась.

Диггер заерзал в кресле.

— Вот тогда что-то случилось со мной. Эла погубили Лангло и такие, как он. Вы понимаете, он не оказывал Элу услугу, снабжая его героином. Я щедро заплатил за него.

Диггер не был ни французом по происхождению, ни французским гражданином. Он не хотел связываться в эту историю, но чувствовал, что должен остановить Лангло. Поэтому он пошел к Полю Бернарделю, боссу Лангло и своему давнему другу. Бернардель изумился, узнав, чем занимается его старший механик. Он и Диггер поехали в ангар, где Лангло колдовал над гоночными машинами Бернарделя. Но опоздали. Лангло лежал в ангаре с пулей в голове. Убийцу никто не видел.

— В течение нескольких часов два человека ушли в мир иной. Оба — мелкая рыба. Один — наркоман, другой — «пушер». Не знаю почему, но я кипел от ярости. Я чувствовал, что Эл умер такой же насильственной смертью, что и Лангло.

Бернардела знал об этом куда больше меня. От него я узнал, сколь выгодна торговля наркотиками, и о секретных лабораториях. Более того, ходили упорные слухи, что торговлей наркотиками занялась ОАС, чтобы на вырученные деньги покупать оружие и снаряжение, необходимые для борьбы с голлисты. Рынок США мог принести миллионы долларов, — Диггер невесело рассмеялся. — Я, можно сказать, вступился за свою страну. Бернардель предложил познакомить меня с человеком, который серьезно занимался этой проблемой. Им оказался Жорж Вальмон, убежденный сторонник де Голля. Вальмон пытался перекрыть каналы, по которым оасовцы доставляли наркотики в США. Делал он это не из любви к людям, которые могли превратиться в наркоманов, но для того, чтобы лишить ОАС источника средств на приобретение оружия. И я... я поехал к полковнику Вальмону. Он тепло встретил меня и представил дочери, Жульет.

Жульет Вальмон перевернула для Диггера весь мир. Эта девушка — полуфранцуженка, полуамериканка — произвела на него неотразимое впечатление. Он встречался со многими женщинами, но ни разу ему в голову не приходила мысль, что пора бы и жениться.

— Впервые увидев Жульет, я понял, что мы не расстанемся до конца наших дней. Наверное, мои слова покажутся вам самоуверенными, но то же самое почувствовала и Жульет. Мы влюбились друг в друга. Раз и навсегда. Оставалась лишь одна загвоздка — ее привязанность к отцу. Она не хотела уехать и оставить его одного. Полковник жил под страхом смерти. За ним охотились террористы ОАС, объединившиеся с безжалостными торговцами наркотиками. Мне нравился Жорж Вальмон, и не только потому,

что благодаря ему на свет появилось такое чудо, как Жульет. Если он хотел бороться с террористами, я был готов помочь ему. В тот момент я бы помог ему и в борьбе с Линдоном Джонсоном¹. Представляете мое состояние?

Как выяснилось, Диггер действительно мог помочь Вальмону. Кто-то должен был занять место Лангло, чтобы снабжать наркотиками автогонщиков и болельщиков, приезжающих из других стран. Диггер, сам автогонщик, мог выйти на этого человека. А от него потянулась бы ниточка к боссам преступного мира, за которыми и охотился полковник Вальмон. Поручение было опасным, но Диггер с энтузиазмом взялся за дело. Тем более что участие в борьбе с террористами позволяло ему часто видеться с Жульет, они сражались по одну сторону баррикад, все лучше узнавая друг друга. Но поиски ни к чему не привели, хотя им помогал Поль Бернардель, да и секретные агенты полковника Вальмона также старались изо всех сил.

А месяц спустя полковника Вальмона попытались убить. Он ехал в машине по Елисейским полям, когда, словно в гангстерском фильме, с ними поравнялась другая машина, и ее пассажиры открыли огонь из автоматов. То ли шофер оказался героем, то ли Вальмону просто повезло, но его машина резко повернула направо, врезалась в дерево и перевернулась. Шофер погиб, но Вальмон, оказавшись под машиной, остался невредим.

Не вызывало сомнений, что террористы на этом не остановятся. Делакру, тогда министр юстиции, Бернардель и Шарль Жирар, старший прокурор в ведомстве Делакру, умоляли Вальмона покинуть Францию или хотя бы уехать из Парижа. Вальмон отказался. Он чувствовал, что цель близка, и скоро он сможет назвать имена тех, кто продает наркотики, добывая оружие террористам. Но он ушел в подполье. Никто, в том числе Делакру, Бернардель и Жирар, не знали, где он прячется. Секретом маленькой квартирки на Левом Берегу Вальмон поделился только с одним человеком — Диггером.

— Он мог выбрать любого из полудюжины доверенных агентов, — пояснил Салливан. — Он выбрал меня. Конечно, он знал, что я не подведу, но решающим фактором стала наша с Жульет любовь, он не хотел разлучать нас. Итак, я знал, где находится квартира, и выполнял обязанности курьера, приносил донесения и уносил записки с заданиями другим. Я действовал по законам конспирации. Никогда

¹ Вице-президент (1961—1963) и президент (1963—1969) США.

не подъезжал к дому, где поселился Вальмон, на своей машине. И вообще изображал другого человека. Одевался то как рабочий, то как кондуктор автобуса. Однажды явился в солдатской форме. Насколько мне известно, я ни разу не привел за собой хвоста.

Боялся Вальмон только одного: как бы в высшем эшелоне власти, среди тех, кому он полностью доверял, не оказалось человека, связанного с террористами и торговцами наркотиками. Конкретных поводов для подозрений у него не было, но в прошлом такое случалось, да и теперь многие ловушки, расставленные им, не приносили успеха. Словно враг всегда опережал его на один шаг. Я думаю, что только я пользовался его абсолютным доверием. Меня не интересовала внутренняя политика Франции. Я не нуждался в деньгах. И любил Жульет.

Однажды, в тот самый день, в моем номере раздался телефонный звонок. Звонил Вальмон. Нервный, взбужденный. Он сказал, что наконец-то раскрыл личность этого высокопоставленного предателя. Кроме того, он опасался, что террористы вот-вот установят, где он скрывается. И спросил, не могу ли я приехать немедленно и увезти Жульет в какое-нибудь безопасное место. Переодеваться времени не было. Пришлось ехать в открытую.

И я поехал, в своей машине. Остановился у подъезда. Вальмон жил на четвертом этаже. Когда я уже поднялся на второй, загремели выстрелы. Я буквально взлетел на четвертый этаж. Вышиб запертую входную дверь. Вальмон лежал на полу, иссеченный автоматными очередями. Я метнулся к открытому окну у пожарной лестницы. Какой-то мужчина как раз прыгнул с нее во двор. Его ждала машина — маленький черный «пежо». Я понял, что уже ничем не помогу полковнику. Но оставалась возможность догнать «пежо» и не дать террористу уйти. Слава богу, подумал я, что Жульет не было дома.

Я сбежал по ступенькам, вскочил в машину и сорвался с места, естественно, не подозревая о том, что Жульет, торопясь домой, увидела меня.

Улицы в том районе я знал, как свои пять пальцев. Мне часто приходилось кружить по ним, прежде чем подойти к дому Вальмона. Однако мои поиски не увенчались успехом. «Пежо» как сквозь землю провалился. Через полчаса или около этого я сдался и решил уже вернуться на место преступления. Но тут заметил, что нахожусь рядом с административным корпусом автокомпании Бернарделя.

Я подумал, что его необходимо поставить в известность, оставил машину у тротуара и поднялся к нему.

Бернардель сидел белый как полотно. Ему уже сообщили о случившемся. Мало того, сказали, что Жульет видела, как я выбегал из подъезда, и полиция ищет меня.

Меня это не смутило. Я полагал, что мне нужно вернуться в квартиру Вальмона. Жульет не могла не поверить мне. А улики лишь подтвердили бы мою правоту. Бернардель, однако, придерживался другого мнения.

Террористы и торговцы наркотиками приложили бы все силы, чтобы отвести от себя подозрения в убийстве полковника Вальмона. И в лице Жульет они получили идеального свидетеля. Во что бы она ни верила, но видела меня, выбегавшим из подъезда. Вальмон шел по следу наркомафии. Вот ему и рассказали, что я купил у Лангло героин для Эла Дженкинса. Вальмон клюнул, за что и поплатился собственной жизнью. Выходило, что виноватым окажусь я. И снять меня с крючка могло только стопроцентное алиби, — Дигтер глубоко вздохнул. — Бернардель уговорил меня. Я попытался поговорить по телефону с Жульет, такое я поставил условие, но связаться с ней не удалось. И решил, что смогу все объяснить ей на другой день.

Мы уехали в поместье Бернарделя на его машине. Там не было ни слуг, ни соседей. А на следующее утро вернулись в Париж, и я сдался полиции. — Дигтер встал. — Хочется выпить — он подошел к бару, плеснул себе виски, выпил его неразбавленным.

— Я знаю, что вы читали газетные отчеты тех дней. Они далеко не полные. О первых часах вообще нет речи. Жульет разительно переменилась. Едва я обращался к ней, она начинала кричать. А главным моим врагом стал Шарль Жирар. До того мы встречались с ним раз или два. Я знал, что он недолюбливает меня. А на Жульет он всегда смотрел, как голодный волк — на кусок мяса. Может, он и стремился найти убийцу, но мне показалось, что тогда ему более всего хотелось устранить соперника, претендующего на руку и сердце Жульет.

Жирар выслушал нас, но чувствовалось, что он не поверил ни единому нашему слову. Не могу сказать, не поверил или не захотел поверить. Ему уже все было ясно. Как и предугадал Бернардель, он знал о моей связи с Лангло и Элом Дженкинсом и не допускал и мысли, что я хотел помочь другу. Обвинил меня в распространении наркотиков. Предположил, что я обвел Бернарделя вокруг пальца, чтобы с его помощью сблизиться с полковником Валь-

моном, самым опасным врагом наркомафии. Документально доказал, что после того как я стал работать на Вальмона, пять или шесть расставленных там ловушек остались пустыми. Кто-то, пользующийся полным доверием полковника, выдавал его секреты. Жирар заявил, что секреты выдавал я. Он обвинил меня в том, что я использовал Жульет, чтобы выznавать планы полковника. В свое последнее утро Вальмон сказал Жульет, что догадался, кто из высокопоставленных деятелей сотрудничает с торговцами наркотиками. Имя он не назвал, опасаясь за жизнь Жульет. Но, по ее словам, полковник собирался назвать его мне. Жирар предположил, что Вальмон действительно назвал это имя, и мне не осталось ничего другого, как убить его, чтобы никто не узнал пособника террористов и торговцев наркотиками. Он сказал, что я вновь обманул Бернарделя и убедил его подтвердить мое алиби. Объяснил он и причину, по которой Бернардель помогает мне: тот верил, что я сражаюсь на его стороне.

Дитер коротко рассмеялся.

— Несколько минут чаши весов колебались. Я видел, что Бернардель потрясен. Версия Жирара могла соответствовать действительности. Я мог лгать ему с самого начала. Мог распространять наркотики. Мог использовать его, чтобы войти в контакт с Вальмоном, и Жульет, чтобы втереться в доверие к ее отцу. Я мог убить полковника, узнав, что тот вышел на человека, прикрывающего торговцев наркотиками. Бернардель знал, что я в курсе всех замыслов полковника. Знал, что я побывал в квартире Вальмона в то утро, когда его убили. Трудно сказать, как поступил бы я, окажись на его месте. Возможно, бросил бы меня на съедение волкам. И когда его спросили напрямую, не выдумка ли эта история с алиби, я почти не сомневался, что Бернардель во всем признается. Но он ответил: «Это не история, это — факт».

Дитер поставил пустой бокал рядом с бутылкой виски.

— Едва ли Жирар или кто-то из полицейских поверили Бернарделю. Жульет не поверила наверняка. Но Бернардель занимал такое положение в правительственной иерархии, что у власть имущих его слово не вызывало сомнений. Не зная, что происходило за закрытыми дверями. Возможно, Бернардель рассказал о том, что произошло в действительности, но убедил своих собеседников в моей невиновности. Допускаю даже, что он поделился с ними своими сомнениями, но все равно убедил отпустить меня, чтобы потом я вывел их на крупных дельцов. Тогда, однако,

главное для меня заключалось в том, что у Жульет никаких сомнений не было. Она уверовала, что я лгал ей с самого начала. Просто использовал ее, чтобы шпионить за отцом, а затем хладнокровно убил его. Я не смог встретиться с ней наедине, поговорить, объясниться. Жирар стал ее защитником, всячески оберегал ее от меня, внушал, что я — предатель. И в конце концов он добился своего... женился на Жульет.

Диггер замолчал, и минуту спустя Шамбрэн, видя, что продолжения не будет, задал ему вопрос.

— Но уж оставшись с вами наедине, Бернардель наверняка изложил вам свою истинную позицию?

— О, он снова и снова заверял меня, что ни на секунду не сомневался во мне. Но посоветовал на некоторое время уехать из Франции, так как не гарантировал мою безопасность. Черт, они не могли гарантировать безопасность даже своему президенту. Я не хотел уезжать.

— Почему?

— Мой дорогой друг, — чуть улыбнулся Диггер, — у меня оставался один шанс помириться с Жульет — найти настоящего убийцу ее отца, мужчину, который спустился по пожарной лестнице и уехал в «пежо».

— Вы думаете, что узнаете его, увидев вновь?

— Едва ли. Крупный мужчина, такой же, как и я. Я видел его только со спины. Но в одиночку я бы не справился. А рассчитывать на помощь французских правоохранительных органов не приходилось. Они относились ко мне с нескрываемым подозрением. Через моего друга я вышел на одного из руководителей Интерпола. Ее штаб-квартира располагалась на тихой улочке Поль Валери в центре Парижа. Не знаю, что вам известно об Интерполе, но это не полиция в привычном смысле этого слова. Это — коммуникационный центр, связывающий шестьдесят с лишним стран на всех континентах. У Интерпола есть средства радиосвязи, архивы. В них хранятся сведения о десятках и сотнях тысяч преступников, их имена, клички, приметы, отпечатки пальцев. Члены Интерпола постоянно извещают штаб-квартиру, если в поле их зрения попал кто-то из известных преступников. Так что, если полиция Нью-Йорка хочет побеседовать с контрабандистом, орудующим на международном уровне, она связывается с неприметным домом на улице Поль Валери и, скорее всего, получает точную информацию о том, где находится нужный ей человек.

Я попросил подготовить мне список торговцев нарко-

тиками, оперирующих во Франции. Список я получил, не слишком длинный, но он не оправдал моих ожиданий. Убийц среди них не было. Они только торговали наркотиками, проявляя при этом чудеса изворотливости. Кое-кого ловили за руку, сажали в тюрьму, они выходили на свободу и вновь принимались за старое. Как я уже говорил, за торговлю наркотиками во Франции карали не слишком строго. Сотрудник Интерпола предположил, что разыскиваемый мною убийца, скорее всего, оасовский террорист и не значится в их архивах. Досье на таких людей хранятся в Разведывательном управлении французской армии. Там мне мило улыбнулись, поговорили со мной о погоде и выпроводили за дверь.

Лишь тогда я узнал, что единственной силой, противостоящей международной торговле наркотиками, является Федеральное бюро по борьбе с распространением наркотиков. Как обычно, американцы узнают о том, что делается у них в стране, только за границей. Федеральное бюро направляло агентов в помощь полиции других стран, чтобы отсечь производителей наркотиков от рынка сбыта. Римское отделение бюро ежегодно прикладывало руку к аресту шестидесяти или семидесяти отъявленных преступников. Мне удалось войти в контакт с одним из лучших агентов. Не сразу, но он поверил мне. Когда же он высказал некоторые догадки, волосы у меня встали дыбом. Агент, звали его Сэм Лоринг, держал постоянную связь с полковником Вальмоном. Как я уже говорил, Вальмон подозревал, что кто-то из высокопоставленных государственных деятелей Франции помогает наркодельцам и террористам ОАС. Список подозреваемых он передал Лорингу. В нем значилось семь фамилий. Обладателей четырех я знал лично.

Список начинался с Поля Бернарделя, моего друга и защитника. Ему первому я рассказал о Лангло, и он без труда мог устроить, чтобы механика убили до нашего приезда. Мой друг, который свел меня с Вальмоном, знал, что я расскажу ему услышанное от полковника. Далее следовали месье Жак Делакру, тогда — министр юстиции, теперь — посол, Шарль Жирар и Макс Кролл, он управлял заводом Бернарделя в ФРГ, и я часто встречался с ним на различных автогонках.

— Кролл сейчас в отеле, — заметил я.

— Я знаю. И это только начало, — продолжал Дитер. — Потому что заседания Международной торговой комиссии, и у меня есть основания это утверждать, используются как ширма для встречи главных фигур заговора против де Гол-

ля. Мы обговаривали это с Лорингом. Поначалу я тоже сомневался, все-таки многие из этих людей не раз доказывали свою преданность президенту Франции. Лоринг ответил мне, что на этот раз ставки слишком высоки. И дело не только в деньгах, хотя прибыль может исчисляться миллионами. Речь идет о захвате власти во Франции. На деньги они могли и не поддаться. Но устояли ли перед таким искушением, как неограниченная власть?

— С тех пор прошло более двух лет,— заметил Шамбрэн.

— Менее месяца тому назад террористы вновь попытались убить де Голля. И я задал себе эти вопросы. Четверо из списка Лоринга собрались под вашей крышей, Шамбрэн. На торжественной встрече Бернарделя может появиться кто-то еще. Может, «Бомонт» превращается в центр преступного мира? Вдруг кто-то из них возглавляет заговор против де Голля? И кто ответствен за смерть полковника Вальмона? — его кулак опустился на подлокотник кресла.— Более всего заботит меня ответ на последний вопрос. Я хочу принести Жульет голову убийцы ее отца.

— Даже если это будет голова ее мужа? — спросил Шамбрэн.

— Вчера она заговорила со мной,— Салливан словно не услышал вопроса.— Заговорила после всего, что произошло. Она просила о помощи. Марк это слышал.

— Какой помощи? — нахмурился Шамбрэн.

— Если б я знал,— и Салливан закрыл лицо руками. Шамбрэн закурил, выпустил струю дыма.

— Что вы искали в номере Жираров?

— Я говорил вам — полевые мины,— рот Дигтера изогнулся в сухой улыбке.— Жирар, Бернардель, Кролл, Делакру. Один из них наверняка возглавляет заговор. И заседание Международной торговой комиссии прикроет переговоры заговорщиков с торговцами наркотиками в этой стране. Я думаю, из рук в руки перейдут крупные суммы, достаточные для того, чтобы финансировать политический переворот во Франции. И у кого-то должны храниться имена, адреса, телефоны, графики встреч. Жирар приехал первым. Я рассчитывал найти эти сведения у него в номере.

— Ваш следующий шаг?

Дигтер рассмеялся.

— Я — близкий друг Поля Бернарделя. Буду его гостем на торжественном вечере в субботу. Буду всюду сопровождать его следующие несколько дней. И жадно ловить каждое слово, кто бы его ни произнес.

Шамбрэн встал, прошел по кабинету.

— Вы рассказали нам удивительную историю, мистер Салливан. Я сочувствую тому, что вам пришлось пережить. Мне не раз приходилось видеть, к чему приводят наркотики, и меня тревожит, что все больше людей попадает в сети торговцев этим зельем. Но я хочу, чтобы вы ясно поняли мою позицию. Де Голля могут свергнуть. Во Франции могут прийти к власти военные. Мне до этого нет дела. Да и вам, я думаю, тоже. Вы хотите оправдаться перед Жульет Жирар. Вы сами сказали об этом. А я хочу найти убийцу Мюррея Кардью. И хочу, чтобы в моем отеле царили мир и спокойствие. Если дороги, ведущие к нашим целям, совпадут, будем работать рука об руку. Если нет, извините, я пойду своей, не обращая внимания на ваши любовные отношения или судьбу Французской республики,— он засмеялся и затушил окурок в серебряной пепельнице.— Наверное, звучит высокопарно, но суть передана точно.

ЧАСТЬ II

Глава I

Возможно, Шамбрэн уснул после нашей беседы. Не знаю. Кто-то, кажется Джерри Додд, говорил, что Шамбрэн, как лошадь, может спать стоя и с открытыми глазами. В четыре утра он предложил мне отдохнуть, потому что наступающий день сулил немалую суматоху. Сообщения для прессы о подробностях смерти Мюррея Кардью, вопросы лейтенанта Харди и помощника окружного прокурора, да еще прибытие Поля Бернарделя и его свиты из международного аэропорта имени Кеннеди.

Как в тумане, я поднялся к себе. В голове у меня все перемешалось. Я с трудом переваривал историю Салливана. Уж конечно, борьба с международным наркобизнесом или сохранение политического равновесия во Франции не входили в круг моих обязанностей как пресс-секретаря «Бомонта». Заботило меня лишь то обстоятельство, что по нашим коридорам, не оставляя следов, ходил убийца. Именно на это указал Шамбрэн, прежде чем выпроводить меня из кабинета.

— Наркотиками должно заниматься Федеральное бюро, Марк. А французской политикой — политики Франции. Но мы не можем забывать ни о первом, ни о втором, потому что эти факторы определяют происходящее. Когда речь идет о ревности, мести или жадности, человек не один раз

подумает, прежде чем пойти на убийство. В нашем же случае этого ждать не приходится. Если вы что-то услышите, о чем-то догадаетесь, кого-то заподозрите, немедленно приходите ко мне. Никому ни слова. Я доверяю себе и доверяю вам. И больше никому.

— Благодарю.

— Почти каждый человек покупается, Марк. Эта свора, торговцы наркотиками и террористы, может заплатить любую цену.

— Но они не стали покупать Кардью,— заметил я.— Они не оставили ему возможности выбора.

— Вот это меня и пугает. У кого-то хватило ума понять, что Мюррей Кардью, на банковском счету которого нет и цента, не продается. И этот кто-то, скорее всего, прекрасно разбирается в чувствах Салливана, да и нас, похоже, знает неплохо. Они готовы на все, могут заплатить любые деньги, и человеческая жизнь для них — пустяк. Поэтому не думайте, что это — игра и ловкий ход может заставить их отступить. Они не отступят. Слишком велик приз, который ждет их в случае победы.

Не так-то легко засыпать с мыслями обо всем этом, но мне это удалось.

А потом встало солнце и начался новый день. Чего нет в «Бомонте», так это газеты. Отелю она не нужна. Дитер Салливан сказал, что будет ловить каждое слово. На следующее утро «Бомонт» гудел от разговоров. Должно быть, все тысяча двести служащих отеля, от коридорных и посудомоек до личного секретаря Шамбрэна, мисс Руйсдэйл, охранявшей вход в его кабинет от незваных гостей, обсуждали случившееся. Я понял это, когда около девяти утра вошел в свою приемную. Я жил в мире масок, за которыми их обладатели прятали подозрение и любопытство.

— Хороший сегодня денек,— обратился ко мне лифтер, доставивший меня на четвертый этаж. Как он ждал, что я хоть чем-то поделюсь с ним. Но я промолчал.

Шелда Мэйсон, моя красавица секретарь, обычно опаздывала на работу. На этот раз она пришла даже раньше и встала из-за стола, едва я появился в приемной.

— Говорить ты не можешь, так?

— Нет, во всяком случае, о том, что тебя интересует.

— А что насчет мистера Кардью?

— О чем ты?

— У меня на столе его гостевая карточка. Ни родственников, ни счета в банке, ни адвоката. Кто позаботится о нем?

— В каком смысле?

— Похороны. Церемония прощания. Старики, что не выходят из «Спартанца», наверняка захотят проводить его в последний путь.

— Шамбрэн заботился о нем много лет,— ответил я.— Полагаю, он все устроит.

— Можно мне спросить у него, не могу ли я чем-нибудь помочь? Мне нравился мистер Кардью. Благодаря ему я убедилась, что мир, описанный сестрами Бронте, когда-то действительно существовал. Мне хотелось бы что-то для него сделать, даже если он уже не узнает об этом. Полиция что-нибудь выяснила, Марк?

— В четыре утра, когда я отправился спать, расследование еще не дало никаких результатов. А с Шамбрэном поговори. Думаю, он обрадуется, если ты поможешь ему в этом деле.

— А что нам уготовлено на сегодня?

— Около одиннадцати прибывает из аэропорта Поль Бернардель. Я должен сидеть у телефона. Мне скажут, желает он пышной встречи или нет. А у тебя показ мод в «Зеленой комнате».

От одного упоминания фамилии Бернарделя у меня по коже побежали мурашки. В списке подозреваемых, составленном Салливаном, он занимал первую строку.

— Чуть не забыла, тебя же ждут,— воскликнула Шелда.— Мистер Лакост, секретарь посла Франции. Ранняя птичка. Он уже четверть часа в кабинете.

Жан Лакост меня удивил. Именно он настаивал на том, чтобы Бернардель, Салливан и Жирары оказались за одним столом. Со слов Мюррея Кардью я представлял его грубым солдафоном. Но увидел я изнеженного гомосексуалиста.

— Мистер Хаскелл? — спросил он, едва я переступил порог.— Извините, что пришел так рано, но у меня к вам неотложное дело.

Идеальное английское произношение. Темно-синий костюм, слишком узкие брюки, подложенные плечи. Ботинки из темно-синей кожи. Черные прилизанные волосы. Маленький рот, губы бантиком.

— В «Уолдорфе» мы просто потрясены. Как вы, возможно, знаете, мистер Кардью был близким другом месье Делакру.

— Кажется, в прошлом они часто играли в шахматы,— вставил я.

— Сражались! Месье Делакру относился к старому

джентльмену с глубокой симпатией. Он ужасно расстроился. Ужасно. Он приехал бы сюда, если б дипломатический протокол не требовал его присутствия в аэропорту. Он должен встречать месье Бернарделя. А меня попросили узнать у вас, не нужна ли какая помощь в организации похорон?

— Этот вопрос вам лучше задать мистеру Шамбрэну. Мне кажется, о похоронах еще не думали. Тело отправлено на медицинскую экспертизу.

— Как жаль. Такое потрясение, — и тут бегающие черные глазки Лакоста впервые уперлись в меня. — Полиция что-нибудь нашла?

— Я ничего не слышал.

— Разумеется, вы не вправе рассказывать все, что вам известно, — он как бы вновь задавал тот же вопрос.

— Я действительно не могу сказать вам ничего нового.

— Я, должно быть, один из последних людей, кто говорил с ним. Вы знаете, что он позвонил послу за несколько минут до смерти?

— Он хотел поговорить с послом, но месье и мадам Делакру уехали на концерт вместе с месье и мадам Жираар. Они живут в вашем отеле.

— Я знаю. Сегодня у меня трудный день, мсье Лакост. Вы, кажется, пришли ко мне по какому-то делу?

— Да, да. Речь пойдет о званом вечере в честь месье Бернарделя, намеченном на субботу. Мы с мистером Кардью составили список гостей и распределили их по столам в соответствии с дипломатическим протоколом. Мистер Кардью готовил окончательный вариант. Теперь все эти заботы легли на меня. Мистер Кардью говорил, что контроль за подготовкой карточек с фамилиями гостей и посадочных листов возложен на вас. Я молю бога, чтобы он успел передать вам эти листы.

— Вашу молитву не услышали, — ответил я. — Вчера мы говорили с мистером Кардью о посадочных листах, но он мне их не передал.

Лакост взмахнул ухоженными руками, изображая отчаяние.

— Где же я их теперь возьму? Полиция, должно быть, наложила руку на все вещи мистера Кардью.

— Так ли велика беда, мистер Лакост? У вас же есть экземпляр списка приглашенных.

— Есть. Но их же надо рассадить! — Лакост покачал головой. — Никто не мог справиться с этим лучше мистера Кардью. Как вы думаете, полиция разрешит мне взглянуть

на его черновики? Они же не имеют никакого отношения к убийству. Я хочу сказать, дорогой мистер Хаскелл, едва ли в размещении гостей за столами кроется мотив убийства.

— Попробую вам помочь, но ничего не обещаю,— ответил я.

— Мне следовало вспомнить об этом, когда полиция беседовала со мной вчера ночью, но меня так расстроило известие о смерти мистера Кардью. И я старался вспомнить, что он сказал мне по телефону.

Я постарался ничем не выразить любопытства.

— Да он и не сказал ничего особенного. Спросил месье Делакуру. Я ответил, что посол на концерте, а потом, возможно, заедет в ночной клуб. Мистер Кардью... он был очень возбужден.

— Той ночью удача отвернулась от него,— заметил я.— Сначала он пытался связаться с нашим управляющим, мистером Шамбрэном, но тот уехал в театр. Потом позвонил послу, но и его не оказалось на месте. Тогда он нашел меня, но мне не удалось сразу подняться к нему в номер. Если б я пришел на десять минут раньше...— я пожал плечами. Никаких секретов я не выдал. Все это Лакост мог почерпнуть из утренней газеты.

Черные глаза вновь уперлись в меня. И я начал понимать, что секретарь посла не так прост, как могло показаться с первого взгляда.

— И он так и не сказал вам, что его беспокоило?

— Нет. Он просто попросил меня зайти к нему в номер. Я пришел слишком поздно, чтобы хоть чем-то помочь ему.

— Не смею больше отнимать у вас время,— Лакост двинулся к двери.— Но я буду у вас в вечном долгу, если вы добудете мне черновик посадочного листа. Вы понимаете, званого ужина никто не отменял.

Он кивнул на прощание и вышел. А я открыл окно, чтобы выветрился запах масла, которым он обильно смочил волосы. На моем столе звякнул телефон, и я снял трубку.

— С вами хочет поговорить господин Кролл,— сообщила Шелда.

— Предложи господину пройти в кабинет,— ответил я, подумав, не остался ли герр Кролл у Лили Дориш на всю ночь.

— Мистер Хаскелл? — каждое слово звонким эхом отдавалось от стен.— Как я понимаю, вы — пресс-секретарь отеля.

— Совершенно верно, сэр.

— Я хотел бы уладить с вами некоторые вопросы,— как и Лили Дориш, Кролл не делал различия между служащими отеля, будь то пресс-секретарь или коридорный.

— Улаживайте, мистер Кролл — не слишком вежливо ответил я.

— Скоро прибудет месье Бернардель. В аэропорту он встретился с журналистами, но хочет, чтобы в отеле их не было. Из машины он поднимется в свой номер. Никаких репортеров. Никаких фотографов. Никаких сообщений о его приходах и уходах. Ни сегодня, ни в будущем, без личного одобрения месье Бернарделя. Я выразился достаточно ясно?

— Достаточно ясно, мистер Кролл.

— Останется только сожалеть, если отель попытается использовать месье Бернарделя как рекламу.

— Вы выразились достаточно ясно, сэр

— Надеюсь на это,— и все. Ни «благодарю», ни «до свидания».

Я вышел в приемную и перепоручил Шелде решение всех текущих вопросов. Я же собирался поговорить с Шамбрэном.

— Ленч в кабинете? — поинтересовалась она.

— Еще рано говорить об этом.

— Где мы увидимся?

— Увидимся?

— Не будешь же ты молчать целую вечность, вонючка ты этакая.

Шамбрэн был не один, но мисс Руйсдэйл пригласила меня в кабинет. Похоже, он сам вызвал меня, и мисс Руйсдэйл позвонила Шелде сразу после того, как я вышел в коридор. Шамбрэн сидел за столом, свеженький как огурчик, словно спал не меньше двенадцати часов. Перед ним дымилась чашечка кофе по-турецки.

Беседовал он с миссис Вейч, нашей старшей телефонисткой, и шустрой рыжеволосой Джейн Придль, одной из ее подчиненных. От наших телефонисток требовалось не только мастерство, но и умение держать язык за зубами. Примерно восемьдесят процентов гостей «Бомонта» обманывали своих мужей или жен, так что телефонисткам, сидящим на коммутаторе, приходилось слышать многое, не предназначавшееся для чужих ушей. Но миссис Вейч и ее девушки не допускали ошибок. Во всяком случае, жалоб на их работу не поступало.

Во взгляде Шамбрэна я почувствовал симпатию. Должно быть, мой вид не оставлял сомнений в том, что выпасться

мне не удалось. Я поздоровался с миссис Вейч и Джейн Придль.

— Миссис Вейч пришла ко мне с интересным известием, Марк. Миссис Вейч, не могли бы вы и Джейн повторить все с самого начала?

— Я не знаю, знакомы ли вы с нашей системой, мистер Хаскелл,— в миссис Вейч пропадал учительский дар.— Две наши девушки соединяют гостей отеля с городом, и две — город с отелем. У первых есть блокноты, в которые они записывают номера телефонов, продиктованные гостями. Затем они набирают эти номера и, если абонент на другом конце провода берет трубку, соединяют его с нашим постояльцем. После этого листок вырывается из блокнота и кладется в проволочную корзинку. Старшая телефонистка, днем — я, ночью — миссис Кайли, через регулярные промежутки обходит девушек и собирает листки. Листки регистрируются и стоимость разговора вносится в счет. Какое-то время мы храним эти записи, на случай, если у гостя возникнут претензии. Если разговор междугородный или с другой страной, на листке сразу отмечается его продолжительность.

— Очень эффективная система,— прокомментировал я. Миссис Вейч довольно улыбнулась.

— Джейн работала в ночь, а утром, прочитав газету, сразу пришла ко мне.

— Я очень огорчилась, узнав, что случилось с мистером Кардью,— вступила в разговор девушка.— Вы, конечно, не представляете себе, мистер Хаскелл, что такое работа на коммутаторе. В наших руках жизни сотен людей, самых разных. Мы не соединяем любовницу мужчины с его номером, если трубку берет жена. И наоборот. Мы оберегаем их. Мы делаем все возможное, чтобы лишние слова не достигли чужих ушей. Но вы думаете, нас благодарят за это? Как бы не так. Мы слышим только жалобы, на нас рывкают, а если чаевых за год набегает аж двадцать пять долларов, то это праздник! А вот мистер Кардью был совсем другим. Всегда подчеркнуто вежлив, никаких претензий. Я думаю, с деньгами у него было не густо, но к рождеству мы все получали от него по маленькому подарку. Я так расстроилась, прочитав о том, что его убили, но потом кое-что вспомнила, о чем не упоминалось в газете, и подумала, что должна обо всем рассказать миссис Вейч.

— Ваше решение доказывает, что вы с большой ответственностью относитесь к работе,— вставил Шамбрэн.— Мы это обязательно учтем.

— Значит, так, — продолжала Джейн. — Около девяти часов, точное время указано на листке, позвонил мистер Кардью и попросил соединить его с «Уолддорфом». Номер я знала. Туда звонили неоднократно. Я набрала номер, когда трубку сняли, вырвала листок и положила его в проволочную корзинку. Как всегда. Несколько минут спустя вновь зажглась лампочка номера мистера Кардью. Он спросил мистера Шамбрэна. На листочке я, естественно, ничего не записала, за телефонные разговоры внутри отеля деньги не берутся. Я попыталась найти мистера Шамбрэна. Позвонила в его квартиру, в кабинет. Затем — мистеру Нэверсу, и тот сказал, что Шамбрэн уехал в театр. Я передала его слова мистеру Кардью. По голосу я поняла, что он чем-то взволнован. «Вы только что соединяли меня с «Уолддорфом», Джейн, — сказал он. — Каким-то образом я вклинился в чужой разговор. Наверное, что-то замкнулось на их коммутаторе. Но мне не удалось поговорить с тем человеком, которому я звонил. Вас не затруднит вновь позвонить в «Уолддорф»? Я ответила: «Никаких проблем», набрала номер «Уолддорфа» и подождала, пока он не попросил соединить его с послом Франции. Когда трубку сняли, я отключилась от разговора. Так вот, получалось, что мистер Кардью должен заплатить за первый разговор, хотя его соединили не с тем, кому он звонил. Поэтому я вынула тот листок из корзинки, позвонила старшей телефонистке «Уолддорфа» и устроила ей скандал. Как только я положила трубку, вновь зажглась лампочка номера мистера Кардью. На этот раз он хотел поговорить с вами, мистер Хаскелл. В конце концов я нашла вас в «Гриле» и соединила с мистером Кардью. Вот, пожалуй, и все.

На моем лице, должно быть, отразилось недоумение.

— Джейн обратила внимание, что в газетной статье имеются неточности, — пояснила миссис Вейч. — Там сказано, что мистер Кардью звонил трижды — мистеру Шамбрэну, в «Уолддорф» и мистеру Хаскеллу. Джейн уже ушла, когда полиция опрашивала телефонисток. Миссис Кайли показала им все листки. Но Джейн порвала листок, на котором отметила первый звонок мистера Кардью в «Уолддорф». Он вклинился в чей-то разговор, и мы, естественно, не имели права брать с него деньги за этот звонок, потому что он не переговорил с нужным ему человеком. Когда она рассказала мне обо всем, мы подумали, что эти сведения могут хоть в чем-то помочь расследованию.

— Возможно, и помогут, миссис Вейч, — кивнул Шамб-

рэн.— И еще один вопрос. Вчера вечером никто не звонил мистеру Кардью?

— Мы не фиксируем звонки в отель, если только нас не просят что-то передать,— ответила миссис Вейч.— Вчера работали Фло и Розали. Мы все любили мистера Кардью. Звонили ему редко. Я думаю, они бы вспомнили, если бы кто-либо спросил его. Вы же знаете нашу систему. Если кто-то спрашивает вас или мистера Хаскелла, или мистера Кардью, мы интересуемся, кто говорит. Получив ответ, соединяемся с вами и передаем: «Звонит такой-то». Если вы отвечаете: «Соедините» — мы так и делаем. Исключения мы допускаем, лишь когда вас, мистер Шамбрэн, просят портье, или из кухни, или от мистера Хаскелла. Я уверена, Фло и Розали вспомнили бы, если б кто-то звонил мистеру Кардью.

— Благодарю вас, миссис Вейч. Четкость вашей работы всегда поражала меня.

— Но вы же сами придумали эту систему, мистер Шамбрэн.

Шамбрэн улыбнулся.

— Возможно, вы правы. Еще раз благодарю вас.

Обе женщины ушли, Шамбрэн закурил, тяжелые веки прикрыли глаза.

— Что вы на это скажете, Марк? — наконец спросил он.

— Если он сначала звонил послу Франции, получается, что Харди прав и отель ни при чем.

Веки поднялись.

— Вполне возможно, что какой-то маньяк бродил по коридорам нашего отеля. Он увидел, что дверь в номер Кардью приоткрыта, вошел и убил его безо всякой на то причины. Но я в это не верю, Марк. Миссис Вейч чуть приоткрыла завесу, скрывающую мотивы преступления, но многое еще неясно.

— Мне так ничего не ясно,— искренне ответил я.

Шамбрэн глубоко затынулся, выпустил струю дыма.

— Кардью требовалась помощь. Он позвонил троим. Послу — мне — вам. Я тут кое-что проверил. Никто не разговаривал с ним за обедом. Кардоза, который всегда сам обслуживает его в «Гриле», заверил меня в этом. После обеда он поднялся в свой номер. Ему не звонили. Так что же произошло, если ему внезапно понадобилась помощь? Полагаю, миссис Вейч дала нам ответ на этот вопрос. Он вклинился в чужой разговор. И, подслушав его, понял, что без помощи ему не обойтись. Он позвонил мне, затем —

послу Франции, своему давнему другу, которому доверял, и наконец вам, которому, он это знал, доверял я.

— Как он мог вклиниться в чужой разговор? — спросил я.

— Такое случается постоянно. На один журнал недавно подали в суд за то, что он опубликовал статью, основанную на точно так же подслушанном разговоре. Я полагаю, в «Уолдорфе» такой же коммутатор, как у нас. Допустим, кто-то звонил из номера посла. Разговор еще продолжался, когда позвонил Кардью. Его звонок приняла другая телефонистка и соединила с номером посла. По идее в трубке должны были послышаться короткие гудки, означающие, что линия занята, но в коммутаторе что-то не сработало. И Кардью невольно подслушал чужой разговор.

— Но посол был на концерте.

— Это не означает, что в его номере никого не было, — нетерпеливо возразил Шамбрэн.

— Лакост! — воскликнул я. — Он только что приходил ко мне. Сказал мне, что говорил с Кардью, но, получается, когда тот звонил в «Уолдорф» второй раз.

— Теперь мы можем действовать, — Шамбрэн наклонился вперед. — Что бы вы сделали, если б вклиниться в чужой разговор?

— Попытался бы привлечь внимание телефонистки.

— Разумеется. Подождал бы минуту, думая, что телефонистка все поймет сама. А потом, если бы услышал что-то интересное, возможно, стал бы слушать дальше. Хорошими манерами тут и не пахнет, но такое возможно.

— Я наверняка слушал бы до конца.

— Затем, потрясенный услышанным, мог вспомнить и о телефонистке. Пару-тройку раз нажал бы рычаг, чтобы она прервала связь. А если б она не отреагировала, положил бы трубку.

— И что из этого?

— А то, что разговаривающие по щелчкам, вызванным движениями рычага, поняли бы, что к ним кто-то подключился.

— Но разве они могли узнать, кто именно?

— Нет, если только Кардью не сказал: «Телефонистка! Вы меня неправильно соединили!» И кто-то из собеседников узнал его голос. Может, этого и не случилось. Может, он просто положил трубку. Но говорившие не на шутку перепугались. Они тут же прекратили разговор и стали ждать, пока послу позвонят вновь. И вскоре раздался звонок. Кар-

дью хотел поговорить с послом. Так или иначе, наши собеседники догадались, кто их подслушал.

Я на мгновение задумался.

— Такое возможно, сэр, но вы не учитываете временной фактор. Сразу после разговора с Лакостом Кардью позвонил мне. Меня задержали минут на двадцать. Но этого времени не хватило бы Лакосту, чтобы добраться сюда из «Уолдорфа», подняться в номер Кардью, убить его и покинуть «Бомонт».

— Если только Лакост не мог позвонить кому-то в отель, чтобы тот убил Кардью,— возразил Шамбрэн.

По моей спине пробежал холодок.

— Макс Кролл! — воскликнул я. — Он значится в списке Салливана. И уже находился в отеле.

— Кролл — кандидат номер один, Марк. Джерри проверяет сейчас, что он делал вчера вечером,— Шамбрэн помрачнел.— С тех пор как я стал управляющим этого отеля, Марк, впервые я опасаюсь полностью доверять моим служащим. Как я говорил вам вчера, эти люди готовы заплатить сколько угодно, лишь бы добиться своего.

— Что же мог услышать мистер Кардью? — задал я риторический вопрос.

— Если б мы это знали, то не ломали бы сейчас головы.

Глава 2

Возвращаясь в кабинет, я размышлял над словами Шамбрэна. Его версия подслушанного телефонного разговора пока не подтверждалась фактами, но представлялась мне весьма логичной. Жан Лакост не значился в списке Салливана, но посол там был, а Лакост, его личный секретарь, скорее всего, подчинялся ему во всем. И Кролл. Кролл или кто-то еще, получающий деньги от торговцев наркотиками, должно быть, уже шел к номеру Кардью, когда я разговаривал со стариком по телефону, сидя за столиком в «Гриле». Пожалуй, хоть этим я мог успокоить свою совесть. Я не успел бы спасти старика, даже если б не задержался в вестибюле из-за Лили Дориш.

Шелда как-то странно посмотрела на меня, едва я вошел в приемную.

— Ты мне ничего не сказал! — обвинила она меня.

— Что я должен был сказать?

— Ты не предупредил, что у тебя с ней встреча.

— С ней?

— Мадам Жирар. Она расположилась в твоём кабинете. Сердце гулко стукнулось мне в ребра.

— В вежливости тебе не откажешь.

— О чем ты?

— Ты сказал, что я лучше ее.

— При чем тут вежливость, — я не слышал, что говорю.

Жульет Жирар в моем кабинете!

— Помоги ей, если сможешь, Марк, — внезапно Шелда стала серьезной.

— Помочь?

— Она в беде, Марк. Это видно с первого взгляда. Я не в обиде, что она красивее меня. Помоги ей.

На мгновение я даже забыл о Жульет Жирар.

— Ты молодец, — улыбнулся я Шелде.

Когда я вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь, Жульет Жирар стояла у окна и смотрела в парк. Она резко обернулась при звуке закрывающейся двери, с побледневшим лицом. Мгновенно я понял, что она ожидала увидеть кого-то другого. Она подняла руку и прижала батистовый носовой платочек к алым губам. Шелда могла бы в подробностях описать ее наряд. Я — нет. Что-то темное, жакет, отороченный мехом, маленькая шляпка с вуалью, скрывающей широко раскрытые близорукие глаза.

Меня, конечно, задела такая встреча.

— Мистер Хаскелл? — спросила она.

— Мадам Жирар?

— Я знаю, что вы — друг Дигтера. Вчера вечером я видела вас с ним в баре «Трапедия».

— Мы лишь недавно познакомились, — ответил я.

— Значит, мы окажемся перед вами в еще большем долгу.

Я уставился на нее. Она, должно быть, поняла, что я не знаю, о чем идет речь.

— Дигтер не просил у вас разрешения на нашу встречу в этом кабинете?

— Боюсь, что нет, но я рад вашему приходу.

Слабая улыбка шевельнула ей губы, и ее лицо словно осветилось изнутри.

— Он не изменился, — прошептала она.

Она ничем не напоминала женщину, жаждущую мести.

— Он сказал вам, что встретит вас здесь?

— Записка... Полчаса назад мне под дверь подсунили записку с просьбой встретиться с ним в вашем кабинете в половине одиннадцатого.

— И вы... взяли и пришли?

— Взяла и пришла,— она гордо откинула голову.— Вы бы не спрашивали, если б не знали нашего прошлого, мистер Хаскелл.

— Мне известно лишь то, о чем писали газеты, мадам Жирар,— ответил я.— Я также слышал, как ваш муж, очень сердитый, предложил Дигтеру держаться от вас подальше.

— Бедный Шарль,— в ее голосе слышались искренняя озабоченность и даже жалость.— Он уехал в аэропорт встречать Бернарделя,— она посмотрела мне в глаза.— Поверьте мне, мистер Хаскелл, я пришла сюда не потому, что хочу предать его. Он — мой муж, и я обязана хранить ему верность. Но... но я не могу жить... не получив ответа на мучающие меня вопросы. Я должна знать, как все было на самом деле.

— То есть вы уже сомневаетесь в виновности Дигтера?

— Мне известно, что он не убивал отца,— едва слышно прошептала она.— Вас интересует, как я это узнала?

— Как?

— Шарль доказал мне его невиновность.

— Ваш муж?

— Да,— она отвернулась к окну.— Разве я не имею права увидеть Дигтера, чтобы сказать ему об этом? Разве я не могу сказать ему, что... что он так и остался единственным мужчиной, которого я любила? Я не могу покинуть Шарля. Я останусь с ним до конца своих дней. Я согласилась выйти за него замуж по доброй воле, от него я видела только хорошее. Но Диггер должен знать, что теперь я ни в чем не виню его. Разве я не могу уделить ему десять минут, мистер Хаскелл?

Она могла попросить о чем угодно и не встретила бы отказа. Оставалось только гадать, какие чувства владели бы мной, если б я знал, что она любит меня, но навсегда останется недоступной.

— Может, ему будет легче, если он ни о чем не узнает? — услышал я свой голос.— Что вы имели в виду, когда вчера просили его о помощи? Вы хотели, чтобы он помог вам найти возможность сказать об этом?

— Вы слышали! — воскликнула она.

— Вы находились совсем рядом со мной, ближе, чем сейчас.

Вновь она повернулась ко мне, помялась, словно не зная, можно ли положиться на меня.

— Вы мне поможете, мистер Хаскелл?

— Что я должен сделать?

— Убедите Дигтера поверить в то, что я ему скажу.

— Что вы его любите?

Она покачала головой.

— В это он поверит и сам, мистер Хаскелл. Но я хочу, чтобы он уехал отсюда... немедленно, прямо сегодня. Когда он узнает, что я больше не виню его в смерти отца, смогу ли я убедить его отказаться от поисков настоящего убийцы? Если он не откажется, мистер Хаскелл, с ним тоже расправятся. Он стал слишком опасен. А победить он не сможет. Ему не дадут победить. Он хочет доказать мне свою невиновность. Она доказана. Ее доказал Шарль. Помогите мне, мистер Хаскелл, убедить его в том, что он должен незамедлительно уехать.

— Вы и ваш муж знаете, кто убил вашего отца? — спросил я.

— Наемный убийца. Без имени, без лица. Убил за деньги. И главная опасность исходит от людей, заплативших ему. Против них улики нет. Дигтер должен отказаться от дальнейшего расследования, потому что они следят за каждым его шагом. Если он действительно что-то найдет, его убьют, прежде чем он успеет раскрыть рот. Помогите мне, мистер Хаскелл. Дигтер — романтик... он всегда готов на подвиг. Я вот собираюсь сказать, что ни в чем не виню его, а сама молю бога, чтобы у него не было другой причины продолжать поиски истины.

Я не успел пообещать ей мое полное содействие, потому что распахнулась дверь и в кабинет влетел Дигтер.

— Жульет! — воскликнул он.

Их разделяли несколько футов, но они застыли, не в силах их преодолеть.

— Я подожду в приемной, — пробормотал я.

— Благодарю, — Дигтер даже не глянул в мою сторону.

Я вышел в приемную. Шелда уставилась на закрытую дверь кабинета.

— Вот, значит, в чем дело!

— В чем?

— Подрабатываешь Купидоном, — она рассмеялась. — Я и не знала, что мой босс так сентиментален.

Те двое, что остались в моем кабинете, испытали немалое потрясение. Впервые с тех пор, как чуть ли не три года тому назад французский суд признал Салливана невиновным, им представилась возможность поговорить, если, конечно, не считать нескольких слов, которые торопливо прошептала Жульет в баре «Трапедия» днем раньше. Когда

то они любили друг друга, но между ними встали убийство, ненависть, жажда мести. Теперь они встретились вновь, но непреодолимый барьер, Шарль Жирар, не позволял им соединиться.

Потом Диггер рассказал мне, что произошло в кабинете.

Они молча смотрели друг на друга. Диггер говорил, что у него бешено колотилось сердце. Наконец ему удалось разлепить губы.

— Ты посылала за мной, Жульет?

— Я?

— Я получил твою записку.

— Но... я не писала тебе. Это я получила твою записку.

— Я ее не писал.

Она быстро подошла к нему.

— Ты должен уехать отсюда, Диггер...

— Подожди! Я...

— Разве ты не понимаешь? Кто-то сознательно свел нас вместе. Я хотела тебя видеть. Поговорить с тобой. Но не теперь. Не здесь! Кто-то заманил нас сюда. Пожалуйста, ничего не говори. Уходи!

Она положила руки ему на грудь и попыталась подтолкнуть его к двери. Но прикосновение Жульет ожгло его, как огнем.

— О, мой бог! — Диггер сжал ее в объятьях, покрывая лицо поцелуями, вобравшими в себя страсть трехлетнего ожидания. — Я люблю тебя... люблю... люблю.

И в тот момент, забыв про супружеские обеты, она не могла устоять перед мужчиной, которого любила сама. Она что-то шептала ему, он не вслушивался в слова, зная и так, что они означают.

Но в конце концов Жульет оторвалась от него.

— Тебе надо уходить, Диггер! Это ловушка. Мы встретимся где-нибудь еще. Поговори с Хаскеллом. Он знает, что я хочу сказать.

— К черту ловушки! — взревел Диггер. — Ты думаешь, я отпущу тебя, когда ты уже здесь?

Но время было упущено.

Сквозь стеклянную стену приемной я увидел бегущего по коридору Жирара. С бледным как мел лицом. Предупредить Диггера и Жульет я уже не успевал. Оставалось только загородить дверь в кабинет.

В колледже я занимался боксом. На здоровье не жаловался. И считал, что в драке могу постоять за себя. Но вот что забавно, если судить об окружающем мире по кинофильмам или телепрограммам, может сложиться впечатле-

ние, что жизнь состоит из ситуаций, когда люди только и делают, что дубасят друг друга. Двое встречаются, перебрасываются парой слов, и в воздухе уже мелькают кулаки. На экране телевизора это можно увидеть каждые полчаса. Но дело в том, что, прожив тридцать лет, я ни разу не видел, чтобы один человек ударил другого не на экране, а наяву. В армии, конечно, такое случалось, но армейские будни едва ли можно назвать нормальной жизнью. Так что мне уже казалось, что в цивилизованном обществе драк просто не бывает.

Я, конечно, заблуждался, и наказание последовало незамедлительно.

— Прочь с дороги! — прорычал Жирар.

— Одну минуту, месье Жирар, — попытался остановить его я.

Мгновение позже от резкого удара я повалился на стол, а Жирар ворвался в мой кабинет.

Я услышал, как вскрикнула Жульет.

Голова гудела, как барабан. Перед глазами стоял туман. Но мне удалось найти взглядом Шелду, застывшую за своим столом.

— Беги за помощью, — губы меня не слушались, но Шелда сорвалась с места.

Я оперся о журнальный столик и попытался встать, но вместо этого столик свалился на меня. Я увидел, как из кабинета выбежала Жульет и метнулась в коридор. Ярость охватила меня. Никто не собирался мне помочь. Из кабинета донесся треск ломающейся мебели.

Туман рассеялся. На этот раз мне удалось подняться и устоять на ногах, хотя меня и качало из стороны в сторону. Затем нетвердым шагом я двинулся к кабинету.

Тишина нарушалась лишь тяжелым дыханием двух мужчин, пристально следящих друг за другом. Не приходилось сомневаться, что они готовятся к смертельному бою. Человеку в голову вечно лезет всякая несуразица, вот и я в тот момент подумал, что, предложи мне пари, я поставил бы на Жирара. Диггер был моложе и физически сильнее, но чувствовалось, что Жирар, в отличие от своего противника, знает, как убивать. Возможно, научился этому, сражаясь в рядах Сопротивления. Диггер, вытянув левую руку, не подпускал Жирара к себе, готовя удар правой. Но Жирар все-таки сблизился с ним, поднял обе руки, сложил их в замок и с силой опустил на шею Диггера. Тот упал на колени, и Жирар двинул ему в челюсть. Диггер распластался на полу.

Тут я словно очнулся и прыгнул на спину Жирара, схватив его за шею. А мгновение спустя взлетел в воздух и врезался в дальнюю стену. Еще оставаясь на полу, я увидел, что Диггер-таки поднялся на ноги. По выражению его окровавленного лица я видел, что он понимает, сколь велика опасность. А Жирар, низко пригнувшись, надвигался на него. Я предпринял еще одну попытку помешать ему.

— Не вмешивайтесь, Марк! — прохрипел Диггер.

— Немедленно прекратите!

В результате я оказался между ними и словно угодил в камнедробилку. Они изо всех сил пытались добраться друг до друга. Жирар выругался по-французски. Кто-то из них сильно пнул меня. Несмотря на резкую боль, я не отступался, но следующий удар пришелся в солнечное сплетение, и я сразу потерял интерес к происходящему.

Как оказалось, мне удалось выиграть драгоценные секунды. Появившиеся Джерри Додд, Джонни Тэкер и пара дюжих коридорных разняли драчунов, правда, Додду пришлось унять Жирара ударом рукояти пистолета по голове.

Когда я обрел возможность соображать, Шелда вытирала мне лицо влажным платком. По кабинету словно пронесся смерч. Врач приводил в чувство Жирара, ничком лежащего на полу. Диггер сидел в кресле, запрокинув голову и с закрытыми глазами.

Надо мной стоял Шамбрэн. И внезапно я испугался, столь холоден был его взгляд.

— Это устроили вы? — тихо спросил он.

— Устроил что? — переспросил я. Губы у меня раздулись, как олады.

— Вы устроили встречу Салливана и Жульет Жирар в этом кабинете?

— О господи, конечно же нет!

Взгляд Шамбрэна сразу же потеплел.

— Ваш секретарь сказала мне, что вы играете роль сводни.

— Мой секретарь — идиотка, — я крепко сжал руку Шелды.

Неожиданно она всхлипнула.

— С тобой все в порядке, дорогой?

— Какой уж тут порядок, — с трудом я поднялся. Все болело. Я посмотрел на Шелду. — Кажется, кто-то сказал «дорогой»?

— У тебя одна дурь на уме, — фыркнула она.

— Возможно, и так, — я повернулся к Шамбрэну. — Мадам Жирар пришла сюда, потому что получила записку

от Салливана с просьбой о встрече. Салливан мне ничего не говорил.

— Я не посылал ей записки, — донесся из кресла глухой голос Дигтера. — Я сам получил записку от нее. Она говорит, что не писала ее. Нас заманили сюда, а потом дали знать Жирару. Как он?

— Будет жить, — отозвался врач. — Если мне кто-нибудь поможет, мы отведем его в номер.

Джерри Додд и Джонни Тэкер подхватили Жирара и поставили на ноги. Дышал он тяжело, колени подгибались. Но Дигтера он заметил.

— Где она?

Дигтер просто качнул головой.

— Если она ушла куда-то еще, чтобы встретиться с тобой, я...

Дигтер рассмеялся.

— В следующий раз я захвачу с собой пожарный топорик.

Но Жирар словно и не услышал его.

— Где моя жена? — повторил он.

Никто не нашелся, что ответить.

Глава 3

Далее действие переместилось в кабинет Шамбрэна. Он сам, Джерри Додд и я пили кофе, Дигтер ощупывал руки, ноги, ребра, словно желая убедиться, все ли осталось цело.

— Он собирался меня убить. И, клянусь богом, он знает, как это делается. Я не ожидал ничего подобного.

— Вы можете подать на него в суд, — заметил Шамбрэн.

Дигтер покачал головой:

— Нет, нет. В суд я на него не подам, — он чуть улыбнулся. — Видите ли, я его хорошо понимаю. Правда, все произошло не так, как он себе представляет. Кто-то подстроил нашу встречу.

— Именно это меня и интересует, — пробурчал Шамбрэн.

— Я получил записку от Жульет, в которой она просила встретиться с ней в половине одиннадцатого в кабинете Марка, — Дигтер пошарил во внутреннем кармане пиджака и вытащил листок бумаги. На таких листках наши телефонистки записывали номера телефонов, если кто-то из гостей отеля просил соединить его с городом.

— Это почерк мадам Жирар? — спросил Шамбрэн.

— Понятия не имею, — коротко рассмеялся Диггер. — После первой встречи с Жульет в Париже мы виделись каждый день, то есть обходились без писем. Так что я даже не знаю, какой у нее почерк. Так продолжалось до самой смерти ее отца. А потом как отрезало...

— Каким образом записка попала к вам? — спросил Шамбрэн.

— Вместе с завтраком. Официант вкатил столик и передал мне эту записку. Сказал, что нашел ее под дверью.

— Разыщите официанта, Джерри. Пусть зайдет ко мне. Продолжайте, Салливан.

— Это все. Она назначила мне встречу. Вчера, в «Трапедии», Марк может это подтвердить, попросила о помощи. Естественно, в половине одиннадцатого я пришел в кабинет Марка.

— И мадам Жирар заявила, что не посылала вам записку?

— Да. Она сказала, что получила записку от меня.

— Ее подсунули под дверь, после того как Жирар уехал в аэропорт встречать Бернарделя, — добавил я.

— Вы говорили с ней? — взглянул на меня Шамбрэн.

— Да, — и я пересказал разговор с Жульет. Что ее муж убедился в невинности Диггера. Что она хотела, чтобы Диггер узнал об этом и быстро уехал, так как его жизни угрожает опасность. Что она никогда не порвет с мужем. Но хочет, чтобы Диггер знал, что она верит в него и... любит.

Из груди Салливана вырвался глухой стон.

Глаза Шамбрэна сузились.

— Фальшивая записка вам, Салливан, фальшивая записка Жульет Жирар и третья записка — Жирару, вернувшая его в отель.

Из приемной появился Джерри Додд. Он звонил на кухню.

— Официант уже идет, босс. Ферруччио Конти, один из наших ветеранов. Между прочим, мадам Жирар покинула отель. Уэйтерс, швейцар, видел, как она вышла на Пятую авеню. Похоже, прямоком из кабинета Марка. Кстати, я проверил, где Кролл. Я установил наблюдение за ним, как только вы попросили об этом. Около десяти часов он уехал в аэропорт встречать Бернарделя.

— Нужно обо всем рассказать лейтенанту Харди, — в голосе Шамбрэна слышалось нетерпение. — Постарайтесь найти его, Джерри, и пригласите сюда, — он повернулся

к Дигтеру.— Мадам Жирар дала вам дельный совет. Почему бы вам не уехать, пока не закончится эта история?

— Нет,— покачал головой Дигтер.— Если мне грозит опасность, значит, я близок к цели. Иначе не было бы и опасности.

— Не забывайте, что Жирар при очередной встрече разорвет вас на куски.

— В следующий раз он не застанет меня врасплох,— Дигтер начал подниматься.— Кто-то должен найти Жульет.

— Только не вы,— отрубил Шамбрэн.— Пора бы вам начать соображать, Салливан. Пусть ее ищет муж. Это его забота.

— Разве вы забыли, что Жирар значился в списке? Списке Лоринга? — напомнил Дигтер.— Вам не приходило в голову, что каждое слово, сказанное им Жульет, могло оказаться ложью? О, он снял с меня подозрения в убийстве, чтобы она считала, что именно он восстановил мое честное имя. Но, может, это ширма, прячась за которую, он принимает активное участие в заговоре? Нет, мистер Шамбрэн, я никуда не уеду. Я намерен найти Жульет и поговорить с ней.

Шамбрэн было запротестовал, но передумал.

— Пойдемте со мной, Марк,— и вышел из кабинета. По коридору мы молча прошли к лифту. Он нажал кнопку «Вверх».— Не нравится мне все это. Я всегда говорил, что отойду от дел, если не буду знать, что творится у меня в отеле. А тут люди суют под двери записки и бог знает что еще. И я уже не уверен в своих подчиненных. Это чертовски неприятное ощущение,— он вновь нажал кнопку лифта.— Мы живем в мире денег. Так же устроен «Бомонт» — дом вне дома для самых богатых. Но впервые здесь появились деньги, которыми готовы оплатить предательство. И я собираюсь выяснить, Марк, кто стоит за этими деньгами, даже если после этого мне придется уйти из отеля.

— Куда мы едем? — спросил я.

— К Жирару. Я хочу знать, кто предложил ему заглянуть в ваш кабинет.

Если не считать шишки на затылке, в том месте, куда опустилась рукоятка пистолета Додда, Жирар вышел из драки с куда меньшими потерями, чем Дигтер. Он успел привести себя в порядок и надеть чистый костюм. Под левым глазом темнел «фонарь». Он сдержанно кивнул Шамбрэну и отступил в сторону, давая нам пройти в номер.

— Я ждал вас.

Таких номеров, как в «Бомонте», не найти ни в одном

отеле. Любой из них не похож на другие. Так, в номере Жираров мебель, отделка стен и потолка соответствовали периоду Французской империи. Я уловил слабый аромат духов Жульет Жирар.

— Вы не привели с собой полицию? — спросил Жирар, закрывая за нами дверь.

— Салливан не намерен предъявлять вам обвинения, — Шамбрэн, похоже, тоже уловил запах. — Ваша жена вернулась, Жирар?

— Нет, — Жирар коснулся синяка на щеке.

— Послушайте, Жирар, ваша ссора с Салливаном не имела бы ко мне ни малейшего отношения, если б не нарушила мир и покой моего отеля.

— Я готов оплатить причиненный урон.

— К черту урон! — воскликнул Шамбрэн. — Я не собираюсь играть с вами в кошки-мышки, Жирар. Мне известна история ваших взаимоотношений с Салливаном. И многое другое. Я знаю, что мой отель используется вашими соотечественниками. Сюда привозят наркотики. Здесь плетут политические заговоры. Терпеть этого я не стану. Я не знаю, на чьей вы стороне, месье Жирар. Но вы поймете, почему я хочу задать вам несколько вопросов и, более того, получить на них ответы.

Холодная улыбка заиграла на губах Жирара.

— Я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

— Как вы узнали, что Салливан и ваша жена встречаются в кабинете Хаскелла?

— Это мое дело.

— И мое тоже, — заметил Шамбрэн. — Марк, расскажите, что произошло, когда вы увидели миссис Жирар в своем кабинете. Расскажите обо всем.

Я рассказал. Ничего не опуская. У Жирара задергалась щека.

— Как видите, — заговорил Шамбрэн, едва я закончил, — это не любовная встреча. Как и ваша жена, Салливан получил записку и решил, что ее послала она. Кто-то это подстроил. Тот же кто-то вернул вас, чтобы вы застали их вместе. Я хочу знать, как это произошло. Почему вы вернулись в отель?

Глядя на Жирара, я подумал, а не он ли все и устроил. С тем, чтобы получить повод для расправы с Диггером. И эта версия показалась мне весьма логичной.

— Мне позвонили, — ответил Жирар.

— Позвонили! Кто с вами говорил?

— Женщина.

— Вы не знаете, кто она?

— Нет, — Жирар запнулся. — Я оставил Жульет в номере и отправился в аэропорт, встречать Поля Бернарделя. В вестибюле меня окликнули. Сказали, что просят к телефону и я могу поговорить с одного из аппаратов, стоящих на регистрационной стойке. Я взял трубку, и женский голос спросил, я ли месье Жирар. Я ответил, что да, и, в свою очередь, поинтересовался, кто она. Мне ответили, что это не имеет значения, но она хотела бы предупредить меня, что в половине одиннадцатого моя жена собирается встретиться с Салливаном в кабинете пресс-секретаря отеля. Я еще раз спросил, как ее зовут, но она положила трубку. Я соединился с коммутатором, и мне сказали, что звонили из города.

Жирар отошел к столу, достал из пачки сигарету. Когда он закуривал, его рука дрожала.

— Поначалу я хотел вернуться и спросить Жульет, так ли это. Но потом я принял другое решение, мистер Шамбрэн. Я... я скажу вам, почему.

— Я вас слушаю, месье Жирар.

— Я скажу вам, потому что оно связано с происходящим в вашем отеле. Но сначала нам нужно вернуться в прошлое.

И Шамбрэн, и я промолчали.

— В самые черные дни истории Франции я сражался в Сопротивлении, — глаза Жирара блеснули. — В те дни мы научились и драться, и убивать. Ячейкой, или группой, в которой я состоял, командовал армейский полковник, готовый отдать жизнь за свою страну. Его звали Жорж Вальмон. Хитрый, изобретательный, ненавидящий наци, поработивших Францию. Он сражался за Францию и за человека, в котором видел ее освободителя — генерала Шарля де Голля. Я был заместителем Вальмона. Я полюбил его, как отца. Моего-то убили в самом начале войны при бомбардировке Парижа. Когда же война подошла к концу и Париж стал свободным, мы все пытались вернуться к мирной жизни. Я вновь стал адвокатом. Вальмон, правда, остался в реорганизованной французской армии. У него возникли осложнения личного характера. Его жена была американка. В начале войны она отказалась покинуть Париж. Она считала, что не должна расставаться с мужем. Осталась с ней и девочка, восьмилетняя Жульет. Потом жена Вальмона умерла от болезни, никто не мог сказать, от какой именно, было не до того. Девочку удалось переправить в Америку, к родственникам жены.

Теперь он хотел, чтобы дочь вернулась к нему, но американские родственники заартачились. Вальмона они практически не знали. Возможно, с самого начала не одобряли этот семейный союз. Ему пришлось обратиться в суд. Естественно, он попросил меня, с кем не раз смотрел в глаза смерти, представлять его интересы. Дело оказалось весьма сложным, но не имеющим никакого отношения к тому, что происходит сейчас. Я поехал в Америку, чтобы повидаться с родственниками жены полковника. Выяснилось, что они совсем не варвары, как мы себе представляли. И мне удалось убедить их отдать Жульет отцу без судебного разбирательства. Во Францию я вернулся вместе с ней, веселой, красивой девчушкой. Произошло это в сорок седьмом году.

Жульет росла на моих глазах. Я постоянно бывал в доме Вальмона. Свободного времени у меня было больше, чем у полковника, поэтому я водил ее в музеи, картинные галереи, в кино, ездил с ней за город. Я с радостью наблюдал, как она расцветала с каждым днем. Я полюбил ее, как собственную дочь. Она была очаровательным ребенком. Так прошло десять лет. Наша жизнь более-менее упорядочилась. Я стал известным юристом, Вальмон работал в тесном контакте с генералом де Голлем. А Жульет... Жульет выросла.

Де Голля избрали президентом Франции. Более всего его тревожило положение в Алжире. Единственный выход он видел в предоставлении этой колонии независимости. Как вы знаете, это его решение раскололо Францию надвое. Многие из нас, в том числе и я, всегда поддерживающие де Голля, так как верили, что только он может спасти Францию, в тот момент не согласились с ним. И действительно, в Алжире началась гражданская война. Страну залила кровь. Но после референдума, в котором большинство французов одобрило позицию де Голля, я отбросил сомнения и стал его верным помощником. Нам всем постоянно приходится делать выбор, мистер Шамбрэн. Для Франции сильный де Голль был важнее Алжира.

— Вальмон всегда оставался на стороне де Голля?

Жирар пожал плечами.

— Да. Возможно, в глубине души он мог в чем-то не соглашаться с генералом, но внешне это никак не проявлялось. И он принял самое активное участие в борьбе с оасовскими террористами,— Жирар глубоко вздохнул.— В пятьдесят девятом Жульет исполнилось двадцать лет. Как-то раз я пригласил ее поехать за город на машине. Не знаю, как это случилось. Возможно, виновато прикоснове-

ние ее руки к моей, а может, выражение глаз, но я понял, что влюблен в этого ребенка, обратившегося в женщину, — голос Шарля дрогнул, и он на мгновение замолчал, чтобы справиться с волнением.

— Я клянусь, клянусь, что она почувствовала то же самое. Десять лет я был для нее «дядей Шарлем». Внезапно я стал мужчиной. На шестнадцать лет старше, но тоже достойным любви.

В тот же вечер я переговорил с Вальмоном. Мне показалось, он даже обрадовался. Полковник хотел, чтобы Жульет поскорее вышла замуж, так как сам находился в постоянной опасности. Но он ясно дал понять, что не будет оказывать давление на Жульет. Лишь согласится на ее свадьбу, если она попросит. Торопить же или принуждать не станет.

Несколько дней спустя у нас с Жульет состоялся серьезный разговор. Эта девушка... эта женщина... честно призналась, что всегда любила меня как «дядю Шарля». Теперь в ней проснулось новое чувство, и она должна осознать его и свыкнуться с ним. Она увидела во мне мужчину, а не любимого дядюшку, и нужно время, чтобы убедиться, что она готова связать со мной свою судьбу. Сколько именно, она тогда сказать не могла. Я признал, что это справедливо, и согласился.

Мне было тяжело. Без нее жизнь теряла для меня всякий смысл. Неделя проходила за неделей, месяц — за месяцем, но в конце концов мне стало казаться, что она уже близка к тому, чтобы сказать «да». У нас было много общего. Ее вкусы совпадали с моими, потому что формировались под моим влиянием. Я, можно сказать, приложил руку к тому, чтобы она стала женщиной, которую я так страстно любил. А потом... потом все разлетелось вдребезги!

Кулак Жирара опустилсЯ на стол, раз, другой. Его голос снова задрожал, теперь уже от ярости.

— К полковнику Вальмону пришел мужчина. Этот Салливан. Он принес рекомендательное письмо от Поля Бернарделя. Вальмон, по своим каналам, многое узнал о Салливане. Полковник вел очень опасную игру. Он твердо верил, что ОАС добывает деньги на покупку оружия, участвуя в торговле наркотиками. И теперь ему противостояли не только бывшие однопольчане, но и хладнокровные убийцы, наживающие миллионы на человеческой беде. Он установил личность нескольких мелких рыбешек, но не трогал их, надеясь выйти на акул. К примеру, он знал, что Лангло, механик Бернарделя, поставяет наркотики некоторым гон-

щикам и туристам, вьющимся вокруг автогонок. Подозревал, что в это замешан и сам Поль Бернардель. Доказательств, разумеется, у него не было. Полковник надеялся, что Лангло поможет их раздобыть. Но механика внезапно убили, возможно, из-за Салливана. Тот обратился к Лангло за героин-ном для попавшего в аварию автогонщика, своего приятеля. Потом рассказал Бернарделю о побочном доходе механика. Он и Бернардель поехали в гараж и нашли Лангло мертвым. Салливан, в притворной ярости, заявил, что этого он так не оставит. Бернардель дал ему рекомендательное письмо к полковнику Вальмону.

— В притворной ярости? — переспросил Шамбрэн.

— Я никогда не верил ему. Не поверил и сегодня, — прохрипел Жирар. — Вы думаете, что все это из-за Жульет. Нет! Я ненавижу его из-за Жульет. И я не верю в искренность его намерений. Я не сомневался тогда и остаюсь при своем мнении теперь, что он пытался втереться в доверие к полковнику Вальмону. Не знаю, почему убили Лангло. Возможно, Бернардель и Салливан расставили тому ловушку. Когда Салливан без труда получил у него героин, они решили, что Лангло может «засветиться», убрали его. Кроме того, смерть Лангло позволяла Салливану сблизиться с Вальмоном. Салливан, бесстрашный американский автогонщик. Салливан, полный праведного негодования. Салливан, лучащийся обаянием. Будь он проклят!

Жирар тяжело дышал. Его рассказ изумил меня. Таким я Салливана не представлял. Правду говорил Жирар или ложь, однако чувствовалось, что он сам искренне верил в свои слова.

— Вальмон не сразу доверился Салливану. Сначала переговорил со мной. Не мог ли Салливан оказаться шпионом, засланным в наши ряды Бернарделем? Может, располагающая внешность Салливана не более чем маска. Я умолял Вальмона не рисковать. Он меня не послушал. Решил, что проверит Салливана. Передаст ему ложную информацию и по реакции террористов узнает, попала она к ним или нет. С другой стороны, Салливан мог оказаться важным союзником, если бы доказал свою честность.

В результате Вальмон принял Салливана, и тот встретился с Жульет, — по телу Жирара пробежала дрожь. — Ее словно поразило громом. Его... кто знает? Он действительно мог влюбиться в нее. Отрицать это может только тот, кто никогда не видел Жульет. Но представляется более вероятным, что он использовал эту внезапную любовь для того, чтобы ослепить Вальмона.

Жульет пришла ко мне. Ее слова жгли меня как раскаленный металл. Я не могу повторить их без боли в сердце. Она любила меня. Всегда любила. Верила, как никому. Собиралась сказать, что согласна выйти за меня замуж. Но появился Салливан. И она ничего не может с собой поделать. Ее охватила страсть. Она не испытывала ко мне такой любви, даже не подозревала, что так можно любить. Жульет старалась подсластить пилюлю, но не собиралась менять решения.

Вальмон выразил мне сочувствие. Сожалел, что все так обернулось. Но вмешиваться не пожелал. Жульет имела право решать все сама. Более того, он сказал мне, что Салливан не попал в расставленные ловушки. И он убедился в честности Салливана. Я... я по-прежнему не доверял ему. Но я, естественно, относился к нему с предубеждением.

Тогда же Вальмона попытались убить. Он решил уйти в подполье. Настаивал, что никто, даже его агенты, не должны знать, где он находится. Кого-то из них могли подкупить, ОАС не испытывала недостатка в деньгах. Кого-то могли «расколоть» под пыткой. Такое случалось во время войны. Но он не мог обойтись без курьера. Он мог выбрать меня, боевого товарища, давнего друга. Но нет, он выбрал Салливана, из-за того, что Жульет любила его.

А потом, несколько недель спустя, Вальмона убили.

Жирар вытащил из кармана носовой платок и промокнул лоб.

— Я тут же пришел на помощь Жульет. Она была в шоке. Она видела Салливана собственными глазами, когда выстрелы еще эхом отдавались на городских улицах. Она пыталась объяснить его бегство. Может, он преследовал убийцу. Но он не вернулся на место преступления. Позднее Салливан пытался связаться с ней по телефону, но я... я не дал им поговорить. А затем он исчез и появился лишь на следующий день с алиби, которое подтвердил Поль Бернардель. Бернардель, конечно, лгал. Жульет видела Салливана. Это не вызывало сомнений. И она тоже знала, что Салливан лжет. Я же не раз говорил ей тогда, что с самого начала не верил Салливану. Он использовал ее, чтобы сблизиться с полковником, и в итоге убил его, когда понял, что тот готов назвать имена главарей. Я в это верил. И верю сейчас, за исключением последнего. Он там был, но не убивал полковника Вальмона. Может, он не изолгался до конца. Может, действительно любил Жульет. Может, пытался помешать убийству Вальмона. Но у меня нет сомнений в его причастности к заговору против Вальмона. Не было их

и тогда, и я прилагал все силы, чтобы доказать, что его алиби — фальшивка. Мне это не удалось, но я решил не отступаться и после того, как суд оправдал его.

Жульет жила словно в трансе. Она не сомневалась, что Салливан — убийца, но любила его. Она открыла ему свое сердце и ничего не могла с собой поделать. Жульет хотела отомстить за отца, и я думаю, что она... думала о смерти.

Занимаемая мною должность позволяла мне продолжать расследование, привлечь лучшие силы полиции. Но результатов долго не было. Мы допросили сотни людей в том районе, где убили Вальмона. Оасовцев тогда боялись. И многие из тех, кто мог что-то сказать, предпочитали молчать, чтобы не навлечь на себя месть террористов. А руководил ими Бернардель, в этом я абсолютно уверен, хотя и по сей день доказательств у меня нет.

Жирар вновь глубоко вздохнул.

— Прошло еще два года, а мы ни на шаг не приблизились к истине. Жульет по-прежнему жила как во сне. Я был ее ближайшим другом, «дядей Шарлем», верным соратником отца. Пытался хоть как-то отвлечь ее. Мы ходили в театр, на балет, в картинные галереи. Представляете, каково мне было? Сплошная мука! — его кулак грохнул по столу. — Однажды она заговорила со мной об этом. Сказала, что видит мои страдания. Понимает, что, кроме меня, опереться ей не на кого. Она все обдумала. Она не сможет дать мне то, что дала Салливану. Время, что они провели вместе, у него не отобрать. Воспоминания останутся, что бы он не совершил. Но если, зная это, я все еще хочу взять ее в жены... «Я не могу только брать у тебя, Шарль, ничего не давая взамен». Я спросил, что будет, если она вновь встретит Салливана. Жульет ответила, что чувство, которое испытывает к нему, не поддается контролю. Но она заставит себя не выходить за рамки приличий. Если мы все-таки поженимся, она мне это гарантирует. И я... я так хотел ее, что согласился на все. Я хотел ее, хотел, хотел!

И мы поженились, — голос Жирара упал до шепота. — Во время нашего медового месяца парижская полиция подтвердила невиновность Салливана. Умиравший от рака старик, окна квартиры которого выходили на дом Вальмона со стороны двора, рассказал о том, что он видел два года тому назад. Все это время он молчал, опасаясь за свою жизнь. К дому Вальмона подъехал маленький черный «шежо». Из кабины вышел мужчина и по пожарной лестнице поднялся к окну квартиры Вальмона. Вытащил автомат и начал стрелять через окно. Затем быстро спустился вниз.

Видел старик и Салливана, внезапно появившегося в окне. Убийца в этот момент как раз садился в «пежо», тут же сорвавшийся с места. Теперь старик знал, что его дни сочтены, и не боялся мести террористов. Куда более страшный убийца поедом ел его легкие.

Жирар повернулся и посмотрел на нас. Его лицо осунулось, глаза ввалились.

— Пытался ли кто-нибудь из вас лгать человеку, которого любишь всем сердцем? Если да, то вы поймете, в каком я оказался положении. Едва Жульет стала моей, я получил сведения, обеляющие Салливана, — дрожащими руками Жирар поднес зажигалку к сигарете. — Несколько дней я боролся с собой, потом обо всем рассказал Жульет. Алиби Салливана — фальшивка. Он был в квартире. Она его видела. Но не убивал ее отца. А потом... потом я собрал волю в кулак и предложил ей свободу, — Жирар облизнул губы. — Она поблагодарила меня и отказалась. Я предупредил ее, что у меня не хватит мужества сделать то же самое еще раз. Только богу известно, что она испытала в тот момент, но сказала: «Я вышла за тебя замуж, Шарль. И хочу остаться твоей женой». И с того дня, господа, мы больше не возвращались к этой теме.

Через несколько дней после нашего приезда в Нью-Йорк мне позвонил месье Делакру, посол. Он пригласил нас на званый ужин в честь Поля Бернарделя. Почти три года я безуспешно искал доказательства вины Бернарделя. Мы встречались, улыбались друг другу, но в душе знали, что мы — враги. Дипломатический протокол требовал нашего присутствия на приеме. Сообщил Делакру и о том, что Бернардель пожелал видеть за своим столом Салливана. Зная нашу историю, Делакру спросил, что я намерен предпринять. Я сказал, что должен посоветоваться с Жульет. Вот так, впервые за два года мы заговорили о Салливане. «Делай то, что ты должен, — сказала мне Жульет. — Для меня прошлое умерло». После этого я известил Делакру о нашем решении.

Конечно, предстоящая встреча с Салливаном не радовала меня, даже пугала. Но я верил Жульет... я ей верил. И вот... этим утром... телефонный звонок. Вон оно что, подумал я. Салливан хочет прокрасться к моей жене. Не убийца Вальмона, но, возможно, предатель и... негодяй. Я... я поднялся в ваш кабинет, Хаскелл, чтобы убить его.

После короткой паузы заговорил Шамбрэн.

— Я думаю, мы можем признать, что встречу Салливана с вашей женой организовал кто-то еще. Ваша жена утверж-

дает, что не посылала записки, которая привела его в кабинет Хаскелла. И Салливан не писал вашей жене.

— Я уверен, что Жульет ничего не писала ему,— ответил Жирар и с горечью добавил: — Но она пришла! Пришла, получив от него записку.

— Которую он не посылал.

— Это он говорит, что не посылал ей.

— Он показал нам записку от вашей жены.

— Ее он мог написать сам.

— А женщина, что говорила с вами по телефону?

Жирар рассмеялся.

— Ваш приятель Салливан знает, как подкатиться к женщинам. Они всегда готовы ему помочь.

— Но зачем он это сделал?

— Он знал, что я попытаюсь его убить. И на чьей стороне оказались бы ее симпатии? На его!

Я вошел в номер Жираров в полной уверенности, что Салливан — наш человек. Обуреваемый ревностью и жадой мести Жирар не вызывал у меня сочувствия. Но я не мог отмахнуться от его аргументов. Да, он относился к Диггеру с предубеждением, но гораздо лучше, чем мы, представлял себе политическую обстановку во Франции в те дни, когда убили Вальмона. И еще в одном я мог не сомневаться: Жирар искренне верил в то, что говорил.

— Вы заявили, что не допустите политических заговоров или встреч торговцев наркотиками у себя в отеле, Шамбрэн,— продолжил Жирар.— Однако Салливан убедил вас, что борется с теми же людьми, что и вы. Хаскелл — его друг. Пьет с ним. Защищает его в драке. Но я утверждаю, что Салливан — доверенное лицо Бернарделя. В Париже он действовал по указке последнего. Был шпионом Бернарделя в доме Вальмона. Остается его шпионом и в вашем отеле. И вот еще о чем я подумал. Он пытался отвлечь мое внимание от намеченных контактов оасовцев и торговцев наркотиками, начав эту возню вокруг Жульет. И, надо признать, ему это удалось. Где моя жена, Шамбрэн?

— Я не знаю,— в голосе Шамбрэна я уловил некоторую отстраненность.

— Если и знаете, можете мне не говорить. Скажите только, что она в безопасности.

— Швейцар у дверей на Пятую авеню доложил, что мадам Жирар покинула отель. Больше мне ничего не известно. Жирар покачал головой.

— Она ушла, чтобы встретиться с ним, ложной была записка или нет. Она пошла сказать, что верит ему, что все

еще любит его. Что бы она ни говорила Хаскеллу, Салливан значит для нее гораздо больше, чем я.

— Я бы не спешил с выводами,— заметил Шамбрэн.

— А если он вновь использует ее! Вы сами видите, как легко с ее помощью вывести меня из игры. Я должен знать, на каком я свете. Но одно я могу вам обещать. Если Салливан все-таки пытается отвлечь меня от Бернарделя и его делишек, клянусь богом, я его убью!

Шамбрэн вытащил из кармана серебряный портсигар, достал из него египетскую сигарету.

— Я сочувствую вам, месье Жирар. Возможно, ваша жена догадалась о ваших намерениях, когда вы ворвались в кабинет Марка. Возможно, ей надо побыть подальше от вас обоих, чтобы разобраться, что к чему. Я буду вам очень благодарен, получив ответы на несколько вопросов, не касающихся Салливана. Прошлым вечером Мюррей Кардью, мы, как вы помните, уже спрашивали вас о нем, позвонил в номер Делакуру в «Уолдорфе». И совершенно случайно вклинился в чужой разговор. Видимо, услышанное стоило ему жизни. И я хочу знать, какое участие принимал Делакуру в войне Вальмона с ОАС?

Жирар нахмурился.

— В те дни подозревали всех. Вальмон полагал, что каждый может оказаться предателем. В его списке значился даже я, его ближайший друг. Он знал, что я не одобрял алжирскую политику де Голля. Каждый несогласный с президентом мог перейти на сторону ОАС. Но я думаю (мне хотелось бы так думать), что в конце концов он мне поверил. Был в его списке и Делакуру. Но за два года, прошедшие со дня смерти Вальмона, Делакуру проявил себя с самой лучшей стороны. Он бы не занимал столь высокий пост, если бы оставались сомнения в его лояльности.

— А Лакост?

— Секретарь Делакуру? — вопрос удивил Жирара. — Парижанин, закончил с отличием юридический факультет. Ему около двадцати восьми лет. Не воевал. Слишком молод. Он... он несколько женственен. Со своей работой, похоже, справляется. У вас есть основания полагать...

— Делакуру с женой отправились на концерт. Мы знаем, что Лакост был в их номере, потому что Кардью говорил с ним, когда позвонил во второй раз. Я спросил о нем, потому что Кардью скорее всего подслушал его разговор с кем-то еще. По крайней мере, он должен знать, кто и о чем говорил из номера посла. А что вы можете сказать о Максе Кролле?

— Ближайший помощник Бернарделя, — незамедлительно ответил Жирар.

Шамбрэн подошел к Жирару, загасил сигарету в стоящей на столе пепельнице.

— Я понимаю, что вы не нуждаетесь в моем совете, месье Жирар, но тем не менее хочу вам его дать. Ваша жена представляется мне благоразумной и добропорядочной женщиной. Дайте ей время подумать. Я уверен, что она вернется и попытается все уладить, так или иначе. Что же касается Салливана, держитесь от него подальше, пока мы не уясним, что — правда, а что — ложь. Импульсивное поведение может стоить вам будущего.

Глава 4

— Бедный Марк, — покачал головой Шамбрэн, когда мы шли по коридору к лифту.

— В каком смысле?

— Вы уже поверили одному мужчине, а тут на вас обрушилась история другого, причем достаточно убедительная. Так кому вам верить — Твидддаму или Твиддди¹?

— Они оба могут говорить правду, как она им видится, — ответил я.

Шамбрэн искоса глянул на меня.

— Да вы просто кладезь мудрости.

Мы остановились у лифта.

— Кто же мог позвонить Жирару? — спросил Шамбрэн.

— Есть одна безумная идея.

— Я жду, затаив дыхание, — улыбнулся Шамбрэн.

— Лили Дориш. Она жить не может без Макса Кролла. После ее приезда они ужинали у нее в номере. С шампанским.

Шамбрэн не успел ответить, потому что открылись двери кабины. Мы спустились на четвертый этаж и прошли в его кабинет. Лейтенант Харди уже ждал нас.

Шамбрэн взглянул на часы, нахмурился.

— Бернардель подъезжает к отелю, если уже не приехал. Я бы хотел, чтобы вы встретили его вместо меня, Марк. Принесите ему мои извинения. Скажите Бернарделю, что я хотел бы повидаться с ним в удобное для него время.

¹ Персонажи сказки Кэрролла «Алиса в стране чудес», отличающиеся только именем.

А сейчас мне необходимо ознакомить Харди с нашими находками.

У портье я выяснил, что Бернардель уже прибыл в отель и поднялся в свой номер. Лифт доставил меня на пятнадцатый этаж. Я просто сгорал от любопытства. С одной стороны, Бернардель связывал воедино ОАС и торговцев наркотиками. Он значился в списке Лоринга, агента Федерального бюро, и в списке полковника Вальмона. Его подозревал и Салливан и Шарль Жирар. С другой стороны, он не только оставался на свободе, но и представлял Францию в Международной торговой комиссии. То есть настолько тонко вел свою партию, что никто не мог найти ни малейшей зацепки, чтобы придрататься к нему.

Я позвонил в номер 15-А. Изнутри слышались мужские голоса, чувствовалось, что их обладатели пребывают в отличном настроении. Потом дверь открылась, и передо мной предстал дух Конрада Вейдта — Макс Кролл. Он холодно оглядел меня.

— В чем дело?

— Я бы хотел поговорить с месье Бернарделем.

— Мне кажется, я указал вам, что месье Бернардель не нуждается в услугах пресс-бюро отеля.

— Я пришел сюда по поручению мистера Шамброна, который, к сожалению, не смог засвидетельствовать своего почтения месье Бернарделю. Я бы хотел приветствовать его в нашем отеле и убедиться, что он всем доволен.

— Он всем доволен, — Кролл не сдвинулся ни на дюйм. — Вчера я сам все проверил.

— Кто это, Макс? — из номера донесся громкий, веселый голос.

— Служащий отеля, который хочет узнать, нет ли у вас претензий.

— Так пригласи его в номер! — еще более оживился голос. — Очень хочется знать, что тут происходит. Из тебя-то, мой дорогой Макс, лишнего слова не вытянешь.

Уголок рта Кролла дернулся, но он отступил от двери, давая мне пройти.

Комната купалась в ярком солнечном свете. На столе стояли два больших ведерка со льдом, из них выглядывали горлышки бутылок шампанского. Пахло дорогими сигарами.

В кресле сидел высокий элегантный мужчина с серостальными волосами, маленькими черными усиками и холодными серыми глазами. Жак Делакру, посол Франции. Я видел его фотографии в газетах.

Бернардель меня поразил. Никто не говорил мне, как

он выглядит, и я ожидал увидеть вкрадчивого, лыственного злодея из мелодрамы. Он оказался совсем другим. Навероятно толстым. И веселым! В его синих глазах, совсем маленьких на луноподобном лице, так и играли смешинки. Одевался он небрежно, но, похоже, у лучших портных. В одной пухлой руке он держал бокал с шампанским, в другой дымилась сигара. Часть пепла попадала в пепельницу, остальное — ему на жилетку. Я подумал, что из него вышел бы потрясающий Санта-Клаус, криками «Хо! Хо! Хо!» вызывающий восторги детей. Чувствовалось, что расческа нечасто касается его густых вьющихся каштановых волос. Огромный живот судорожно дергался, когда он смеялся.

— Заходите, мой дорогой, заходите! — прогрохотал он, взмахнув бокалом. — Макс, налей нашему другу бокал этого чудесного напитка.

— Это Хаскелл, пресс-секретарь отеля, — Кролл не двинулся с места. Моим титулом он словно предупреждал Бернарделя об опасности.

— Великолепно! — воскликнул Бернардель. — Он-то нам и нужен. Он может рассказать то, чего не знает никто другой. Вы знакомы с месье Делакуру, нашим послом на этих берегах?

Я кивнул симпатичному мужчине в кресле. У меня создалось впечатление, что серые глаза читали, что написано на ярлыке, пришитом с внутренней стороны воротника моей рубашки.

— Месье Бернардель, меня прислал мистер Шамбрэн. К его великому сожалению, он не может лично засвидетельствовать вам свое почтение.

— Я понимаю, — Бернардель хохотнул. — Убийство... драка между моим другом Диггером Салливаном и Шарлем Жираром. Ну почему все это произошло, когда я сидел в самолете, словно сардина в консервной банке! Макс, шампанского месье Хаскеллу! Как Диггер? Надеюсь, он достаточно легко отделался?

— С ним все в порядке. Синяков много, но обошлось без серьезных повреждений.

— Бойцов Сопротивления готовили на совесть, не так ли, Жак? — он посмотрел на Делакуру. — Жирару сорок один, а он без труда разделался с таким здоровяком, как Диггер. Вы должны сказать мне, месье Хаскелл, как это все произошло. Вот Макс говорит, что очаровательная Жульет вновь оказалась в центре событий.

Что-то этот Макс слишком много знает, подумал я.

— Я не знаю, вправе ли я рассказывать вам об этом.

— О, перестаньте, дорогой мой, перестаньте,— он подошел к столу и наполнил бокал пенящимся шампанским. Протянул его мне. Его веселые глаза остановились на Кролле.— Извините, Макс. Я забыл, как вам не нравится кого-то обслуживать. Сразу после войны Максу пришлось стать официантом, чтобы не умереть с голоду, месье Хаскелл. Он до сих пор не может прийти в себя. А теперь выпейте. мой друг, и расскажите обо всем, ничего не упуская.

— Драка волнует нас гораздо меньше, чем убийство мистера Кардью, как я понимаю, давнего друга посла Делакры,— ответил я.

— Разве я не помню, как вы играли в шахматы со старым джентльменом, которого звали Мюррей Кардью? — Бернардель посмотрел на Делакры.— Кажется, несколько лет тому назад я видел его в вашей квартире в Париже.

Делакры кивнул.

— Меня потрясло известие о его смерти. Обаятельный, добрый, безвредный старик. Перед смертью он пытался дозвониться до меня.

Бернардель расхохотался. Чужая смерть, похоже, только добавляла ему бодрости.

— Может, ваш маленький секретарь убил его в приступе ревности, Жак! Я тревожусь за мадам Делакры. Этот утонченный Лакост, должно быть, ужасно мучается, что кто-то окажется ближе к вам, чем он. Не зря же говорят, что секреты нельзя доверять ни наркоманам, ни гомосексуалистам. Меня удивляет, что вы держите Лакоста на столь ответственном посту.

Понемногу я начал осваиваться и понимать, с кем имею дело. Словесная рапира Бернарделя, кончик которой он обильно смазал ядом, разила без промаха. Сначала начисто лишенный юмора Кролл, потом — Делакры. Приближался и мой черед.

— Лакост справляется с порученным ему делом,— сухо ответил Делакры.

— Я рад за него,— Бернардель наполнил свой бокал.— Бедный Дигтер. Вчера он позвонил мне в Париж, перед самым отлетом. Похоже, маленький Лакост настоял, чтобы Жирары на званом вечере сидели за вашим столом, Жак. Дипломатический протокол. Неудобоваримая ситуация и для бедняги Дигтера, и для Жираров. Дигтер заявил, что не придет на прием. Я не хотел и слышать об этом. Как можно упустить такое развлечение — Дигтер и Жирар испепеляют друг друга взглядами, сидя за одним столом! И красавица Жульет, снедаемая любовью и жаждой мщения.

Только дефективный Лакост мог игнорировать эти ньюансы,— смеющиеся синие глаза уперлись в Делакуру.— Но меня удивляет, что такой великий гуманист, как вы, Жак, не отменили решение этого балбеса. Не мог же Лакост не знать, кто есть кто?

— Раз уж вы продолжали настаивать на присутствии Салливана,— ответил Делакуру,— я предложил Жирану сесть за другой стол. Он отказался.

— Как благородно! Как мужественно! Как глупо! — Бернардель одним глотком осушил бокал и наполнил вновь.— Что ж, возможно, утренняя стычка вправит ему мозги,— синие глаза внезапно метнулись в мою сторону, и я понял, что за внешней смешливостью скрывается холодный, трезвый ум.— Полагаю, мой давний приятель Шамбрэн сейчас рвет на себе последние волосы. Убийство, драка в кабинете, международные интриги, и все это в его драгоценном отеле. Большого святотатства он и представить себе не может.

— Он переживает,— заметил я, восторгаясь Бернарделем. Ничего не упустил, прошелся по всему, будь то убийство, драка, наркотики или политика. Теперь-то я понял, что представление давалось ради меня. Он просто искал, на что же я клюну. Информация, ему требовалась информация, и он желал получить ее, не задавая прямых вопросов. Я чувствовал, что Делакуру и Кроллы также наблюдают за мной. Они, правда, знали, чего ждать от Бернарделя.

— Удивительный человек, этот Шамбрэн,— поведал нам Бернардель.— Манеры придворного. И реальная власть, обретенная за тридцать лет, в течение которых по крупницам вызнавалась подноготная богатых и знаменитых. Глядя на него, поневоле забудешь, что он, в сущности, всего лишь хорошо оплачиваемый мажордом,— он посмотрел на меня, ожидая бурных протестов, но я лишь улыбнулся.— А самая потрясающая его особенность заключается в том, что он презирает деньги,— продолжал Бернардель.— Ненавидит сверхбогачей, ненавидит увешанных драгоценностями старушек и их жигало, ненавидит власть денег, которая позволяет их обладателям вести себя, как им вздумается. Подозреваю, такое отношение к деньгам как-то связано с низким происхождением. Его отец возил на тележке овощи по улицам Парижа,— вновь взгляд на меня в ожидании резкого отпора.— Так что небезинтересно будет наблюдать за ним в ближайшие несколько дней. Он отыщет способ наказать тех, кто решился вызвать рябь на поверх-

ности его маленького тихого пруда. Вы согласны, месье Хаскелл?

— Я чувствую себя уютно на его стороне, — ответил я. — Кстати, месье, в приведенные вами факты закралась неточность.

— О? — Бернардель искренне удивился.

— Это была рыба.

— Простите?

— Шамбрэн много раз говорил мне, что его отец торговал на улице рыбой, а не овощами.

Бернардель вытаращился на меня, а затем расхохотался.

— Снимаю перед вами шляпу, месье Хаскелл. Вы отлично вымуштрованы. Я ожидал, что вы расскажете мне о происходящем за закрытыми дверями, о мыслях и чувствах всех, кто замешан в этой истории, а выяснил лишь то, что вы грудью защищаете вашего высокоуважаемого работодателя. Интеллигентность и верность. Товары, которые не продаются за деньги, если учесть, сколько вам платят в «Бомонте».

— Могу я что-нибудь сделать для вас? — спросил я. — Может, вас что-то не устраивает?

— Да... да, месье Хаскелл. Вы можете уйти отсюда и предоставить мне возможностьлизать раны. В следующий раз, если я захочу что-то узнать у вас, я не буду ходить вокруг да около, а сразу перейду к делу.

Я кивнул Делакру, который сухо улыбнулся в ответ. Кролл стоял ко мне спиной. Я направился в двери. Протянул руку, чтобы открыть ее, и тут же звякнул звонок.

На пороге стоял Салливан. Он даже вздрогнул, увидев меня.

— Ну и ну!

— Мой дорогой Диггер! — загремел за спиной голос Бернарделя.

— Рассказывать обо всем будете сами, — сказал я Диггеру.

На его лице отразилось облегчение.

— За десять минут нашего общения месье Хаскеллу удалось практически ничего нам не сказать, — Бернардель подошел к двери. — Мой дорогой друг, я так рад видеть вас.

Диггер протиснулся в комнату.

У меня возникло предчувствие, что он добровольно лезет в ловушку. Он говорил нам, что намерен держаться как можно ближе к Бернарделю, чтобы ловить каждое ненароком брошенное слово. Но у меня создалось впечатление, что с этим толстяком подобные игры не доведут до добра.

ЧАСТЬ III

Глава 1

Моя приемная напоминала сумасшедший дом. Ее заполнили репортеры и фотографы, и мисс Куингли, машинистка, стойко держала оборону. Обычно ко мне приходили обозреватели, ведущие колонки светской хроники, да журналисты, освещающие показы мод. Убийство привлекло в отель совсем другую команду, и от них не укрылся разгром в моем кабинете. Теперь они обсуждали, кто дрался и по какому поводу. Полиция и прокуратура ограничились короткими заявлениями по делу Кардью и продолжили расследование убийства. К Шамбрэну репортеров не пустили, в моей приемной они тоже не получили искомых ответов.

Мисс Куингли устала повторять: «Извините, я ничего не знаю, подождите мистера Хаскелла». Чувствовалось, что она держится из последних сил.

— Где Шелда? — спросил я. Я не видел Шелды с тех пор, как она вытерла мне лицо влажным носовым платком. Мисс Куингли протянула мне листок бумаги. Я прочитал: «Пожалуйста, позвони мне домой. Срочно».

Беседа с репортерами не понравилась ни им, ни мне. Я не имел права рассказывать о том, что они хотели бы знать. Я не мог говорить о расследовании убийства Кардью. Они что-то прознали и о драке. Кто-то вспомнил подробности дела Вальмона, опубликованные в газетах три года тому назад. Кто-то, я надеялся, не мисс Куингли, назвал им участников драки. Они сразу почуяли сенсацию.

— Я не могу сказать вам больше того, что вы уже знаете, — признался я.

— Жирар застал свою жену в вашем кабинете с Салливаном?

— Скажем, что все трое здесь побывали.

— Дрались из-за нее?

— Драка произошла по личным мотивам. Если вы хотите что-то узнать, спросите у Жираров или Салливана.

— Синяк на вашей челюсти, Хаскелл, показывает, что вы не стояли в стороне.

Я широко улыбнулся.

— Просто не успел увернуться.

— Жирары не захотят разговаривать с нами. И Салливана нам не найти. Не увиливайте, Хаскелл. Этот материал можно подать по-разному. Если вы хотите, чтобы мы облили ваш отель грязью, за нами дело не станет.

— Побойтесь бога, — воскликнул я. — У нас и так полно хлопот с убийством. Двое мужчин поссорились. Наверное, на то были причины, мы не собирались устраивать матч на первенство мира. Даже если мне известны их имена, назвать их я не могу. Мы не выставляем напоказ частную жизнь наших гостей.

Какое-то время наша перепалка продолжалась, но потом они поняли, что из меня ничего не выжмешь. Едва ли наша беседа позволила мне приобрести новых друзей среди пишущей братии.

Как только они ушли, я спросил мисс Киунгли, когда Шелда пошла домой и когда она позвонила. Драку мисс Куингли не застала. Она как раз относила программки в «Зеленую комнату», где во второй половине дня намечался показ мод. Потом зашла в кафетерий выпить чашечку кофе. Когда она вернулась, из моего кабинета выносили остатки мебели, а нас с Шелдой на месте не было. Шелда позвонила за пять минут до того, как я появился в приемной, набитой репортерами.

Я прошел в кабинет и набрал номер Шелды. Она сняла трубку после первого звонка.

— Марк?

— Какого черта ты дома? Разве ты не понимаешь, что здесь творится?

— Не мог бы ты прийти сюда, Марк? — говорила она как маленький испуганный ребенок.

— А что с тобой случилось?

— Мадам Жирар, Марк. Она у меня. Мы... мы не знали, что делать. Ее муж... Салливан...

— Как она попала к тебе?

— Спросила меня, где она может побыть одна. Она нуждалась в помощи, Марк. Я дала ей свои ключи. Что... чем все закончилось?

— Обошлось без жертв. Раз она хочет побыть одна, приходи ко мне. Тут полно дел.

— Пожалуйста, Марк. Она хочет поговорить с тобой.

— Дай ей трубку.

— Это ей не по силам, Марк. Пока не по силам. Пожалуйста, приходи.

— Как только смогу... если смогу, — ответил я. — Я должен поговорить с Шамбрэном.

— Но не с ее мужем, — предупредила Шелда.

Хочешь остаться без головы — начни улаживать отношения между мужем и женой. Шамбрэн мог бы и не говорить мне об этом. Но он согласился со мной, что один из луч-

ших способов не дать пожару разгореться вновь — вернуть Жульет Жирар мужу. По меньшей мере, Жирар успокоится, зная, где она и что с ней. Да и мне самому следовало выскользнуть из-под прицела настойчивых репортеров.

Квартира Шелды в восточной части Семидесятих улиц — одна из тех жемчужинок, что можно найти в перестроенных домах этой части города. Она находится на первом этаже, фактически даже на пару ступеней ниже уровня улицы, в нее ведет отдельный вход. Вполне вероятно, что раньше в ней располагалась кухня особняка, который теперь разделили на квартиры. С квартирой Шелде достался и маленький садик, который она обожает. Там у нее скамейка под ярким тентом, декоративные елочки в деревянных кадках и много цветов, меняющихся от месяца к месяцу. Шелда утверждает, что выращивание цветов — ее хобби. Правда, в последнее время в сад она выходит редко, потому что рядом строят новый дом, режут машины, летит пыль и грязь. Квартира состоит из большой гостиной, кухни, спальни и ванной. Идеальные условия для незамужней девушки. Шелда самоуверенно заявляла, что только квартира удерживает ее от того, чтобы выйти за меня замуж, хотя я ей этого не предлагал.

Она встретила меня у двери. На пару минут она задержала меня в крохотной прихожей. Чувствовалось, что она взволнована.

— Я не знаю, много ли тебе известно о Жульет.

— Достаточно, — ответил я.

— Это такое потрясение для нее, Марк... Я про драку...

— Ты могла бы пожалеть и меня, — я коснулся синяка на челюсти.

— Идиот! Послушай, Марк. Она разрывается надвое. Между мужем и Салливаном.

— Это ее проблема, а не наша, — возразил я. — Я даже не знаю, правильно ли ты поступила, приведя ее сюда.

— Я же не могла оставить ее бродить по улицам, Марк!

— Что ты от меня хочешь?

— Помоги ей!

— Ну, давай выясним, чем я могу ей помочь.

Жульет сидела на уголке большой тахты. Перед ней на столике стояла чашка кофе, бутылка бренди и пустая рюмка.

— Я рада, что вы смогли прийти, мистер Хаскелл, — низкий, хрипловатый голос Жульет оказывал на меня магическое действие. — Шарль не знает, что я здесь? И о том, что вы пошли ко мне?

— Я ему об этом не говорил.

Она наклонилась вперед.

— Все, что я сказала вам в вашем кабинете, мистер Хаскелл,— правда. Я останусь с Шарлем. Но перед тем, как я вернусь к нему... перед тем, как поговорю с ним... я должна увидеться с Дигтером.

— Так повидайтесь с ним, миссис Жирар. Или вы просите у меня совета?

— Нет... нет.

— Вот и хорошо. Потому что я не могу вам советовать.

— Но вы же друг Дигтера!

— Мне кажется, вы поспешили с выводами, миссис Жирар. До вчерашнего утра я не встречался с Дигтером. И в баре «Трапезия», где вы увидели нас, мы впервые оказались вдвоем за одним столиком. Я слышал его историю, а некоторое время тому назад свою интерпретацию случившегося изложил нам ваш муж. Можно сказать, что я одинаково хорошо знаю вас троих, а вернее, совсем вас не знаю.

— Тогда вам известно о моем отце? О том, за что он боролся? О причине его смерти?

— Да.

— Вы встречались с Полем Бернарделем?

— Полчаса тому назад я вышел из его номера.

— Он — очень опасный человек, мистер Хаскелл,— она поникла головой.— Вы живете в Америке, в полной безопасности, занимаетесь своими делами, выпиваете с друзьями, вы можете любить и смеяться, не оглядываясь по сторонам. И вам трудно понять, что творится во Франции. Мы... мой муж и я, мой отец, Дигтер жили под постоянной угрозой насильственной смерти. Отца изрешетили пулями. Во Франции идет настоящая война. Причем обе стороны называют себя патриотами, действующими из самых благородных побуждений. Обе стороны вдохновляет один и тот же призыв: «Франция должна быть спасена!» Ваш президент, мистер Хаскелл, может путешествовать по всей стране и даже выезжать за рубеж. Его охраняет Секретная служба. И защищает она его от нападения какого-нибудь психа. Нашего президента может убить человек, сидящий рядом с ним на званом обеде,— важный промышленник, известный поэт или писатель, знаменитый ученый. Каждая сторона настроена только на победу, не признавая никаких правил, никаких ограничений. Возможны любые крайности. Кто прибег к террору, чтобы не допустить независимости Алжира, нанести поражение политике де Голля? Честнейшие люди, лучшие офицеры француз-

ской армии, бизнесмены, стремившиеся поставить на ноги пошатнувшуюся экономику страны. В нормальных условиях, мистер Хаскелл, эти люди отшатнулись бы от торговли наркотиками, отвергли бы саму идею извлечения прибыли из несчастья тысяч наркоманов. В нормальных условиях они направили бы свои усилия на борьбу с этим злом. Но условия далеки от нормальных. Им нужны деньги, чтобы продолжать борьбу. Им нужны пушки, автоматы, пистолеты, патроны, которые можно купить только за деньги. Они думают, что делают все это ради Франции. Они заставляют себя прибегать к таким методам. Они заставляют себя свыкнуться с убийствами. Все это делается ради Франции!

— Из вас получился бы отличный адвокат.

— Нет! Я их не защищаю. Я только хочу, чтобы вы поняли, что происходит, мистер Хаскелл! Когда я говорила у вас в кабинете, что Дигтера необходимо убедить прекратить поиски убийцы моего отца, то сразу почувствовала, о чем вы подумали. Мелодрама! Романтическая женщина, которая так и не пришла в себя после смерти отца. Ничего такого не может произойти в Америке, тем более в роскошном «Бомонте».

— Уже произошло,— ответил я.— Убили Мюррея Кардью.

Она коротко глянула на меня.

— Есть какая-то связь?

— Вполне возможно.

— Тогда вы меня понимаете? Вы мне верите?

— Думаю, что да.

— Значит, вы мне поможете,— ее глаза широко раскрылись.— Дигтер ввязался в эту историю только из-за меня! Исход политической борьбы во Франции не имеет для него особого значения. Но чем дольше он будет искать, тем ближе подойдет к точке, откуда возврата нет. Если он получит доказательства, которые откроют истинное лицо Бернарделя, его убьют без малейшего колебания, как убивают муху, жужжащую на оконном стекле. Он должен понять, что я верю ему. Ему ничего не надо доказывать. Он просто должен отступить, пока еще не поздно.

— Ваш муж полагает, что Дигтер воюет на другой стороне баррикады.

— Бедный Шарль. У него все преломляется через ревность.

— Что вы от меня хотите?

— Приведите сюда Дигтера. Дайте мне возможность убедить его. А потом я вернусь к Шарлю.

— Разумеется, он вам поможет, не так ли, Марк? — вмешалась Шелда.

— Не пойму, в чем должна заключаться моя помощь, миссис Жирар? Вам надо снять трубку, позвонить в «Бомонт», попросить найти Дигтера и пригласить его сюда.

— Но он не придет, если вы не уговорите его.

— Он влюблен не в меня, миссис Жирар. Мне кажется, не нужно вовлекать в ваши отношения ни меня, ни Шелду. Я лишь могу обещать, что постараюсь избегать встреч с вашим мужем, чтобы он не спросил меня, знал ли я, где вы находитесь. Я не хочу стоять между вами и не хочу впутывать Шелду.

— Я останусь с вами, Жульет, — возразила Шелда.

— Ты пойдешь со мной. Миссис Жирар и Салливан должны все разрешить сами. Ты и так слишком много знаешь, Шелда.

— Много знаю?

— Разве тебе не приходило в голову, что кое-кто может разделаться с нами точно так же, как и с Кардью?

Стоял чудный день, и мы с Шелдой пешком прошлись до «Бомонта». Она все еще протестовала.

Настаивала, что не следует оставлять Жульет одну.

— Она уже большая девочка, — пробурчал я.

— Ты вот сказал, что я слишком много знаю. Она-то знает гораздо больше. Ей, должно быть, известно все, что знал ее отец.

— И эти три года ей удалось остаться в живых. Послушай, дорогая, благодаря тебе никто не знает, где она спряталась. Если она не может довериться Дигтеру, она не поверит никому.

— Но уж ему-то она может довериться, — негодуя воскликнула Шелда.

— Ее муж так не думает.

— Ее муж... чудовище!

— Отнюдь. Просто он любит женщину, которая влюблена в другого. Это больно. Но мне кажется, что Жирар — глубоко порядочный человек. И очень жаль, что он и Салливан не могут работать вместе. Они составили бы отличную пару. А теперь вернемся к нашим делам. Бери под свою опеку показ мод в «Зеленой комнате» и позволь пятидесяти миллионам французов самим распутывать их политические интриги.

Молчала она недолго.

— Марк?

— Что?

— Иногда ты меня удивляешь.

— Я ничего не прячу в рукаве.

— Ты проявляешь куда больше здравого смысла, чем я ожидала. Для нашего будущего это плюс.

— Какого будущего?

— Ну почему ты всегда прикидываешься дурачком? Ты отлично знаешь, о каком будущем идет речь.

Я улыбнулся.

— Ты делаешь мне предложение?

— Если я решусь, ты сразу все узнаешь. Я не буду ходить вокруг да около.

— Я сгораю от нетерпения.

— Ты еще можешь пожалеть об этих словах.

Странно, конечно, но именно тогда мне в голову впервые пришла мысль о неизбежности нашего с Шелдой союза. То есть я разом перестал думать о том, каково мне будет в отсутствие Шелды. Ощущение было такое, словно я проснулся в незнакомом месте, не зная, как туда попал.

Шамбрэн был не один, когда я вошел в его кабинет. Компанию ему составляли лейтенант Харди и незнакомый мужчина, которого представили мне как Гарри Кларка, агента Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков. По короткому взгляду, брошенному на меня Шамбрэном, я понял, что с отчетом о посещении Жульет Жирар следует повременить.

Кларк мне понравился, симпатичный, светловолосый, скорый на улыбку. Он пришел в «Бомонт» на встречу с Сэмом Лорингом, римским агентом бюро, который пару лет тому назад доверился Дигтеру и показал тому список подозреваемых. Лоринг, похоже, прилетел из Франции вместе с Бернарделем.

— Мы думаем, что близится завершение операции, которая длится уже добрых три года. Вот-вот оасовцы и местные торговцы наркотиками заключат крупную сделку. Беда в том, что слишком много подозреваемых. Бернардель — наша главная цель, но он скользкий, как угорь. Лорингу уже с десятков раз казалось, что тому давно некуда деваться, но он все равно выходил из воды сухим. Он словно чуял западню и обходил ее стороной. Бернардель — достойный противник. Мы полагаем, что в ближайшие дни в вашем отеле, мистер Шамбрэн, несколько килограммов героина обменяют на доллары. Миллионы долларов. Мы можем

пристально следить за Бернарделем, но он лишь посмеется над нами, а обмен произойдет за нашими спинами. При участии Кролла, или Лакоста, или самого посла, или Жира-ра, а может, кого-то еще, находящегося вне подозрений.

— А вы не можете следить сразу за всеми? — наивно спросил я.

— Конечно, можем, — ответил Кларк, — но тогда ничего не произойдет. Мы двинем на них армию, а они просто изменят место и время обмена. Нет, мы должны держаться в тени и надеяться на удачу. Если мы не возьмем их с поличным, придется все начинать сначала. Поэтому я здесь, мистер Шамбрэн.

Шамбрэн кивнул.

— Вы не хотите торчать на виду.

— Совершенно верно. Так же, как и Сэм Лоринг. Его просто все знают. И у меня такое ощущение, что они сразу распознают наших агентов! Если в отеле появится дюжина моих сотрудников, считайте, что операция провалилась. Но в некотором смысле нам повезло.

— То есть? — сухо спросил Шамбрэн.

— Убийство Кардью, — пояснил Кларк. — Возможно, оно связано с обменом наркотиков на деньги, как думаете вы и Харди. А если и нет, у Харди есть законное основание для пребывания в отеле. Он и его детективы расследуют убийство. Они возьмут на себя часть наших забот, но еще большей помощи мы ждем от вас, Шамбрэн. У вас большой, хорошо организованный, внушающий доверие персонал. И кто-либо из ваших подчиненных всегда может находиться там, где он более всего нам нужен. Дежурная по этажу или горничная может постоянно сообщать нам, что делается в номере Бернарделя, кто приходит к Жира-ру, кто — к Кроллу. Если вы скажете слово, я смогу сидеть здесь, в вашем кабинете, и знать больше, чем скажут мне мои агенты. Я узнаю, кто кому принес какую посылку. Ваш коммутатор будет контролировать телефонные разговоры. Ваши швейцары сообщат мне, кто ушел и кто пришел. Мы сможем расставить ловушку и захлопнуть ее в самый подходящий момент, Шамбрэн.

— А не кажется ли вам, что обмен героина на деньги произойдет на скамейке Центрального парка, или в вагоне подземки, или просто в магазине? — спросил Шамбрэн.

— Такие варианты возможны, — признал Кларк, — но слишком уж велика сделка. От этих денег зависит судьба огромного заговора. Их не могут передать кому ни попадя, можете в этом не сомневаться. Деньги получит одно из

главных действующих лиц: Бернардель, Кролл, Лакост, Делакуру. Они знают, как это рискованно. Они знают, что все они под подозрением. Они должны это знать. За ними могут следить и в парке, и в подземке, и в магазине. И в этой ситуации лучшее место для обмена героина на деньги — посреди суетящейся толпы, там, где их появление не вызовет подозрений, то есть в «Бомонте».

— Делакуру и Лакост не живут здесь, — напомнил Шамбрэн.

— Я знаю. Но вот на что я хотел бы вам указать. Получивший деньги немедленно отправится во Францию. Там их ждут. Едва ли это будут Лакост или Делакуру. Они работают в этой стране. Они понимают, что мы набросимся на любого из них, если он внезапно заспешит домой. Бернардель, Кролл и Жирар, наоборот, должны уехать после завершения заседаний Торговой комиссии.

— И вы возьмете их в оборот, — предположил Шамбрэн. Кларк нетерпеливо махнул рукой.

— Такие попытки уже предпринимались. Таможенный досмотр, утерянные чемоданы, которые не терялись, чего мы только не делали! Мы должны взять их до того, как они приготовят деньги к дальнейшей транспортировке. В этом вы можете нам помочь, Шамбрэн.

Опущенные веки скрыли глаза Шамбрэна.

— Мои подчиненные действительно могут сделать то, о чем вы просите, но есть одна загвоздка. Эти люди могут предложить такую взятку, перед которой не устоять. И попросят за это совсем ничего: в нужный момент посмотреть в другую сторону.

— Да, есть и такая возможность. Кто-то проскользнет у нас под носом. Придется рискнуть.

— Все не так просто, — продолжал Шамбрэн. — На месте Бернарделя я купил бы Марка Хаскелла, или мисс Руйсдэйл, моего секретаря, или Джерри Додда, возглавляющего службу безопасности отеля. Им нужно купить человека, который знает каждый наш шаг. Если у них это получится, вы можете сворачивать операцию, мистер Кларк.

Кларк помялся.

— Вы действительно подозреваете... — он стрельнул взглядом в мою сторону.

Шамбрэн рассмеялся.

— Я упомянул трех моих подчиненных, за кого я могу поручиться головой.

Настроение у меня сразу улучшилось.

В «Бомонте» бывали случаи, когда служащих отеля просили уделить особое внимание определенному гостю. Пьяницы, драчуны, муж, рвущийся в номер к подруге жены, кинозвезда или известный политик, не желающие, чтобы их донимали репортеры или любители автографов, — короче, в отеле знали, как это делается.

На этот раз ситуация существенно осложнялась. Под наблюдение попадали четверо гостей отеля — Бернардель, Кролл, Жирар и мисс Лили Дориш (ее добавил Шамбрэн, полагая, что она могла-таки позвонить Жирару и рассказать о встрече в моем кабинете), а также посол Делакры, Лакост и другие представители посольства. Телефонистки миссис Вейч получили необычный приказ подслушивать все разговоры с номерами Бернарделя, Кролла, Жирара и мисс Лили Дориш. Швейцары, бармены, сотрудники Джерри Додда, бригадиры коридорных, официанты, горничные, дежурные по этажам, все получили соответствующие инструкции. Обо всем, что касалось указанной выше компании, сообщалось в кабинет Шамбрэна: гости, телефонные звонки, посылы, телеграммы, почта. Ничего не оставалось без внимания.

Столь тщательная слежка не могла не вызвать у персонала вопросов. Большинство из них так и остались невысказанными, но мистер Эттербюри, дневной портье, напрямую спросил Шамбрэна, что все это значит. Босс ответил, что идет поиск убийцы Кардью. Все сразу успокоились, потому что старика в отеле любили, и его убийство вызвало всеобщее негодование.

Не прошло и двадцати минут после объявления тревоги, как к Гарри Кларку, занявшему кабинет Шамбрэна, начали поступать интересующие его сведения. Делакры покинул номер Бернарделя и на такси уехал в «Уолдорф». Мисс Лили Дориш присоединилась к Кроллу и Бернарделю в номере последнего, Бернардель заказал четыре бутылки шампанского и фунт черной икры. Жирар оставался у себя. Он дважды звонил, с интервалом в полчаса, по одному номеру, до того, как телефоны стали прослушиваться. Некой мисс Маргарет Хиллхауз, проживающей на Парк-авеню. Кларк это выяснил через телефонную компанию. Потом, связавшись с бюро, он установил, что мисс Хиллхауз — тетка Жульет. Жирар, решили мы, пытался найти жену и позвонил ее единственной нью-йоркской родственнице в надежде, что Жульет связалась с ней. К четырем

часам дня механизм слежки был запущен на полный ход.

В самом начале пятого я улучил минуту, чтобы подняться к себе. Мне хотелось принять душ и переодеться. Телефон зазвонил, когда я стоял под горячей струей. Он звонил и звонил. Кляня всех и вся, я вылез из душа, обернулся полотенцем и подошел к телефону.

— Да.

— Марк? — женский голос, который я никогда раньше не слышал.

— Это Марк Хаскелл.

— Жульет Жирар, — голос звенел в истерике. Я бы не узнал ее, если б она не представилась.

— В чем дело, миссис Жирар? Что случилось?

Я услышал долгий, дрожащий выдох.

— Он мертв, мистер Хаскелл.

— Кто мертв? О ком вы говорите?

— Диггер! — и она разрыдалась.

— Мадам Жирар! — вода на моем теле внезапно обратилась в лед. — Мадам Жирар!

— Он... он пришел. Мы... мы говорили. Потом услышали какой-то шум в саду.

— В саду?

— Диггер... Диггер пошел посмотреть, что там такое. Мужчина вытащил пистолет. Диггер выхватил свой. И тут же загремели выстрелы. Они оба мертвы, мистер Хаскелл.

— Вы позвонили в полицию? — автоматически спросил я. Я еще не осознал, что произошло.

— Я... я не знала, что делать, Марк. Я... я позвонила вам.

— Оставайтесь на месте, — глупость, конечно. Все равно, что сказать: «Налейте себе чашечку чаю и подождите, пока я приду».

— Он мертв! — взвизгнула Жульет, чувствовалось, что сейчас она разрыдается.

— Прекратите! — одернул ее я. — Через пять минут к вам подъедет патрульная машина. Я уже выхожу.

Я позвонил в кабинет Шамбрэна и пересказал Кларку разговор с Жульет Жирар. Харди тоже все слышал и тут же взялся за дело. Потом трубку взял Шамбрэн.

— Встретимся у главного входа.

Никогда я не одевался так быстро. Подумал о Шелде, наблюдающей сейчас за показом мод в «Зеленой комнате». Решил, что лучше не трогать ее.

Галстук я завязывал уже в кабине лифта. Несмотря на все разговоры об опасности и насилии, я только сейчас

осознал, что это не досужие выдумки. Я не верил, что Диггеру грозит опасность. Пропускал мимо ушей такие слова, как «хладнокровное убийство». Жульет Жирар оказалась права. Я не представлял себе, что такое возможно в нашем цивилизованном мире. Диггер мертв!

Шамбрэн и Харди ждали меня у парадного подъезда. Лейтенант уже отправил к дому Шелды патрульную машину и позвонил в местный полицейский участок. Шамбрэн успел рассказать ему, что Шелда разрешила Жульет побывать в ее квартире и я общался там с мадам Жирар. Я слово в слово пересказал мой телефонный разговор с Жульет.

— Вы передавали Салливану просьбу мадам Жирар?

— Нет. Я не хотел впутываться в это дело. Полагаю, она позвонила ему и попросила прийти.

— Вы можете нарваться на неприятности, пряча ее в квартире вашей секретарши,— пробурчал Харди.

— Неприятности ему могут грозить со стороны одного человека — Жирара,— вставил Шамбрэн.— Она прячется только от мужа. Больше ее никто не ищет.

— Вы позвонили Жирару? — спросил я.

— Если б она хотела увидеть его, то позвонила бы сама,— ответил Шамбрэн.— Она позвонила вам.

Мы подъехали к дому Шелды. У подъезда уже стояли две патрульные машины.

В саду толпились люди. Жульет Жирар сидела на тахте, полицейский с блокнотом в руке задавал ей вопросы. Ее лицо посерело. Лишь огромным усилием воли ей удалось сдерживать слезы.

Перекрывая шум стройки, заверещала сирена приближающейся машины «скорой помощи». Через открытые двери в сад я видел двух детективов и полицейского в форме, стоящих над телами.

— Марк! — позвала Жульет.

Я подошел, сел на тахту, взял ее ледяную руку. Шамбрэн и Харди ушли в сад. Я не хотел идти с ними. Я не хотел видеть Диггера.

— Они все время спрашивают меня,— говорила она так тихо, что я едва разбирал слова.— Мы сидели здесь, на тахте. Внезапно Диггер сказал: «В саду кто-то есть». Встал и пошел к дверям. Потом я услышала, как он негромко выругался. Достал из кармана пистолет. Я... я умоляла его вернуться ко мне. Вы знаете, Марк, чего я боялась. Но он не обращал на меня никакого внимания. Он выбежал в сад, и они начали стрелять друг в друга,— она закрыла лицо руками. Я взглянул на полицейского. Тот бесстрастно

смотрел на нас.— Я... я увидела, как они оба упали. Подбежала к Диггеру. Им уже не требовалась моя помощь...

Три года тому назад она вбежала в квартиру, чтобы найти на полу изрешеченного пулями отца. И вот теперь Диггер, человек, которого она любила.

Внезапно в комнате стало тихо. Я вновь взглянул на полицейского. Тот сверился с часами.

— Конец рабочего дня.

Я понял, что строители остановили свои грохочущие механизмы.

— За этим шумом выстрелов никто не слышал,— пояснил полицейский.

— Разве это важно? — с горечью воскликнул я.— Они же убили друг друга, — меня мучила совесть. Мне казалось, что я мог предотвратить несчастье. Мне следовало попытаться уговорить Диггера держаться подальше от Жульет. Но убийца, должно быть, следил за ним. И решил, что квартира Шелды — лучшее место для осуществления намеченного.

Врач в белом халате и санитар с носилками прошли через комнату в сад. Я следил за ними взглядом. Врач наклонился над Диггером. Достал что-то из саквояжа. Мне показалось, что он делает Диггеру укол. Я тут же вскочил и метнулся в сад. Мертвецам уколов не делают! Диггера положили на носилки. Врач мельком глянул на второе тело, пожал плечами. Он и санитар подхватили носилки и двинулись к дверям в гостиную. У меня перехватило дыхание. Я глянул на Диггера. Тело укрыли одеялом. Лицо перекосило, словно от жуткой боли.

— Жив? — услышал я свой голос.

Врач коротко глянул на меня:

— Десять против одного, до больницы он живым не доедет.

Харди шел следом за врачом.

— Будем надеяться, он заговорит, прежде чем отдаст концы.

За моей спиной вскрикнула Жульет:

— Я поеду с вами. Я не сомневалась, что он мертв. О боже, что я могу сделать для него?

— Ничего,— Харди пристально смотрел на нее.— Вы не сказали Хаскеллу, что знали второго убитого, мадам Жирар.

— Знала его?

Она оперлась о мою руку.

— Шамбрэн говорит, что это давний друг вашего отца.

Боюсь, вам придется остаться здесь и ответить на некоторые вопросы сержанту Декеру, мадам Жирар.

— Друг моего отца?

Глаза Харди сузились.

— Убитый — Сэм Лоринг, агент Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков.

— Но он был другом Дигтера! — воскликнул я.

— Интересная у них получилась дружба, — буркнул Харди.

Сейчас уже трудно восстановить последовательность событий, имевших место в последующие час или два, слишком уж стремительным был их круговорот.

Сержант Декер, один из детективов в штатском, что стояли в саду, на несколько минут стал центральной фигурой. Спокойно, но настойчиво он пытался выудить хоть какие-то показания у вконец измученной Жульет. А она постоянно поворачивалась ко мне, словно не могла заставить себя вспомнить о том, что произошло. Шамбрэн, застыв у дверей в сад, внимательно слушал, его лицо напоминало маску. Похоже, он уже успел рассказать Декеру о том, что случилось ранее в отеле.

— Вы пришли сюда после того, как ваш муж подрался с Салливаном? — спросил Декер.

— Да. Мисс Мэйсон... Мисс Шелда Мэйсон, это ее квартира... привела меня сюда.

— Вы хотели, чтобы Салливан пришел поговорить с вами?

— Да, — дрожащий шепот.

— Как вы связались с ним?

— Я... я не связывалась.

Я уставился на нее, подумав, что ослышался.

— Как же он узнал, что вы здесь?

— Я... я полагала, мистер Хаскелл... или мисс Мэйсон...

— Подождите, Жульет, вы же собирались позвонить ему.

— Я пыталась... три, четыре раза. Его не могли найти. Затем звякнул дверной звонок... это был Дигтер.

— Он не сказал, как ему стало известно, что вы здесь?

— Это не имело значения. Нам нужно было столько обсудить... Я просто решила.

Должно быть, Шелда, подумал я. Скорее всего, она столкнулась где-нибудь с Дигтером и сказала ему. Она могла не искать его специально, но, случайно встретив, конечно же все рассказала.

— Вы сидели здесь, разговаривали с Салливаном, когда

ему показалось, что в саду кто-то есть? — продолжил Декер.

— Да.

— Он направился к дверям, доставая на ходу пистолет?

— Да.

— Где он носил пистолет?

— Я... я не знаю. Внезапно он оказался у него в руке.

— Мужчина в саду не мог находиться более чем в десяти или пятнадцати футах от Салливана. Они были давними друзьями, во всяком случае, общались долгое время. Они ничего не сказали друг другу?

— Я... я звала Дигтера и не слышала, о чем они говорили. Они сразу начали стрелять.

— Лоринг не крикнул что-нибудь вроде «вы арестованы» или «бросьте оружие»?

— Я ничего не слышала.

— Что-то у вас не сходится, — покачал головой Декер. — Лоринг — сотрудник государственного правоохранительного учреждения. Он не мог стрелять без предупреждения.

Жульет посмотрела на меня, на него.

— Я лишь говорю вам, что я слышала, а что — нет.

— Салливан выстрелил первым?

— Я не знаю! Все произошло слишком быстро.

Декер полез в карман за сигаретами. Он вспотел.

— Хорошо, они начали стрелять одновременно. Что потом?

— Этот человек... Лоринг, как вы сказали... его качнуло, он повернулся и упал лицом вниз. Дигтер... он просто стоял, глядя на него. На мгновение я подумала, что он даже не ранен. А потом у него подогнулись колени и он рухнул на землю.

— Дальше?

— Я подбежала к нему.

— Продолжайте, мадам Жирар.

— Я увидела ужасную рану на груди. Он не открывал глаз. Из рта текла кровь. Я... я... он не дышал. Во всяком случае, мне показалось, что он не дышит.

— А потом?

— Я убежала в дом, чтобы позвонить мистеру Хаскеллу.

— Вы не взглянули на Лоринга?

— Нет.

— Как же вы узнали, что он мертв?

— Я увидела, как после выстрела Дигтера у него между глаз появилась дыра. Я... я знала. По тому, как он упал...

— Почему вы позвонили Хаскеллу, а не в полицию?

— Я не знала, кому звонить. Мистер Хаскелл — мой друг. Я подумала, он знает, что нужно делать в таких случаях.

— И вы позвонили ему через две или три минуты после выстрелов?

— Я думаю, да. Прогревели выстрелы. Они оба упали. Я подбежала к Диттеру. Затем вернулась в комнату и позвонила. Наверное, через две-три минуты.

Декер положил сигарету, которую так и не закурил, на пепельницу на кофейном столике.

— Теперь, мадам Жирар, вернемся к Лорингу. Шамбрэн говорит, что он знал вашего отца. Работал с ним в Париже несколько лет тому назад. Но вы не узнали его.

— Раньше я никогда его не видела, — ответила Жульет.

— Он никогда не приходил в ваш дом в Париже? Ваш отец не представлял его вам?

— Нет. Я... я знала, что такой человек есть... Лоринг, связанный с правительством Соединенных Штатов... агент по борьбе с распространением наркотиков. Мой отец говорил о нем. Он ему доверял. Но я никогда его не видела.

— Значит, вы не знали, кто он, до того момента, как мы не назвали его вам?

— Совершенно не знала, во всяком случае, понятия не имела, как он выглядит.

И тут появился Гарри Кларк, коллега Лоринга. Бледный как полотно, по скулам ходили желваки. Остановившись посреди комнаты, он пронзил Жульет взглядом, затем прошел в сад и склонился над телом Лоринга. Приподнял простыню и долго вглядывался в мертвое лицо.

— Сукин сын, — повторял он снова и снова. — Сукин сын.

Наконец Кларк встал и вернулся к дверям.

— Ну, Шамбрэн, теперь-то мы знаем, кто есть кто.

— Неужели? — отозвался Шамбрэн.

— Жирар оказался прав в отношении Салливана. Сэм, должно быть, получил доказательства его вины и следил за Салливаном, рассчитывая, что тот приведет его к месту обмена денег на наркотики.

— Вы абсолютно уверены в Лоринге? — спросил Шамбрэн.

Кларк едва не ударил его. Он даже шагнул к Шамбрэну, взмахнув рукой. Но сдержался.

— Абсолютно уверен, Шамбрэн. Абсолютно.

Наступившую тишину нарушил дрожащий голос Жульет:

— Я думаю, мне лучше вернуться к Шарлю.

Она с видимым усилием поднялась. Кларк и Декер переглянулись.

— У вас нет возражений? — спросил я.

— Нужно, чтобы она подписала показания, — сказал Декер.

— Разве она не может это сделать в отеле? Сколько, по-вашему, она может выдержать такое напряжение? Ей же нужно прийти в себя.

Сержант все еще колебался.

— Я пошлю с ней своего сотрудника.

— Я провожу ее, — отрезал я. — Кто-то должен рассказать ее мужу, что произошло. Он ничего не знает.

— Может быть... он действительно не знает, — пробурчал Гарри Кларк.

Я думаю, Жульет его не слышала. Она уже двинулась к двери. Шамбрэн поддержал меня.

— Марк может узнать у нее чуть больше. Они друзья. Ей легче говорить с ним.

— Идите, Хаскелл, — принял решение Декер. — Если она скажет вам что-то новое...

Я не ответил. Разозлился, что из меня хотят сделать доносчика. Жульет-то требовалось участие.

Кто-то из полицейских остановил нам такси. Жульет забила в угол, глядя прямо перед собой. Как мог я объяснить, что чувствовал себя счастливым, находясь рядом с ней.

— Я убила его, — она не повернула головы. Ее начала бить дрожь. Я взял ее руку и крепко сжал.

— Вы ни в чем не виноваты перед ним.

— Он пришел, потому что знал, где я, потому что я хотела поговорить с ним. Если б я смогла убедить его, что опасность слишком велика.

— Опасность от этого не уменьшилась бы, да и Диггер не повернул бы назад. Он сам сказал нам об этом. Он хотел узнать правду о вашем отце.

— Я ничего не понимаю, — она покачала головой. — Если второй мужчина — Лоринг, как они его называли, что могло между ними произойти?

— Рано или поздно мы это узнаем, — глубокомысленно ответил я.

Вот тут широко раскрытые синие глаза повернулись ко мне.

— Вы знаете, что теперь подумает Шарль? Он будет утверждать, что происшедшее доказывает его правоту. Что Лорингу стало известно об участии Дигтера в заговоре и тому не осталось ничего другого, как убрать Лоринга.

Об этом же думал и я. Не хотелось, конечно, так думать, но другого объяснения я не находил.

— В одном можно не сомневаться. Он пришел повидаться с вами, потому что любил вас.

— И я люблю его, какой бы горькой ни оказалась правда, — Жульет вздохнула. — Эта любовь, как болезнь, от которой нет лекарств. Марк, вы можете мне объяснить, что произошло?

— Ну, разумеется.

— И... Марк?

— Да.

— Пообещайте, что будете говорить мне о любых изменениях в его состоянии. Хорошо?

— Конечно, Жульет. Я обещаю.

Такси остановилось у «Бомонта». Я расплатился с водителем, помог ей выйти из кабины, и мы поспешили к лифтам. Судя по всему, в отеле еще не знали о перестрелке в саду Шелды.

Мы поднялись на пятнадцатый этаж и по коридору прошли к номеру Жираров.

Дверь открыл Жирар. Проснял, увидев Жульет.

— Жульет! — она припала к его груди, а он посмотрел на меня и, похоже, понял, что произошло нечто неординарное.

— Мне хотелось бы поговорить с вами, — прервал я затянувшуюся паузу.

— Заходите.

Жульет буквально повисла на нем. Она едва переставляла ноги, а в гостиной едва слышно прошептала: «Шарль, прошу тебя, я хотела бы уйти в свою комнату. Марк тебе все объяснит».

Он ушел с ней и вернулся пару минут спустя.

— Где она была?

Я рассказал ему, что Шелда предложила Жульет воспользоваться ее квартирой. О том, что там произошло. Должно быть, ему стоило немалых трудов не выказать то, что он почувствовал — облегчение и удовлетворенность.

— У Салливана тяжелые ранения?

— Очень тяжелые.

— Я оказался прав, а вот особой радости нет, — вздохнул Жирар. — Ну почему все это случилось у нее на глазах?

Теперь она будет во всем винить себя. Как мы сможем с этим жить?

— Ей выпало суровое испытание, месье Жирар, но развязка была неизбежна, пришел бы Диттер к ней или нет. Жульет просто не повезло, что все произошло в ее присутствии. Вы должны попытаться убедить ее, что она не несет ответственности за эти выстрелы.

— Я готов отдать за нее жизнь, — с горечью воскликнул Жирар, — но именно Салливан, даже будучи предателем, подчинил себе ее сердце, ее будущее. Будь он проклят, проклят, проклят!

— Она в шоке, — напомнил я. — Ей необходимы нежность, участие... и время.

— Я знаю, — он протянул мне руку. — Благодарю за помощь, Хаскелл.

— Разве можно ей не помочь? — ответил я.

Глава 3

В кабинете Шамбрэна Гарри Кларк выслушал доклад Джерри Додда. Пока Кларк ездил на квартиру Шелды, Додд следил за тем, что делалось в «Бомонте». Жирар не покидал номера. Бернардель, Кролл и мисс Лили Дориш перекочевали в бар «Трапедия». Никто из посторонних к ним не подходил.

Когда я вошел в кабинет, Кларк разговаривал по телефону с одним из своих сотрудников. Он хотел, чтобы тот привез из «Уолддорфа» Делакру и Лакоста.

— Я соберу их всех здесь, — сказал он Шамбрэну, положив трубку. — И узнаю от них правду, даже если придется выбить ее свинчаткой.

— Едва ли это будет разумным решением, — Шамбрэн направился к комоду, на котором стоял кофейник.

— О чем вы? — сердито отозвался Кларк.

— Если вы правы в отношении Лоринга...

— Я прав!

— Он отдал жизнь, чтобы раскрыть заговор. А вы сорвались и можете все испортить. Найдите точный ход, и тогда, возможно, мы решим задачу, над которой бился Лоринг.

— Какой еще ход? — спросил Кларк.

— Допустим, убийца у вас в руках. В больнице, живой или мертвый. Возможно, он же убил Кардью. И наверняка участвовал в подготовке убийства полковника Вальмона. Это ваша большая победа, мистер Кларк. Объявите о ней.

Обрадуйте газеты сенсацией. Публично заявите о том, что поймали крупного бандита и перекрыли канал, по которому в США доставлялся героин. Американский плейбой во главе международной банды торговцев наркотиками! Все будут рады, и произойдет то, чего вы ждете — обмен денег на героин. Если же вы соберете всех здесь, начнете давить на них, сделку отложат до лучших времен. Вы просто растеряете то, что собрал Лоринг.

Кларк все еще колебался.

— У вас есть надежда на успех, если вы будете полагаться на логику, а не на эмоции, мистер Кларк. Пока Салливан жив, остается вероятность, что он заговорит. Очень часто на смертном одре признаются в том, о чем молчали долгие годы. Это тоже ваш шанс. Салливан может выложить все: назвать фамилии, подробности готовящейся сделки. Вы, возможно, даже узнаете, что произошло в саду на самом деле.

— На самом деле? Салливан начал стрелять в Лоринга, а Сэм, защищаясь, подстрелил его.

— Возможно,— Шамбрэн налил кофе в маленькую чашечку.

— Возможно? Ради бога, Шамбрэн, женщина же все видела!

— Ой ли? — Шамбрэн шел к столу, держа чашечку на ладони.— Она сидела на тахте. Спиной к дверям в сад. Это Салливан, сидящий к ней лицом, увидел, что в саду кто-то есть. Он встал и пошел к дверям. Она, как я полагаю, полуобернулась, чтобы посмотреть, что там такое. Над дверьми низкий навес. Возможно, она не могла видеть того, что видел Салливан.

— Но...

— На ограждающей сад стене могли сидеть пять человек. Из-за навеса она не могла их увидеть. Они тоже могли стрелять, не только Салливан и Лоринг. За шумом клепальных молотков на стройке их все равно не было слышно. Пять человек, конечно, абсурд, но я хочу сказать, что стрелять мог и кто-то еще, кого не видела миссис Жирар. Если б я вел это расследование, то предложил бы эксперту по баллистике убедить меня, что Сэм Лоринг застрелен из пистолета Салливана, и наоборот.

— Вы что, сошли с ума? — взвился Кларк.— Вы пытаетесь убедить меня, что Салливан не убивал Сэма?

— Я лишь хотел бы получить доказательства того, что Салливан убил Лоринга, а Лоринг — Салливана,— Шамбрэн уселся за стол.

— Что ж, мы вам это докажем.

Я взглянул на Шамбрэна, и по спине у меня пробежал холодок. Его глаза под тяжелыми веками ничего мне не сказали. Бойня на квартире Шелды рассеяла мои последние сомнения. Жирар оказался прав. Диттер своим обаянием обманул нас всех, включая Жульет. А теперь вот Шамбрэн намекает, что все не так просто. Действительно, в саду мог быть кто-то еще. Жульет его не увидела. И в гроте клепальных молотков не поняла, что стреляли трое.

— Прежде чем мы продолжим обмен мнениями,— спокойно заметил Шамбрэн,— я прошу вас еще раз подумать, Кларк. На вашем месте я бы отменил приказ в отношении Делакру и Лакоста. Не нужно везти их сюда. Лучше вызовите из больницы лейтенанта Харди и сделайте совместное заявление для прессы: ваше и его дела закрыты — он нашел убийцу Кардью, вы поймали главаря международной банды, промышлявшей наркотиками. Этим мы убаюкаем Бернарделя и его сообщников. Пусть они почувствуют себя в полной безопасности. А мы тем временем ужесточим слежку. Будем держать под контролем каждый их шаг. И, будем надеяться, они попадут в нашу сеть.

Кларк медленно кивнул.

— Я должен получить добро от начальства. Могу я воспользоваться телефоном в вашей приемной и позвонить в Вашингтон?

— Конечно. Но сначала я бы договорился относительно Делакру и Лакоста. Пусть их пока не трогают.

— Хорошо,— кивнул Кларк и вышел из кабинета.

Джерри Додд и я молча ждали разъяснений. Но Шамбрэн сидел, погруженный в свои мысли. Наконец он посмотрел на нас и улыбнулся.

— Вы помните то время, Джерри, когда девушка из шестьсот девятого номера звонила на коммутатор и просила прислать ей справочники с телефонами других городов? Ей принесли три или четыре толстых справочника. Самое странное заключалось в том, что она никуда не позвонила.

— Я помню,— кивнул Джерри Додд.

— Раскусила ее миссис Вейч,— продолжал Шамбрэн.— Она связалась со мной и рассказала о странных просьбах. Я предположил, что эта девушка любила писать письма незнакомым людям. Миссис Вейч решила иначе. Она посчитала, что на справочники можно встать.

— Когда мы добрались до шестьсот девятого, девушка успела повеситься,— вздохнул Додд.

Шамбрэн кивнул.

— Такое случается. С первого взгляда все вроде бы ясно, но потом тебя начинает грызть червь сомнения.

— Теперь он завелся у вас? — спросил Додд.

— Да, Джерри. Сэм Лоринг, судя по всему, был перво-классным агентом. Он возглавлял римское отделение бюро. Боролся с крупными итальянскими поставщиками наркотиков. Руководил этим расследованием во Франции. Руководил. Так вот, такие люди, как Лоринг, не работают в одиночку. Слишком это опасно. Они поддерживают постоянную связь со штаб-квартирой, они докладывают не только о полученных уликах, но и о своих подозрениях. Пару лет тому назад Лоринг поверил Салливану. Даже показал список подозреваемых. Когда же он изменил отношение к Салливану?

— Кто знает? — подал голос Джерри.

— К примеру, Кларк должен знать об этом, — ответил Шамбрэн. — Кларк, который работал вместе с Лорингом. Если бы Лоринг заподозрил Салливана, неужели он ничего не сказал бы Кларку? Они же вместе расставляли ловушку. Неужели Лоринг скрыл бы свои подозрения относительно Салливана, когда тот крутился под носом у Кларка? Быть такого не может.

— Вроде бы логично, — согласился Джерри Додд.

— И уж конечно, если бы он добыл улики, достаточные для ареста Салливана, он не стал бы молчать. Так что же привело его в квартиру Шелды и почему он перелез через забор, чтобы попасть в сад?

— Перелез через забор? — спросил Джерри.

— Он же не вошел в дверь. Мадам Жирар находилась в квартире.

— Может, Лоринг проник в сад до того, как она пришла в квартиру Шелды?

Шамбрэн хмыкнул.

— Шпионил за Шелдой? Перестаньте, Джерри.

— А если за мадам Жирар?

— Лоринг не знал, что она придет туда. Как я понимаю, это решение родилось на ходу. Мадам Жирар выскочила из кабинета Марка. Спросила Шелду, не знает ли та места, где она может побыть одна. Шелда отвела ее в свою квартиру. Он мог попасть в сад только через забор.

— А что делал там третий человек? — Додд, похоже, совсем запутался. О себе я и не говорю. — Шелда его не интересовала. Значит, мадам Жирар?

— Нет, он следил за Салливаном. Дигтеру же говорили,

что его жизнь в опасности. Жульет Жирар предупреждала об этом. Третий человек видит входящего в квартиру Салливана и перелезает через забор. Но его самого преследует Лоринг. Салливан замечает, что в саду кто-то есть. Не Лоринг, но незнакомец хочет убить его. Начинается стрельба. Появляется Лоринг, во всяком случае, попадает в поле зрения Жульет. Он стреляет не в Салливана, а в незнакомца. Но тому удается подстрелить и Салливана, и Лоринга и удрать тем же путем, через забор.

— То есть когда они добудут пули из Салливана и Лоринга, выяснится, что они выпущены не из их пистолетов и орудие убийства исчезло?

— Возможен и такой вариант.

— Значит, вы все еще верите в Салливана,— заметил Джерри Додд.

— Я верю в Сэма Лоринга,— возразил Шамбрэн.— Он слишком хороший агент, чтобы заподозрить Салливана и не сообщить об этом. Я думаю, он выслеживал кого-то из тех, кто значился в списке. Того же человека опасался и Салливан.

— Ни Бернардель, ни Кролл, ни мисс Дориш не покидали отеля.

— Но никто не следил за Делакру или Лакостом,— ответил Шамбрэн.

— Да, в саду мог быть один из них,— признал Додд.

— А Жирар? — спросил я.— Он же сказал нам, мистер Шамбрэн, что убьет Салливана, если тот попытается еще раз подойти к его жене. Он мог идти следом за Салливаном к квартире Шелды и застать его там с Жульет. Жирар был в списке Лоринга. Лоринг мог следить за ним.

— Но Жирар не выходил из номера,— Додд сверился с лежащим перед ним листком, на который заносились поступающие от персонала отеля сведения об интересующих нас людях.

— Он мог выскользнуть незамеченным. Может, кого-то подкупил. Вы, мистер Шамбрэн, сами говорили, что такое возможно.

— Подкупил дежурную по этажу, лифтера, сотрудника Джерри в вестибюле и швейцара? Едва ли, Марк.

— Может, он нанял кого-то следить за Диггером.

— Вот это не исключается. Но кого? — Шамбрэн покачал головой.— Вам нравится Диггер, Марк. И не нравится Жирар. Но это все эмоции. Мы же должны учитывать только факты.

— Ваша версия о третьем человеке в саду также не подтверждена фактами,— упорствовал я.

— Как раз наоборот,— покачал головой Шамбрэн.— Сэм Лоринг не стал бы держать при себе подозрения в отношении Салливана. Факт номер один. Если Лоринг не подозревал Салливана, с какой стати тому стрелять в Лоринга, едва увидев его, да еще в присутствии Жульет Жирар? Факт номер два. Мы можем надеяться, что баллистики докажут нам и факт номер три — Лоринг и Салливан убиты пулями, выпущенными из третьего пистолета.

Зазвонил телефон. Джерри Додд снял трубку, послушал, затем прикрыл микрофон рукой.

— Бернардель разговаривает с Жираром по телефону из бара «Трапедия». Жирар выкладывает ему всю историю.

Шамбрэн устало кивнул. Подозвал меня. А Додд вышел в приемную за Кларком.

— Постарайтесь разыскать в больнице лейтенанта Харди,— попросил Шамбрэн.— Если Дигтер еще жив, скажите лейтенанту, что к нему ни в коем случае нельзя никого пускать. Есть люди, которые очень не хотят, чтобы он заговорил.

С Кларком мы столкнулись в дверях. Он, наоборот, входил в кабинет. Прошло несколько минут, прежде чем Харди взял трубку.

— Как Салливан? — спросил я.

— Еще жив.

— Выживет?

— Едва ли.

Я передал ему просьбу Шамбрэна.

— Скажите своему боссу, что я сплю, если сплю, ночью,— Харди, похоже, рассердился.— Но Салливан еле дышит, какие уж тут разговоры. Две пули в груди, одна — в шее. Он потерял прорву крови. Врачи думают, что его частично парализовало.

— Пули вытащили?

— Какая разница? Вам нужен сувенир?

— Шамбрэн думает, что стрелять могли трое. Его интересуют данные баллистической экспертизы.

— Какие трое? — взвился Харди.

— Баллистики...

— Баллистики быстро докажут, что это бред. Будьте уверены. А Шамбрэну скажите, к Салливану никто не подойдет... пока он жив.

Я положил трубку. Распахнулась дверь, ведущая в коридор, в приемную вошел Бернардель. Посмотрел на меня.

— А, мистер Хаскелл. Шамбрэн у себя?
— Да.
— Как Диггер?
— Я только что говорил с больницей. Особых надежд нет.

— Он смог рассказать им, что произошло?
— Говорить он не может.

Бернардель сердито взмахнул пухлой ручкой. От бывшего Санта-Клауса не осталось и следа.

— Вы знаете, почему он лежит там, из последних сил цепляясь за жизнь, мистер Хаскелл?

— Три пулевых ранения, — ответил я.

— Потому что он преступно беззаботен в отношении собственной жизни, — Бернардель повернулся ко мне спиной и ворвался в кабинет Шамбрэна.

Глава 4

Атмосфера в кабинете Шамбрэна накалилась. Там, должно быть, знали, что идет Бернардель, потому что появление толстяка никого не удивило. Гарри Кларк побледнел от злости. Я знал, что Бернардель для него враг номер один, ответственный за смерть Сэма Лоринга, кто бы ни нажимал на спусковой крючок пистолета.

— Я рад, что вы здесь, мистер Кларк, — кивнул ему Бернардель.

— Полагаю, вы пришли сюда, чтобы изобразить убитого горем друга, — процедил тот.

— Давайте не терять время на оскорбления, мистер Кларк, — Бернардель и не собирался обижаться. — Как я понимаю, вы оказались тем фермером, что позабыл запереть ворота конюшни, а теперь ищет пропавшую лошадь...

— Послушайте...

Слушать Бернардель не захотел.

— Диггер Салливан — мой давний друг. Естественно, я расстроен тем, что произошло. Я молюсь за то, чтобы господь не прибрал его к себе. Но давайте выложим карты на стол, мистер Кларк. Я знаю, кто вы. Я знаю, что вы думаете обо мне. И могу догадаться, что вы сейчас думаете о Диггере.

Усилим воли Кларк сдержался.

— Тут нет никаких секретов. К слову сказать, мы готовим заявление для прессы.

Значит, Вашингтон одобрил предложение Шамбрэна.

— Хотите, я угадаю, что вы в нем напишете,— Бернардель, похоже, тоже рассердился.— Вы поймали главаря банды, междупародной банды торговцев наркотиками. Этот же человек, скорее всего, убил Мюррея Кардью и, возможно, несколько лет тому назад полковника Вальмона. Этим вы рассчитываете убавить бдительность настоящих преступников. Вы рассчитываете, что они обезумеют от счастья и сами прыгнут в расставленную вами ловушку. Детский лепет, мистер Кларк.

— А я — тот ребенок, что это придумал,— вставил Шамбрэн, его лицо обратилось в маску.

— Меня это удивляет,— продолжал Бернардель.— Играете-то вы не с детьми. Вы, мистер Кларк, не единственный, кто хочет раскрыть этот заговор. Если б вы действительно боролись в одиночку, ваш план, возможно, и сработал бы, хотя я в этом сомневаюсь. Но в сегодняшней ситуации, даже если вы, поверив собственному заявлению, закроете дело, смертельные враги по-прежнему останутся лицом к лицу,— его губы изогнулись в саркастической улыбке.— Я догадываюсь, о чем вы думаете, мистер Кларк. Что за игру я затеял? Что мне нужно? Ради чего я сам заявился сюда?

— Так ради чего? — спросил Шамбрэн.— Лучше услышать это от вас, чем гадать.

Улыбка Бернарделя стала шире.

— Не знаю, что вам и сказать. Если правду, вы мне не поверите, потому что я — темная личность. Если ложь, вы, возможно, поверите, потому что хотите верить именно в это. Так как же мне донести до вас мою мысль?

— Действительно, проблема,— кивнул Шамбрэн.— Но вы пришли сюда, значит, нашли способ разрешить ее.

Бернардель достал из кармана сигару, раскурил ее, посмотрел на Шамбрэна и Кларка сквозь облако синеватого дыма.

— Что ж, давайте попробуем. Сделка заключена, и вот-вот должен состояться обмен миллионов долларов на наркотики. Деньги пойдут врагам нынешнего французского правительства. Это дело, господа, чисто французское. Исход борьбы едва ли имеет хоть какое-то отношение к сидящим в этом кабинете. Вам незачем брать ту или иную сторону. Не должна вас волновать и моя позиция. Если я скажу, что я заодно с правительством, вы мне не поверите. Так что давайте допустим, что я в стане его врагов.

— Мы и так это знаем,— буркнул Кларк.

Бернардель пожал плечами.

— Вот видите, доказывать что-то еще бесполезно. Но этого недостаточно, чтобы считать меня негодяем. В конце концов, ваш Джордж Вашингтон был врагом правительства, стоящего в те дни у власти. С точки зрения англичан, он был эдаким. Для вас же — отцом-основателем государства, национальным героем. Во время вашей гражданской войны эдаким для правительства был генерал Роберт Ли. Но и дня даже живущие на Севере признают, что человеком был хорошим, даже прекрасным. Я говорю об этом только для того, чтобы показать, что мое противодействие анцускому правительству отнюдь не означает, что я — кек-потрошитель, или детоубийца, или чудовище. Если смог вас в этом убедить, то вы, возможно, сообразоволяете выслушать меня.

— Говорите, — подал голос Шамбрэн.

— Меня беспокоит Диггер. Я бы хотел дать официальные показания. Вы можете спросить, почему я выбрал именно этот момент? Потому что пришли времена, когда жизнь стоит дешево, его, Мюррея Кардью, Лоринга и мою Боюсь, что второй возможности мне уже не представится.

— Вы хотите сказать, что вам грозит опасность? — недоверчиво спросил Кларк. Такого он не ожидал.

— Если я тот, за кого вы меня принимаете, верный голлист может в любой момент разделаться со мной. Если я же сторонник правительства, то становлюсь главной целью заговорщиков. Те ли, другие ли, но времени у меня осталось немного. Поэтому я хочу дать показания.

— Говорите, — пробормотал Кларк.

Сверкнули зубы Бернарделя, белые и крепкие.

— Диггер — барашек в волчьей стае, — продолжил он. — Я знал его еще до того, как он впутался в это дело. Нас свели автомобили. Он был первоклассным гонщиком, не знающим страха. Но некоторых бесстрашие заводит слишком далеко. К таким принадлежит и Диггер. Не боясь смерти за рулем автомобиля, он решил, что она не страшна ему и при других обстоятельствах. У человека, действительно умного, здравого смысла должно быть больше. Он должен знать, когда нужно испугаться. Осознавать, что правда и честность не всегда одерживают победу. Я — такой человек, господа. Я знаю, когда бояться. И сейчас я в испуге. Вот когда на сцену выходит храбрость — стремление идти дальше, несмотря на страх. Диггер пошел дальше, потому что не боялся, а не из храбрости. Если бы он позволил себе испугаться, то не лежал бы при смерти.

Диггер пришел ко мне и сказал, что мой механик Лангло поставлял наркотики некоторым автогонщикам, в том числе приятелю Диггера, который покончил жизнь самоубийством. Диггер и я поехали к Лангло, но того успели застрелить.

— Вероятно, по вашему приказу, — вставил Кларк.

Бернардель зловеще улыбнулся.

— Да, конечно, мы же условились, что я — злодей. Возможно, я приказал убить Лангло, чтобы он не открыл Диггеру мое истинное лицо. Диггер потребовал у меня объяснений. Я обрисовал общую картину, и он захотел принять участие в борьбе с торговцами наркотиками, — улыбка Бернарделя стала шире. — И у меня, главаря этих торговцев, возникла блестящая идея подсунуть Диггера полковнику Вальмону, смертельному врагу наркобизнеса. Почему? Потому что я надеялся, что простофиля Диггер будет держать меня в курсе всех замыслов Вальмона. Не так ли, мистер Кларк?

— Продолжайте, — хмуро ответил тот.

— Значит, я послал его по этой причине или потому, что был с Вальмоном заодно. Так или иначе, Диггер присоединился к Вальмону, чтобы бороться с наркомафией. События развивались, как он и хотел. Он стал помощником Вальмона. Влюбился в дочь Вальмона. Даже попытался спасти жизнь полковника. Но эта попытка принесла ему неприятности — серьезные неприятности. Жюльет Вальмон внезапно решила, что он — не тот, за кого себя выдает. Шарль Жирар лез из кожи, чтобы это доказать. И ему бы это удалось, если б я не спас Диггера фальшивым алиби.

— Почему? — спросил Шамбрэн.

— Чтобы не брать грех на душу. Видите ли, Шамбрэн, даже если я — Джордж Вашингтон заговорщиков, мне безразлична судьба моего невинного друга. Я пытался убедить Диггера прекратить борьбу, но он отказался. Он хотел доказать Жюльет, что не имел отношения к убийству ее отца. А потом, не без помощи Лоринга, упокой господь его душу, начал верить, что я — его враг. Допустим, это так. Допустим, я использовал его. Но тогда я лучше других знал, к чему он стремится. Искал он на ощупь. То подходил вплотную к цели, то отдалялся на мили. И опасен он был только тем, что мог случайно наткнуться-таки на истину. Во всяком случае, он не шел по следу врага. Так вот, сегодня он наткнулся на истину и, как следствие, получил три пули. Но, как бы то ни было, мистер Кларк, Диггер — тот, за кого он себя выдает, и сделал он именно то, о чем рассказал. Ваш Лоринг знал это и доверял ему.

— Поэтому он и умер,— прохрипел Кларк.

— Мой дорогой Кларк,— Бернардель вздохнул.— Диггер не убивал Лоринга. Я пришел сюда, чтобы сказать вам об этом. Такое невозможно. Невозможно даже в этом безумном мире,— он рассмеялся.— Лоринг был его другом, а такие, как Диггер, не убивают друзей, даже защищаясь. Такие, как Диггер, никогда не выстрелят в слугу закона.

— Так кто его убил... и как? — спросил Кларк.

Бернардель вновь вздохнул.

— Просто поверьте мне, Кларк, и ищите убийцу в другом месте. Диггер — невинный барашек.

— Вы знаете, кто убил Лоринга? — теперь уже вопрос задал Шамбрэн.

Бернардель улыбнулся одними губами, глаза остались серьезными.

— Если я тот, кем вы меня считаете, Шамбрэн, то есть главный заговорщик, я бы не назвал вам имени убийцы, даже если б и знал его. Если я на стороне правительства, то и в этом случае у меня есть причины не говорить вам то, что мне известно.

— Что это за причины?

— Мистер Шамбрэн, кто-то из заговорщиков вот-вот получит несколько миллионов долларов в обмен на героин. Эти деньги пойдут на финансирование заговора. Допустим, я назвал бы имя убийцы до того, как деньги перейдут из рук в руки. Обмен перенесут в другое место, проведут иначе, с участием других людей. Поймите, Шамбрэн, речь идет о деньгах. Заговорщикам необходимо их получить. Другая сторона стремится этому воспрепятствовать. И путь здесь только один. Чек можно объявить недействительным, если он потерян, и выписать новый. Но наличные — совсем другое дело. Их нельзя заменить. И чтобы эти миллионы не попали заговорщикам, сторонники правительства должны их перехватить. Для обеих сторон обладание этими деньгами — вопрос жизни и смерти. Поэтому, если б я боролся с заговорщиками, я бы не стал мешать обмену. Но схватил бы заговорщиков сразу после того, как они получают деньги от торговцев наркотиками. Тогда, и не раньше! Убийца может играть ключевую роль в этом обмене, поэтому я не буду называть имен. Вы можете отнести меня к любому лагерю, господа, но теперь вам должно быть ясно, что в любом случае я не могу назвать вам убийцу. И, кто бы я ни был, всем сердцем я верю, что стараюсь для блага моей страны.

— А если Дигтер заговорит? — спросил Шамбрэн.
— Охраняйте его.
— Чтобы он смог назвать убийцу, — хмыкнул Кларк. — Этот ваш невинный барашек!
— Как я понял со слов Жирара, ему стреляли не в спину. Он видел того, кто стрелял.

Зазвонил телефон на столе Шамбрэна. Он снял трубку. Мне сразу подумалось, что звонят из больницы и новости самые печальные. Выслушав, Шамбрэн сказал: «Благодарю вас», — и положил трубку. Мы ждали продолжения, но он молчал. А тяжелые веки почти закрыли глаза.

Бернардель выдохнул облако сигарного дыма.

— Я сказал вам все, что хотел, — он одарил Кларка невеселой улыбкой. — Я понимаю, мистер Кларк, что для вас я по-прежнему остаюсь злодеем. Я пришел сюда ради моего друга. Остается только надеяться, что мне удалось хоть немного поколебать вашу уверенность в его вине.

— Мне следовало бы вас арестовать, — Кларк, скорее, говорил сам с собой, а не с Бернарделем.

Бернардель улыбнулся, как отец, утешающий маленького ребенка.

— Конечно, вам этого хочется, но обвинить меня не в чем. Я знаю, что вы следили за мной с того мгновения, как я ступил на американскую землю. Вы — мое алиби, если оно мне потребуется, — он чуть поклонился Шамбрэну, повернулся и вышел из кабинета.

Кларк негромко выругался.

— А ему хоть бы хны. И так уже три года. Все нити тянутся к нему, а у нас никаких улик!

— Мне кажется, он пришел сюда, чтобы помочь Дигтеру, — заметил я.

— А я могу поспорить, что он пришел защитить себя, — отрезал Кларк.

— Салливану может понадобится помощь, — Шамбрэн разглядывал поверхность стола. — Звонил Харди. Он получил результаты баллистической экспертизы.

— Вы ошиблись? — спросил Кларк.

Шамбрэн кивнул.

— Сэм Лоринг убит пулями, выпущенными из пистолета, который нашли в руке Салливана. В Салливана стреляли из пистолета Лоринга. Третьего пистолета не было.

— Я с самого начала говорил об этом! — воскликнул Кларк. — Салливан открыл огонь по Лорингу, а тот выстре-

лил, защищаясь. Это несомненно! Не приходится удивляться, что Бернардель хочет отвлечь наше внимание от Салливана. Салливан действительно его друг. Давний друг. Они заодно с самого начала. Что говорят врачи?

— Никаких изменений.

— У Харди есть какие-то сомнения относительно случившегося?

— Нет.

— А у вас?

Тяжелые веки поднялись.

— Разве это имеет значение?

— Ради бога, Шамбрэн, мы же не можем игнорировать факты.

— Нет, факты нужно уважать, — кивнул Шамбрэн.

— Значит, ваша версия не подтвердилась.

— Не подтвердилась, — эхом отозвался Шамбрэн.

На этом Кларк закрыл дискуссию.

— Ну что ж, мне остается сидеть здесь и ждать обмена денег на наркотики. Харди будет в больнице, на случай, если Салливан заговорит.

— А как насчет заявления для прессы? — спросил Шамбрэн.

— Какой от него толк? Бернардель знает, что это — фальшивка.

— Я все-таки предлагаю не отказываться от него. Кларк хохотнул.

— Вы хотите сказать, что у вас возникли сомнения относительно Бернарделя?

— Вы хотите, чтобы сделка состоялась, не так ли? Вы хотите поймать их за руку. Остальные, возможно, не так проникательны, как Бернардель. Есть покупатели наркотиков, которые могут на это клонуть. Во всяком случае, публичное заявление вам не повредит. Но может принести определенные дивиденды.

— Пожалуй, вы правы, — с неохотой согласился Кларк. — Но Бернардель, скорее всего, отменит обмен.

— А если вы все-таки принимаете его не за того, кто он есть на самом деле...

— Перестаньте, Шамбрэн. Насчет Салливана вы ошиблись. К чему новые промахи?

— Я и стремлюсь более их не допускать, — сухо ответил Шамбрэн.

Шелда не выходила у меня из головы. К этому времени, думал я, известие о перестрелке облетело отель. А каково узнать, что один человек убит, а второй — при смерти, и произошло это в твоём саду. Как Жульет, Шелда могла вообразить, что во всем виновата только она. И пока Кларк готовил пресс-конференцию, я прошёл в свой кабинет.

Стол Шелды в приёмной пустовал, но мисс Куингли сказала мне, что она в кабинете. Там она и сидела, бледная как смерть. Она нашла в моем столе бутылку бербона¹ и уже успела как следует приложиться к ней. Увидев меня, она бросилась мне на грудь, я обнял ее, и мы постояли, пока она выплакалась.

— У нас полно хлопот и без твоих слез,— улыбнулся я.

— Марк, я...

— Я все знаю. Ты отвела Жульет в свою квартиру. Ты сказала Дигтеру, что она там. Во всем виновата только ты.

Она оттолкнула меня.

— Черта с два! — негодуя воскликнула.

— Я рад это слышать.

— Ей, должно быть, так грустно. Столько лет любить человека, чтобы узнать наконец, что он — подонок. Как он?

— Еще жив.

— Теперь, наверное, я не смогу поверить ни одному мужчине. Я ни на секунду не сомневалась в Салливане. И она так любила его.

— Может, оно и к лучшему, что все стало на свои места.

— Кстати, я ему ничего не говорила.

— О чем ты?

— Я не говорила Дигтеру, что она в моей квартире и хочет его видеть. Не говорила. Должно быть, она сама позвонила ему.

— Она не звонила.

— Тогда как он узнал?

Шелда задала хороший вопрос. Кто-то расставил ловушку. Скорее всего, Бернардель.

— Тебе придется жениться на мне раньше, чем я предполагала,— добавила Шелда.

— Как так? — я сразу забыл про толстяка-француза.

— Вероятно, я больше не смогу жить в своей квартире.

¹ Пшеничное или кукурузное виски.

Представить страшно, что там было сегодня днем. Я даже не хочу возвращаться туда за вещами.

— Ничего себе причина для замужества.

— Ну почему ты такой запуда?

Телефонный звонок прервал этот несколько абсурдный разговор.

— Мистер Хаскелл? — я узнал голос Шарля Жирара. — Вас не затруднит подняться к нам на несколько минут?

Ровный, бесцветный голос.

— Хорошо. Я сейчас приду.

— Что слышно в больнице?

— Пока изменений нет.

— Заранее благодарю вас за то, что вы сможете уделить нам это время.

— Я уже выхожу.

— Только это тебя и спасло, — хмыкнула Шелда, когда я положил трубку.

Бодрости она, похоже, не потеряла.

Я чуть не ахнул, когда Жирар открыл мне дверь номера. Он постарел лет на десять. Морщины на лице стали глубже, глаза запали, кожа посерела.

— Пожалуйста, заходите.

Я не мог не пожалеть Жирара. Мне бы не хотелось оказаться на его месте.

Жульет ждала нас в гостиной. Она стояла у окна, спиной ко мне.

— Просто невыносимо находиться здесь, не зная, что происходит, — начал Жирар. — Особенно после того, что выпало на долю Жульет. Этот заговор оплел наши жизни. Жульет потеряла отца. А теперь перестрелка Салливана и Лоринга. Она однозначно указывает на то, что Лоринг нашел улики, за которыми мы гоняемся три последних года. Я уверен, мы тоже можем помочь, но никто не приходит к нам. Никто не задает вопросов.

Его глаза горели мрачным огнем. Он разглядывал мое лицо, словно надеялся прочитав на нем ответы на мучившие его вопросы. Жульет так и не повернулась.

— Сегодня сумасшедший день, — признал я. — Одновременно идут два расследования. Лейтенант Харди искал убийцу Кардью. Теперь, я полагаю, ему придется искать и убийцу Лоринга. Агент Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков, его фамилия Кларк, пытается выйти на след торговцев этим зельем. Я уверен, что кто-то из них, а то и оба обязательно придут к вам, месье Жирар.

— Они же должны знать, что во Франции я вел это дело.

— Если у вас есть сведения, которые, по вашему мнению, могут помочь расследованию, снимите трубку и позвоните Кларку в кабинет Шамбрэна.

— Но я не могу сидеть здесь, как птица в клетке! — воскликнул Жирар.

Я никак не мог понять, почему он послал за мной. Не для того же, чтобы стравить пар. Но тут Жульет неожиданно объяснила мне что к чему.

— Марк, я должна поехать в больницу, — она все так же смотрела в окно. Жирар, у стола, подносил к сигарете зажженную спичку. Рука у него дрожала.

— Вы хотите увидеть Дигтера? — спросил я. — К нему в палату никого не пускают.

— Кто? Врачи?

— И полиция. Если он придет в сознание и заговорит, то первые вопросы задаст ему лейтенант Харди.

— Я хочу быть там! — воскликнула она. — Как можно допустить, чтобы он пришел в себя и не увидел рядом ни одного дорогого лица. Будь я его родственницей, то получила бы такое разрешение. Даже если он очнется на мгновение и увидит, что я рядом, ему сразу станет лучше. Никогда не прощу себе, если он позовет меня, а я буду сидеть здесь, в номере отеля.

— Вас к нему не пустят, — повторил я.

— Пустят, если я буду в больнице, а он позовет меня. Я придам ему сил в борьбе со смертью.

— Жульет хочет поехать в больницу и подождать там, — вмешался Жирар. — Жульет чувствует, что она... самый близкий для Салливана человек, — эти слова дались ему с большим трудом.

— Боюсь, я не понимаю, чем могу вам помочь, — ответил я.

Жульет повернулась ко мне:

— Дорогой Марк, вы теперь должны понимать, в какое мы попали положение. У меня нет сил, а может, и смелости, объясняться с властями. Я не могу просить Шарля сделать это за меня. Они скорее всего посмеются за его спиной, не понимая, какой он благородный и великодушный человек. Вы же можете попросить их оказать мне такую услугу, не вызывая тайной усмешки.

— Ну конечно, — кивнул я. — Я все сделаю. В больнице наверняка есть комната для посетителей, где вы сможете посидеть. Но я не думаю, что вас пустят к Дигтеру.

— Я пойду к нему, если он меня позовет.

— Я переговорю с Кларком,— пообещал я,— а потом вернусь.

Теперь досталось и Жирару, думал я в кабине лифта, спускающегося на четвертый этаж. Нелегко оказаться в ситуации, когда жена ясно показывает, что любит другого человека.

Кларк быстро принял решение. Отрицательное.

— Я хочу, чтобы все, связанные с этим делом, находились у меня на глазах. И никто из них не должен приближаться к Салливану. Кто-то может пойти на все, чтобы не дать ему заговорить.

— Но не Жульет,— возразил я.

— Ее муж значился в списке Лоринга.

— Так пусть она поедет одна,— предложил я,— и будет в больнице, когда Дигтер придет в себя. Он захочет поговорить с ней, постарается обелить себя в ее глазах. Возможно, он скажет ей больше, чем полиции.

Шамбрэн пришел мне на помощь.

— В доводах Марка что-то есть. Какими бы сложными ни были отношения этих людей, Дигтер, несомненно, любит эту женщину, Кларк. И может сказать ей то, что не сказал бы никому. Пусть она едет в больницу.

— Я не хочу, чтобы она одна болталась по городу.— упорствовал Кларк.— А свободных людей у меня нет.

— Я поеду с ней,— предложил я.

Кларк еще колебался.

— Если вы поедете с ней и не будете отходить от нее ни на шаг...

— Даю слово.

— Скажите Жирару, что его из отеля не выпустят.

— А может, будет лучше, если вы скажете это сами?

— Хорошо,— кивнул Кларк.— Я поговорю с ним.

— Вы не возражаете? — спросил я Шамбрэна.

— Нет, нет. Не выпускайте ее из виду, Марк. Кто-то еще может подумать о том, что Салливан заговорит именно с ней. Не все этого хотят. Я сообщу Харди, что вы поехали к нему. Если возникнут какие-то осложнения, вам помогут.

Я коротко глянул на Кларка, который уже разговаривал по телефону с Жираром.

— Вы думаете, что ей тоже угрожает опасность?

— Салливан предупреждал нас о старых минах.

Меня радовало, что я хоть чем-то могу помочь Жульет. Она все еще зачаровывала меня, как и при нашей первой встрече.

Когда я вернулся в номер Жираров, Жульет уже ждала меня. Вечер выдался прохладный, и она надела легкое, свободного покроя пальто. На плече у нее висела большая сумка.

— У нас никогда не было такого верного друга, Марк,— улыбнулась она.

Жирар стоял рядом, его тонкие губы изогнулись в горькой улыбке.

— А я — пленник. Ирония судьбы, но я у них под подозрением.

— Они следят за всеми, кто может иметь хоть малейшее отношение к заговору,— я попытался успокоить его.— За всеми, даже за послом.

Жульет повернулась к мужу:

— Возможно, ждать придется долго, Шарль.

— Я знаю,— кивнул он.— Ты можешь звонить мне время от времени.

— Я позвоню. Обещаю.

Мы с Жульет спустились в вестибюль. Я чувствовал на себе взгляды служащих отеля. Кто-то из них наверняка уже звонил Кларку. Система Шамбрэна действовала безукоризненно.

Но не только они интересовались нашими персонами. Макс Кролл и Лили Дориш беседовали с сотрудником экскурсионного бюро. Кролл заметил нас и что-то шепнул Лили, которая тут же обернулась. Мы вышли на Пятую авеню. Уэйтерс, швейцар, остановил нам такси. Когда мы садились на заднее сиденье, я почувствовал, что Жульет вся дрожит.

— За нами наблюдает столько людей,— прошептала она.

— Обычное дело,— ответил я.

Она вздохнула.

— Марк, я прошу от вас слишком многого. Вам совсем не обязательно ехать со мной.

— Я не против, да и Кларк поставил такое условие.

— Почему?

— Надо смотреть правде в глаза, Жульет. Бернардель и его друзья пойдут на все, чтобы не дать Диттеру заговорить. Они, как и мы, понимают, что вам он может сказать то, чего не скажет никому другому. Возможно, они попытаются этому помешать.

— Понятно.

— Но вы не волнуйтесь,— я расправил грудь.— Я буду с вами, и лейтенант Харди, и еще один или два полицейских. Вы будете в безопасности.

От специфического больничного запаха меня всегда начинает подташнивать. Нас встретили у дверей. Палата Диггера находилась на втором этаже. Харди послал полицейского, чтобы тот проводил нас. Мы поднялись на лифте. Харди ждал нас в холле, сердитый и усталый.

— В конце коридора есть комната, вы, мадам Жирар, и Хаскелл можете посидеть там. Я сомневаюсь, что вам удастся увидеть Салливану сегодня вечером.

— Как он? — спросила Жульет.

— Состояние удовлетворительное, — ответил Харди. — Другого врачи не говорят. Он все еще без сознания.

— Мы подождем. Но пожалуйста, лейтенант, если появятся какие-то признаки, что он приходит в себя...

— Я вас позову, — кивнул Харди. — Я не меньше вашего хочу, чтобы он заговорил. На первом этаже есть кафетерий, если вы захотите кофе или сэндвичи.

В комнате для посетителей мы сидели вдвоем. Через открытую дверь мы видели спешащих по коридору медицинских сестер и врачей. Палата Диггера находилась в другом конце. У двери сидел на стуле полицейский и читал газету. Я взглянул на часы. Почти девять. Я не ел с утра, но не чувствовал голода. Спросил Жульет, не хочет ли она снять пальто.

— Наверное, это нервы, — ответила она, — но мне холодно.

Жульет так и застыла в кресле. Я непрерывно курил. Каждые полчаса седовласый доктор заглядывал в палату Диггера и тут же выходил в коридор. Вероятно, это означало, что изменений в состоянии раненого нет. Скорее всего, кроме Харди в палате находилась и медицинская сестра.

В четверть одиннадцатого у меня кончились сигареты. Я подошел к столику дежурной сестры и спросил, где я могу купить сигареты. Она сказала, что у кафетерия на первом этаже есть автомат.

От столика дежурной сестры я направился к полицейскому, охранявшему палату Диггера. Он посмотрел на меня, оторвавшись от газеты.

— У меня кончились сигареты. Пойду вниз, куплю новую пачку. Приглядывайте, пожалуйста, за мадам Жирар.

— Хорошо, — ответил тот, — если она останется на месте. Я не могу покинуть свой пост.

Я вернулся к Жульет, сказал ей, что схожу за сигаретами, и предложил принести кофе и сэндвичи. Она ответила, что выпила бы кофе.

По лестнице я спустился на первый этаж. В кафетерии толпился народ. Автомат выдал мне две пачки сигарет, и я занял очередь к прилавку, чтобы купить кофе и пару сэндвичей.

На это у меня ушло минут десять. Когда же я вышел из кафетерия, с кофе и сэндвичами в руках, я едва не уронил и то и другое, увидев Жульет, спешащую к выходу на улицу. Я позвал ее и побежал следом. Она остановилась перед вращающимися дверями.

— Жульет! Что вы тут делаете?

— Мне внезапно стало нехорошо. Я подумала, что свежий ночной воздух...— она коснулась рукой вращающейся двери.— Со мной все в порядке, Марк,— толкнула дверь и вышла на улицу.

Я поспешил за ней. Она стояла на верхней ступени лестницы, покачиваясь.

— Не могли бы вы принести мне нашатыря, Марк? Боюсь, я сейчас...

— Вам лучше сесть,— широкая пустая лестница вела к тротуару.— Я не могу оставить вас одну, но попробуйте выпить кофе. Может, вам станет лучше,— я бросил сэндвичи и начал снимать крышку со стаканчика. И тут увидел Бернарделя.

Он отделился от стены, справа от нас, его рот изогнулся в хищной улыбке.

— Марк! — воскликнула Жульет. Через пиджак я почувствовал ее ногти, впившиеся мне в руку.

— Идите в больницу... быстро! — приказал я.

Она не пошевелилась. Толстяк держал в руке пистолет, дуло смотрело на нас.

— Я думаю, это конец пути, мадам,— он протянул левую руку.— Вашу сумку, пожалуйста.

Жульет отпустила мою руку, но не сняла сумку с плеча. Похоже, она ждала помощи. Но не от меня. Я было шагнул вперед, чтобы встать между ней и Бернарделем.

— Стойте на месте, Хаскелл,— остановил меня Бернардель.— Вашу сумку, мадам. Я надеюсь, то, что мне нужно, в ней. Мне бы не хотелось раздевать вас публично.

— Не знаю, к чему вы стремитесь, Бернардель,— подал я голос,— но вам это просто так не пройдет.

— Не идиотничайте, Хаскелл,— Бернардель не спускал глаз с Жульет.— Помощи ждать бесполезно, мадам. Тот, кого вы ждете, не придет. Его задержали... навечно.

Я не знал, о чем он говорил, но и не мог стоять и смотреть, как он угрожает Жульет. Нас разделяло лишь пять

футов, и он не отрывал взгляда от Жульет. Я бросился ему в ноги, но выстрела не последовало. Мы покатались по ступенькам. Я слышал, как он ругается по-французски. Я не отпускал его, пытаюсь добраться до пистолета. Краем глаза я заметил, как Жульет пробежала мимо нас, перескакивая со ступени на ступень, к тротуару. Я крикнул, чтобы она вернулась в больницу, где ее защитит Харди.

— Дурак! Идиот! — рявкнул Бернардель. И ударил меня рукоятью пистолета. Я отлетел на пару шагов, а он устремился за Жульет.

А та остановилась, не добежав с десятков ступеней до тротуара. Пять или шесть человек преградили ей путь. Она оглянулась. Несколько человек появились и на верхней ступени лестницы.

К моему удивлению, среди стоящих внизу я узнал Шамбрэна.

Бернардель подошел к Жульет, и я услышал пронзительный вопль разъяренного животного. С трудом верилось, что он вырвался из груди Жульет.

Глава 6

В сумке, что висела на плече Жульет, лежали пакеты с героином общей стоимостью два миллиона долларов. Весили они всего десять фунтов.

Мужчина, который принес деньги, уже сидел в полицейском участке в двух кварталах от больницы. Деньги хранились в сумке, как две капли воды похожей на сумку Жульет. Два миллиона предназначались террористам ОАС. Мужчину взяли на соседней с больницей улице, где он дожидался Жульет.

Все это мне рассказали в такси по дороге в «Бомонт». Я еще кипел от ярости и слушал не слишком внимательно. Похоже, меня использовали, как подсадную утку, чтобы усыпить бдительность Жульет. Особенно я злился на Бернарделя, который ехал в такси вместе с нами, хотя он продолжал извиняться за то, что ударил меня по плечу. Плечо, кстати, болело, что также не улучшало моего настроения. А Бернардель улыбался во весь рот, несмотря на длинные красные царапины у него на лице, отметины ногтей Жульет. Когда он подошел к ней, Жульет дикой кошкой набросилась на него.

Все, естественно, кроме меня, всё знали, и я чувствовал себя круглым идиотом. Наконец такси остановилось, мы

вылезли из машины, Шамбрэн, Бернардель и я, и вошли в вестибюль. Там нас поджидали Гарри Кларк и Делакуру, посол Франции. Бернардель подошел к Делакуру, и они обнялись.

— Все кончено, Жак, — услышал я Бернарделя. — Деньги и наркотики в руках полиции.

— А Жульет? — спросил Делакуру.

— Поймана с поличным.

— И все-таки в это трудно поверить, — покачал головой Делакуру. — Я-то не сомневался, что это Шарль, а она абсолютно чиста.

— На поверку вышло иначе, — ответил Бернардель. — А теперь пора заняться и Шарлем.

— Он знает?

Бернардель вопросительно взглянул на Шамбрэна. Джерри Додд материализовался из воздуха и что-то говорил ему.

— Он не звонил, и ему не звонили, — ответил Шамбрэн. — Скорее всего, он ничего не знает.

— Пойдемте к нему, — и Кларк двинулся к лифту.

Вшестером мы поднялись на пятнадцатый этаж и подошли к номеру Жираров. Кларк постучал. Жирар тут же открыл дверь, его лицо изумленно вытянулось, а затем медленно посерело.

— Жульет? — прошептал он.

— Игра закончена, Шарль, — ответил Делакуру.

— Она жива?

— Как видно по моему лицу, — Бернардель приложил к кровоточащим царапинам носовой платок.

Жирар медленно повернулся и прошел в гостиную.

— Деньги и наркотики у полиции, Шарль, — Делакуру ввел его в курс дела.

Жирар повернулся, в его глазах стояли слезы.

— Если б я сказал вам, Делакуру, что я рад, вы бы мне поверили?

— Возможно, Шарль.

— Ее обвинят в контрабанде наркотиков? — спросил Жирар.

— Нет, месье Жирар, ей предъявят обвинение в убийстве Сэма Лоринга, — ответил Кларк.

Я, должно быть, ошолбенел так же, как и Жирар.

— Это все выдумки Салливана? — голос Жирара дрожал. — Убийство! О чем вы говорите?

— Салливан все еще без сознания, — ответил Кларк.

— Мой дорогой Шарль, в этой долгой, жестокой борьбе

Жульет допустила одну ошибку, — добавил Делакуру, — и мы обнаружили ее благодаря мистеру Шамбрэну.

— Шамбрэну? — Жирар повернулся к моему боссу.

— И, если бы не Шамбрэн, вам бы удалось выйти сухими из воды, Шарль, — прогремел Бернардель. — Я попытался сыграть героя и налетел на честного, не ведающего сомнений Хаскелла. Но я тоже хотел бы узнать, как мистер Шамбрэн докопался до сути.

Тяжелые веки почти закрыли глаза Шамбрэна.

— Я, возможно, и не вмешался бы в эту историю, если б не бессмысленное убийство моего давнего друга, Мюррея Кардью. Но я сразу понял, что его смерть связана с борьбой за власть между двумя группами французов. И свое внимание я сосредоточил на вас, месье Жирар, потому что еще до убийства Кардью горничная застала Салливана в вашем номере.

— Так это был Салливан! — воскликнул Жирар. — А мы-то думали, какой-то мелкий воришка. У нас же ничего не пропало.

— Потому что он искал то, что постоянно находилось при мадам Жирар, — продолжил Шамбрэн. — Кларк говорил мне, что труднее всего обнаружить контрабандные наркотики у женщины с пышными формами. Она без труда может спрятать их на себе. Ее не обыскивали на таможне. Никто не подозревал, что она связана с контрабандой наркотиков. Да и у кого могли возникнуть подобные мысли? Разве она не дочь полковника Вальмона, отдавшего жизнь в схватке с наркомафией.

— О, да, — саркастически хмыкнул Бернардель. — Этот великий герой. Верный сторонник де Голля! Смертельный враг террористов. Смех, да и только!

Я вытаращился на него.

— Все было бы проще, если б месье Делакуру поделился с нами известными ему сведениями, — заметил Шамбрэн.

— Это французские проблемы, — ответил Делакуру, — и решать их должны французы.

— Если б только вы не пытались решить их на нашей территории, — возразил Кларк. — Будь у меня такая возможность, я бы спросил с вас, месье Делакуру, за убийство Сэма Лоринга.

— Едва ли я мог довериться вам, — ответил Делакуру. — Лоринг среди прочих подозревал и меня. И у меня не было доказательств вины Жульет. Из нас всех только она была вне подозрений. Вы бы только посмеялись надо мной.

— Я думаю, мы узнаем, один человек заподозрил, что Жульет не так уж проста,— вставил Шамбрэн.— Салливан! Он подозревал ее и в то же время пытался ее спасти. Поэтому он работал в одиночку и теперь может поплатиться за это жизнью,— Шамбрэн посмотрел на меня.— За последний час, Марк, мы узнали, что полковник Жорж Вальмон совсем не герой. Он говорил, что, по его убеждению, в верхних эшелонах власти французского государства есть предатель. И был прав. Предателем был он. Играя роль убежденного врага террористов, на самом деле ими руководил. Утверждал, что борется с торговлей наркотиками, а в действительности всемерно способствовал их обмену на деньги для ОАС. И его убили не террористы, но сотрудник Службы безопасности правительства, которое он предал.

— Ситуация тогда была довольно сложная,— пояснил Делакуру.— Правительство решило скрыть предательство Вальмона. Он был активным участником борьбы с наци. Его смерть, предположительно от рук террористов, вызвала гневное возмущение общественности. Прокру от этого было больше, чем от его ареста как предателя.

Шамбрэн кивнул.

— То есть Салливана использовали, но не месье Бернардель, которого мы принимали за злодея, хотя на самом деле он верно служил де Голлю, а двуликий Вальмон. Со смертью Вальмона поток наркотиков не иссяк, как надеялось правительство. Наоборот, он усилился. Так что пришлось искать нового человека, который занял место Вальмона. Я прав, господа?

— Абсолютно,— согласился Делакуру.

— Мы полагали, что это Шарль,— Бернардель посмотрел на Жирара.— Близкий друг Вальмона, его заместитель в годы войны. Мысль о Жульет поначалу не приходила нам в голову.

— Мне тоже,— глухо пробурчал Жирар.

— На текущий момент мы можем принять два допущения,— заметил Шамбрэн,— в надежде, что мадам Жирар и Салливан подтвердят их обоснованность. Первое, Жульет Вальмон и Салливан действительно любили друг друга. Они сражались за власть по разные стороны баррикад, но любовь была настоящей. Второе, Жульет таки поверила, что Салливан убил ее отца. Поверила, потому что сама, не колеблясь ни секунды, убила бы хорошего друга, если б тот оказался на пути к поставленной цели,— Шамбрэн покачал головой.— Не нами сказано: «Цель оправдывает средства».

— Жульет — фанатичка,— эхом отозвался Жирар.—

Она горячо любила отца. И могла отомстить за его смерть, лишь победив.

— Жульет оказалась в уникальной позиции,— Шамбрэн покачал головой.— В час беды ей на помощь пришел верный друг, месье Жирар, доверенное лицо голлистов. Ежедневно она узнавала от него, как идут дела в лагере врагов. Ее же агенты доносили, что Салливан настойчиво пытается найти истину. Кто-то, должно быть, все-таки вышел на ее след. Я думаю, месье Жирар мог бы рассказать об этом подробнее. Во всяком случае, в какой-то момент она почувствовала, что Жирар может стать для нее опасен. И соблаговолила предложить ему жениться на ней. Безумно влюбленный, устоять он не мог. А уже потом, после бракосочетания, она выбрала удобную минутку, чтобы сказать правду о себе. Не так ли все было, месье?

Жирар кивнул.

— И вы, Шарль, перестали быть французом,— прогремел Бернардель.

— Она заставила забыть обо всем,— пробормотал Жирар.— Я... меня будто заколдовали.

— Но несколько часов тому назад вы ничего этого не знали,— обратился я к Шамбрэну.

— Кое-что знал, Марк,— возразил тот.— Знал, но не мог доказать. Во-первых, я ни секунды не верил, что Диттер Салливан заодно с террористами. Распознавать людей — наша работа. С какой стати Салливан, американец, будет участвовать в политической борьбе на одной из сторон. По убеждениям? Едва ли. Из-за денег? Их у него предостаточно. Он сам сказал нам, что будет сражаться бок о бок с Жульет. Помните? Что он, мол, выступит даже против президента Соединенных Штатов, если она попросит его. И говорил серьезно, другого, собственно, и нельзя ждать от влюбленного. Но он и в мыслях не допускал, что Жульет предложит ему стать на сторону преступников. Я уверен, что Лоринг известил бы Вашингтон, если бы подозревал Салливана. И еще одно я знаю наверняка: Салливан мог убить Лоринга, только если тот угрожал жизни Жульет. Поэтому я и предложил версию третьего человека в саду Шелды.

— Но баллистическая экспертиза показала, что вы ошиблись.

— А заодно позволила найти убийцу,— Шамбрэн поднес огонек зажигалки к египетской сигарете.— Сопоставляя результаты баллистической экспертизы со своими рассуждениями, я впервые подумал о Жульет. Она же была

в квартире. Да, она любила Салливана, но у фанатиков цель всегда стоит на первом месте. Любая помеха считается с пути. И внезапно до меня дошло, что она находилась в центре всех событий. Драка в вашем кабинете, Марк. В ее присутствии. Если она и Жирар работали в паре, смысл этой драки ясен и грудному ребенку. Жирар мог убить Диггера, не понеся при этом никакого наказания. Как оно было, месье Жирар? Вы и Жульет разыграли этот маленький спектакль?

Жирар медленно кивнул.

— Понятно. Но в результате у вас лишь прибавилось хлопот. Салливан жив, а отель внезапно превратился в ловушку. Как же обменять наркотики на деньги? Вы, разумеется, чувствовали, что за вами следят сотни глаз. Но Жульет и тут нашла выход. Шелда говорит, что она предложила Жульет свою квартиру. Если она как следует пороется в памяти, Марк, то поймет, что предложение исходило от Жульет. Из этой квартиры она могла звонить кому угодно, без помех строить свои планы. Только вот Шелда не уходила, — Шамбрэн невесело рассмеялся. — Шелда хотела защищать и помогать бедняжке Жульет. Поэтому Жульет послала за вами. Она полагала, что так или иначе заставит вас увести Шелду, и добилась своего.

Теперь она могла обо всем договориться, решить, как обменять наркотики на деньги. Но внезапно выяснилось, что она не одна. Незванным гостем оказался Лоринг. Он шел за ней следом. И притаился в саду. Когда она осталась одна, он вошел в дом, чтобы арестовать ее, а может, допросить. Возможно, он подслушал ее телефонный разговор. В любом случае она выстрелила в него. Убила. Что же потом? Избавиться от тела она не могла. Не могла уйти из квартиры, оставив тело на полу. Поэтому она позвонила Салливану, и он со всех ног бросился к любимой женщине.

Вероятно, она вывела его в сад, предварительно вооружившись пистолетом Лоринга. Салливан был обречен. Она застрелила его. Всадила в него три пули в полной уверенности, что отправила его на тот свет. Затем вложила пистолет Лоринга в его руку, а свой пистолет, из которого убила Лоринга, в руку Салливана. После чего позвонила вам, Марк.

— Но все это — догадки, сэр, — ответил я.

— Нет, Марк. Я же сказал вам, что баллистическая экспертиза позволила установить личность убийцы. Исходя из фактов и моих рассуждений, я пришел к логичному ответу. Уговорил Кларка продолжить проверку, и мы вышли на

единственную ошибку Жульет. На таможене, чтобы отвлечь внимание от героина, спрятанного под одеждой, она постаралась убедить таможенников, что скрывать ей нечего. Она предъявила и меха, и драгоценности, и даже пистолет. У нее было французское разрешение на владение оружием. Ей разрешили ввезти пистолет в нашу страну, но записали регистрационный номер и фирму-изготовитель. Так мы узнали, что в руке Салливана был ее пистолет.

— До чего же она хладнокровная, наша Жульет! — вставил Бернардель.

— Как теперь избавиться от наркотиков и получить деньги? Вопрос непростой. Она не могла покинуть отель одна. Или могла? Разве кто-то помешал бы ей поехать к человеку, которого она любила? Как оно было, месье Жирар? До того, как позвонить Марку, она связалась с покупателем наркотиков и договорилась о встрече неподалеку от того места, куда увезут Дигтера, будь то больница или морг?

— Да, она позвонила нашему человеку из квартиры Шелды. Она не сомневалась, что ей разрешат поехать к Салливану. Хаскелл, конечно, мешался под ногами, но она думала, что сможет избавиться от него на десять — пятнадцать минут. Тому, кто принес бы деньги, оставалось только узнать, куда отвезут Салливана, и поджидать там Жульет.

— Именно в тот момент я решил совершить геройский поступок, — вмешался Бернардель. — Я уже знал наверняка, чем занимается Жульет. — Когда она исчезла после драки, я едва не признал свое поражение. Но уж потом, когда она вернулась к Жирару, не спускал с нее глаз. Вслед за ней и Хаскеллом я поехал в больницу. На этот раз я успел вовремя, но она убежала бы, если б не мистер Шамбрэн. Он тоже раскусил ее, но, в отличие от меня, не захотел прослыть героем и обратился за помощью.

— Такие вот дела, Марк, — заключил Шамбрэн. — В деталях мы, возможно, и ошибаемся, но в целом все произошло именно так.

— А Мюррей Кардью? — спросил я.

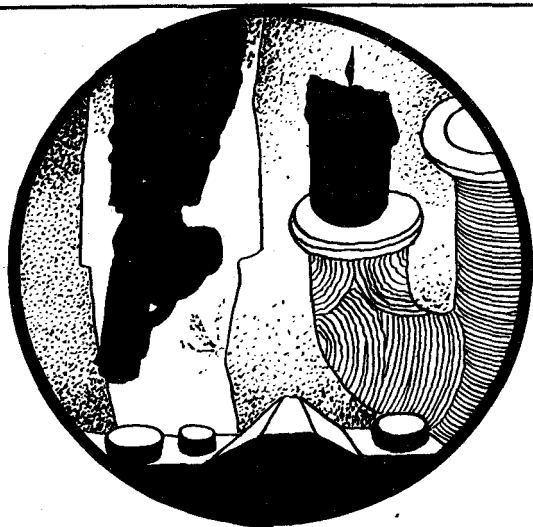
— Бедный Мюррей. Наши предположения подтвердились. Лакост и Кролл входили в организацию Жульет. Лакост следил за Делакру, Кролл — за Бернарделем. Лакост готовил операцию в Америке. Он и Кролл арестованы Харди по обвинению в убийстве Мюррея. Жульет, похоже, позвонила Лакосту из автомата в Центре Линкольна, куда она отправилась на концерт. Этот-то разговор и подслу-

шал Мюррей. И узнал все планы террористов. Наверное, он попросил телефонистку отсоединить его, а Лакост по голосу догадался, кто их подслушивал. Не оставалось ничего другого, как заставить Кардью умолкнуть навсегда. Лакост перезвонил Кроллу в «Бомонт», а уж тот принял меры, чтобы старик никому ничего не рассказал.

Шамбрэн положил сигарету в пепельницу. Выглядел он уставшим.

— Мы с Марком хотели бы уйти, мистер Кларк, если у вас нет к нам вопросов. Пора вернуться к делам отеля. Забот у нас — полон рот.

«Бомонт» — образ жизни. Завтра никто и не заметит, что по гладкой поверхности пруда Шамбрэна пробежала рябь. Он об этом позаботится.

ЛЮБИТЕЛЬ
ШАМПАНСКОГО

ЧАСТЬ I

Глава I

Вокруг «Мэдисон Сквер Гарден» редела толпа, на три четверти состоявшая из девушек-подростков.

Джонни Сэндз возвращался на эстраду!

Подъезжающие лимузины выплескивали элегантных женщин в мехах и драгоценностях, которых сопровождали стройные загорелые мужчины, политиков, наслаждавшихся блеском «юпитеров» и щелканьем фотоаппаратов, миллионеров...

Первый концерт Джонни Сэндза после двух лет уединения! Джонни Сэндз с его трубой и проникающим в душу голосом. Он согласился принять участие в благотворительном вечере Фонда борьбы с респираторными заболеваниями. Разумеется, ожидалось выступление и других известных актеров, певцов, рок-групп, джазовых оркестров. Конференсье Мюррей Клинг уступал, пожалуй, только Бобу Хоупу. Но не они, а Джонни Сэндз собрал эту огромную толпу у «Гарден».

Знаменитости все прибывали. Знаменитости и те, кого толпа принимала за знаменитость. Как, например, этого высокого, сухоощавого мужчину лет тридцати пяти в смокинге цвета бордо, прошитом золотой ниткой, с золотистыми волосами и профилем, как у греческого бога, вычеканенного на древних монетах. С ним, держа его под руку, шла черноволосая красавица. Естественно, такая пара не могла остаться незамеченной.

Какая-то девушка, покрасневшая от волнения, нырнула под канат ограждения:

— Пожалуйста, дайте мне автограф!

Золотоволосый красавец улыбнулся:

— Зачем вам мой автограф? Вы даже не знаете, кто я такой.

Девушка нервно засмеялась:

— Конечно, знаю. Пожалуйста!

Он взял из ее рук блокнот и ручку; на чистом листке появилось единственное слово: Квист. Девушка взглянула, и у нее вытянулось лицо. Она действительно не знала, кто расписался в ее блокноте.

Квист и его дама вошли в холл. Молодой человек в смокинге, стоявший у служебного входа, махнул им рукой. Его лицо блестело от пота.

— Привет, Лидия,— поздоровался он с женщиной.— Джулиан, все пропало!

— О? — брови Квиста изумленно изогнулись.

— Он не сможет приехать.

— Кто он?

— Джонни Сэндз.

Светло-синие глаза Джулиана Квиста превратились в щелочки.

— Пьянчужка,— процедил он.

— Нет-нет. Дело совсем в другом, Джулиан. Пойдем лучше со мной. Тут нам не поговорить.

Молодой человек открыл дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен», Квист и его дама последовали за ним. В кабинете уже собралось с полдюжины человек, среди них Мюррей Клинг и едва сдерживающая слезы миссис Делберт Шеер, вице-президент комитета Джонни Сэндза, по существу взявшая на себя организацию вечера.

— Вопрос в том, что нам делать,— говорил Мюррей Клинг,— то ли постараться удержать зрителей, то ли прямо сказать им, что Джонни, возможно, не приедет, и смотреть, как они тысячами покидают зал.

— О боже! — простонала миссис Шеер.

— Не мог бы кто-нибудь из вас рассказать... — начал Квист.

Все заговорили одновременно.

— Бобби! — рявкнул Квист.

Молодой человек, встретивший их в холле, вытер лицо белоснежным носовым платком.

— Джонни вылетел из Чикаго. Через двадцать минут неизвестный позвонил в полицию и сказал, что в самолет подложена бомба. Пришлось повернуть назад. И одному богу известно, когда будет следующий рейс.

Зазвонил телефон. Управляющий «Гарден», снявший трубку, подозвал Квиста:

— Вас. Я думаю, это Сэндз.

Квист протиснулся к телефону.

- Джулиан?
- Да, Джонни. — Этот голос можно было узнать с первого слова.
- Ну просто чертовское невезение!
- Где ты?
- В аэропорту. В Чикаго. Вылет через десять — двенадцать минут.
- Значит, ты успеешь к полуночи. Бомба была?
- Ложная тревога. Какой-то псих вздумал пошутить.
- Ты понимаешь, что зал набит битком?
- Отлично! — расхохотался Джонни. — Расскажи им, что произошло. О бомбе сообщат и газеты, и радио, и телевидение. Пусть они не думают, что это выдумка. Пообещай им, что я буду петь до утра, если они дождутся меня.
- Ждать придется долго, Джонни.
- Они подождут. Мне пора. До встречи, дружище. Рейс семьсот четырнадцать.

«Джулиан Квист Ассошиэйтс» — одна из ведущих рекламных компаний страны. Среди ее клиентов бизнесмены, политики, актеры, музыканты, балетные труппы, художественные галереи, музеи. Джулиан Квист — президент компании. Черноволосая красавица, с которой он пришел на концерт, Лидия Мортон и молодой человек в смокинге, Бобби Гиллард, — его сотрудники. Квист несколько лет вел дела Джонни и принимал самое активное участие в подготовке благотворительного вечера в «Гарден». И вот теперь от него ждали немедленного решения всех проблем.

— Джонни вылетает из Чикаго через пять — десять минут, — объявил Квист. — Менее чем через два часа он будет в Нью-Йорке. Рейс номер семьсот четырнадцать. Бобби, договорись о полицейском эскорте из аэропорта.

— Хорошо.

— Сюда он приедет не раньше половины двенадцатого, — заметил Мюррей Клинг. — Как мы дотянем до этого часа?

— Начнем вечер, словно ничего не случилось. Его и не ждут в начале программы. Я постараюсь найти кого-нибудь из известных комментаторов, может быть, Уолтера Кронкайта, и попрошу его зачитать зрителям послание Джонни.

— Какое послание?

— Он обещал петь до утра, если они дождутся его.

— О боже, а у меня свидание, — вздохнул Мюррей Клинг.

Уголок рта Квиста чуть дергался. Он взглянул на Лидию Мортон:

— У меня тоже. Мы делаем все это не ради Джонни, Клинг. Ради десятков тысяч больных людей.

— А если у меня кончатся шутки?

— До этого, я думаю, не дойдет. Не будем терять времени. Зрители ждут.

Джонни Сэндз, эстрадная суперзвезда, неожиданно покинул сцену два года тому назад в возрасте пятидесяти шести лет. Десятилетия он удерживался на вершине славы, стал мультимиллионером, легендой своего времени. Он был в одном ряду с Фрэнком Синатрой и Бингом Кросби. Карьера Джонни не отличалась оригинальностью. Начинал он где-то на Среднем Западе, в маленьком оркестре, пел и играл на трубе. С оркестром приехал в Нью-Йорк, выступал в одном из модных кафе на Пятьдесят второй улице. В конце концов их пригласили в театр «Парамаунт». Джонни заметили сразу. Зал просто сходил с ума, когда он исполнял свое соло на трубе, девицы восторженно вопили и стонали от его песен. Его пластинки расходились фантастическими тиражами. Журнал «Варьете», эта библия шоу-бизнеса, назвал его белым Луи Армстронгом. Журнал ошибся. Джонни Сэндз никого не копировал, ни на кого не походил. Он мог петь, как Синатра, играть на трубе, как Армстронг, и воспламенял женскую аудиторию, как никто другой.

Джонни был четырежды женат. Он играл на бегах, тратил деньги, повсюду его сопровождала свита блюдолизов. Но, несмотря на экстравагантность, душа Джонни не очерствела. Чаше, чем-кто либо другой, он участвовал в благотворительных концертах, всегда помогал и молодым, и сходящим со сцены. Он не боялся конкуренции и никому не завидовал. Джонни Сэндз был уникальной, незабываемой личностью.

И задержка в его появлении на сцене едва ли могла смутить публику.

Квист рассчитал все точно. Мюррей Клинг открыл концерт обычным монологом, в котором досталось всем по-немногу, от президента США до королевы Елизаветы, от звезд Голливуда до знаменитых боксеров. Зрители веселились. Как же, Джонни Сэндз возвращался на сцену! Вздрагнули стены от выступления известной рок-группы. Молодой певец первым делом объявил, что «обязан всем Джонни Сэндзу», знаменитый актер разъяснил цель

благотворительного вечера, мужская половина аудитории по достоинству оценила фигуру юной певицы.

Вот тут-то Квист выпустил комментатора. Найти Кронкайта за столь короткий срок ему не удалось, но того достойно заменил Брайан Марр. Его встретили сдержанными аплодисментами.

— Я хочу зачитать вам информационное сообщение, — сказал Брайан, подойдя к микрофону. — Самолет, следовавший рейсом шестьдесят два из Чикаго в Нью-Йорк, примерно час назад вернулся в Чикаго, так как полиция получила известие о том, что на борту находится бомба. Среди пассажиров самолета был Джонни Сэндз.

Вздых ужаса прокатился по залу. Послышались крики: «Нет!», «Нет!», «Нет!» — Марр поднял руки, призывая к тишине.

— С Джонни все в порядке! — прокричал он в микрофон. — Уверяю вас, с Джонни ничего не случилось!

Ему ответил шквал аплодисментов.

— Джонни вылетел из Чикаго сорок минут назад. Он должен прибыть в Нью-Йорк примерно через час. Полицейский эскорт ожидает его в аэропорту, чтобы без задержки сопроводить сюда. Джонни просил передать вам следующее: «Скажите им, что я буду петь до утра, если они меня дождутся».

Зал взревел от восторга. Микрофоном вновь завладел Мюррей Клинг. Потянулись выступления певцов, рок-группы, джаз-оркестра. Люди ждали... Наконец из холла донесся чистый звук трубы. И тут же потонул в реве двадцати тысяч голосов.

Джонни Сэндз вернулся! Он ворвался в зал, потрясая золотой трубой. Визжали женщины, все вскочили с мест, приветствуя его. Взлетев на сцену, Джонни — на вид ему было не больше сорока — поднял руки, требуя тишины.

— Вы ждали слишком долго, — начал он. — Дайте мне еще десять минут. Я только переоденусь, а потом буду с вами, сколько вы пожелаете. Хоть целую вечность.

Джонни спустился в зал. По пятам за ним следовал Эдди Уизмер, его близкий друг и помощник. У десятого ряда, где сидели Квист и Лидия, Джонни остановился. Вблизи он выглядел гораздо старше.

— Мне надо поговорить с тобой, дружище.

— Конечно, Джонни, — кивнул Квист. — Приходи ко мне завтра утром, часиков в одиннадцать, и мы вместе позавтракаем.

— Сегодня, — возразил Джонни, — сразу после концерта. Мне нужна твоя помощь, дружище. Если б ты только знал, как она мне нужна.

Глава 2

Едва ли кто-нибудь из зрителей забыл музыку, звучавшую в тот вечер. Джонни, казалось, не знал усталости. Он пел и играл Кола Портера и Джерома Керна, Гершвина и Берлина, песни «Битлз» и Бэрта Бахараха. Он не отказал ни в одной просьбе. Дон Эдвардс, который аккомпанировал Джонни двадцать пять лет, словно таял под жаркими лучами прожекторов. Джонни, наоборот, черпал в них силу и энергию. Кое-кому из старожилов даже вспомнились двадцатые годы, когда после окончания мюзикла в «Уинтер Гарден» Ол Джолсон, бывало, подходил к рампе и спрашивал: «Хотите послушать еще? Мне хочется петь», — и пел чуть ли не до утра.

Брайан Марр, сойдя со сцены, решил остаться в зале, чтобы посмотреть, что будет дальше. Свободного места ему не нашлось, и он присел на ступеньку в проходе возле кресла Квиста.

— Представляю себе, какой переполох был в чикагском аэропорту, — сказал он, когда публика отпустила Джонни умыться и переодеться в золотой смокинг. — Мало того, что они искали несуществующую бомбу, так еще какого-то мужчину застрелили в туалете.

— Кого именно? — спросил Квист.

— Пока неизвестно, — пожал плечами Марр.

Потом, когда Джонни разошелся, Марр восхищенно покачал головой:

— Клянусь богом, он поет лучше, чем раньше.

— Два года отдыха, — напомнил Квист. — Его голосовые связки требовали покоя.

— Много пил, не так ли?

— И по-прежнему пьет.

— Не понимаю, почему он ушел.

— Он заработал столько денег, что мог тратить, сколько хотел. А женщины ему, наверное, приелись.

— Едва ли. Посмотри на него. Он наслаждается. Он обожает эту толпу, он любит ее за то, что она от него без ума. Почему же он ушел?

— Может, каприз. Но сегодняшний вечер вернет его на сцену.

К Квисту подошел Эдди Уизмер, неизменный спутник Сэндза.

— Джонни просит передать, что сегодня ничего не получится. Он приедет к вам на завтрак.

— В одиннадцать часов,— напомнил Квист.

— Так точно.

— Он отлично поет, Эдди.

— Великолепно. Так было и будет,— отвечал Уизмер.

Двухэтажная квартира Квиста расположена на Бикмен-Плэйс, неподалеку от высотного здания ООН. Редко кому удастся попасть на второй этаж этих апартаментов. Там — спальня Квиста, окна которой выходят на Ист-Ривер. Вся обстановка этой просторной, светлой комнаты состоит из огромной кровати, ночного столика с телефонным аппаратом и маленькой коробочкой интеркома, при необходимости связывающего Квиста с первым этажом, да электронного будильника. На стенах нет ни картин, ни украшений. Лишь окна обрамлены темно-синими порттьерами.

На следующее утро после триумфального выступления Джонни в «Мэдисон Сквер Гарден» Квист проснулся, как от толчка. Телефон не звонил, но на нем вспыхивала и гасла красная лампочка. Квист осторожно приподнялся, чтобы не разбудить спящую рядом женщину, и взглянул на будильник. Шесть утра! Рано, слишком рано, хотя на улице уже начало светать.

Квист снял трубку.

— Какого черта? — шепотом спросил он.

— Извините, мистер Квист,— ответил швейцар.— Я знаю, который час. Но некий мистер Сэндз говорит, что дело не терпит отлагательств.

— Пьяный?

— Нет, сэр.

— Дайте ему трубку.

— Вопрос жизни и смерти, как пишут в мелодрамах, дружище,— прокричал Сэндз.

— Любого другого я велел бы вышвырнуть вон.

— Я не обманываю тебя, дружище.

— Дай мне пять минут,— попросил Квист.

— Я подожду у двери в квартиру. Откроешь, когда будешь готов.

Квист положил трубку и повернулся к женщине. Черные волосы разметались по подушке. Она спала, как младенец.

Наклонившись, Квист поцеловал ее, сначала в один глаз, потом в другой.

— Пришел Джонни.

Она сладко потянулась:

— Боже, мы проспали до одиннадцати?

— Сейчас только шесть часов. Похоже, у него какие-то неприятности.

— Ты хочешь, чтобы я ушла к себе?

— Нет. Выходи к завтраку, когда захочешь. Через черный ход. А пока спи.

Еще раз поцеловав Лидию, Квист прошел в ванную, встал под ледяной душ, насухо вытерся. В гардеробной он надел брюки цвета загара и розовую приталенную рубашку, сунул ноги в сандалии, причесался и по винтовой лестнице спустился на первый этаж.

Гостиная Квиста не имела ничего общего с его спартанской спальней. Стены покрывали сотни фотографий знаменитостей с дарственными надписями. Тут были звезды кино и театра, крупные политики, в том числе президент США, промышленные магнаты и несколько близких друзей, известных лишь узкому кругу. Висел на стене и написанный маслом портрет женщины, спящей на втором этаже, который принадлежал кисти Гордона Стивенсона.

Гостей обычно приглашали только в эту комнату. На первом этаже находились также кабинет, кухня и столовая, которой пользовались очень редко.

Выбрав в серебряном ящичке длинную и тонкую сигару, Квист закурил и пошел открывать дверь. Увидев Джонни Сэндза, он ужаснулся. Куда девалась бьющая через край энергия вчерашнего вечера? Джонни даже стал меньше ростом, будто ссохся. Его глаза остекленели. Он лихорадочно затягивался сигаретным дымом, словно от этого зависела его жизнь. Коричневый шерстяной костюм и желтый свитер сменили золотой смокинг.

— Ты не торопишься, дружище? — входя, пробормотал Сэндз. В гостиной он напрямик направился к бару, выбрал бутылку ирландского виски, налил и тут же опрокинул в себя полный бокал.

Квист уселся поудобнее:

— Тоже сядешь или будешь ходить из угла в угол?

— Почему ты не спрашиваешь, в чем заключается вопрос жизни и смерти?

— Расскажи сам, только поподробнее, если тебя это не затруднит.

Джонни налил второй бокал и закружил по гостиной.

— Твоя крошка наверху? — он взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж. — Впрочем, это неважно. Она все узнает, даже если я и заставлю тебя поклясться хранить тайну. Так?

— Так.

— Ну почему мне не довелось встретить такую девушку?

— Необходимо особое везение.

— Ты не собираешься жениться на ней?

— Мне кажется, это не твое дело, Джонни.

— Спрашиваю из чистого любопытства, дружище. Моя беда в том, что я слишком часто женился, и все не на тех.

Сэндз замолчал, старый, безмерно уставший человек, поглощенный тяжелыми мыслями.

— Ты говорил — вопрос жизни и смерти, Джонни, — напомнил Квист.

— О, братец, — Сэндз вдавил окуроч в пепельницу, зажег новую сигарету. — Ты читал утреннюю газету или, по крайней мере, слушал радио?

— Нет.

— Прошедшая ночь не ограничилась ненайденной бомбой в самолете.

— О?

— В туалете чикагского аэропорта застрелили мужчину.

— Брайан Марр говорил об этом.

— Я знал парня.

Брови Квиста удивленно поползли вверх:

— Убитого?

— Да, я знал его. И сегодня или завтра кому-нибудь может прийти в голову светлая идея о том, что у меня были причины рассчитаться с ним.

— Его убил ты?

— Разумеется, нет! — Джонни глотнул виски. — Я отменил нашу встречу, потому что один мой приятель захотел повидаться со мной. Этот приятель тоже знал человека, застреленного в Чикаго.

— То есть ты встретился с ним.

— Я с ним не встретился! — воскликнул Сэндз. — Я ждал его в отеле после концерта. Он не пришел.

— Передумал?

— Нет. Он не передумал. Ему помешали прийти. Примерно в четыре часа утра его сбила машина всего в квартале от моего отеля. Он умер на месте.

— Двое в одну ночь.

— Да.

— Ну, едва ли кто сможет связать тебя и с этой смертью, не так ли?

— Держу пари, они смогут.

— Как?

— Не знаю. Но если б они не рассчитывали на это, то не убили бы его.

— Они? Что за «они», Джонни?

— Если б я знал! — вздохнул Сэндз.

Квист стряхнул пепел. На его губах заиграла легкая улыбка.

— Не хочешь ли ты прилечь на кушетку? Чувство вины за два убийства, которых ты не совершал, требуют вмешательства психоаналитика. Излей свою душу доктору Квисту.

— Прекрати, — огрызнулся Сэндз.

— Если ты будешь молчать, Джонни, я лучше пойду спать.

Сэндз подскочил к бару. Наполнил бокал. Зажег очередную сигарету.

— Это началось пять лет тому назад. Девушка покончила с собой.

— Каким образом?

— Таблетки. Спиртное. И сделала она это в моем доме в Беверли-Хиллз, — щека Джонни дернулась. Он отвернулся от Квиста.

— Обычно все, что с тобой происходит, становится достоянием прессы. Почему я ничего об этом не слышал?

— В этом-то все и дело, — Джонни подошел к дверям, ведущим на балкон с видом на реку. — Ее звали Беверли Трент. Во всяком случае, такой она выбрала себе псевдоним. Какие формы! Чудо, а не женщина.

— Обитательница твоего гарема?

— Ну, можно сказать, что да.

— Можно сказать или так оно и было?

— Было, было! Я-то ее не любил. А Беверли хотела, чтобы я остался с ней навсегда. Она быстро наскучила мне. Я велел ей убраться и больше не приходить. Она устраивала истерики, звонила посреди ночи, проникала в студии, где я работал, в рестораны, где я ел. Устраивала жуткие сцены. Наконец, она оказалась на вечеринке, на которую ее никто не приглашал, и покончила с собой в моей постели.

— Без твоей помощи?

— Сукин ты сын, — процедил Джонни.

— Называй меня, как хочешь, если это поможет тебе

выговориться, — сигарета Квиста потухла. Нахмурившись, он положил ее в пепельницу.

— Я устроил вечеринку, — продолжал Джонни. — Экспромтом. Кто-то сказал, что шампанское нельзя считать алкогольным напитком, это, мол, просто шипучая вода, и его можно пить, сколько влезет. Я предложил выяснить, кто сможет выпить больше всех, и назначил приз тому, кто дольше других продержится на ногах: тысячу долларов, чтобы сыграть в рулетку в Лас-Вегасе. Примерно двадцать мужчин и женщин вызвались участвовать в этом конкурсе. Шампанское ставил я. Действовало лишь одно правило: каждый выпивал свой бокал, прежде чем все наполняли их вновь. Некоторые очень быстро выбыли из игры. — Джонни хихикнул, вспомнив что-то забавное. — Все шло нормально, но тут появилась Беверли. Она где-то накурилась марихуаны и сразу стала вопить, негодую, что ее не пригласили. Выставить ее мне не удалось. Чтобы побыстрее отделаться от нее, я добавил в шампанское добрую порцию бренди. После двух бокалов, она, пошатываясь, вышла из комнаты. Я подумал, что ее потянуло в туалет, но она не вернулась, и я облегченно вздохнул. Пьянка затянулась далеко за полночь. Наконец на ногах осталась одна девушка, игравшая в каком-то телесериале. Я дал ей новенькую хрустящую ассигнацию в тысячу долларов, посадил в такси и отправил домой. Устал ужасно. Поднявшись в спальню, я увидел, что Беверли, совершенно голая, лежит на моей кровати. Решил, что она отключилась. Ее одежда валялась на стульях и на полу. На ночном столике стоял пустой флакончик из-под снотворного. Подойдя к кровати, я нашел под головой Беверли записку «Для меня это единственный способ навсегда остаться в твоей жизни». Тут я испугался. Попытался прощупать пульс. Безрезультатно. Она умерла. Во флакончике было пятьдесят таблеток. Одному богу известно, сколько она приняла. Судебный эксперт потом сказал, что такой дозы хватило бы, чтобы убить лошадь.

— Судебный эксперт? Ты обратился в полицию? — спросил Квист.

— О боже, дружище, если бы все было так просто. Я как раз закончил картину. Помнишь, «Тропой славы»? Сыграл в ней католического священника. В тот фильм я вложил миллион долларов. На пороге старости мне хотелось создать себе новый образ: доброго, приветливого Джонни Сэндза. Я представил себе газетные заголовки: «Оргия в доме Джонни Сэндза», «Женщина-самоубийца», «Бывшая

подруга...» и так далее, и так далее. Отличная реклама для католического священника, для моего нового образа. Крошка Беверли действительно могла войти в мою жизнь и остаться в ней навсегда.

Поэтому я предпринял меры, чтобы обезопасить себя. У меня были друзья, которым я мог доверять (их благосостояние в немалой степени зависело от меня): Луи Сэйбол, мой голливудский агент, получавший комиссионные с каждой моей картины, и Макс Либман, адвокат, ведущий мои дела вне шоу-бизнеса. Они приехали, и мы попытались найти выход из создавшегося положения. Нам казалось, что мы его нашли. Мы кое-как одели Беверли и выволокли ее к машине. Со стороны могло показаться, что мы помогаем идти пьяной женщине. Мы отвезли Беверли в Лос-Анджелес, в ее квартиру. Время было раннее, пять утра, никто не встретился на пути. Дверь открыли ее ключом, уложили тело на кровать, оставили на столике пустой флакон из-под снотворного.

Ее нашли через день или два. Полиция объявила, что Беверли Трент покончила жизнь самоубийством. Да так оно, собственно, и было. Никто не заявил, что видел, как мы перевозили Беверли из моего дома в ее квартиру, да если бы и видел, мы бы выкрутились: перепила, мол, на вечеринке. Ко мне приходил полицейский. Кто-то все-таки вспомнил, что она была у меня в гостях. Я сказал ему, что до прихода ко мне Беверли накурилась марихуаны, а потом куда-то исчезла. Полицейский прекрасно понял, какой вред нанесет мне причастность к этому делу. Тем более что никакого преступления я не совершал.

— Ты заплатил ему? — поинтересовался Квист.

— Я ему кое в чем помог, — без тени смущения ответил Джонни.

— И что дальше?

— Прошел год. А потом мне позвонил незнакомый мужчина. Он знал все — от А до Я. Даже о записке, которую видели только я и умершая Беверли. Но, как оказалось, еще и этот мужчина.

— Шантаж?

— Совершенно верно. По сто тысяч долларов ежегодно. Я платил в течение двух лет.

— Однако!

Джонни печально покачал головой.

— Именно так, дружище. И тогда я встал перед выбором — то ли послать этого шутника к черту и пойти на публичный скандал, то ли до конца жизни изображать из себя дойную корову. Вот почему я ушел со сцены.

- Ты отказался платить?
- Наотрез.
- Но скандала не было?
- Пока нет, — Джонни помрачнел.
- И ты так и не знаешь, кто он такой?
- Нет.
- Как ты ему платил?

— Наличными. Поверишь ли, но я оставлял деньги в верхнем ящике стола в моем доме. Он забирал их, когда там никого не было. Я пытался выследить его, но у меня ничего не получилось. Деньги лежали неделями, потом я сдавался, и он преспокойно забирал их. Вот так я покинул сцену.

Дрожащей рукой Джонни вдавил окуроч в пепельницу и вновь закурил.

— А потом меня попросили выступить на благотворительном вечере Фонда борьбы с респираторными заболеваниями, — усталые глаза Джонни ярко блеснули. — Ты можешь представить, Джулиан, что значит для меня отказ от дела всей моей жизни. О боже, как я люблю петь! И я еще пою, отлично пою. Это не самореклама. Я знаю, что говорю. Я начал мечтать о «Мэдисон Сквер Гарден». Это будет праздник! Я снова почувствую себя молодым. И я бросил пить и курить, регулярно занимался в спортивном зале.

— А потом позвонил шантажист.

Джонни кивнул.

— Он потребовал, чтобы я отказался от участия в благотворительном вечере. Я послал его куда подальше. Я собирался петь бесплатно, хотел помочь больным людям. Даже если бы он устроил скандал, это не отпугнуло бы зрителей. «Ты еще пожалеешь», — предупреждал он, но я стоял на своем. Я ждал, что он обратится в какую-нибудь газету, но пресса молчала. Затем, когда в самолете объявили, что на борту бомба, я чуть не умер от страха, Джулиан. Я знал, что она положена для меня.

— Но бомбы не оказалось.

— Совершенно верно. Ложная тревога понадобилась для того, чтобы я опоздал на концерт.

— Это возможно.

Джонни оперся о спинку кресла.

— Мы вернулись в Чикаго.

— Мы?

— Я и Эдди Уизмер. Он со мной уже двадцать восемь лет. Эдди пытался достать билеты на ближайший рейс, связаться с тобой. А пока я сидел в зале ожидания, стало

известно, что в мужском туалете застрелили человека, — Джонни глубоко вздохнул. — Луи Сэйбола, моего голливудского агента. Он помогал мне перевезти тело Беверли.

Глаза Квиста превратились в щелочки.

— А сегодня утром машина сбила другого твоего приятеля, Макса Либмана?

Джонни кивнул.

— По всему выходит, что следующей жертвой стану я, не так ли?

Глава 3

Прозвенел звонок входной двери.

Квист встал, чтобы открыть ее. Без предварительной консультации с ним швейцары впускали в дом только четверых: Лидию Мортон, Констанс Пармали, личную секретаршу Квиста, Дэна Гарви и Бобби Гилларда — его главных помощников.

На пороге в легком ситцевом платье стояла Лидия, в ее темно-фиолетовых глазах вспыхивали веселые искорки.

— Я подумала, что мы можем позавтракать пораньше, — улыбнулась она. — Мне что-то не спится. — Войдя, она помахала рукой Джонни, колдующему у бара.

— Привет, Лидия, — поздоровался тот.

— Свари нам, пожалуйста, кофе, — попросил Квист. — И, пока будешь на кухне, прикрой за собой дверь. Нам с Джонни нужно кое-что обсудить, прежде чем мы решим, посвящать тебя в это дело или нет.

Сэндз проводил Лидию восхищенным взглядом.

— Потрясающая женщина, — выдохнул он.

Квист достал из серебряного ящичка новую сигару.

— Вопрос номер один, Джонни. Почему ты здесь, а не в полицейском участке? Почему ты обратился ко мне, а не к фараонам? — он раскурил сигару.

С бокалом в руке Сэндз вновь закружил по комнате.

— Рано или поздно нам придется совершить последнее путешествие. В рай, или ад, или в небытие. Но я туда не тороплюсь. Я не хочу умирать.

— Так попроси полицию защитить тебя.

Сэндз глубоко вздохнул.

— Кто позвонил в авиакомпанию, чтобы предупредить о бомбе в самолете? Неизвестный. Но этот звонок вернул меня в аэропорт, и я находился там, когда застрелили Луи. Что делал Луи в чикагском аэропорту? Я не знаю. Что делал Макс Либман в Нью-Йорке? Понятия не имею. Он со-

бирался сказать мне об этом при встрече. Организационный комитет благотворительного вечера арендовал для меня автомобиль. Этим утром я приехал на нем из «Гарден» в отель, оставил его прямо у входа и отдал ключи швейцару. Это было примерно за пятнадцать минут до того, как Макса нашли на проезжей части. Никто не видел, как он погиб. Его мог сбить я и ставлю четыре доллара против одного — при осмотре автомобиля, на котором я приехал в отель, обнаружатся следы столкновения. Обратись я в полицию, им тут же дадут знать, что у меня был повод для убийства и возможность для его совершения.

— Что за повод?

— Все замыкается на шантажисте. Я скрыл истинные факты смерти Беверли. Я заплатил двести тысяч, чтобы они не выплыли наружу. Два человека, которые знали правду, мертвы. Допустим, я решил, что шантажист — один из них, и для верности уколошил обоих.

— Ты думал, что один из них — шантажист?

— Таких мыслей у меня не было. Они оба — мои друзья, — губы Джонни сжались. — Мне пятьдесят восемь лет, дружище. Возможно, меня ждет даже обвинение в убийстве. Потом суд. Мое прошлое вывернут наизнанку. Вспомнят Беверли, моих четырех жен, десятки других женщин и еще бог весть что. Возможно, суд решит отправить меня за решетку, пока мои адвокаты будут добиваться отмены приговора. Возможно, им это удастся, возможно, и нет. Ничего этого не нужно, Джулиан. Лучше я выпрыгну из твоей лоджии. Я хочу жить. Я хочу петь и смешать с дерьмом этого шантажиста. Я хочу развлекаться. Если бы история с Беверли стала достоянием широкой публики, я бы смог вывернуться. Показания Луи и Макса обелили бы меня. Я больше не играю католического священника. Но теперь меня могут обвинить в трех убийствах, а это уж чересчур, Джулиан.

— Итак, ты не хочешь обращаться в полицию. Но твой шантажист выложит все, что ему известно. Нет?

— Возможно, он подождет, чтобы увидеть мою реакцию. Несколько часов, или дней, или недель. А не попытаться ли нам нанести упреждающий удар?

— А где был Эдди Уизмер? Он же всюду сопровождает тебя?

— Остался в «Гарден». Помогал считать выручку от вечера.

— Джонни, у меня рекламная компания, а не детективное агентство, — напомнил Квист.

— Твои сотрудники в десять раз умнее частных детективов. Ты знаешь мир, в котором я живу. Я — твой клиент. Если ты начнешь подбирать информацию, касающуюся меня, это никого не удивит. У тебя налаженные связи с прессой, радио, телевидением. Ты лучше других знаешь, как нейтрализовать распространяющиеся слухи. Проводимое тобой расследование не омрачит мне жизнь. От фараонов этого ждать не приходится.

Квист нахмурился.

— Если я соглашусь, Джонни, все подробности этой истории станут известны, по меньшей мере, четверым. Ты пойдешь на такой риск?

— Кому именно?

Квист кивнул в сторону кухни.

— Лидии, она не только близкий мне человек, но и ведущий специалист моей компании. Дэну Гарви, моему заместителю. Бобби Гилларду, ты виделся с ним в «Гарден». Конни Пармали, моей личной секретарше, ты ее знаешь.

— Ты — тренер, Джулиан, и сам набираешь команду.

— Наверное, мне следует проверить, все ли у меня в порядке с головой, но ты — мой друг и мой клиент.

Лицо Джонни озарила широкая улыбка.

Приемную «Джулиан Квист Ассошиэйтс» украшали картины современных художников, довольно часто менявшиеся. В понедельник, через день после благотворительного вечера, посетители могли полюбоваться произведениями Роя Лихтенштейна, Лэрри Белла и Дона Эдди.

К сожалению, клиентам не удавалось по достоинству оценить мастерство художников, потому что, войдя в приемную, они не могли оторвать глаз от мисс Глории Чард, восседавшей за полукруглым столом, уставленным телефонами. Курьеры приносили письма, адресованные другим фирмам, чтобы лишний раз взглянуть на нее, по той же причине в приемную заскакивали посыльные с молочными коктейлями и кофе, хотя их ждали совсем в иных местах. Слово «нет» мисс Чард произносила гораздо чаще, чем любая другая женщина. Впрочем, одному или двум сотрудникам она могла бы ответить «да», а своего босса просто боготворила.

В тот понедельник Квист появился в приемной около десяти утра.

— Привет, дорогая, — поздоровался он. — У меня се-

годня полно дел, и я не хочу никого видеть кроме Дэна, Лидии и Бобби.

— У меня записана дюжина телефонов, по которым вам нужно позвонить, а доктор Лэтем уже ждет.

— Скажи, что я приму его завтра. Сегодня я на месте только для Джонни Сэндза. Если он позвонит, сразу же соедини его со мной.

— Я слышала, он всех покори́л. В газетах пишут, будто Фонд собрал миллион двести сорок тысяч долларов.

— Джонни их заработал, — улыбнулся Квист и по коридору прошел в свой кабинет.

Только он приоткрыл дверь, его личная секретарша, мисс Констанс Пармали, стройная светловолосая женщина в очках с дымчатыми стеклами, вышла из своей комнаты.

— Сегодня мы будем заняты от зари до зари, дорогая, — определил Квист распорядок дня. — Дэн и Лидия приедут с минуты на минуту. Тех, кто ждет в приемной, направь к нашим молодым дарованиям. И принеси машинку для стенографирования.

— Доктор Лэтем...

— Предложи ему подумать над тем, как осуществить пересадку головного мозга, — прервал ее Квист. — Я приму его завтра. Пусть позвонит вечером, чтобы узнать точное время встречи.

— У вас лент с Джадом Уолкером.

— Отменить. Скажи, что я очень люблю его. Сожалею. Мы увидимся на следующей неделе.

Мисс Пармали исчезла. Квист едва успел повесить пиджак в угловой шкаф, выбрать и раскурить сигару, как в кабинет вошли Дэниэл Гарви и Лидия Мортон.

Внешне Дэн Гарви — полная противоположность Квисту: темноволосый, неулыбчивый, всегда строго одетый. Оба они ростом чуть выше шести футов, при этом Гарви на сорок футов тяжелее, но в них нет ни унции жира. Не так давно он считался восходящей звездой профессионального американского футбола, однако травма колена перечеркнула спортивную карьеру Дэна. Он мог бы сниматься в кино, но предпочел поступить на работу в «Джулиан Квист Ассошиэйтс». Казалось, его козырь — грубая физическая сила, и мало кто знал о его принадлежности к «Фи-бета-каппа»¹.

Мисс Пармали принесла машинку для стенографирования и села за стол Квиста.

— Доброе утро, ученики, — начал Квист. — Тема сегод-

¹ «Фи-бета-каппа» — привилегированное студенческое общество.

няшной лекции совершенно секретна. Конни, расшифровка мне не потребуется, только стенограмма, которую можно подшить к делу. Ее нужно хранить отдельно от папки Сэндза.

— Мы будем говорить о Джонни Сэндзе? — спросил Гарви.

— Да.

— Что ж, поздравим себя и примемся за работу. Мы уже потрудились для него на славу. Утренние газеты сообщают, что сумма пожертвований составила миллион с четвертью долларов.

— В газете было что-нибудь еще, Дэниэл?

— Он пел до половины четвертого утра.

— Джонни опоздал, потому что самолет вернулся в Чикаго.

— Предположение, что на борту бомба, не подтвердилось, — добавила Лидия. Она и виду не подавала, что все воскресенье обсуждала с Джонни и Квистом планы дальнейших действий.

— Умница, — кивнул Квист.

Мисс Пармали подняла голову.

— В туалете чикагского аэропорта застрелили голливудского агента Джонни Луи Сэйбола.

— Молодчина, — улыбнулся Квист.

— Я созванивалась с ним месяц тому назад, когда мы готовили биографию Джонни для буклета к благотворительному вечеру, — пояснила мисс Пармали.

— Какие еще газетные заметки могли бы иметь отношение к Джонни? — спросил Квист.

— В Лос-Анджелесе живет семь миллионов человек, — заметил Гарви. — Если ты полагаешь, что великий Джонни Сэндз так или иначе связан с каждым из них, то тебя может заинтересовать сообщение, переданное по коротковолновому полицейскому радиоканалу. В воскресенье, около четырех утра, на Мэдисон-авеню задавили насмерть Макса Либмана, адвоката из Голливуда.

— Да будет тебе известно, Дэниэл, что Макс Либман — близкий друг Джонни. Этот уик-энд оказался тяжелым для его друзей. Слушай внимательно... — и Квист пересказал историю, приключившуюся с Джонни Сэндзом.

Пальцы мисс Пармали так и порхали над машинкой для стенографирования. Гарви, сердито хмурясь, расхаживал по кабинету.

— Вот такие дела, — закончил Квист. — Джонни попросил ему помочь.

— Хочешь совет? — спросил Гарви.

— Нет, Дэниэл. Мне нужны не советы, а информация. Я хочу знать, что привело Луи Сейбола в чикагский аэропорт именно в тот момент, когда там находился Джонни. Я хочу знать, каким ветром Макса Либмана занесло в Нью-Йорк, почему он позвонил Джонни и сказал, что хочет встретиться с ним. Я хочу знать, повреждена ли взятая напрокат машина Джонни. Нужно выяснить все, что возможно, о полицейском, который пять лет тому назад помог Джонни замаять некоторые подробности смерти Беверли Трент. Я хочу знать всех, кто присутствовал на вечеринке с шампанским. Джонни смог назвать лишь с десяток имен. Тогда пьянки шли у него сплошной чередой. Эдди Уизмер, его «шестерка», возможно, сможет перечислить всех гостей.

— «Шестерка»? — переспросила мисс Пармали.

— Мальчик на побегушках: принести кофе, сбегать за сэндвичами, заказать билет на самолет. В общем — «чего изволите?» — пояснил Гарви. — Всегда на подхвате, всегда готов исполнить любое желание, — он взглянул на Квиста. — Так ты не хочешь выслушать меня?

Тот улыбнулся.

— Ты все равно выскажешься, хочу я этого или нет.

— У почившей мисс Беверли Трент объявился давно забытый братец, папаша или любовник и...

— Извини, Дэниэл, — прервал его Квист и повернулся к мисс Пармали. — Беверли Трент — сценический псевдоним девушки, а не ее настоящее имя. Необходимо выяснить, как ее звали и не было ли у нее брата, отца или любовника.

— Среди них мы и найдем шантажиста! — воскликнул Гарви. — Деньги иссякли, и он решил стать вершителем судеб. Разделался с Сэйболом, затем с Либманом и нацелился на Джонни. Если ты встанешь у него на пути, — тогда он сначала рассчитается с тобой, Джулиан. Я советую тебе убедить Джонни, что тот должен обратиться в полицию, а если он не согласится, умыть руки. Джонни может быть твоим другом, но это не значит, что ты должен жертвовать жизнью ради него.

— Я не последую твоему совету, — Квист наклонился, чтобы положить в пепельницу окуроч сгараы. — Мне нужны ответы на поставленные вопросы. Я хотел бы получить их вчера, но, видимо, придется подождать до завтра. Джонни знает, что вы трое в курсе его дел. Он готов ответить на любой ваш вопрос. Тебе, Дэниэл, придется слетать в Голливуд. Это отправная точка для полицейского, Сэйбола, Либмана; Лидия и я займемся Нью-Йорком. Завтра вечером

я жду от тебя подробного отчета. Не будем терять времени. Не хотелось бы искать ответ после того, как Джонни окажется в море.

Глава 4

Миссис Делберт Шеер, председатель Фонда борьбы с респираторными заболеваниями, жила в особняке в восточной части восьмидесятых улиц. Оглядывая небольшой холл на первом этаже, Квист решил, что Шееры не принадлежат к нуворишам. Турецкий ковер на полу мог бы занять достойное место в музее. Два стула с высокими спинками и квадратный столик, на котором лежал серебряный поднос для визитных карточек, были работы флорентийских мастеров прошлых столетий. На стене висел портрет мужчины с суровым лицом. Бронзовая табличка сообщала умеющим читать, что перед ними изображение Делберта Шеера. Квист не знал наверняка — то ли это муж хозяйки дома, то ли ее свекор. Он выглядел лет на шестьдесят, гораздо старше женщины, которую Джулиан видел в «Гарден». Дата рядом с росписью малоизвестного художника указывала, что портрет написан десять лет назад.

Служанка, чуть раньше пригласившая Квиста в дом, вернулась, чтобы сказать, что миссис Шеер примет его в гостиной на третьем этаже. Она подвела Квиста к кабине лифта и нажала для него кнопку с цифрой «3».

Гостиная купалась в солнечном свете. Вновь Квист отметил безупречный вкус хозяйки. Удивила его и сама миссис Шеер. На благотворительном вечере она сверкала бесчисленными драгоценностями, словно рождественская елка. На этот раз на ней было простое, но очень дорогое шерстяное платье, подчеркивающее достоинства ее фигуры, из драгоценностей — лишь золотое обручальное колечко. Едва ли кто дал бы ей сейчас больше сорока лет.

— Какой приятный сюрприз, — рукопожатие ее было твердым. — Не знаю, поверите ли вы мне, но я все утро пытаюсь дозвониться до вас, мистер Квист.

— Меня не было на работе.

— Пожалуйста, присядьте, — радушно улыбнулась миссис Шеер. — Для мартини еще рановато, быть может, кофе?

— Спасибо, не беспокойтесь, — Квист опустил в указанное кресло.

— Я хочу поблагодарить вас за субботний вечер. Если бы не вы, наш корабль пошел бы ко дну.

— Благодарить надо Джонни.

— Он просто чудо!

— Таких, как он, больше нет,— кивнул Квист.

Миссис Шеер присела. Ее улыбка как бы вопрошала, чем вызван столь внезапный визит?

— Внизу в холле очень интересный портрет вашего мужа,— прервал молчание Квист.— Вашего мужа, я не ошибся?

— Нет, не ошиблись.

— Он был в субботу в «Гарден»?

Улыбка не померкла.

— Мой муж умер шесть лет тому назад.

— О, извините.

— Пустяки. Делберт не мог пожаловаться на жизнь. Ему было семьдесят два года, когда по дороге на работу его хватил удар.

— Я хочу задать вам вопрос,— продолжил Квист,— который может показаться вам довольно странным.

— Я слушаю.

— Не оказывался ли нажим на ваш организационный комитет с тем, чтобы вы отказались от участия Джонни в благотворительном вечере!

Ее искусно подведенные брови удивленно изогнулись.

— О господи, нет. Да кто же мог возражать против выступления Джонни?

— Видете ли, пытались помешать.

— Кто?

— Если б я знал. Психи, шантажисты, любители анонимок часто выбирают в качестве жертвы знаменитостей. По роду занятий мне постоянно приходится сталкиваться с подобными ситуациями. Я склонен думать, что бомба на борту самолета Джонни — выдумка одного из этих идиотов. Кто-то хотел, чтобы Джонни упал в глазах почитателей, не выступив, как обещал, на благотворительном вечере,— Квист улыбнулся.— Моя задача заключается в том, чтобы сохранить образ Джонни в глазах общественности светлым и незапятнанным. Вот я и подумал, а не пытался ли кто-то воздействовать и на ваш комитет.

— Кому могла прийти в голову такая дикая мысль?! — воскликнула Мэриан Шеер и взяла сигарету из деревянной коробочки, стоящей на столике у ее кресла.— Пожалуйста, курите, мистер Квист.

— К сожалению, я предпочитаю сигары.

— О, я обожаю сигарный дым,— ответила она.

Квист встал, щелкнул зажигалкой. Когда миссис Шеер

прикурила, он достал из внутреннего кармана пиджака кожаный портсигар, из него — сигару и закурил сам.

— Как Джонни нелегко, — вздохнула миссис Шеер.

— Постоянные угрозы, бесконечные оскорбления — основная причина его ухода со сцены. Субботний концерт показал, какого удовольствия лишились поклонники Джонни. Я хотел бы выявить его мучителя и положить конец творимому им безобразию, чтобы Джонни мог радовать нас еще много лет. Кстати, как вам удалось заручиться его согласием? Он же объявил, что больше никогда не выступит перед публикой.

— Ну, идея исходила от самого Джонни. Разве вы не знаете? Несколько лет тому назад он принял участие в благотворительном вечере Фонда в Лас-Вегасе. Когда мы объявили, что в этом году вечер состоится в «Мэдисон Сквер Гарден». Джонни позвонил мне из Голливуда. Он сказал, что мог бы привлечь зрителей, заставить их «тряхнуть мощной». Разумеется, я ухватила за его предложение. Где мы могли найти лучшую приманку? Он согласился стать номинальным председателем организационного комитета, обещал нам вашу помощь, и ваш милый мистер Гиллард действительно свернул горы.

— Значит, вы знали Джонни и раньше?

— Я не работала в Фонде, когда Джонни выступал в Лас-Вегасе, и не была знакома с ним лично. Джонни позвонил мне как председателю Фонда.

— Понятно. И никто не пытался вставить вам палки в колеса?

— Нет.

Квист улыбнулся.

— Я надеялся, что вы дадите мне хоть какую-нибудь ниточку. Еще один вопрос, миссис Шеер. Если я правильно понял, ваш комитет взял напрокат автомобиль для Джонни. Не могли бы вы сказать мне, в каком гараже? Видите ли, кто-то оставил в кабине записку с угрозами в адрес Джонни.

— Этого еще не хватало! Машину заказывала наш секретарь. Я могу позвонить ей.

— Если вас это не затруднит.

Миссис Шеер поднялась с кресла и быстро вышла из гостиной. Квиста заинтересовала большая фотография в серебряной рамке, стоящая на столике в углу: Мэриан Шеер в свадебном платье под руку с Делбертом Шеером, скорее похожим на ее дедушку, чем на жениха. С краю кто-то написал дату свадьбы. Стало быть, счастливая жизнь продолжалась недолго, подсчитал Квист, раз Делберт умер шесть

лет тому назад. Впрочем, немалое наследство, вероятно, могло вдове легче перенести утрату.

Миссис Шеер вернулась с листком бумаги в руке.

— Ист-риверский гараж по прокату автомобилей,— она протянула листок Квисту.

— Какое совпадение. Я держу машину в том же гараже. Не смею больше вас задерживать, миссис Шеер.

— Просто Мэриан, пожалуйста. А может быть, вы останетесь на ленч?

— К сожалению, не могу. Дела,— отказался Квист.

— Но вы придете на мой званый ужин?

— Ужин?

— О, дорогой, так вы ничего не знаете? Я же искала вас именно по этому поводу, Джулиан. Завтра в семь я даю ужин в честь Джонни. Несколько членов комитета, Джонни с подругой. Возможно, он будет петь для нас.

— Хорошо, я...

— И приведите с собой ту очаровательную женщину, с которой вы были в субботу.

Она стояла теперь совсем близко, ее ладонь покоилась на его руке.

— Думаю, мисс Мортон и я с радостью примем ваше приглашение. Значит, завтра в семь. До свидания... Мэриан.

— Я буду вас ждать, дорогой Джулиан.

— Напрасно вы не позвонили заранее, мистер Квист,— дежурный по гаражу виновато переминался с ноги на ногу.— Теперь вам придется подождать, пока я выведу вашу машину.

— Не беспокойся, Томми,— ответил Квист.— Машина мне не нужна. Я хотел задать тебе пару вопросов.

— Валяйте.

— Как тщательно вы проверяете автомобиль перед тем, как отдать его клиенту?

— Очень тщательно, мистер Квист. Многие приезжают с вмятинами на крыле или погнутым бампером и говорят, что так оно и было. Чтобы избежать лишних споров, мы записываем все дефекты автомобиля перед тем, как выдать его клиенту.

— Я так и думал. В субботу у вас взяли машину для Джонни Сэндза. Не мог бы ты посмотреть, в каком она была состоянии?

Томми рассмеялся.

— Незачем мне смотреть, мистер Квист. Я сам готовил

эту машину. Это не моя работа, но тут был особый случай. Моя жена без ума от Джонни Сэндза. Я надеялся заполучить его автограф. Но вместо него за машиной пришла какая-то женщина.

— Кто именно?

— Она назвалась секретарем Фонда... Ну, в общем, того, что проводил субботний вечер. Элизабет... Фамилию я забыл. Могу взглянуть в регистрационной книге.

— Машина записана на ее имя?

— Нет, на Джонни Сэндза. Обычно мы должны занести в книгу номер водительского удостоверения и все такое, но Джонни Сэндз известен всему миру.

— И что ты можешь сказать о его автомобиле?

— Он был как новенький. Не могли же мы выдать Джонни обшарпанную развалюху.

— Спасибо, Томми. Тебе нужен автограф Джонни Сэндза, я могу достать его для тебя.

— О, мистер Квист, если вы это сделаете, меня будут три дня кормить тушеным картофелем,— Томми засмеялся.— Я его очень люблю, а моя старуха балует меня им только раз в год.

— Считаю, что автограф у тебя в кармане.

До встречи с Томми Квист успел побывать в другом гараже, обслуживающем отель, где остановился Джонни. Осмотрев взятый для него напрокат автомобиль, он убедился, что предположение Джонни полностью подтвердилось: погнутая правая часть переднего бампера, на правом крыле вмятина. Как только машина попала в гараж, ее вымыли. По установленному порядку швейцар обычно спрашивал, помыть ли машину. Многие говорили «да» или просто кивали головой. Джонни же, помнил швейцар, ответил: «Почему бы и нет»? Как бы между прочим, не вслушиваясь в вопрос. Пятна крови, обрывки материи, волосы, если они и были, исчезли. Если захотели бы обвинить Джонни в убийстве Макса Либмана, повреждения машины едва ли послужили бы неопровержимыми уликами. Такие вмятины могли появиться и от случайного удара при выезде со стоянки. Связать их со столкновением на ночной улице не представлялось возможным.

Глория Чард ослепила Квиста улыбкой.

— Я получила шесть приглашений на ленч и два — на ужин. Вот к чему приводит ваше отсутствие на работе.

— Выбери из них наиболее выгодные,— улыбнулся Квист.

— Джонни Сэндз ждет вас в кабинете. Мой бог, я просто потрясена. Он выглядит на тридцать пять лет.

— Тебе пора обратиться к окулисту, — усмехнулся Квист и вышел.

Конни Пармали встретила его в дверях. Звонок, связывающий столы секретарш, предупредил ее о приходе босса.

Джонни, свесив голову набок, спал в кресле. На столе стояли наполовину опорожненная бутылка и пустой стакан.

— После того как я твердо сказала «нет», мне пришлось послать за бутылкой ирландского виски, — пояснила Конни, — Он быстро отключился.

— Полбутылки — совсем не быстро.

Джонни открыл один глаз и улыбнулся.

— Отключилась моя нога, — он уселся поудобнее и потянулся за бутылкой.

Квист подал знак Конни, и она тут же скрылась за дверью. Сам он подошел к столу, взял сигарету и сел напротив Джонни.

— Как ты предполагал, машина помята.

— О боже!

— Но доказать, что причиной повреждения стало столкновение с человеком, невозможно. Ты велел вымыть машину.

— Черта с два!

— Швейцар спросил тебя, и ты ответил: «Почему бы и нет».

— Может, он и спрашивал. Я не помню.

— Это неважно. Если только кто-нибудь не заявит, что видел, как ты сбил Либмана, беспокоиться не о чем.

— Ну, ты настоящий детектив. Не зря я обратился к тебе.

— А я уж подумал, что тебя привлекла бесплатная выпивка.

— Я пришлю ящик виски. Двенадцать бутылок за каждую выпитую. Несколько часов назад мне звонил Гарви. Сказал, что летит в Калифорнию, и спросил, как звали полицейского, что помог мне с Беверли. Я назвал его фамилию, но потом начал раскаиваться. Видишь ли, этот полицейский, Маршалл, покрывал лишь присутствие Беверли на моей вечеринке. Он считает, что она сама вернулась домой и там наглоталась таблеток. О том, что я перевез ее тело, он не знает. Если вы будете задавать много вопросов, он начнет соображать, что к чему. Гарви может растревожить осиное гнездо.

— Будь уверен, Дэниэл ничего не растревожит.

— Я полагаюсь на тебя, — кивнул Джонни.

Эдди Уизмер, «шестерка» Джонни, невысокий, всего в пять футов три дюйма ростом, широкоплечий коренастый ирландец, развлекал Лидию рассказами о своем детстве.

— Я родился в костюмерной старого театра оперетты в Кливленде, — говорил он. — Кто-то перевязал мне пуповину, положил меня в сундук из-под костюмов, и моя мамаша поспешила на сцену вслед за папашей. Спектакль должен продолжаться, несмотря ни на что.

— Я не верю ни единому вашему слову, — улынулась Лидия.

С Джулианом она часто бывала в отеле «Бомонт». Они пили коктейли в знаменитом баре «Трапедия», слушали в ночном клубе «Синяя комната» известных певцов и музыкантов, но в номер отеля Лидия попала впервые. Номер Джонни Сэндза потрясал. Лидия даже подумала, что его отделявали с учетом вкуса высокочтимого постояльца. В гостиной со стенами из темного дуба стояла громоздкая, разлапистая мебель. Стены украшали с полдюжины театральных карикатур Эла Фру — шаржи на известных артистов прошлых лет. Компактный бар искрился бутылками.

Перед встречей с Эдди Лидия получила от Квиста четкие инструкции.

— Изыщи возможность поговорить с Эдди Уизмером с глазу на глаз. У него может быть своя точка зрения на эту историю. Он знает, что мы в курсе событий, и Джонни хочет, чтобы он помог нам. Пусть он расскажет тебе обо всем сам, без наводящих реплик Джонни.

Удобный случай представился в тот же день. Джонни оккупировал кабинет Квиста, коротая время с бутылкой виски.

Лидия тут же позвонила в «Бомонт» и договорилась с Эдди о встрече.

Он поджидал ее в вестибюле.

— Мы можем пойти в один из баров или в номер Джонни, если вы не боитесь.

С высоты своих пяти футов семи дюймов она посмотрела на него сверху вниз.

— Чего мне бояться?

— Вдруг я начну гонять вас вокруг стола?

— Пожалуй, рискну.

Эдди усадил Лидию в глубокое кожаное кресло, принес ей бокал дубонне со льдом, любезно щелкнул зажигалкой. Затем уселся на краешек массивного стола и усмехнулся. Теперь он смотрел на нее сверху вниз.

— Я не знаю, что нового вы можете узнать от меня?

— Расскажите мне о Джонни.

Эдди просиял.

— Джонни — величайший артист. Мы познакомились двадцать пять лет тому назад, а то и больше. Поверите ли, мне кажется, что это было вчера. Он снимался в фильме, я работал на студии: убирал мусор, ставил декорации, — щека Эдди дернулась. — Я стал играть в водевилях, как только начал ходить. Пел, танцевал. Моя мать была комической актрисой, отец — героем-любовником. Теперь-то я понимаю, что актеры они были пятиразрядные. Но тогда театр оперетты был в каждом городе с населением больше пяти тысяч, и работы хватало всем. Пока звуковое кино не убило водевиль. Я пел, отбивал чечетку, и вдруг оказалось, что это никому не нужно. Я устроился на студию разнорабочим. И вот однажды Джонни подзывает меня: «Эй, парень, принеси мне кофе и сигареты». (Я знал, какую марку он курит). Потом протягивает пятерку — сдачи, мол, не надо. Нет, отвечаю, я рад, что он позволил услужить ему. Джонни как-то странно посмотрел на меня и говорит: «Если хочешь услужить мне, приходи в мою примерную после съемок». Я пришел, Джонни расспросил меня о моей жизни. Мы шутили, смеялись до упаду. Неожиданно он заявил: «Если хочешь оказать мне услугу, работай на меня». Я спросил, что я должен делать. «Все, что взбредет мне в голову», — последовал ответ. И так продолжается двадцать пять лет...

Лидия не знала, сколько времени потребуется Джонни, чтобы покончить с бутылкой виски, и решила перейти к делу.

— Вы знаете, почему я здесь, Эдди. Джонни попросил мистера Квиста помочь ему.

— О боже, я так боюсь за него, мисс Мортон. Какой-то сукин сын, извините меня, хочет его убить.

— Как происходила та вечеринка с шампанским, Эдди? Уизмер покачал головой.

— Поверите ли, мисс Мортон, в тот момент, когда он действительно нуждался во мне, меня не оказалось на месте. У него как раз был роман с одной девицей, — Эдди ухмыльнулся. — У него вечно роман, не с одной, так с другой. Так что, они вдрызг разругались, и девица укатила в Акапулько. Джонни послал меня за ней, с письмом и алмазным браслетом. Он не мог поехать сам: на следующее утро у него была запись на студии. Представьте себе, несмотря на то, что произошло, утром он все-таки записал новую пластинку, которую раскупали сотнями тысяч... Так что я не участвовал в той вечеринке. Если б я не уехал, Джонни и в голову бы

не пришло обращаться к Луи Сэйболу или Максу Либману. Когда я вернулся из Акапулько, мы каждый день ждали, что крыша обрушится нам на головы, но этого не произошло.

— Вы хоть наладили отношения с той девицей?

— Нет. Для Джонни это был черный уик-энд.

Лидия зажгла новую сигарету.

— Вы знали Беверли Трент?

— Конечно. Я с первого взгляда понял, что от нее можно ждать только неприятностей. Я предупреждал Джонни. Но у нее была потрясающая фигура, и он не смог отказаться от столь лакомого кусочка. А потом она не хотела упускать его. Портила ему жизнь.

— Вернемся к вечеринке, Эдди.

Он достал сигарету, подбросил в воздух, поймал губами.

— Как было принято в водевиле, — улыбнулся он.

Лидия рассмеялась и захлопала в ладоши. Эдди закурил.

— Вечеринка не планировалась заранее. Джонни обедал с друзьями в «Чейзене». Кто-то пошутил, что шампанское — всего лишь шипучая вода. Джонни рассмеялся и предложил купить столько шампанского, сколько они смогут выпить, чтобы проверить, соответствует ли действительности это опрометчивое заявление. Тому, кто продержится дольше всех, он пообещал приз — тысячу долларов. Прямо из «Чейзена» они поехали к Джонни домой.

— Не могли бы вы перечислить тех, кто поехал, Эдди?

— Не всех. Потом мы с Джонни пытались выяснить, кто же был у него в гостях. То есть он вспоминал, а я проверял, так ли это, у тех, кто был наверняка. Мы решили, что кто-то мог притвориться спящим или перепившим. Этот кто-то, оставшись в доме, мог знать обо всем, что произошло. Джонни написал список из пятнадцати или шестнадцати человек, мужчин и женщин. Но были еще трое или четверо. Джонни их не знал. Они тоже приехали из «Чейзена». Те, кого мы спрашивали, не помнили, как выглядели эти непознанные субъекты. Вроде бы двое мужчин и две женщины. На той вечеринке все быстро набрались, — Эдди помрачнел. — Шампанское далеко не шипучая вода, знаете ли. И если пить его залпом, бокал за бокалом... — он пожал плечами.

— Можно предположить, что в доме остался какой-то человек, неизвестный Джонни, — продолжала Лидия. — Но нас удивляет утверждение Джонни, что шантажист знал о записке. Из этого следует, что он побывал в той комнате, где умерла Беверли Трент. Джонни уничтожил записку до того,

как приехали его друзья. Значит, шантажист увидел ее раньше Джонни.

— Совершенно верно,— кивнул Эдди.

— Между прочим, Эдди, Беверли Трент — сценический псевдоним, а как звали девушку на самом деле? Дэн Гарви предполагает, что шантажист — ее брат, отец или любовник.

— О, мы пытались это выяснить. Ее звали Луиза Гауптман. Семьи у нее не было. Воспитывалась она в сиротском приюте где-то в Миннесоте. Фамилия немецкая — в тех краях полно немцев. Ее младенцем оставили на пороге приюта. К пеленке была подколота бумажка с именем и фамилией. Из приюта она вышла в восемнадцать лет. Работала официанткой, гардеробщицей. Победила на конкурсе красоты. Поехала в Голливуд, чтобы стать кинозвездой,— Эдди чихнул.— С такой грудью она без труда нашла дорогу в постели агентов и продюсеров. Беда в том, что у нее не было способностей, она не умела петь, танцевать, держаться перед камерой. Вновь стала гардеробщицей. Там-то ее и увидел Джонни. Она вцепилась в него мертвой хваткой. Чем это кончилось, вам известно.

Лидия помолчала.

— Эдди, расскажите мне о субботнем вечере. О ложной тревоге с бомбой. Между прочим, как Джонни оказался в Чикаго?

— Заезжал к подруге.

— У него действительно целый гарем?

Эдди усмехнулся.

— В свое время Джонни объездил весь мир, и в каждом городе, где он выступал, у него была девочка. В начале карьеры он не нашел себе пары только в одном городке — Джоппине, штат Миссури. Так поверите ли, он вновь выступал в Джоппине, чуть ли не даром, только чтобы сохранить незапятнанным послужной список.

— Так что произошло в субботу?

— Мы прилетели в Чикаго из Лос-Анджелеса. Джонни повидался со своей ненаглядной, и мы встретились в аэропорту. Вскоре после взлета пилот объявил, что на борту, возможно, бомба, и он поворачивает назад. От страха мы вспотели, как мыши. Самолет благополучно приземлился, я пошел узнавать, когда следующий рейс, а Джонни пытался дозвониться до мистера Квиста. На все это ушло немало времени. Нас обыскали, перетряхнули весь багаж. Пока я добывал билеты, кто-то сказал, что в мужском туалете застрелили человека. Кого именно, мы узнали только в Нью-Йорке. Луи Сэйбол — давний друг Джонни и участник той

истории. Когда мы добрались до «Гарден» и Джонни переодевался, позвонил Макс Либман. Наверное, он узнал о смерти Луи. Во всяком случае, Джонни сказал, что Макс на грани истерики и хочет с ним встретиться. Джонни предложил ему приехать сюда, в «Бомонт», после концерта. Он не приехал. Потом мы узнали, что ему помешало.

— Как?

— По радио, — Эдди указал на стоящий в углу радиоприемник. — На следующее утро.

— Вы знаете, по какой причине Сэйбол оказался в Чикаго, а Либман — в Нью-Йорке?

— Понятия не имею. Я напуган не меньше Джонни. Похоже, кто-то намерен уничтожить всех, так или иначе связанных с той вечеринкой.

— Вы думаете, ему следует обратиться в полицию?

— Я понимаю, почему он этого не хочет. Если у него еще есть шанс вернуться на сцену, а я знаю, что он думает об этом, история с Беверли, став достоянием широкой публики, поставит крест на его надеждах. Это я понимаю. Но у вас нет таких возможностей, как у полиции, для защиты Джонни. Вот что тревожит меня больше всего.

— Я думаю, Джулиан придерживается того же мнения, но Джонни — его друг, и выставленные им аргументы весьма убедительны.

Эдди улыбнулся.

— Джонни, если захочет, сможет продать бикини эскимосам.

— Ну, спасибо за помощь, Эдди, — Лидия поставила на стол пустой бокал, бросила окурочку в пепельницу. — Пойду докладывать боссу.

Гарви позвонил из Лос-Анджелеса лишь во вторник утром. Квист попросил его повременить с докладом, пока в кабинете не соберутся Лидия, Бобби Гиллард и Конни Пармали. И тотчас же из усилителя, стоящего на столе Квиста, загремел голос Гарви:

— Я не смог позвонить вчера вечером, Джулиан. Надо было еще кое в чем разобраться.

— Слетал не зря?

— Увидишь сам. Конни готова?

Квист взглянул на мисс Пармали, застывшую над машинкой для стенографирования.

— Начинай, — скомандовал он.

— Я обнаружил третью жертву.

— Третью?

— Да, после Сэйбола и Либмана, — пояснил Гарви. — Маршалл, голливудский полицейский.

— Он мертв?

— Можешь не сомневаться. Я начал разыскивать его, как только прилетел. Он уволился из полиции и жил в небольшом коттедже на берегу океана. Приехав туда, я нашел на крыльце три бутылки молока, а в почтовом ящике — газеты за три дня. Дверь черного хода оказалась открытой, и я вошел в дом. На столе в кухне обнаружил недоеденный завтрак. Маршалла не было. Я почуял неладное, Джулиан.

— Я тебя понимаю.

— Пошел к соседу. Тот сказал, что Маршалл любил плавать по утру. По тропинке мы спустились на пляж. Там он и лежал, с проломленным черепом. Не в плавках, а в джинсах, рубашке и кроссовках. Сосед высказал предположение, что Маршалл упал с обрыва. Я думаю иначе. Он лежал на песке, рядом ни одного булыжника. Судя по всему, его несколько раз ударили по голове чем-то тяжелым. Полицейские пришли к тому же выводу. Молоко, газета, недоеденный завтрак указывают на то, что Маршалла убили в пятницу утром. Того же мнения и судебный эксперт.

— Есть ли подозреваемые?

— Нет. Подъездная дорожка заасфальтирована, следов шин на ней нет. Соседи никого не видели. Машина Маршалла в гараже. С этим все.

Квист взглянул на Лидию и Бобби Гилларда. Вопросов у них не было.

— Продолжай, Дэниэл.

— Я заехал в конторы Сэйбола и Либмана. Рыдающие секретарши. Черная тоска. В обоих местах одна и та же история.

— Какая история?

— Джонни попросил Сэйбола встретиться с ним в Чикаго. Джонни попросил Либмана встретиться с ним в Нью-Йорке. Срочно.

— О господи, Дэн, неужели ты хочешь сказать...

— Подожди, это еще не все. Джонни не разговаривал ни с Сейболом, ни с Либманом. Секретарша Сэйбола сказала, что позвонил мужчина. Она решила, что это Эдди Уизмер, хотя признает, что тот не представился. Он, мол, звонит по поручению Джонни. Сэндз хочет, чтобы Сэйбол встретился с ним в чикагском аэропорту в такое-то время. «Передайте мистеру Сэйболу, что речь пойдет об особом шампанском». Секретарша знала, что Сэйбол не может ле-

теть: он работает семь дней в неделю. Когда же она передала ему просьбу Джонни, Сэйбол позеленел и приказал ей купить билет до Чикаго.

— Ты сказал, что с Либманом произошло то же самое?

— Совершенно верно. Мужчина не называет себя. Звонит по поручению Джонни Сэндза, который хочет встретиться с Либманом в Нью-Йорке, после благотворительного концерта в «Гардене». Либман должен позвонить в «Гарден», и они договорятся о месте и времени. Секретарша засомневалась, сможет ли найти Либмана: тот где-то играл в гольф с клиентом. Мужчина подчеркнул, что дело срочное, насчет «особого шампанского». Она нашла Либмана. Не доиграв партию, он улетел в Нью-Йорк.

— И на этот раз секретарша подумала, что звонил Уизмер?

— Нет,— Гарви хохотнул.— Я прямо спросил ее об этом. Она чуть зарделась и ответила, что узнала бы голос Эдди. Подозреваю, у них не только деловые отношения.

— Девушки полагают, что звонили из Лос-Анджелеса?

— Как они могут это знать, Джулиан? Сейчас можно звонить из Анкориджа, а будет слышно, как от соседа. И никаких телефонисток — автоматическая связь. Но я думаю, что звонили из Лос-Анджелеса. Маршалла убили в пятницу утром. Сейболу и Либману позвонили в тот же день после полудня. Нашему приятелю хватило времени, чтобы прилететь в Чикаго раньше Сейбола. Успел он и послать телеграмму авиадиспетчеру. А потом улетел в Нью-Йорк, чтобы свести счеты с Либманом.

— И Джонни,— заметил Квист.

— И с тобой!— добавил Гарви.— Кто-то убивает всех, замешанных в деле Трент, а заодно и тех, кто попадает на пути. Например, Квиста.

— Да, действие перенесено из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк.

— Поэтому я вылетаю первым же рейсом. Кто-то должен прикрывать тебе спину. Наш любитель шампанского настроен серьезно.

Кровь отхлынула от лица Джонни. В одно мгновение он ссохся и постарел.

— Майк Маршалл! В это невозможно поверить.

— Придется,— пожал плечами Квист.

Они сидели в номере Джонни в отеле «Бомонт». Эдди смешивал и разносил коктейли. Квист говорил, Джонни слушал, изредка дергался уголок его рта. Стакан, принесенный

Эдди, он выпивал залпом и тут же возвращал назад.

— Я пару раз встречался с той крошкой из конторы Либмана,— подтвердил Эдди.— Слава богу, что она запомнила меня, иначе ты мог подумать...

— Не болтай ерунды, Эдди,— оборвал его Джонни и, накупившись, повернулся к Квисту.— Если б ты не знал меня, Джулиан, и тебе выдали всю эту информацию, не подумал бы ты о том, что именно я убиваю всех, кто знал о деле Трент?

— У меня могли бы зародиться подозрения,— кивнул Квист.

— Этому типу, кто бы он ни был, известно все,— вмешался Эдди.— Но как ему удалось выяснить, что мы собираемся лететь через Чикаго, босс? Об этом знали только вы и продавец билетов в аэропорту.

— Знал же он о записке, которую, как мне казалось, не видел никто, кроме меня,— вздохнул Джонни.— Да, он все рассчитал.

— Давайте не усложнять дела,— возразил Квист.— Кто-то ушел с твоей вечеринки в тот вечер или находился в твоём доме, не принимая в ней участия. Насколько я тебя знаю, войти в твой дом мог любой прохожий. Приятель Беверли Трент два года доил тебя, а теперь, когда молоко иссякло, он начал мстить. С этим все совершенно ясно. А насчет остановки в Чикаго — так он мог стоять за спиной Эдди в очереди в кассу.

— Вот чего я не могу понять,— не сдавался Эдди.— Мистер Квист говорит, что Макс и Луи позвонили в пятницу днем. А мы решили, что полетим через Чикаго только в аэропорту Лос-Анджелеса. Как он мог знать о наших планах, босс, до того, как они определились?

Джонни прижал кончики пальцев к глазам.

— Все не совсем так, Эдди. В четверг вечером я позвонил Джейн в Чикаго, чтобы узнать, будет ли она дома. Я не сказал об этом тебе, Эдди, потому что ты стал бы меня отговаривать.

На лице Эдди отразилась обида.

— В аэропорту я разыграл сценку, прикинувшись, будто эта идея только что пришла мне в голову,— он взглянул на Квиста.— Ты думаешь, что мой телефон в Беверли-Хиллз может прослушиваться?

— Незнакомый знал о твоей поездке в Чикаго.

Джонни посмотрел на часы.

— Ты собираешься к Мэриан Шеер, Джулиан?

— Если ты там будешь,— ответил Квист.— Мне бы не

хотелось отпускать тебя одного, пока у нас нет четкого плана действий.

Джонни рассмеялся.

— Одного? Я беру с собой трех куколок.

— Чем больше, тем безопаснее, — поддакнул Эдди.

Квист встал.

— У меня не детективное агентство, Джонни. Я не могу приставить к тебе телохранителя. Хочешь знать мое мнение?

— Конечно, дружище. Я доверяю тебе. Ты это знаешь.

— Неизвестный убивает тех, кто был причастен к переносу тела Беверли Трент из твоего дома в ее квартиру. Об этом знали полицейский, Сейбол, Либман. Остались Эдди и ты.

— О боже! — ахнул Эдди.

— Если это просто маньяк, который мстит за Беверли Трент, вернее, Луизу Гауптман, можешь быть уверен, что он постарается добраться до тебя. Но сначала, я думаю, он раздается с Эдди.

— Почему? — прошептал Эдди. — Я не участвовал в вечеринке. Я уезжал в Акапулько.

— Ты помогал замечать следы, — бесстрастно ответил Квист. — Ты умрешь первым, Эдди, потому что для Джонни этот мерзавец приготовил что-то особенное. Джонни придется отвечать за все. В пятницу утром он был в Голливуде. Следовательно, мог убить Маршалла, полицейского. Он находился в аэропорту Чикаго, когда там застрелили Сейбола, и вел машину по той улице Нью-Йорка, где задавили Либмана. На его машине помят бампер. Поэтому, что бы ни случилось с тобой, все будет выглядеть так, будто это дело рук Джонни. Если на него падет подозрение, история Беверли Трент станет достоянием широкой публики. Тут есть и мотив — стремление заткнуть рот всем, кто знал, что случилось с Беверли, и возможность — присутствие на месте убийства в момент его совершения. Тебя шантажировали, Джонни, и этим положили конец твоей карьере. Ты не смог установить личность шантажиста, но ты знал, что это один из четырех — Сейбол, Либман, полицейский или Эдди. Задумано неплохо. Никому не хочется умирать. Внезапная, мгновенная смерть — не самое худшее. Но медленная смерть, когда топчут твою гордость, твою репутацию, а все секреты твоей жизни ловкий прокурор выставляет напоказ, ожидание своего часа в очереди смертников, крушение всего, что любил... Трудно представить себе что-нибудь более ужасное.

Джонни закрыл глаза. Его лицо перекосила гримаса боли... или страха?

— Кто бы это мог быть, Джулиан? — прошептал он. — Кто?

Квист словно и не слышал его вопроса.

— Есть, правда, шанс, что этот псих оставит тебя в живых.

Глаза Джонни широко раскрылись.

— Он покажет, что держит тебя за горло, и ты снова начнешь платить. Ты будешь знать, что иначе смерть неминуема, в суде ли, на улице — от пули между глаз.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Джонни. — Это лишь догадки.

— В надежде напугать тебя, Джонни, — ответил Квист. — «Квист Ассошиэйтс» не ведет таких дел. Мы можем посоветовать, что делать дальше, но не защитить тебя.

— Так советуй!

— Для начала я бы отправил Эдди в длительный отпуск, куда-нибудь подальше, к примеру в Тимбакту. Он останется там под вымышленным именем, пока этого парня не поймают. Затем ты обратишься в полицию и скажешь правду о Беверли Трент. Ты ее не убивал, ты только перевез ее тело. Будет громкий скандал, но ты его переживешь. Полиция, ФБР начнут охоту на преступника. Тебе будет обеспечена надежная защита. Рано или поздно они его найдут. К нему наверняка потянется ниточка от Беверли Трент. Как только его посадят за решетку, мы вздохнем свободно.

— Он подтасовал факты. Все убийства выглядят так, словно они совершены мною.

— Ты обратишься в полицию раньше, чем он. Они ему не поверят.

— Я об этом подумаю.

— Дело приняло такой оборот, что раздумывать некогда.

Джонни сидел, не шевелясь. Эдди, облизывая пересохшие губы, не отрывал от него глаз.

— Я бы хотел переговорить с Эдди. О том, что мы решим, я скажу тебе у Мэриан Шеер.

— Если ты не обратишься в полицию, Джонни, считай, что я вышел из игры, — заключил Квист.

— Зачем мы идем на этот ужин? — спросила Лидия, поднося ко рту бокал мартини. В элегантном вечернем костюме она была эффектна.

— Я обещал ему,— Квист поднял свой бокал.— Твое здоровье.

— А если он не обратится в полицию?

— Мы вежливо попросимся и пойдем куда-нибудь еще.

— Например, вернемся сюда?

— Тебе тут нравится?

Лидия улыбнулась.

— Больше, чем где бы то ни было.

— Тогда обязательно вернемся,— Квист наклонился, поцеловал ее в щеку и взглянул на часы.— Скоро прилетит Дэн. Ему скажут, где нас искать. За прошедший день он наверняка раскопал немало интересного. Возможно, мы сможем сделать какие-то выводы.

Мэриан Шеер умела принимать гостей. Особняк сиял от подвала до чердака. Тут и там стояли корзины цветов. Два официанта в белых смокингах и три служанки в черных платьях с накрахмаленными передничками разносили подносы с холодными и горячими закусками. На каждом этаже был бар. Любое желание гостя исполнялось как по мановению волшебной палочки.

Квиста и Лидию встретил молодой человек в двубортном зеленом костюме, сшитом из материи, напоминающей вельвет.

— Мисс Мортон... Мистер Квист? Я — Дуглас Хэдман. Мэриан ждет вас наверху.

Лицо Хэдмана показалось Квисту знакомым. Тут же он вспомнил, что видел его в кабинете управляющего «Гардэн».

Мэриан Шеер окружила себя молодежью. Самым старым был Джонни Сэндз, но именно он находился в центре внимания. К нему никли три красотки — брюнетка, блондинка и рыжеволосая. Джонни, веселый и радостный, попытался представить своих дам Лидии и Квисту.

— Это Долорес, это Бетси, а это Клодин,— каким-то образом ему удавалось обнимать всех троих.

— Я — Бетси,— поправила его рыжеволосая.— А вот Клодин,— она указала на блондинку.

— Я — Долорес,— возразила блондинка,— Клодин — это она,— и посмотрела на брюнетку.

— Имена, имена, имена,— рассмеялся Джонни.— Меня больше интересует совсем другое,— и он погладил ногу Долорес.

— Ты подумал? — спросил Квист.

— Конечно, дружище,— кивнул Джонни.— Утром я сразу же последую твоему совету. Эдди не пришел, потому

что собирает чемодан. Он решил поехать в Венецию. Говорит, что с детства мечтал покататься в гондоле. А теперь наполняйте бокалы и догоняйте тех, кто начал раньше.

Подошла Мэриан Шеер в ослепительном вечернем платье, подчеркивающим достоинства ее фигуры.

— Вижу, Дуглас вас встретил. Я очень рада, что вы смогли прийти.

— Благодарим вас за приглашение, — вежливо ответила Лидия.

Среди гостей Квист и Лидия увидели немало знакомых. Молодого актера, которому Квист помог пробиться на Бродвей, известную деятельницу движения за равноправие женщин (с помощью Квиста она вела серьезную предвыборную кампанию кандидата от демократической партии на пост президента США), галантного Джада Уолкера, официального представителя города Нью-Йорка. У Мэриан было много друзей, и, похоже, в ее доме никто не скучал. В особенности Джонни, которого кроме трех дам окружала еще целая толпа поклонников.

Квист и Лидия обсуждали с Джадом Уолкером субботний благотворительный концерт, ту легкость, с которой Джонни покорила аудиторию. Увлеченные разговором, они и не заметили, как в дальнем конце комнаты Джонни вскочил на стул, за роялем возник Дон Эдвардс, и в мгновенно наступившей тишине Сэндз запел.

Когда он умолк, грянул гром аплодисментов. Джонни схватил трубу, как по заказу появившуюся на рояле.

— А теперь пора перекусить! — воскликнул он и заиграл походный марш.

Буфет поражаел воображение. Огромная индейка, толстые ломти ветчины, красная рыба, разнообразные сыры, маслины, салаты, соусы. Официанты обносили гостей бокалами с бургундским.

— Интересно, думал ли Делберт Шеер, куда пойдут его деньги, когда он умрет, — хмыкнул Квист.

— Надеюсь, он не стал бы возражать, — заметила Лидия. — Такого я еще не видела. Пожалуйста, не смотри на меня, дорогой, я превращаюсь в обжору.

Уголкем глаза Квист заметил, как Джонни накладывает полные тарелки своим девицам. Сам Джонни вообще ел очень мало, и никогда — перед выступлением. А он, судя по всему, настроился петь.

И когда объевшиеся и напившиеся гости отвалились от буфета и уселись, кто в кресла, а кто — прямо на пол, Джонни запел. Одна песня сменяла другую, прерываясь лишь

аплодисментами. Чья-то рука легла на плечо Квиста, и он обернулся.

— Можно вас на минутку, Джулиан? — в голосе Мэриан Шеер слышалась тревога.

Лавируя между гостями, она вывела Квиста в маленький холл у лифта. Обернувшись, он увидел, что Дуглас Хэдман уже подсел к Лидии.

— Какой-то полисмен спрашивает Джонни. Не могли бы вы поговорить с ним? Если Джонни сейчас остановить, весь вечер пойдет насмарку.

— Он, наверное, поставил машину в неположенном месте, — попытался успокоить ее Квист.

На лифте он спустился в холл. Одного взгляда на ожидающего там полисмена хватило, чтобы по спине Квиста побежали мурашки. Он уже имел дело с лейтенантом Кривичем из отдела убийств — низкорослым, коренастым крепышом, пытающимся придать своему еще детскому лицу суровое выражение.

— Привет, Квист, — поздоровался он. — Кстати, я попал сюда лишь благодаря вам.

— Да?

— Знал, что он — ваш клиент. Пытался его найти. Дозвонился до одного из ваших сотрудников, по фамилии Гарви. Он сказал мне об этой вечеринке.

— Вы пришли сюда не для того, чтобы пригласить Джонни выступить на вечеринке новобранцев?

— Нет. Сожалею, но придется его прервать.

Прекрасный голос Джонни слышался и на первом этаже.

— Если не секрет, из-за чего?

— Скоро об этом секрете станет известно всем. Сэндз остановился в отеле «Бомонт» со своим приятелем.

У Квиста пересохло во рту.

— С Эдди Уизмером.

— Да, — кивнул Кривич. — Горничная зашла в номер Сэндза, чтобы сменить постельное белье. Кто-то разmozжил этому Уизмеру голову. Он мертв, Квист, и кто-то помог ему умереть.

— Понятно, — процедил тот.

— Вы знали Уизмера?

— Да. И любил его. Знал я и о том, что ему грозит опасность, но не смог убедить его в этом.

— Похоже, мне нужно поговорить и с вами, — нахмурился Кривич. — Вы позовете Джонни Сэндза?

ЧАСТЬ II

Глава I

Мэриан Шеер ждала Квиста у лифта.

— Я должен увести Джонни.

— Но мои гости!

— Дело серьезное, Мэриан. Он не сможет вернуться. Убили его друга, Эдди Уизмера.

— О боже!

— Никому не говорите о случившемся, хотя бы до того, как я уведу Джонни. Так ему будет спокойнее.

— Разумеется.

Лидия утонула в глубоком кресле. Хэдман устроился на подлокотнике.

— Мне надо поговорить с тобой, — подойдя, наклонился к Лидии Квист.

— Я принесу вам коктейли, — Хэдман встал и направился к бару.

Пальцы Квиста сжали руку Лидии.

— Теперь Эдди. Кто-то убил его в номере Джонни.

Лидия повернулась к Квисту, ее глаза широко раскрылись.

— Я должен сказать об этом Джонни и увести его, — добавил Квист. — Боюсь, тебе придется самой искать дорогу домой.

— Как, Джулиан?! Кто?

Квист пожал плечами.

— Разбили голову. Кто — неизвестно. К счастью, расследование ведет наш давний друг, Кривич. Он ждет Джонни внизу.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Думаю, что нет. Будь осторожна, опасность, возможно, грозит и нам.

— Я буду там, где ты сможешь найти меня, — ответила Лидия. — В моей квартире или в твоей?

— Поезжай, пожалуй, к себе, — решил Квист. — Бог знает, когда я попаду домой и с кем.

Очередная песня завершилась овацией и криками восторга. Квисту удалось пробиться к Джонни и взять его под руку.

— Мне надо поговорить с тобой.

Лицо Джонни сияло.

— Попозже, дружище. Я только начал входить во вкус.

— Сейчас, — что-то в выражении лица Квиста, во

взгляде его синих глаз убедило Джонни, что дело не терпит отлагательств. Он вскинул руки.

— Остыньте немного, друзья. Я сейчас вернусь,— и последовал за Квистом в холл.— Ты выбрал неудачный момент, Джулиан. Я...

— Эдди мертв,— прервал его Квист.

Джонни окаменел. Его лицо побледнело как полотно.

— Его убили в твоем номере. Полиция ждет тебя. У них есть вопросы.

Джонни согнулся пополам, словно его ударили в живот.

Крик боли сорвался с его губ. Дрожащими руками он ухватился за Квиста. Выпрямился.

— Его нашла горничная, менявшая постельное белье,— продолжал Квист.— Это все, что мне известно. Внизу ждет лейтенант Кривич. Он будет руководить расследованием. С этим нам повезло. Я его хорошо знаю, достойный человек.

— Дай мне несколько секунд,— сдавленным голосом прохрипел Джонни. Он отпустил руку Квиста, пригладил растрепавшиеся волосы.— Этот малый был моим лучшим другом. Ты был прав, Джулиан. Мне следовало еще вчера вызвать полицию.

— Кривич ждет.

Лейтенант распахнул перед Джонни дверцу патрульной машины. Он не стал возражать, когда Квист высказал желание поехать с ним в «Бомонт».

— Я понимаю, какой это удар,— начал он, когда машина тронулась с места.

— Удар! Эдди был моим лучшим другом. Когда я уехал, он прекрасно себя чувствовал... всего несколько часов назад.

— Когда вы уехали?

— Где-то в начале седьмого,— ответил Джонни.— По пути заехал за девушками. Эдди остался дома, потому что на следующий день улетал в Европу. Он собирал вещи.

— Похоже,— кивнул Кривич.— В спальне мы нашли наполовину уложенный чемодан. Зачем ему понадобилось лететь в Европу? По делам?

— О господи, лейтенант, это такая длинная история!

— Квист намекнул, что Уизмеру грозила опасность. Какая? От кого?

Джонни беспомощно взглянул на Квиста.

— Это длинная история, лейтенант,— повторил Квист.— Но Эдди — четвертый друг Джонни, убитый за несколько последних дней.

Брови Кривича взлетели вверх.

— Вы шутите!

— Один в Калифорнии, один в Чикаго, двое здесь, в Нью-Йорке.

— Кто же второй? — спросил Кривич.

— Адвокат из Лос-Анджелеса, Макс Либман. Его сбила машина на Мэдисон-авеню ранним воскресным утром.

Кривич нахмурился.

— То происшествие едва ли можно считать преднамеренным убийством. Человек переходил улицу, и какой-то пьяница или наркоман сбил его.

— Я думаю, вы измените свое мнение, — заметил Квист. Патрульная машина остановилась у отеля «Бомонт». — Пойдемте в отель.

— Поговорим здесь, — Кривич даже не потянулся к ручке, чтобы открыть дверь.

— Давай, Джонни, — Квист повернулся к Сэндзу.

— Обо всем? — спросил тот.

— Да, с самого начала.

И Джонни рассказал о вечеринке с шампанским и Беверли Трент, о шантажисте и своем уходе со сцены, о кошмаре последних дней — смерти Луи Сейбола в чикагском аэропорту, Макса Либмана — на нью-йоркской улице, Майка Маршалла — на калифорнийском пляже.

— Вы помогали ему держать все это в тайне, Квист? — сурово спросил Кривич.

— Я узнал об этом только в воскресенье утром, — ответил Квист. — Уговаривал Джонни обратиться в полицию, но он отказался, потому что ваше вмешательство поставило бы крест на его дальнейшей карьере. Я предложил собрать для него кое-какую информацию, и в тот же день отправил Гарви в Голливуд. Дэн узнал о телефонных звонках, якобы от Джонни, после которых Сэйбол вылетел в Чикаго, а Либман — в Нью-Йорк, нашел тело Маршалла. До этого мы не знали о его смерти. Дэн убедил меня, что без помощи полиции нам не обойтись. Действия преступника укладывались в определенную схему: он убивал всех, кто знал правду о вечеринке с шампанским, за исключением Джонни. Выходило, что следующей жертвой должен стать Эдди. Тогда же я предложил Эдди уехать куда-нибудь подальше и твердо заявил Джонни, что выхожу из игры, если он не расскажет обо всем полиции. Джонни обещал мне начать завтрашний день со встречи с вами.

— Ваше поведение едва ли понравится окружному прокурору, — покачал головой Кривич. — Вы придерживали важную информацию.

— К черту окружного прокурора! — взорвался Джонни.— Эдди убили! Это по вашей части, не так ли, Кривич? Вот и ищите этого сукиного сына!

Кривич открыл дверь.

— Пойдемте наверх.

— Мы его увидим?

— Не сейчас. Тело отправлено на медицинскую экспертизу. Позднее вам придется его опознать.

— О боже!

В номере 14-Б отеля «Бомонт» царил беспорядок. Перевернутые кресла, сдернутая со стола скатерть вместе с лампой и пепельницами. Убийца не смог подкрасться к Эдди Уизмеру за спиной и неожиданно ударить его по голове. Эдди боролся за свою жизнь, по крайней мере, пытался убежать. На ковре темнело кровавое пятно. Меловая линия показывала, где лежало тело.

Их встретили двое: сурового вида детектив Квиллэн и сотрудник отеля, ведающий вопросами безопасности, Додд, черноволосый, с маленькими блестящими глазками.

— Найдены отпечатки пальцев лишь нескольких человек,— доложил Квиллэн.— Естественно, убитого и, вероятно, мистера Сэндза. На бритвенных принадлежностях и различных предметах. Два или три отпечатка, принадлежащих другим людям, имеются на стаканах в баре. Ими пользовались те, кто не живет в этом номере.

— Один из них — я,— заметил Квист.— Я был тут днем.

— Горничная обычно забирает грязную посуду, когда приходит менять белье,— вмешался Додд.— Сегодня она увидела тело, едва войдя в номер, пулей вылетела в коридор и послала за мной.

— На оружии убийства отпечатков пальцев нет,— продолжал Квиллэн.— Их или стерли, или убийца был в перчатках. Лаборатория скоро даст точный ответ.

— Чем его убили? — спросил Квист.

— Серебряным подсвечником,— ответил Квиллэн.— Точно таким же, как на каминной полке.

— Странно,— Квист нахмурился.

— Что же тут странного? — удивился Кривич.— Им можно уложить лошадь. Посмотрите, какая тяжелая у него подставка.

— Получается, что убийца пришел сюда неподготовленным или, проникнув в номер, решил использовать дру-

гое орудие убийства. Как он мог знать, что найдет здесь что-нибудь подходящее, если он шел сюда с целью убить Эдди?

— Вы предполагаете, что неизвестный вошел в номер Сэндза, затеял ссору, в ярости схватил подсвечник и убил Уизмера? — спросил Кривич.

— Возможно, — кивнул Квист. — Но это противоречит моей схеме, лейтенант. Если убийца — тот самый человек, что разделался с Маршаллом, Сэйболом и Либманом, он не мог прийти в отель с пустыми руками. Он не стал бы надеяться на то, что ему подвернется подходящее орудие.

— Если только он не бывал здесь раньше, — возразил Додд. — Тогда он знал, что найдет в номере добротную дубину, — и его черные блестящие глазки уперлись в Сэндза.

Тот не двинулся дальше порога. Там он и стоял, привалившись к стене. Казалось, его силы уходили лишь на то, чтобы отвести взор от кровавого пятна и белой линии. Каждый вздох давался ему с большим трудом.

— Вы приехали в «Бомонт» в субботу вечером, мистер Сэндз? — спросил Кривич.

Джонни кивнул.

— Не совсем так, — поправил его Додд. — Номер забронировали для мистера Сэндза две недели тому назад и ждали его в субботу вечером. Но приехал он лишь в воскресенье, без четверти четыре утра.

— В субботу вечером, в воскресенье утром, не все ли равно, — огрызнулся Джонни. — Вы знаете, как я летел из Чикаго, лейтенант. По просьбе Квиста полицейский эскорт сопровождал меня из аэропорта в «Гарден». Там я переоделся и сразу вышел на сцену. Я не мог попасть в отель до окончания концерта, — он пожал плечами. — Примерно в это же время Макса сбила машина.

— Вы занимаете эти комнаты несколько дней, — продолжал Кривич. — Полагаю, тут побывало много людей: ваши друзья, знакомые... — он запнулся. — Женщины?

Джонни горько рассмеялся.

— Ну и репутация у меня. Нет, женщин не было. Никто ко мне не заходил, за исключением разве что Джулиана. Но, наверное, кто-то тут бывал.

— Кто именно?

— Не давите, лейтенант. Я приехал в воскресенье, в четыре утра. Раздеваясь я включил радио и услышал сообщение о гибели Макса Либмана. Я попытался дозвониться Джулиану, но его телефон не отвечал, — Джонни взглянул на Квиста. — Тогда я поехал к нему домой. Примерно в шесть

утра. Почти все воскресенье я провел у него. Так, Джулиан?

— Так.

— Я не спал с пятницы, разве только в самолете. Вернувшись от Джулиана, сразу завалился в кровать. В понедельник днем я поехал к одной даме. Если нужно, назову ее адрес.

— Нас не интересует ваше алиби, мистер Сэндз,— ответил Кривич.— Мы хотим знать, кто бывал в вашем номере кроме вас, Уизмера и Квиста.

— Вернулся я в понедельник около полуночи. Утром встал довольно поздно и поехал в контору Квиста. Ждал его там бог знает сколько, выпил полбутылки виски и успел вздремнуть. Вернулся в отель, по телефону договорился с девушками о встрече. Потом приехал Джулиан. Вечером я забрал девушек и с ними отправился к Мэриан.

— Вы сказали, что кто-то мог прийти в номер.

— Конечно, тут все время был Эдди. Кто-нибудь мог зайти к нему или ко мне.

— Он никого не упоминал?

Джонни взглянул на Квиста.

— Нет.

— Я могу назвать вам одного человека, побывавшего здесь,— сказал Квист.— Моя сотрудница, мисс Лидия Мортон, заходила поговорить с Эдди, когда Джонни сидел в моем кабинете.

— Теперь ясно, откуда взялись окурки с помадой,— заметил Квиллэн.— Мы знали, что в номер приходила женщина.

Кривич нетерпеливо махнул рукой.

— Давайте хоть на минуту забудем о вашей версии, о том, что убийца мстит за Беверли Трент. У Уизмера были враги?

— У Эдди? О господи, лейтенант, все любили этого малыша.

— А кто-то мог ненавидеть.

— Возможно, это действительно совпадение,— Квист взглянул на Додда.— Обычный вор. Узнал, что в отеле оставился Джонни Сэндз. У него с собой деньги, а то и драгоценности. Вор заходит в номер и...

— Как он смог зайти в номер? — прервал его Кривич. Додд пожал плечами.

— В больших отелях множество ключей. Случается, что с ними обращаются слишком беспечно. Ключи попадают не к тем, кому следует, достаточно надолго, чтобы изготовить дубликат. Горничная приходит застелить постели, возвра-

щается в коридор за чистыми простынями, ставит замок на предохранитель, чтобы на обратном пути вновь не лезть за ключом. Их учат этого не делать, но всякое случается. Потом она забывает опустить «собачку». В номер может зайти кто угодно. У нас отличные замки, но настоящий профессионал... — Додд в очередной раз пожал плечами. — Нет такого замка, который нельзя открыть.

— Итак, вор проникает в номер, — продолжал Квист. — Эдди в спальне собирает вещи, слышит шум, испугивает вора и мгновением позже борется за свою жизнь. Вор хватается первое, что попадает под руку, подсвечник, и бьет Эдди по голове...

— Почему никто ничего не слышал? Почему Эдди не звал на помощь?

— Стены в этих номерах звуконепроницаемы, — ответил Додд. — Он мог орать во все горло, его никто бы не услышал.

Холодный взгляд Кривича уперся в Квиста.

— Так, по-вашему, было дело, Квист?

— Нет, но это одна из возможных версий, — он посмотрел на Додда. — Никто не видел входящего или выходящего из номера постороннего человека? Может быть, кто-нибудь звонил из вестибюля?

— Мы не охраняли мистера Сэндза, — раздраженно ответил Додд. — Мы, конечно, понимали, что подростки, поклонники могли докучать ему. Увидеть мистера Сэндза, получить автограф, оторвать пуговицу от его костюма, чтобы потом показывать друзьям. Эту братию мы не пускаем дальше вестибюля. Старшая по этажу получила указание приглядывать за номером 14-Б, чтобы никто попусту не болтался под дверью. Но специально номер не охранялся. Мистер Шамбрэн следит за тем, чтобы навязчивое внимание персонала не мешало отдыхать нашим гостям.

— Кто такой мистер Шамбрэн? — спросил Кривич. Додд, похоже, не поверил своим ушам.

— Мой босс! Управляющий отелем «Бомонт». Когда у нас останавливается известный политик, дипломат или артист, основное внимание мы сосредотачиваем на психопатах, пикетчиках, демонстрантах, то есть на тех, от кого можно ждать неприятностей. В случае мистера Сэндза нас особенно беспокоили его поклонницы.

— Я должен оставаться здесь?! — внезапно выкрикнул Джонни. — Мне нужно выпить. Я не хочу задерживаться в этой комнате дольше, чем это необходимо.

— Мы перенесем ваши вещи в другой номер, мистер

Сэндз,— успокоил его Додд.— Коридорный ждет вашего указания, чтобы запаковать чемоданы.

— Значит, я могу идти? — спросил Джонни.

— Я хочу записать ваши показания,— вмешался Кривич.— Если вы решили перебраться в другой номер, я зайду со стенографисткой через полчаса.

— Я мечтаю о том, чтобы уехать к тебе, Джулиан,— вздохнул Джонни.

— Прежде всего мне нужны ваши показания,— настаивал Кривич.

— Дай мне знать, когда они отпустят тебя,— заключил Квист. Квист выпел вместе с Доддом. Появившийся коридорный помогал Джонни собирать вещи.

— Так что там относительно вашей теории? Какие основания были у вас предполагать, что Уизмера убьют? — спросил Додд.

— Долгая история,— ответил Квист.— Беда в том, что я не смог убедить Эдди, да и, пожалуй, себя в том, что опасность настолько близка. В последние дни совершенно несколько взаимосвязанных убийств, и я подумал, что Эдди может оказаться следующей жертвой. К сожалению, так оно и вышло.

— Но не последней?

— Возможно.

— Очевидно, теперь очередь Сэндза?

— Похоже, что так.

— Кривич знает?

— Да.

— Значит, ответственность за жизнь Сэндза ложится на него. Если в отеле убьют еще кого-нибудь, мистер Шамбрэн разрежет меня на мелкие кусочки.

— Я слышал о вашем мистере Шамбрэне. О нем ходят легенды.

— Он просит, если вас не затруднит, заглянуть к нему.

— Откуда ему известно, что я здесь?

— Он сказал, что вы придете с мистером Сэндзом.

— Как он узнал?

— Те, кто здесь работает, не сомневаются, что он видит сквозь стены. Отвести вас к нему?

— Почему бы и нет? Я хочу познакомиться с ним.

Как это ни странно, ранее Квист не встречался с Пьером Шамбрэном. Десятки его клиентов останавливались в отеле «Бомонт». Он бывал здесь сотни раз, ужинал с Лидией, пил коктейли в баре «Трапедия», но ни разу не видел управляющего самым роскошным отелем Нью-Йорка, а то и всего мира.

Кабинет Шамбрэна на четвертом этаже отеля скорее напоминал гостиную римского дворца эпохи Возрождения. Лишь четыре телефона на украшенном чудесной резьбой столе указывали на то, что тут еще и работают. На комод в дальнем углу стояла большая кофеварка. Бар переливался старинным хрусталем, разноцветьем бутылок. Квист успел заметить висящую на стене картину. Пикассо, несомненно подлинник, затем все его внимание сосредоточилось на человеке, сидящем за столом. Додд представил Квиста своему боссу.

Шамбрэн был невысок ростом, коренаст, темноволос, а взгляд его черных, глубоко посаженных глаз, казалось, пронзал насквозь.

— Наконец-то мне удалось встретиться с вами, мистер Квист, — француз по происхождению, Шамбрэн говорил по-английски без малейшего акцента.

— Я очень рад, — Квист пожал протянутую руку.

— Хотите что-нибудь выпить или чашечку кофе по-турецки?

— Если позволите, я предпочел бы бренди.

— Пожалуйста, у нас богатый выбор.

Его глаза не отрывались от Квиста, пока тот не налил себе бренди и не уселся в удобное кресло.

— Для вас это тяжелый вечер.

— Да, — кивнул Квист, — убийство не принадлежит к числу моих любимых видов спорта.

Сидя напротив, Шамбрэн покуривал плоскую египетскую сигарету.

— Любопытство — вредная привычка, — сказал он. — К сожалению, у меня она чрезмерно развита. Такой отель, что маленький город. У нас свои магазины, рестораны, бары, прачечные, химчистки, банковские сейфы, полиция — тысяча и одна составляющие, необходимые для нормального функционирования отеля. Любопытство позволяет мне находиться в курсе событий. Случаются здесь и преступления, не без этого, но каждое из них я воспринимаю как личное оскорбление.

— Я вас не совсем понимаю.

— Когда лучший специалист Нью-Йорка по формированию общественного мнения, пусть косвенно, но связан с этим делом, я чувствую, что не могу остаться в стороне. Убийство — плохая реклама для отеля. Мне представляется, это — неординарное убийство, мистер Квист. Эдвард Уизмер погиб не от руки случайного вора или личного врага.

— Вот как!

— В отличие от прессы я уже успел сопоставить факты, — глаза Шамбрэна превратились в щелочки. — Макс Либман часто бывал в этом отеле. Он позвонил мне в субботу вечером, чтобы узнать, когда должен приехать Джонни Сэндз. Он позвонил мне, не в справочную, потому что мы — давние друзья. Позднее он умер насильственной смертью. А за несколько часов до этого в чикагском аэропорту застрелили Луи Сэйбола. Как выяснилось, он тоже был другом Джонни. И вот в моем отеле убивают третьего друга Сэндза. Это не случайные убийства, мистер Квист.

Квист улыбнулся.

— Додд убежден, что вы способны видеть сквозь кирпичную стену.

— Так я прав?

— Я думаю, правы. И Джонни думает, что вы правы. Более того, мы пытаемся убедить полицию, что вы правы.

— И логично предположить, что следующей жертвой может стать Джонни Сэндз?

— Если тут есть какая-то логика.

— Ну, — глаза Шамбрэна сверкнули, — в моем отеле этого не случится, — его короткие пальцы забарабанили по столу. — Мое любопытство не дает мне покоя. Помимо дружеских отношений этих людей связывало с Джонни Сэндзом что-то еще. Какое-то событие, какой-то поступок, совершенный в прошлом?

Квист замаялся: уж не ясновидящий ли этот управляющий отелем?

— Вы, разумеется, правы, но я не могу рассказать вам обо всем. Это история Джонни Сэндза, впрочем, теперь о ней известно и полиции. Но кое-что я вам скажу. Убит еще один человек. Вышедший в отставку полицейский из Лос-Анджелеса. Его нашли в понедельник утром с разможенной как у Эдди Уизмера, головой.

Шамбрэн поджал губы.

— Значит, событие, о котором вы не хотите говорить, произошло в Голливуде, где они все жили, — он взглянул на Квиста. — Ничего из того, что мы видим в наши дни, нельзя принимать на веру, мистер Квист. С экрана телевизора к нам обращается президент или премьер-министр. Он говорит о своих благородных целях и планах, но за словами стоят его политические интриги. Ханжеское лицо домохозяйки скрывает страсть к мужу соседки. Сильное тело подтачивает рак. Завсегдатай бара, щедро раздающий чаевые, — потенциальный банкрот. Истина почти всегда невидима.

— Интересное, но не слишком глубокое заключение, —

нахмурился Квист.— Как соотносить его с четырьмя убийствами, мистер Шамбрэн?

— Я накормлю вас лучшим обедом в городе,— улыбнулся Шамбрэн,— когда вы освободите истину от ее покровов. Не имея фактов, я лишь играю словами. Фокусник отвлекает ваше внимание, чтобы вы не заметили его манипуляций с двойным дном цилиндра. Естественно, истина в этом деле — наличие второго дна. Будет гораздо проще, мистер Квист, если, занимаясь поисками преступника, вы будете держать в памяти это простое рассуждение.

— Думаю, я слишком устал, чтобы осознать смысл ваших слов,— ответил Квист.— Но я не забуду вашего предупреждения.

— Вот и хорошо,— Шамбрэн встал и протянул руку.— Если потребуется моя помощь, дайте мне знать. Будьте уверены, пока Джонни Сэндз в отеле, с ним ничего не случится. Вне отеля я не гарантирую его безопасности. Благодарю за то, что смогли зайти ко мне.

Глава 2

Квист наконец добрался до дому. Он не лгал Шамбрэну, говоря, что валится с ног от усталости. А тут еще эти рассуждения об истине и фокусниках. Совершенно бессмысленные... или нет?

Спать, однако, не хотелось. Квист ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, плеснул в бокал бренди. Что-то скрипнуло, и он обернулся. Лидия спускалась со второго этажа. Она была в том же костюме, что и на вечеринке у Мэриан Шеер.

— Я передумала,— пояснила она.— Поехала сюда, а не домой, как ты предлагал.

— Вот и хорошо,— улыбнулся Квист.— Выпьешь что-нибудь?

— Я налью себе виски со льдом. Ты кого-то ждешь?

— Возможно, придет Джонни. Он потрясен случившимся и не хочет оставаться в отеле,— взяв со стола сигару, Квист закурил.

— Мистер Дуглас Хэдман оказался весьма навязчивым,— Лидия налила виски, добавила содовой и льда.— Он настаивал на том, чтобы проводить меня. В моем доме нет швейцара, и я опасалась, что прощание может затянуться. Поэтому я дала таксисту твой адрес и пожелала Хэдману спокойной ночи в вестибюле, под бдительным оком стража порядка.

— Бедный Хэдман,— покачал головой Квист.— Его мечта не осуществилась. Ты заставляешь мужчин мечтать, дорогая.

— Расскажи мне об Эдди, если не очень устал.

Квист глубоко затынулся.

— Ужасное дело. Кто-то разmozжил ему голову серебряным подсвечником. В номер заходили только ты и я. Ты оставила окурки со следами помады и отпечатки пальцев на стакане.

— Как убийца проник в номер? — спросила Лидия.

— То ли с помощью отмычки, то ли Эдди сам впустил его, ничего не подозревая.

— Бедный Эдди. Кто следующий?

Квист пожал плечами.

— Кривичу теперь известно все, от начала и до конца. Теперь это его дело. Мы можем лишь успокаивать Джонни, если он нас попросит. Мне кажется, он очень напуган.

— А ты нет? Какой-то маньяк убивает их всех, одного за другим.

— Я боюсь за Джонни. Что произошло после нашего ухода?

— Сначала гости не поняли, что он не вернется, они думали, Джонни позвали к телефону, но потом Мэриан Шеер объявила, что с его близким другом случилось несчастье и Джонни уехал. Гости сразу же начали расползаться. Хэдман потребовал, чтобы я сказала ему, куда мы идем: к нему или ко мне. Я ответила, что ко мне, имея в виду твою квартиру. Миссис Шеер очень опечалилась, а три девицы Джонни не знали, куда себя девать. Я пыталась убедить Хэдмана, что он просто обязан позаботиться о них, что второго такого случая не представится, но безрезультатно.

— Надо отдать должное мистеру Хэдману,— улыбнулся Квист.— У него хороший вкус. Дэн не показывался?

— Нет. Я надеялась, что он подъедет, но его нет.

— Странно. Дэн в Нью-Йорке. О том, что мы у миссис Шеер, Кривич узнал от него.

Дэн Гарви не любил откладывать дела в долгий ящик. Любое поручение он стремился выполнить как можно скорее. По его твердому убеждению, Сэндза мог шантажировать брата, отец или любовника Беверли Трент. Потом шантажист стал убийцей... В Голливуде Дэн поинтересовался, кто знал Беверли Трент. С кем она дружила? В ка-

ких кругах вращалась? Так всплыло одно знакомое ему имя — Тоби Тайлер. Тайлер начинал как актер, приехал в Голливуд за славой и деньгами, не приобрел ни того, ни другого, но превратился в талантливого агента, устраивавшего судьбы молодых артистов, во многом похожие на его собственную. Секретарша Луи Сэйбола вспомнила, что среди клиентов Тайлера была и Беверли Трент. Год или два назад Тайлер переехал в Нью-Йорк, где и работал пресс-секретарем в кинопрокатной фирме. Там-то Гарви с ним и познакомился. В одном из фильмов снимался клиент Квиста, и во время рекламной кампании, предшествовавшей выходу фильма на экран, Тайлер дневал и ночевал в «Джулиан Квист Ассошиэйтс».

Вернувшись в Нью-Йорк, Гарви нашел записку Квиста с просьбой приехать к Мэриан Шеер. Но сначала он решил заглянуть на работу, посмотреть, не записан ли там телефон Тайлера. В кабинете его и застал звонок лейтенанта Кривича. Гарви сказал ему о вечеринке у миссис Шеер. Кривич не упомянул о смерти Эдди Уизмера, и Гарви решил, что Квист в конце концов убедил Джонни обратиться в полицию. Дэн отыскал номер Тоби Тайлера, позвонил, тот чудом оказался дома и с удовольствием принял предложение где-нибудь посидеть. Они выбрали ресторан «Уиллард Бэк-Ярд».

Заказав обед, Дэн сразу перешел к делу.

— Меня интересует Беверли Трент.

— Она давно умерла, — вздохнул Тайлер. — Бедная Луиза Гауптман — это ее настоящее имя. Когда Луизе не удалось стать кинозвездой, она выпила галлон виски, проглотила горсть таблеток снотворного, и ее не стало. Конец несбывшейся мечты. Обычная голливудская история.

— Вы можете что-нибудь еще о ней вспомнить?

Тайлер ухмыльнулся.

— Личные впечатления? Ну что ж... Вершиной ее карьеры стал Джонни Сэндз. Дело в том, что Луиза покончила с собой после вечеринки у Джонни. Я думаю, выпила слишком много, а когда он ее выгнал, наглоталась снотворного.

— Многие знали, что она была на той вечеринке с шампанским?

— Насчет многих сказать не могу, но я-то знаю, потому что был там.

— На вечеринке у Джонни?

— Да. Все началось в ресторане «Чейзен», и я поехал потом вместе со всеми. Но быстро вышел из игры: шампанское сразу валит меня с ног.

— Беверли явилась без приглашения, так?

— Да. Она уже успела накуриться марихуаны. Выпила пару бокалов, закатила скандал и смоталась.

— Она пришла одна?

Тайлер отпил martini.

— У меня сложилось впечатление, что с нею был мужчина, бородатый такой подонок, которого я уже встречал раньше. Я говорю: создается впечатление, потому что не видел, пришли ли они вместе. Но какое-то время он находился в доме Сэндза.

— Вместе они и ушли?

Тайлер покачал головой.

— К тому времени я уже не мог знать, кто с кем ушел. Я напился.

— Что это за бородач?

— Хиппи, — пожал плечами Тайлер. — Он вечно опивался около домов знаменитостей. В окружении неряшливых девиц. Видите ли, когда я впервые увидел фотографию Мейсона¹, подумал, что это Чиф.

— Чиф?

— У парня, о котором я говорю, не было фамилии. Все называли его Чиф. Чиф и его «жены». Думаю, Беверли входила в его банду. А может быть, что-нибудь делала для него. Во всяком случае, я нередко видел их вместе. Этот Чиф скоро отличился. Одна из его девиц забрела в дом какого-то режиссера во время вечеринки и подожгла себя.

Перед тем как зайти в дом, она вылила на себя галлон бензина. Вспыхнула, словно факел. Полиция начала искать Чифа, опознав в ней одну из его «жен». Но Чиф исчез, испарился. Насколько мне известно, его так и не поймали.

Гарви взглянул на тарелку с бифштексом.

— От таких историй разыгрывается аппетит, — и он набросился на бифштекс. Тайлер последовал его примеру. О сгоревшей девице на какое-то время забыли.

— Вы были агентом Беверли? — снова завел разговор Дэн.

Тайлер с набитым ртом кивнул.

— Господи, как славно здесь жарят лук, — проглотив, сказал он. — Чем я заслужил такой пир, Дэн?

¹ Чарльз Мейсон — организатор банды наркоманов в Голливуде, совершившей несколько убийств. Их жертвой стала известная киноактриса Шарон Тейт.

— Вы можете помочь мне найти убийцу. Вам известно, что случилось с друзьями Джонни — Сэйболом и Максом Либманом?

— Да. Их смерть связана с Беверли Трент?

— Еще не знаю. Но пытаюсь выяснить. Расскажите мне о ней.

Тоби нахмурился.

— Помню, как однажды она появилась в моей конторе, состоявшей тогда из одной комнатки над кафетерием. Туда не заглядывали знаменитости, но моя фамилия значилась в справочнике. Входит, значит, эта девица, я бросаю взгляд на ее грудь и говорю себе, что теперь могу иметь дело с продюсером любого боевика. Потрясающая фигура. Когда же она заговорила, мое сердце упало: она запиналась, глотала слова, но заявила, что готова на все, лишь бы попасть на экран. Я ответил, что беру только десять процентов, а главное блюдо пусть прибережет для режиссера. Записав ее данные, имя и фамилию — Луиза Гауптман, посоветовал придумать что-нибудь более звучное, и мы остановились на Беверли Трент. Беверли — по Беверли-Хиллз, Трент — в память о героине любимого радиоспектакля моей мамы, Элен Трент.

Я послал Беверли в одно место, где требовались девушки для кордебалета. Месяца два она не показывалась в моей конторе — кто-то прельстился ее формами и взял на содержание. Вернулась она в приличной одежде и с дешевыми украшениями. Весьма неплохо для первого раза. Я направил ее куда-то еще, и снова она исчезла на пару месяцев. Когда же объявилась вновь, я разъяснил ей, что я — театральный агент, а не сводник. На этом и кончилось наше деловое сотрудничество. Потом она работала гардеробщицей во второразрядном ночном клубе. Там и увидел ее Джонни Сэндз: он пришел послушать какую-то молодую певичку. Тут уж Беверли досталось все. Роскошные наряды, ослепительные драгоценности. А потом Джонни дал ей от ворот поворот, и она умерла, пытаясь вновь завоевать его расположение.

— Значит, вы уже не были ее агентом, когда она спуталась с Чифом?

— Нет.

— Что еще известно вам об этом Чифе? Вы знаете его настоящее имя?

— Нет. Все звали его Чиф. Черная борода, черные глаза, волосы ниже плеч. Безумный взгляд, жаркий и пронзительный.

— На что он жил?

— Подозреваю, на деньги, которые добывали его «жены». Он их гипнотизировал. Сами понимаете, кто в здравом уме подожжет себя?.. Я уже сказал, увидев фотографию Мейсона и услышав о зверствах в доме Тейт, совершенных его девицами, я подумал, что Мейсон и есть Чиф. Но, рассмотревшись повнимательнее, понял, что ошибся. Однако они одного поля ягоды.

— Вы никогда не видели его в Нью-Йорке?

— О боже, нет. Вы думаете, что он здесь?

— Я думаю, он был здесь в субботу вечером и в воскресенье утром, — ответил Гарви.

Расплачиваясь за обед, он еще не знал об убийстве Эдди Уизмера, иначе продлил бы срок пребывания Чифа в Нью-Йорке.

Попрощавшись с Тайлером, Гарви попытался связаться с Квистом. Кто-то из слуг Мэриан Шеер ответил, что мистер Квист уже ушел. В квартире Квиста телефон не отвечал. Но Гарви продолжал звонить туда каждые четверть часа, пока наконец не вернулся Квист.

— Где ты был? — воскликнул Гарви. — Я узнал много интересного.

— Убили Эдди Уизмера, — ответил Квист.

Они сидели в лоджии и наблюдали, как луна скатывается за горизонт, — Квист, Лидия и Гарви.

— Дело яснее ясного, — уверенно заявил Гарви.

— Голливудская полиция должна что-то знать об этом Чифе, — заметил Квист. — Не зря твой приятель говорил, что Чифа разыскивали.

— Все сходится. Этот подонок был на вечеринке. Джонни его вспомнит. По мнению Тайлера, Чифа забыть трудно. Он пришел с Беверли или чуть позже. Увидел, как она поднялась в спальню, последовал за ней. Возможно, он хотел, чтобы Беверли украла для него деньги. А может быть, сам решил позаимствовать что-нибудь ценное. Пока он болтался по второму этажу, Беверли успела проглотиться таблеток. Зайдя в спальню, он прочитал записку, понял, что Беверли умерла или умирает, и смылся. По понятным причинам он стремился избежать встречи с полицией. А через пару дней вдруг прочитал в газете, что Беверли умерла в собственной квартире. Чтобы догадаться, как она туда попала, не надо иметь семь пядей во лбу.

Квист покачал головой.

— Даже если предположить, что мы ищем именно Чифа, он не мог уйти тогда, Дэн. Иначе как бы он узнал, что Сэйбол и Либман помогали перевозить тело Беверли?

— Значит, он слонялся вокруг дома Джонни, — Гарви нетерпеливо махнул рукой. — Он все видел и сразу уяснил, что теперь обеспечен до конца дней. Чтобы скрыть правду, Джонни не мог не платить. И исправно платил два года. А когда его терпение лопнуло и он ушел со сцены, Чифу пришлось искать новый подход к кошельку Джонни. У него было время на размышления. Двести тысяч долларов — немалая сумма. И Чиф выжидал, пока в газетах не появилось сообщение о выступлении Джонни на благотворительном вечере в Нью-Йорке. Тогда-то он приступил к реализации заранее продуманного плана. Он хотел насмерть перепугать Джонни, чтобы тот вновь начал платить. И он убил всех, кто так или иначе имел отношение к смерти Беверли.

По телу Лидии пробежала дрожь. Она прижалась к Квисту.

— Это какой-то кошмарный сон.

Квист молчал, разглядывая маленький буксир, ползущий вверх по Ист-Ривер.

— Ты со мной не согласен? — спросил Гарви.

— Возможно, ты и прав. Джонни, конечно, вспомнит, был ли Чиф на той вечеринке. Будем надеяться, что он известен и голливудской полиции. Все так хорошо сходится, что я, не знаю по какой причине, сомневаюсь в твоей версии.

— Что же тебе нужно — письменное признание?

— Я не знаю, что мне нужно, Дэн. Но чувствую, что в твоей версии есть выпавшее звено, и никак не могу его нащупать.

— Ну, если хочешь, ищи его, а мне все ясно.

— Второе дно цилиндра, — промолвил Квист.

— Ты свихнулся? — изумился Гарви. — О чем ты говоришь?

— Очень умный человек предупредил меня сегодня, чтобы я всегда помнил, что в цилиндре фокусника есть второе дно.

— Я сдаюсь! — воскликнул Гарви. — Ты хочешь, чтобы я обо всем рассказал Кривичу?

— Разумеется, Дэниэл. С голливудской полицией он свяжется быстрее нас. А я попрошу Джонни покопаться в памяти и вспомнить, был ли на вечеринке Чиф.

В новом номере Джонни к телефону подошел сержант Квиллэн. Допрос Джонни еще не окончился. Квист попытался передать Сэндзу, что ждет его звонка.

— Мой друг Дэн Гарви полагает, что может поделиться с лейтенантом любопытной информацией.

— Это может подождать? — спросил Квиллэн.

— Боюсь, что нет, — ответил Квист и, позвав Гарви, передал ему трубку, а сам вышел в лоджию и сел рядом с Лидией. Из гостиной доносился приглушенный голос Гарви.

— Не впутывайся в это дело, Джулиан, — прервала молчание Лидия. — Пожалуйста.

— Я не впутываюсь. Теперь первую скрипку играет Кривич.

— Но я-то тебя знаю. Если Дэн прав насчет этого маньяка, и твоя тень упадет на его тропу...

— Для маньяка я — невидимка.

— Нет! Завтра обо всем напишут газеты. Ты — доверенное лицо Джонни, его друг. Это ни для кого не секрет. Тебя видно невооруженным глазом.

— Пусть так. Зачем я этому подонку? Он хочет, чтобы Джонни начал платить, или жаждет его крови. А я не представляю для него никакого интереса.

— Он заинтересуется тобой, если ты и дальше будешь его искать.

Квист взглянул на красное зарево, разгоравшееся на востоке.

— Джонни — мой друг, — ответил он.

— Ты только притворяешься циником, — вздохнула Лидия, — а на самом деле ты — сентиментальный чудак.

— Ты бы вышла из игры, окажись я на месте Джонни?

Джонни позвонил, когда совсем рассвело.

— Ты, наверное, хочешь спросить меня о Чифе, — раздался в трубке его бесконечно усталый голос. — Кривич уже задал мне этот вопрос, спасибо Дэну. Ответа, дружище, у меня нет. Я слышал об этом типе и девице, что сгорела заживо. Если я и видел его, то не запомнил.

— Он был на твоей вечеринке?

— Возможно. О боже, дружище, тогда чуть ли не все отращивали бороду и волосы. На той вечеринке я смог бы насчитать дюжину бородачей. Ты же знаешь, что такое Голливуд, Джулиан. В свое время тысячи людей называли меня Джонни, словно давнего друга, хотя я видел их пер-

вый раз в жизни. Из ресторана «Чейзен» ко мне поехала целая толпа. Среди них мог быть и Чиф. Кого-то я знал по фамилии, других — в лицо. Возможно, он пришел с Беверли, а я подумал, что он приехал вместе со всеми. Как знать, может быть, я бы и вспомнил его, если б увидел. Но сейчас ответить тебе не могу.

— Попробуй заснуть, — посоветовал Квист.

— О господи, как мне хочется забыться, — голос Джонни дрогнул. — Знаешь, Джулиан, я не могу в это поверить.

— Поверить во что?

— В смерть Эдди. Двадцать пять лет он был рядом со мной. У меня такое чувство, будто мне отрезали руку. Ты меня понимаешь?

— Думаю, что да. Постарайся заснуть, Джонни.

— Возможно, завтра я приеду к тебе.

— Мы еще поговорим об этом. Позвони, как встанешь.

— Обязательно. Спокойной ночи, дружище.

На следующее утро, в среду, лейтенант Кривич вошел в кабинет Квиста в одиннадцать часов. Он выглядел куда свежее, хотя едва ли спал больше, чем Квист.

— Ознакомьтесь, — он положил на стол большой конверт из плотной бумаги. — Донесение голливудской полиции, переданное по телеграфу.

На поверку Чиф оказался прозаическим Дэвидом Харрисом.

— У него были трения с полицией, — пояснил Кривич. — Он жил с полдюжиной девиц и двумя парнями в какой-то коммуне. Их арестовали за нарушение границ поместья одного из голливудских продюсеров. Девица потом сгорела именно у него на вечеринке. Они подозревались в употреблении наркотиков, но это не подтвердилось. Две его «жены» отсидели небольшой срок за проституцию. Та, что сгорела живьем, убежала из богатой семьи, откуда-то со Среднего Запада. Ее родители решили выдвинуть обвинение против Дэвида Харриса — развращение несовершеннолетних. Окружной прокурор подписал ордер на арест, но Харрис успел удрать. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Полиция и ФБР все еще разыскивают его.

— Я вижу, он воевал, — нахмурившись, Квист проглядывал донесение.

— Два года во Вьетнаме. Группа коммандос, награжден за храбрость в бою.

— Значит, его не испугает вид крови, — заметил Квист.

— И он не упадет в обморок, разmozжив кому-то голову канделябром,— добавил Кривич.

Квист коротко взглянул на лейтенанта.

— Вы приняли версию Дэна?

— Никакой другой у меня просто нет,— ответил Кривич.— Мы стараемся его найти. Харрис — единственный подозреваемый,— он достал из пачки сигарету, закурил.— Как, по-вашему, что он теперь предпримет?

— Он может преследовать две цели. Во-первых, убить всех, кто знал правду о смерти Беверли. Тогда Джонни — последний оставшийся в живых и, следовательно, его очередная жертва.

— Но это же нелогично,— возразил Кривич.— Эти люди не убивали девушку. Они перевезли ее тело после того, как она покончила с собой.

— Убийца — маньяк. Его действия лишены логики,— ответил Квист.— Но есть и другая возможность. Он может вновь шантажировать Джонни: «Ты кончишь так же, как остальные, если не будешь платить».

— Почему он ждал так долго, если нуждался в деньгах? Сэндз перестал платить два года тому назад, когда ушел со сцены.

— Он тратил полученные ранее двести тысяч. Теперь деньги кончились. Он знал, что спекулировать на карьере Джонни бесполезно — тот распрощался с эстрадой. Поэтому он решил запугать Сэндза.

Загудел интерком. Квист снял трубку. Конни Пармали сказала, что звонит Джонни Сэндз.

— Да, Джонни.

— Он принялся за свое, Джулиан,— Квист едва узнал искаженный голос Сэндза.

— Кто он, Джонни?

— Шантажист. Этот сукин сын хочет, чтобы я вновь начал платить.

— Подожди, Джонни. У меня Кривич. Я подключу усилитель.— Квист наклонился вперед и щелкнул переключателем.— Ты слышишь меня, Джонни?

— Конечно, слышу. Вы должны это прекратить, лейтенант.

— Как он связался с вами? — спросил Кривич.

— По телефону. Позвонил в «Бомонт», в мой номер.

— Тот же голос, что и в Голливуде?

— Похожий. Я должен заплатить, иначе меня ждет участь остальных.

— Как вы должны передать деньги?

— Пока я должен их собрать. Сто тысяч. Потом он скажет мне, что делать дальше. Если я не...

— Успокойтесь, мистер Сэндз,— прервал его Кривич.— Мы не подпустим его к вам.

— Я уезжаю отсюда,— взвизгнул Джонни.— Я не собираюсь оставаться в этой скотобойне. Пошлите кого-нибудь за мной.

— У вашей двери стоит человек, мистер Сэндз. Позовите его к телефону. Я поговорю с ним.

— Я открою дверь только вам, лейтенант. Откуда мне знать, что это ваш человек?

Глава 3

Дэн Гарви, Лидия и Конни Пармали собрались в кабинете Квиста, Кривич уехал к Джонни.

— Ситуация, как в скверном теледетективе,— процедил Гарви.

— Похоже и на убийство в доме Тейт,— возразила Конни.

Квист, сидя за столом, смотрел в окно.

— По крайней мере, мы знаем, что он в городе,— прервала молчание Лидия.

Квист повернулся к ней.

— Откуда?

— Звонок в отель. Он же должен получить деньги, не так ли?

— Он мог звонить как из Нью-Йорка, так и с Гавайских островов. Мы не знаем, каким образом Джонни должен передать деньги. Я бы предпочел получить их в Мексике.

Повисла тяжелая тишина.

— Может, полиция защитит его? — спросила наконец Конни.

— Все зависит от решения Джонни,— ответил Квист.— Если он согласится заплатить, наш приятель Чиф предложит план передачи денег, в котором не найдется места ни для полиции, ни для кого-либо еще, кто мог бы помочь Джонни. А если Джонни останется с Чифом один на один, дать какие-либо гарантии невозможно. Если же он платить не намерен, ему лучше день и ночь сидеть под колпаком полиции, пока мы не выловим этого маньяка.

— Не говори «мы»,— вмешалась Лидия.

— Так, к слову пришлось.

— Лидия права,— поддержал ее Гарви.— Мы знаем тебя как облупленного, Джулиан. Говоря «мы», ты имеешь в виду именно нас.

— Джонни захочет быть в кругу друзей,— отбивался Квист.— Как и любой из нас, окажись на его месте. Я не повернусь к нему спиной, Дэн, только потому, что могу оказаться на прицеле у этого маньяка.

— Если хочешь быть героем, будь им! — отрезал Гарви.

Зажужжал интерком, Квист повернул переключатель.

— Мистер Хэдман хочет видеть Лидию,— послышался голос Глории Чард. Она хихикнула.— Он очень настойчив.

— О боже,— вздохнула Лидия.— Утром он звонил трижды, приглашая на ленч. Вероятно, «нет» его не устраивает.

— Глория,— Квист улыбнулся,— скажи мистеру Хэдману, что мисс Мортон на конференции, которая затянется до бесконечности.

Глория едва сдерживала смех.

— В таком случае, вы не будете возражать, если вместо Лидии на ленч пойду я?

— Постарайтесь только, чтобы ленч обошелся ему дороже,— и Квист вернул переключатель в прежнее положение.

— Весьма настойчивый молодой человек,— прокомментировала Лидия.

— Ты не против того, чтобы Глория увела его у тебя? — поинтересовался Квист.

— Отнюдь,— улыбнулась Лидия.

Гарви нетерпеливо махнул рукой.

— Значит, ты хочешь взять Джонни под крылышко, приютив его в своей квартире?

— Если он попросит.

— Он попросит,— хмыкнул Гарви.— Но сначала тебе надо нанять хорошего бармена.

Квист пропустил шпильку Дэна мимо ушей. Перед ним сидели самые близкие друзья. Помогая Джонни, он подвергал их смертельной опасности. Имел ли он право на такой риск?..

— Я думаю, мы должны принять общее решение,— неожиданно предложил он.

— Какое решение? — спросил Гарви.

— Насчет Джонни. Он попал в беду. Я хочу помочь ему, предложив кров и защиту. Но тогда и вы окажетесь причастными к этому делу, так что каждый из вас должен высказать собственное мнение.

— Давайте поиграем в демократию, — Гарви просто сочился сарказмом. — Проголосуем. Трое будут против одного. Но Джонни получит нашу помощь, потому что единственный голос, принадлежащий тебе, перевесит все остальные.

Конни поправила очки.

— Одна из причин, по которой мы пойдем за вами, Джулиан, кроется в вашем характере. Такой уж вы человек, что не можете не протянуть руку Джонни. Значит, и мы должны следовать вашему примеру, не так ли?

Квист повернулся к Лидии. И прочел ответ в ее темно-фиолетовых глазах.

— Благодарю, — улыбнулся он.

— Меня благодарить не нужно, — фыркнул Гарви. — Я голосую против, но должен подчиниться принятому решению. Демократия.

— Благословляю вас, дети мои, — поднял руки Квист.

Вскоре прибыл Джонни в сопровождении Кривича и сержанта Квиллэна. На него было больно смотреть. Он не побрился, и его щеки и подбородок покрывала седая щетина. Костюм из тонкой шерсти выглядел так, словно Джонни в нем спал. Глаза налились кровью, под ними набухли тяжелые мешки.

Войдя в кабинет, Джонни рухнул в кресло у стола Квиста. Секундой позже Конни возникла рядом со стаканом ирландского виски.

— Спасибо, куколка, — попытался улыбнуться Джонни.

— Вы не шутите, предлагая Сэндзу переехать в вашу квартиру, Квист? — спросил Кривич.

— Разумеется, нет.

— У вас ему будет лучше, чем в отеле, — кивнул лейтенант.

— Или в тюремной камере под вашей защитой, — добавил Квист.

— К вам приходит не так уж много людей, — продолжал Кривич. — Мы сможем организовать круглосуточное дежурство.

— До конца моей жизни? — осведомился Джонни. Виски придало ему сил.

— Если хотите, Квист, я дам знать в «Бомонт», что мистера Сэндза можно найти по вашему телефону, — Кривич предпочел не реагировать на слова Джонни. — Шантажист снова позвонит. Вы не станете возражать, если мы установим подслушивающее устройство? Тогда, возможно, удастся выяснить, откуда он звонит.

— Поступайте, как считаете нужным,— ответил Квист. Кривич дал знак Квиллэну, и тот вышел из кабинета.

— Квиллэн останется с мистером Сэндзом, пока я не организую дежурство. Кто может войти в квартиру помимо вас, Квист?

— Только те, кого вы здесь видите.

— У них есть ключи?

— Да.

Кривич повернулся к Джонни:

— Вы просите у нас защиты, мистер Сэндз, но я могу гарантировать ее только при условии, что вы будете точно выполнять мои инструкции.

— Какие же? — спросил Джонни.

— Мы отвезем вас на квартиру Квиста в Бикмэн-Плэйс. Выходить из нее вам запрещаю. Когда позвонит шантажист, вы должны максимально затянуть разговор, чтобы мы могли засечь телефон, с которого он говорит.

— Где я возьму для него деньги? — пробурчал Джонни. — Сто тысяч на дороге не валяются.

— Деньги мы подготовим,— пообещал ему Квист.

— Вероятно, вас попросят привезти деньги в одиночку,— продолжил лейтенант. — Вы никуда не поедете, пока мы не разработаем план захвата шантажиста. Это ясно?

— Да.

— Вы привыкли к свободе, мистер Сэндз. Стоило вам щелкнуть пальцами, и ваше желание тут же исполнялось. Вдруг вам захочется навестить какую-нибудь девицу или закатиться в ресторан. Вы садитесь за решетку, понимаете?

Джонни скорчил гримасу.

— А если я приглашу кого-нибудь к себе, вы не станете возражать, лейтенант?

— Без согласования со мной в квартиру не войдет ни один человек. За исключением тех, кого вы видите перед собой.

Джонни взглянул на Лидию, затем на Конни.

— Ну, если они не станут возражать, можно ли желать большего?

— Прекрати, Джонни,— бросил Квист.

— Шутка, дружище. Не сердись.

— Если вы не против, Квист, мы подождем здесь, пока телефон вашей квартиры не подсоединят к подслушивающему устройству,— сказал Кривич.

— Похоже, дружище, я становлюсь твоим сиамским близнецом,— глаза Джонни подозрительно заблестели.

Короткий знак Квиста, и все потянулись из кабинета.

Как только он и Джонни остались вдвоем, тот закрыл лицо руками и разрыдался. Квист сидел молча. Наконец Джонни достал из кармана носовой платок, громко высморкался.

— Как ребенок,— пробормотал он.

— Выпей виски,— посоветовал Квист.

Джонни встал, подошел к бару, налил виски. К столу он вернулся, уже взяв себя в руки.

— Если б не Эдди, я не согласился бы участвовать в этом балагане.

— О чем ты?

— Я привык рисковать. Его я не боюсь. Но остается шанс, что он выйдет сухим из воды. Я не могу этого допустить, дружище. Я должен отомстить за Эдди.

— Но ты же собираешься заплатить ему.

— Едва ли. Я, конечно, добуду денег, потому что он, возможно, следит за мной. Я буду выполнять все его указания, но Кривич найдет способ прикрыть меня. Знаешь, о чем я мечтаю?

— Нет.

— Я мечтаю, что доберусь до этого сукиного сына раньше Кривича,— рот Джонни дернулся.

— Мы должны сохранять хладнокровие,— заметил Квист.

— О каком хладнокровии может идти речь, когда убивают лучшего друга! — воскликнул Джонни. — И все потому, что меня потянуло на эту глупую курицу, Беверли. Знаешь, что я тебе скажу? Она того не стоила.

В Бикмэн-Плэйс Квиста и Джонни Кривич отвез на патрульной машине. Вторая следовала чуть позади. Квартиру Квиста словно отсекли от окружающего мира: один полицейский остался в вестибюле, другой обосновался в холле второго этажа — напротив входа в его апартаменты, третий — непосредственно в них, четвертый — у черной лестницы.

— Ваш телефон теперь прослушивается,— напомнил Кривич.

— Если зазвонит, снимайте трубку после третьего звонка. Мой человек сделает то же самое. Тогда абонент не уловит второго щелчка и не узнает, что его слушает кто-то еще.

— Как должен вести себя Джонни, если позвонит шантажист? — спросил Квист. Сам Джонни, казалось, потерял интерес к происходящему и устроился рядом с баром.

— Тянуть время,— ответил Кривич. — Тянуть, тянуть и тянуть. Чтобы мы смогли узнать, откуда тот звонит.

— Он должен соглашаться на поставленные условия?

— Да. Мы решим, что делать дальше.
— И где вас найти? — спросил Квист.
— Позвоните по этому номеру, — Кривич протянул полоску бумаги. — Где бы я ни был, меня найдут за несколько минут.

— Хорошо.

Кривич взглянул на Джонни, наливавшего себе виски.

— Постарайтесь сдерживать нетерпение. Он может объявиться прямо сейчас, а может через день или два. Я думаю, он позвонит в самое ближайшее время, чтобы не дать нам основательно подготовиться.

О деньгах для выкупа они договорились еще в конторе Квиста. Все оказалось проще простого. Джонни обладал неограниченным кредитом. Сержант Квиллэн поехал в банк и получил деньги в купюрах по десять, двадцать и сто долларов. Их аккуратно уложили в кожаный саквояж, который теперь стоял в стенном шкафу у двери.

— Если Джонни предложат взять деньги и выехать немедленно?

— Позвоните мне, подождите еще десять минут и выезжайте, — ответил Кривич. — Его прикроют.

— Именно этого не хочет шантажист, — заметил Квист.

— Я думаю, мы сможем остаться незамеченными...

Когда лейтенант ушел, Джонни с полупустым бокалом плюхнулся в кресло.

— Никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Какая польза от полицейской защиты и подслушивания телефонных разговоров? Неужели шантажист так глуп, что сам полезет в западню? Он скажет мне, куда привести монеты, но постарается оставить фараонов с носом, — Джонни допил виски. — У тебя есть пистолет, дружище?

— Нет. А что?

— Чуть раньше я сказал тебе, что хочу жить, — уголок рта Джонни дернулся. — Сейчас я мечтаю только об одном: встретиться с этим подонком лицом к лицу и убить его на месте, — Джонни отвернулся. — Но перед тем как я его убью, пусть он секунд тридцать посмотрит в дуло пистолета и поймет, что это такое.

— Когда Кривич арестует этого шантажиста, у него будет больше времени на размышления.

— Кривич-Сливич, — фыркнул Джонни. — Он обычный полицейский. Этот парень ему не по зубам. Посмотри, как тот обложил меня. Я мог убить Маршалла, ведь в пятницу утром я был в Голливуде. Он добился и того, что я оказался в чикагском аэропорту в момент убийства Сэйбола. До

Макса Либмана он добрался в Нью-Йорке, а потом помял мою машину, чтобы подозрение вновь пало на меня. Он слишком умен для служаки вроде Кривича. Он заманит меня в укромное местечко и, возможно, убьет после того, как получит деньги. Мне нужен пистолет, Джулиан. Помогите мне достать пистолет, чтобы я мог постоять за себя.

Зазвонил телефон.

Мужчины переглянулись. Квист знаком предложил Джонни взять трубку.

Второй звонок. Третий. Джонни поднял трубку.

— Слушаю,— он взглянул на Квиста и кивнул.— Да, сукин ты сын, это Джонни Сэндз... Да, они у меня... «Мэдисон Сквер Гарден»! Да... Да... Я понял, что ты сказал, но не уверен, что захочу рисковать...

Джонни медленно положил трубку на рычаг, его рука дрожала.

— Я не смог дольше удержать его. Этот сукин сын совсем спятил.

Квист вытащил из кармана полоску бумаги с телефоном Кривича.

— Быстро, Джонни. Что ты должен делать?

— Прийти на хоккейный матч в «Медисон Сквер Гарден». В кассе для меня оставлен билет. Деньги я должен взять с собой. И ждать, пока ко мне не подойдут и не попросят их отдать. Я должен прийти один. Если вмешается полиция, придется платить больше.

Квист набрал оставленный Кривичем номер. Телефонистка на другом конце провода нашла лейтенанта через пару минут.

— Уже позвонил? — удивился тот.— Буду у вас через четверть часа. Где он должен передать деньги?

— В «Мэдисон Сквер Гарден», на сегодняшнем хоккейном матче.

— Вы, должно быть, шутите?..— изумился Кривич.

Глава 4

В кассе «Гарден» лежал билет для Джонни Сэндза. Место ему выбрали очень хорошее, чуть ли не напротив центральной линии, пересекающей площадку надвое.

Кривич все еще не мог поверить, что это правда. Он связался с полицейским, сидящим в подвале у подслушивающего устройства. Установить, откуда звонил шантажист, не удалось, но разговор записали на пленку. Джонни ничего не выдумал.

— Ну ладно,— Кривич взглянул на часы.— Времени у нас достаточно. Мы сможем посадить наших ребят вокруг Джонни, перекрыть все выходы. Если кто-то возьмет у Джонни саквояж с деньгами, его тут же схватят. Ни один человек в здравом уме не решился бы на такой план.

— А вы уверены, что он в здравом уме? — возразил Квист.— События последних дней убеждают как раз в обратном. Но я могу поспорить, что он позаботился о том, как завладеть деньгами и ускользнуть от полиции. До сих пор у него все получалось.

— На этот раз у него нет ни единого шанса,— голосу Кривича, однако, не доставало убедительности.

В «Гарден» был аншлаг. «Рейнджеры» встречались со своими главными соперниками, «Бостонскими медведями», но Квисту удалось достать четыре билета для себя, Лидии, Гарви и Конни Пармали. С Джонни они оказались на противоположных трибунах. Кривич расставил своих людей у каждого входа да еще рассадил с дюжину детективов в непосредственной близости от Джонни.

Он готовился к любым неожиданностям. Преступники, как известно, часто используют один и тот же прием. Шантажист напугал всех бомбой в самолете, добившись тем самым возвращения Джонни в чикагский аэропорт. Этот же фортель он мог выкинуть и теперь. Вывести из «Гарден» пятнадцать тысяч зрителей, обе команды, да еще персонал не так-то легко. А в суматохе преступник мог незаметно подобраться к Джонни и забрать деньги. Поэтому Кривич приказал детективам оставаться на местах при любых обстоятельствах. Вроде бы убийцы перекрыли все пути, и все же... полез бы он в пасть тигра, если б не надеялся выбраться из нее невредимым?

— Невидимок не существует,— подбадривал Кривич себя и других.— Ему придется нести саквояж. И даже если человек-невидимка не выдумка фантастов...— Квист рассмеялся, догадавшись, что последует дальше,— никто еще не слышал о невидимых саквояжах.

Джонни вновь попросил пистолет, на этот раз у Кривича.

— Положитесь на нас,— ответил тот.

Улучив удобный момент, Квист увел лейтенанта в лоджию.

— Вы знакомы с Пьером Шамбрэном, управляющим отелем «Бомонт»? — спросил он.

— Слышал о нем. Время от времени нам приходится наведываться в отель. Большая умница.

— Вчера он высказал интересную мысль. Фокусник всегда привлекает внимание к тому, что кажется истиной, чтобы никто не заметил второго дна его цилиндра.

— Ну и что? — раздраженно спросил Кривич.

— Мы оба понимаем, что с саквояжем парню никуда не деться. Это невозможно. А вдруг нас водят за нос, чтобы мы не заметили второго дна?

— Нельзя ли ближе к делу, Квист? У меня нет времени на...

— Он придет не за деньгами. Они его не интересуют.

— Сто тысяч?

— Он вступил на кровавую тропу. Маршалл, Сэйбол, Либман, Эдди Уизмер, Джонни — последний из тех, кто знал, как умерла Беверли Трент. Здесь, в моей квартире, ему не добраться до Джонни. Он не сможет подойти к нему и на улице — вокруг будет кольцо полицейских. Поэтому он выманивает Джонни в «Гарден». Выбирает для него место. И Джонни превращается в идеальную мишень. К нему не надо приближаться. Достаточно устроиться на галерке с ружьем в руках. Там этого парня никто не заметит. Все взоры будут устремлены на ледовую площадку. Он стреляет — Джонни падает. Ваши люди бросаются к убитому, а наш приятель преспокойно уходит. Ружье он сунет под какое-нибудь сиденье и задаст невозможную задачу — найти его среди пятнадцати тысяч зрителей. А Джонни — мертв, чего тот, собственно, и добивался.

— Вы и ваш чертов цилиндр, — пробормотал Кривич.

— Это единственная понятная мне причина, ради которой он назначил встречу в «Гарден».

Лейтенант глубоко затынулся.

— Черт! Ну хорошо. Никто не сможет подойти к Джонни с пистолетом в руке. Мои люди проследят за этим. Но снайпер — это другое дело... Он будет стрелять с противоположной трибуны. Мы присмотрим и за ней.

— Мне кажется, надо предупредить Джонни, — заметил Квист. — Все-таки речь идет о его жизни.

— Я думаю, это разумно, — кивнул Кривич.

Джонни слушал, не пропуская ни единого слова.

— Квист убедил меня, что я должен дать вам шанс отказать от встречи, — закончил Кривич.

Джонни облизнул губы.

— Он действительно может застрелить меня?

— Думаю, мы сможем вас прикрыть, — ответил лейтенант. — Девяносто процентов я гарантирую. Десять процентов риска.

В улыбке Джонни не было веселья:

— Мне это подходит.

— Не спеши,— попытался отговорить его Квист.— Имея ружье с оптическим прицелом, он сможет без труда вклеить тебе пулю между глаз.

— Может, это и к лучшему?

— Возможно, он даже не будет искать пути к спасению. Если наше предположение верно, ты — последний в его списке.

— Спасибо за заботу, дружище,— Джонни вздохнул.— Я хочу с этим покончить. Я согласен, лейтенант.

— Ты идиот,— покачал головой Квист.

Джонни шутливо толкнул его в грудь:

— Зато ты увидишь великолепное зрелище.

«Мэдисон Сквер Гарден» был переполнен. Яркий свет заливал блестящую поверхность льда с синими и красными поперечными полосами и кругами вбрасывания. «Рейнджерсы» и «Медведи» разминались. Вратари своими масками напоминали персонажей фильмов ужасов. Зазвучали первые такты гимна США. Все встали. Затем на площадке осталось по шесть игроков каждой команды, арбитр приготовился вбросить шайбу.

Квист, Лидия, Дэн Гарви и Конни Пармали сидели напротив скамейки «Рейнджерсов». За игрой они не следили. Квист, вооруженный биноклем, не отрывал глаз от Джонни Сэндза. Тот вошел в зал с саквояжем в руке, в сопровождении одетого в униформу сотрудника «Гарден». К своему месту он добрался не скоро. Джонни узнавали, некоторые просили автограф.

— Чего он приперся,— пробормотал Дэн Гарви.— Все может кончиться в несколько секунд. В такой толпе ему никто не поможет.

Наконец Джонни сел, поставил саквояж между ног. В бинокль Квист различал тоненькую струйку пота на щеке Джонни. Его взгляд блуждал по верхним рядам противоположной трибуны. Там мог притаиться снайпер.

— Какую же надо иметь волю, чтобы вот так сидеть и ждать, пока в тебя выстрелят,— процедил Гарви.

«Гарден» взорвался криками. Игра началась. Квист так и не взглянул на площадку. Его занимал Джонни. Он знал, что рядом с ним сидят люди Кривича. Но снайпер... А зал ревел, восхищаясь своими любимцами.

Закончился первый период. Джонни окружила толпа поклонников. Квист встал.

— Я больше не могу. Пойду на ту сторону. Думаю, что смогу помочь ему, если буду неподалеку. В перерыве с ним ничего не случится. Вокруг слишком много людей.

— Я пойду с тобой,— поднялась и Лидия.

— Не надо. Там ты станешь мишенью.

— А ты?

— Как говорили в армии, если на пуле написано мое имя, от нее не спрячешься.

— Я могу сказать то же самое и о себе.

В фойе, у входа в один из секторов, они столкнулись с Кривичем.

— Я постарел на десять лет,— вздохнул тот.— Я уже жалею, что привез его сюда.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил Квист.

— Мои люди следят за трибунами. Ружья они не заметили.

— Его можно спрятать под пальто.

— Будто я этого не знаю.

Крики зрителей возвестили о начале второго периода. Джонни вновь застыл, зажав саквояж ногами. Квист и Лидия остались с Кривичем.

Второй и третий периоды тянулись бесконечно, но за гудела финальная сирена, и зрители потянулись к выходам.

— Кто выиграл? — спросила Лидия.

— Понятия не имею,— ответил Квист.

— «Рейнджеры», три — два,— Кривич не отрывал взгляда от Джонни. Тот сидел не шевелясь.

Наконец Сэндз встал. Толпа уже поредела. Медленным шагом бесконечно уставшего человека он направился к выходу, где его ждали Кривич, Квист и Лидия. За игру он превратился в старика. Саквояж пригибал его к земле. Сто тысяч долларов весят поболее сэндвича с ветчиной, подумал Квист.

Внезапно перед Джонни возникла знакомая фигура Дугласа Хэдмана. Он улыбнулся, что-то сказал, и Джонни протянул ему саквояж. Хэдман взял саквояж, и тут же Джонни набросился на него с кулаками. Хэдман отбросил саквояж, правой ударил Джонни в челюсть, левой — в солнечное сплетение. Джонни рухнул на пол. Хэдман не пытался бежать. Он стоял, глядя на Джонни, словно не веря своим глазам.

Мгновение спустя люди Кривича заломили ему руки за

спину. Подбежал сам лейтенант, Квист помог Джонни встать. Из уголка его рта сочилась кровь.

— Этот сукин сын попросил у меня саквояж,— пробормотал Джонни.— Это он.

Хэдман ошарашенно смотрел на Сэндза.

— Что с ним? — голос Хэдмана дрожал.— Я хотел ему помочь, а он набросился на меня. Послушайте, Джонни, надеюсь, я не сильно ударил вас, у меня сработал защитный рефлекс. Что произошло? Что я сделал?

— Это же чушь собачья,— Хэдман покачал головой.

Они расположились в кабинете капитана местного участка полиции — Хэдман, Кривич, Джонни, полдюжины детективов в штатском, Квист и Гарви. Саквояж стоял на столе. Кривич открыл его и показал содержимое Хэдману: аккуратные пачки десяти-, двадцати- и стодолларовых купюр.

— Мой бог! — ахнул Хэдман.

— Вы не знали, что в саквояже, Хэдман? — спросил Кривич.

— О боже, нет! — воскликнул тот.— Джонни выглядел уставшим. Я лишь предложил ему поднести саквояж. Лейтенант взглянул на Сэндза.

— Он спросил, не дам ли я ему саквояж,— ответил Джонни.— Я сразу понял, что он имел в виду.

— Не могли бы вы объяснить, что все это значит? — чувствовалось, что Хэдман не на шутку перепугался.

— А не спросить ли нам мистера Хэдмана, где он был в пятницу утром, в субботу днем и вечером, а также в воскресенье рано утром? — подал голос Квист.

— И в тот вечер, когда свели счета с Эдди,— добавил Джонни.

— Я не понимаю,— пробормотал Хэдман.— Я был здесь, в Нью-Йорке. Я не уезжал из города бог знает сколько недель.

— Вы не были в Калифорнии в пятницу утром? — спросил Кривич.

— Повторяю, я не выезжал из Нью-Йорка.

— Вы не были в Чикаго в субботу? Днем и вечером?

— Нет!

— Где же вы были в это время?

— О боже! — Хэдман облизал пересохшие губы.— Я... Я должен подумать. Последние две недели я помогал мис-

сис Шеер готовить благотворительный вечер. В пятницу... Я весь день провел в ее доме у телефона.

— А в субботу?

— То же самое. Последние детали. Днем я ездил в «Гарден» — проверить, как идет подготовка к концерту. Пообедал у миссис Шеер и вместе с ней вечером вновь поехал в «Гарден».

Кривич повернулся к одному из детективов.

— Попросите миссис Шеер приехать сюда, сержант. Заодно проверим их алиби.

Детектив вышел из кабинета.

— Может, вы скажете мне, что я сделал? — взмолился Хэдман.

— В свое время, — ответил Кривич.

Квист отвел Гарви в дальний угол.

— Ты можешь найти Тоби Тайлера?

— Могу попытаться. А зачем?

— Возможно, Хэдман — тот самый тип, которого Тайлер называл Чифом.

— Бородатый хиппи?

— Бороду можно сбрить, волосы подстричь.

Хэдману пришлось помучиться в ожидании миссис Шеер. Та прибыла примерно через час в сопровождении детектива. Выглядела она весьма эффектно.

— Дуг, почему...

— Какая-то дикость, — прервал ее Хэдман. — Произошла ужасная ошибка.

Тут Мэриан Шеер заметила Квиста.

— Мистер Квист, может быть, Дугу нужен адвокат? Насколько я поняла, речь идет о каких-то деньгах в саквояже, которые он вроде бы попытался украсть у Джонни. Это же просто чушь.

— Они хотят узнать, где я был, — начал Хэдман.

— Мы сами зададим миссис Шеер интересные нас вопросы, — вмешался Кривич. — Если вас не затруднит, миссис Шеер, скажите, пожалуйста, что вы делали в прошлую пятницу?

— В прошлую пятницу? А какое отношение...

— Они хотят знать... — вновь подал голос Хэдман.

— Если вы еще раз откроете рот, Хэдман, — рыкнул Кривич, — я удалю вас отсюда. Пожалуйста, миссис Шеер, если вам нетрудно, расскажите, что вы делали в пятницу... и в субботу.

— Господи, в этом нет секрета. Вы все это знаете. В пятницу завершилась подготовка к благотворительному

концерту. Я провела этот день дома. Со многими говорила по телефону. Утрясала последние неувязки.

— Одна?

— О боже, нет. Ко мне приходили десятки людей. Дуг появился после завтрака и был в моем доме до вечера.

— Дуг — это мистер Хэдман?

— Ну разумеется.

— А в субботу?

— Субботу, и Дуг вам это подтвердит, я вспоминаю как кошмарный сон. Если б не Дуг, я бы ничего не успела. Он помогал мне весь день. Днем по моей просьбе съездил в «Гарден». Все время успокаивал меня. Мы вместе пообедали. Затем поехали в «Гарден». После концерта он отвез меня домой. Джонни закончил петь в три часа утра.

— Значит, Хэдман отвез вас домой?

— Да, и еще двух или трех моих друзей. Мы перекусили и разошлись часов в семь утра, не так ли, Дуг?

Хэдман уже улыбался.

— Совершенно верно.

«Значит, Хэдман не причастен к убийствам,— сказал себе Квист.— У него алиби на пятницу, алиби на субботу, алиби на воскресное утро». Тут его дернули за рукав. Обернувшись, он увидел Дэна Гарви и симпатичного молодого человека. По знаку Гарви Квист вышел в коридор.

— Тоби Тайлер,— представил Гарви своего спутника.

— Добрый вечер, мистер Квист,— поздоровался тот.

— Добрый вечер.

— Ну, Тоби, что ты скажешь? — спросил Гарви.— Тот бородач из Голливуда — Хэдман?

— Не знаю,— Тайлер насупился.— Ничего общего — модный костюм, короткая стрижка, чисто выбритый подбородок. Рост и цвет волос вроде бы те же, но остальное... Пожалуй, это не он.

— Но вас что-то смущает,— заметил Квист.

— Та женщина. Кто она? Миссис Шеер?

— Да. Богатая вдова.

— Я видел ее фотографию.

— Миссис Шеер не сходит со страниц светской хроники,— хмыкнул Гарви.— Мы все видели ее фотографии.

— Я видел ее в другом месте,— вымученно улыбнулся Тайлер.— В нашем разговоре, Дэн, мы не касались подробностей моей личной жизни. Но я могу сказать, что тоже пользовался благосклонностью Беверли Трент. Так вот, фотография миссис Шеер в серебряной рамочке стояла на туалетном столике Беверли

ЧАСТЬ III

Глава 1

— Я не могу его задержать, — Кривич в сопровождении Джонни Сэндза вышел в коридор к Квисту, Гарви и Тоби Тайлеру. Мэриан Шеер и Хэдман остались в кабинете. — Сэндз признает, что Хэдман лишь спросил, не может ли он понести саквояж. Он не выхватывал саквояж из рук Сэндза. Наоборот. Сэндз сам отдал его.

— Это он, — настаивал Джонни. Вдруг он с интересом взглянул на Тайлера. — Мы с вами раньше встречались, Тайлер?

Тот широко улыбнулся.

— В Голливуде. А однажды я попал на вашу знаменитую вечеринку с шампанским.

Джонни окаменел.

— А какого черта вы здесь?

Квист пояснил, что Тайлер — друг Гарви и одно время был агентом Беверли Трент.

— Тайлер вспомнил, что Беверли Трент появилась на вашей вечеринке с мужчиной, — добавил Гарви. — Вам знакомо прозвище Чиф, Джонни?

Сэндз нахмурился.

— Длинноволосый псих из Голливуда? У него был целый гарем, а одна из его женщин подожгла себя в доме Джига Лоусона? Вы думаете, он был на моей вечеринке с шампанским, Тайлер?

— Я в этом уверен, — ответил тот.

Джонни покачал головой.

— Там были люди, которых я не знал. Длинные волосы и бороды тогда как раз вошли в моду. Может, он и был там. Но какое отношение имеет Чиф к этому слизняку в кабинете?

— Мы пытаемся разобраться, Джонни, — ответил Квист. — Если Хэдман действительно пришел за деньгами, он мог убить Эдди и всех остальных. Возможно, он и Чиф — один человек. Поэтому мы привезли Тайлера, чтобы опознать его.

— Ну, это Чиф или нет?

— Точно я сказать не могу, — покачал головой Тайлер. — Скорее всего, нет. Рост, цвет волос похожи, но не более того.

— Ты бывал в квартире Беверли Трент, Джонни? — продолжил Квист. — Не считая той ночи, когда вы привезли ее тело?

— Это крысиная нора,— ответил Джонни.— Я не хотел, чтобы меня видели в ее доме. Беверли приезжала ко мне.

— Тоби провел там ночь. И увидел интересную фотографию в серебряной рамке,— Квист взглянул на лейтенанта.— Ты помнишь какие-нибудь фотографии в квартире Беверли, Джонни?

— Знаешь, мы хотели как можно скорее выбраться оттуда. Мы положили ее на кровать, оставили на ночном столике пустой флакон из-под снотворного и тут же смылись. Чья же там была фотография? Может быть, Джона Уэйна? ¹ Наша Беверли была равнодушна к знаменитостям.

— Фотография Мэриан Шеер.

У Джонни отвисла челюсть.

— Ты шутишь!

— Вы в этом уверены, мистер Тайлер? — спросил Кривич.

— Абсолютно, лейтенант.

— Фотографии Мэриан мелькают во всех газетах,— заметил Джонни.

— Скажите мне, Тоби, вы видели вырезку из газеты или журнала? — спросил Квист.

— Нет, это была именно фотография — восемь на десять дюймов.

— Вы взглянули на нее и узнали миссис Шеер? — добавил Кривич.

— Нет. Сегодня я увидел эту женщину впервые. Но на туалетном столике в спальне Беверли стояла ее фотография. В этом я не сомневаюсь.

— Так давайте спросим Мэриан, как ее фотография попала к Беверли,— Джонни двинулся к двери.

— Не спеши, Джонни,— Квист взглянул на Кривича.— Она сейчас очень сердита. И не захочет отвечать на вопросы. Я, пожалуй, отвезу ее домой и по пути расспрошу обо всем, что нас интересует. Вы ведь не сможете задерживать миссис Шеер, не так ли, лейтенант?

— Дело Трент меня не касается,— ответил Кривич.— Я расследую убийства Макса Либмана и Эдди Уизмера. Возможно, убийца — шантажист Сэндза. Но у меня такое ощущение, что у Хэдмана железное алиби. Валийте, Квист. Попытайтесь узнать, что это за фотография,— он повернулся к Джонни.— А вас, Сэндз, отвезут в квартиру Кви-

¹ Известный голливудский киноактер.

ста. Вы останетесь там под охраной сержанта Квиллэна.

— Вы думаете, шантажист снова позвонит? — спросил Джонни.

— Он же не получил денег.

Кривич сказал Мэриан Шеер и Хэдману, что они могут идти. Перед Хэдманом он даже извинился.

— Если вы позволите отвезти вас домой и угостите меня шампанским, Мэриан, — Квист взял миссис Шеер под руку, — я расскажу вам всю историю.

Ее глаза затуманились.

— Бедный Дуг, — вздохнула она.

В особняк миссис Шеер они поехали на такси. Хэдман все еще не мог прийти в себя.

— Я увидел, как Сэндз тащит этот чертов саквояж. Джонни выглядел таким уставшим. Мне показалось, что саквояж очень тяжелый. Я подошел к Джонни, поздоровался и спросил, не могу ли донести саквояж до такси или его машины. Он взглянул на меня, отдал саквояж и тут же замахал кулаками. Мне пришлось защищаться.

— Джонни весь вечер ждал, чтобы его попросили отдать саквояж, — Квист сидел между Мэриан и Хэдманом. Они оба ловили каждое его слово.

Он рассказал, что Джонни шантажировал какой-то патологический убийца. Беверли Трент он не называл, но заметил, что знает, из-за чего шантажировали Джонни. Затем перечислил фамилии убитых и высказал предположение, что этот загадочный маньяк старается или запугать Джонни, чтобы заставить его платить, или просто хочет разделаться с ним.

— Все убитые, включая Эдди Уизмера, знали о проступке Джонни. Тот два года исправно платил шантажисту. Так что убийства взаимосвязаны. Сегодня утром шантажист вновь позвонил и потребовал сто тысяч долларов, пригрозив убить Джонни, если денег не будет. Джонни велели привезти деньги в «Гарден» и ждать, пока их у него не попросят. Мы не могли понять, как шантажист рассчитывал получить деньги. Он же понимал, что полиция попытается прикрыть Джонни. Я даже подумал, не хочет ли он подставить Джонни под пулю снайпера. Сэндз просидел весь матч, ожидая или выстрела, или вопроса о деньгах.

— Мой бог! — ахнула Мэриан.

— Представляете, Хэдман, в каком он был состоянии, когда вы подошли к нему и предложили поднести саквояж?

Глаза Хэдмана широко раскрылись.

— Так вот почему их интересовало, что я делал в пятницу, субботу и в воскресенье ранним утром? Они думали, что я — убийца.

— Вы же попросили отдать вам саквояж,— пожал плечами Квист.— К сожалению, дважды два иногда равняется пяти.

— И теперь Джонни вновь будет ждать телефонного звонка? — подала голос Мэриан.— У него опять потребуют денег, а может быть, попытаются убить?

— Да.

— Это же ужасно!

— Не знаю, что на меня нашло. Зачем я только заговорил с ним,— покачал головой Хэдман.— Но он выглядел таким уставшим. А кого привел Гарви?

— У нас есть основания подозревать, что шантажист-убийца раньше жил в Калифорнии. Его звали Чиф. Приятель Дэна, Тоби Тайлер, знал его лично. В Калифорнии Чиф ходил с бородой и длинными волосами. Тоби говорит, что внешне он напоминал Чарльза Мейсона. Мы подумали, что раз вы попросили отдать вам саквояж, Хэдман, и на вас пало подозрение в совершении убийств, то вы и есть Чиф, побритый и постриженный. Мы привезли Тоби, чтобы он взглянул на вас.

— И?..

— Разумеется, он сказал, что между вами нет ничего общего.

Хэдман облегченно вздохнул.

— Господи, к какой беде может привести простое стечение обстоятельств. И с чего только я решил ему помочь! Кто-нибудь из детективов Кривича мог застрелить меня!

— Если бы вы побежали, а не ударили в ответ,— кивнул Квист.

Такси остановилось у особняка Мэриан. Квист расплатился с водителем. Они вошли в дом, поднялись на третий этаж. Хэдман направился к бару, а Квист уселся в удобное кресло и вытянул ноги. Только сейчас он понял, до чего же устал.

— Пожалуйста, курите,— улыбнулась Мэриан.

Квист достал сигару, закурил.

— Я перепугалась до смерти, когда они приехали за мной,— Мэриан села напротив.— Я не знала, что мог натворить Дуг. Но ваше присутствие сразу успокоило меня.

— Кривич — порядочный человек,— ответил Квист.— И честно выполняет свой долг,— он думал о том, как

перевести разговор на Беверли Трент, но шестое чувство подсказывало ему, что делать этого не следует.

— Вы когда-нибудь жили в Калифорнии? — спросил он.

— Я вообще не бывала там, — ответила Мэриан.

— А мне почему-то казалось, что вы изъездили весь свет.

— Делберт и я действительно много путешествовали, но главным образом по Европе — Англия, Франция, Греция, Италия, Испания. А вот на нашем западном побережье я не была ни разу.

Хэдман принес бокалы.

— Насколько я понимаю, корни нынешних неприятностей Джонни в Калифорнии?

— Да, конечно. Он прожил в Голливуде долгие годы.

— Вот почему вы спросили, бывала ли я в Калифорнии, Джулиан? — Мэриан вновь мило улыбнулась.

В голове Квиста прозвенел тревожный звонок: «Не спрашивай ее о Беверли Трент!»

— Я просто подумал, не знакомы ли вы с кем-либо из калифорнийского окружения Джонни. А вы жили в Голливуде, Хэдман?

— Однажды я провел там неделю. Футбольная команда нашего колледжа играла с Южно-Калифорнийским университетом. Тренер держал нас взаперти, словно преступников.

— Где вы учились?

— В «Нотр-Дам». Так что в Калифорнии я видел только аэропорт, захудалый нансионат, где мы останавливались, да стадион.

«Не задавай вопроса о Беверли Трент».

Квист допил содержимое бокала и встал.

— С вашего разрешения, Мэриан, я пойду. Очень устал.

— Позвоните мне. Мы хотим быть в курсе событий.

— Если с Джонни что-то случится, — хмуро ответил Квист, — вы и так обо всем узнаете.

Один из детективов Кривича дежурил в вестибюле дома Квиста, другой — в коридорчике у его квартиры. В гостиной Квиста встретила Лидия.

— Джонни?

— Ушел спать с бутылкой ирландского. Ты что-нибудь узнал?

— Я поехал к ней, чтобы задать один вопрос, но не стал этого делать.

- Почему?
- Честно говоря, не знаю. Внутренний голос запретил мне открывать рот.
- Они вышли в лоджию.
- Джулиан...
- Да, дорогая?
- Что такое индейский вождь? Я хочу сказать, каков его социальный статус?
- Он — король, босс, глава.
- Лидия резко повернулась к нему.
- Дэн говорил, что того голливудского подонка звали Дэвид Харрис?
- Кажется, да.
- Инициалы — Д. Х.— Дэвид Харрис, Д. Х.— Дуглас Хэдман,— Лидия покачала головой.— Я больше не верю в случайные совпадения, Джулиан¹.
- Игра слов,— помолчав, ответил Квист.
- Почему же ты не спросил Мэриан Шеер, знакома ли она с Беверли Трент?
- Говорю тебе, помешало шестое чувство.
- Дуглас Хэдман перед законом чист. У него железное алиби. Он не убийца. Возможно, и не шантажист.
- И что из этого следует?
- Забудем о нем,— ответила Лидия.
- А твоя игра слов? Вождь — глава — Хэдман,— Квист вернулся в бар, плеснул в бокал виски, добавил содовой.
- Может быть, фотография Мэриан Шеер не указывает на ее связь с Беверли Трент? — заметила Лидия.
- Как же она попала в квартиру Беверли?
- Мэриан — богатая светская дама. Возможно, для Беверли Трент она была примером.
- Это фотография, а не вырезка из газеты.
- Ну и что? В наши дни получить фотографию не так уж сложно. Беверли могла послать миссис Шеер письмо с такой просьбой.
- Да-да, конечно. Но как быть с Хэдманом — Чифом?
- Стоит ли волноваться из-за него, Джулиан? У него алиби.
- Квист покачал головой.
- Мне не дает покоя этот чертов цилиндр.
- Цилиндр?

¹ В переводе с английского слово «headman» (хэдман) означает глава, вождь племени.

— Шамбрэн напомнил мне в втором дне цилиндра фокусника. Вот, собственно, из-за чего я не спросил миссис Шеер о фотографии. Что-то не так и с миссис Шеер, и с Хэдманом.

— Что именно... кроме глупых совпадений?

Квист повернулся к Лидии.

— Я абсолютно уверен, что шантажист и не собирался забрать деньги в «Гарден». Вынести их оттуда не представлялось возможным. Поэтому я предложил версию снайпера.

— К счастью, ты ошибся.

— Но что произошло? Где разгадка этой шарады?

— Может быть, ты ищешь там, где ничего нет?

— Едва ли. Теперь с Дугласа Хэдмана сняты обвинения в убийстве и в шантаже.

— Ну и что?

— Значит, когда шантажист позвонит в следующий раз, мы не будем подозревать лишь одного человека — Дугласа Хэдмана. Он чист. Настоящий фокус. Наше внимание приковано к Хэдману, затем он признан невиновным, следить за ним больше незачем... и тут из цилиндра появляется крилик.

— Но его алиби!

— Алиби подтвердил человек, возможно, имеющий отношение к смерти Беверли. Это алиби нуждается в более тщательной проверке, — он погладил Лидию по щеке. — Поезжай к себе и отдохни. Утром мы попытаемся узнать правду о нашем вожде и его даме.

После звонка Лидии, сообщившей, что она дома, Квист разделся, принял душ, лег в постель и сразу заснул.

Разбудил его жуткий вопль. Какое-то мгновение Квист приходил в себя, затем понял, что крики доносятся снизу, из комнаты, где спит Джонни. Квист вскочил, надел халат, вытащил пистолет, спрятанный в шкафу под носовыми платками, и сбежал вниз. Крики стихли. В полутьме он увидел Джонни, сидящего на кровати.

— Джонни!

— О господи, — простонал тот.

— Я включу свет, — Квист нащупал выключатель и повернул его. Настороженно оглядел комнату.

— Я кричал? — хрипло спросил Джонни.

— Еще как.

— Значит, у тебя есть пистолет, — Джонни сощурился от яркого света. — Хорошо, что ты не дал его мне. Я убил бы этого Хэдмана.

— Джонни, что случилось?

— Кошмарный сон,— Джонни потянулся за пачкой сигарет.

— Ты меня насмерть перепугал,— Квист сунул пистолет в карман халата.

Джонни закурил, поднял с полу бутылку виски.

— Кто-то пытался меня убить... серебряным подсвечником.

— Если б не виски, я дал бы тебе таблетку снотворного,— Квист повернулся к двери.

— Не уходи,— взмолился Джонни.— Давай поговорим, дружище.

— Я валюсь с ног от усталости,— ответил Квист.— А завтра будет трудный день.

— Что ты задумал?

— Для собственного успокоения хочу покопаться в прошлом Хэдмана и твоей подруги Мэриан Шеер.

— Так Хэдман еще под подозрением?

— Завтра мы все выясним.

Глава 2

— Мистер Хэдман не так уж прост,— покачал головой Квист. Лидия, Гарви и Конни Пармали сидели перед ним.— Начнем с того, что его телефона нет в справочнике.

— Я не понимаю тебя, Джулиан,— Гарви нетерпеливо махнул рукой.— Игра слов, кое-какие совпадения, и тебя уже не устраивает алиби Хэдмана. Ну и что же, что у него такие же инициалы, как у Дэвида Харриса. Раскрой телефонный справочник, и ты найдешь две дюжины людей с инициалами Д. Х. Допустим, его телефон там не значится, но вчера он дал Кривичу все свои координаты: имя, фамилию, адрес, номер телефона. И еще эти твои размышления о цилиндре фокусника. Знаешь, Джулиан...

— Но почему шантажист выбрал столь необычное место для получения выкупа? — прервал его Квист.

— Не знаю. Но к Хэдману это не имеет никакого отношения. Даже Кривич признал, что он чист. У нас хватает забот с охраной Джонни, и надо еще решить, как быть с настоящим шантажистом, когда тот вновь даст о себе знать.

Квист взял со стола сигару.

— Хэдман упомянул, что играл в футбольной команде «Нотр-Дам». Ездил в Лос-Анджелес на матч с Южно-Калифорнийским университетом. У тебя есть друзья в «Нотр-Дам», не так ли, Дэн? Попробуй узнать, помнят ли там Хэдмана.

— Да что они смогут сказать?

— Не будем гадать, Дэниэл. Что тебе, трудно позвонить?

Гарри пробурчал что-то и поднял трубку.

— Соедините меня с Патриком О'Мара, университет «Нотр-Дам», Саут-Бенд, — сказал он телефонистке. — Да, срочно, — и положил трубку. — В каком году играл Хэдман?

— Понятия не имею. Ему сейчас около тридцати, так? Думаю, пять — семь лет назад.

— Ты хочешь, чтобы О'Мара нашел иголку в стогу сена, Джулиан.

— А пока мы ждем, — продолжал Квист, — давайте займемся миссис Шеер. Кем она была до замужества, откуда родом, где работала? Репортеры светской хроники наверняка что-то знают. Почему она вышла замуж за человека, который годился ей в отцы? Где сделаны фотографии, одна из которых попала к Беверли Трент? Лидия, Конни, разберитесь с этим, хорошо?

Зазвонил телефон. Гарви взял трубку, а Квист, наклонившись вперед, щелкнул переключателем громкой связи.

— Мистер О'Мара на проводе, — раздался голос телефонистки.

— Пат? Это Дэн Гарви.

— Привет, старик. Как поживаешь?

— Отлично. Мне нужна твоя помощь.

— Я слушаю.

— Несколько лет тому назад, пять или семь, у вас был парень, Дуглас Хэдман. Он играл в футбольной команде.

— Хэдман? Я не помню никакого Хэдмана.

— В тот год вы играли с Южно-Калифорнийским университетом на их поле. Останавливались в каком-то загородном пансионате.

— Я отлично помню тот сезон. Я сам ездил в Калифорнию. Хэдмана в команде не было. Там у нас вышла неувязка. После игры пропал Хирш, Дон Хирш. Мы обратились в полицию штата и в ФБР. Думали, с ним что-нибудь случилось. Но, как выяснилось, он просто решил завязать с учебой. Подался в какую-то коммуну хиппи.

— А как выглядел Хирш? Ты его помнишь?

— Да, конечно. Шесть футов роста, весом в сто шестьдесят фунтов, черные волосы. Довольно быстр, но выносливости маловато.

— В университете должны остаться его документы, не так ли, Пат? Откуда он приехал и все такое. Я имею в виду Хирша.

— Все должно лежать в деканате. Если это важно, я выясню. Ты думаешь, это твой Хэдман?

— Возможно. Для меня это очень важно, Пат.

— Хорошо. Позвони мне к концу дня. Часиков в пять.

— До вечера,— Гарви положил трубку, его лицо потемнело.

— Дон Хирш, инициалы «Д. Х.»,— промурлыкала Лидия.

— Коммуна хиппи,— задумчиво повторил Квист.— Возможно, наш мистер Хэдман погорячился, упомянув о «Нотр-Дам». Не стал ли он Чифом после той игры,— он нажал кнопку на столе.— Пусть кто-нибудь заменит Глорию в приемной. Я хочу с ней поговорить.

Конни встала:

— Пора поинтересоваться прошлым миссис Шеер,— и прошла в свою комнату.

— Должен признать, что совпадений действительно слишком много,— пробурчал Гарви.

Открылась дверь, и в кабинет впорхнула Глория Чард.

— Что я натворила? — испуганно спросила она.

— Вчера тебя приглашал на ленч Дуглас Хэдман.

— Но вы разрешили мне поехать с ним,— она взглянула на Лидию.

Квист улыбнулся.

— Конечно. Но нас интересует мистер Хэдман. Что бы ты могла о нем сказать?

Глория потупилась.

— О нем — практически ничего. Но я узнала, что являюсь самым очаровательным, самым желанным существом на свете, и, если я не отвечу согласием на его чувства, он почти наверняка обезумеет, обезумеет, обезумеет.

— Очень интересно, но неужели он ничего не говорил о себе?

— Упомянул, что только он может научить меня тайнам любви.

— Каков же был ответ: да или нет? — улыбка не сходила с лица Квиста.

— Я ответила — возможно. Он действительно неотразим. Сегодня вечером я, вероятно, буду с ним обедать.

— Как же он мог покинуть тебя вчера, находясь на грани безумия?

— Он был в отчаянии, но не мог отменить назначенную ранее деловую встречу.

— В «Мэдисон Сквер Гарден»,— добавил Гарви.

— Если вы считаете, что я не должна видаться с ним, мистер Квист,— пролепетала Глория,— я, конечно...

— Не торопись сдаваться на милость победителя, Глория. Я только хочу предупредить тебя, что мистер Хэдман не просто герой-любовник. Где он живет?

— Он снимает квартиру где-то в Ист-Сайде.

— Там ты должна встретиться с ним?

— Если я соглашусь.

— Его номера нет в телефонном справочнике, потому что квартира записана на другую фамилию,— вставил Гарви.

— Он не сказал тебе, чем занимается? Где работает?

— Нет, мистер Квист. Он лишь перевозносил мои достоинства.

— Да, у мистера Хэдмана отменный вкус. Сначала Лидия, потом ты,— пальцы Квиста забарабанили по столу.— Хэдман что-то скрывает, возможно, он даже опасен. Не знаю, стоит ли тебе встречаться с ним.

— Конечно, не стоит! — воскликнул Гарви.

— Я хочу знать, чем он занимается. Откуда родом. Как давно обосновался в Нью-Йорке. Когда превратился из Хирша в Харриса, из Харриса — в Хэдмана.

Глаза Глории широко раскрылись.

— Я не понимаю. Вы думаете, он... он...

— Да,— отрезал Гарви.

— Мне кажется, Глорию надо ввести в курс дела,— Квист повернулся к Лидии.— Расскажи ей обо всем, Лидия. А потом я попрошу тебя, Глория, заглянуть ко мне. Мы решим, встречаться тебе с Хэдманом или нет.

Обе женщины вышли из кабинета.

— Похоже, в твоей версии что-то есть,— Гарви взглянул на Квиста.— Представление в «Гарден» разыгрывалось для того, чтобы отвлечь нас от Хэдмана. Если он Чиф — Хирш — Харрис...

— Джонни вновь услышит о нем,— продолжил Квист.— И на этот раз едва ли мы сможем помешать передаче выкупа.

— Но он не убийца,— упорствовал Гарви.

— Если его алиби подтвердится.

— Глории не следует встречаться с ним. Если этот тип — Чиф, бог знает, что он с ней сделает.

Квист задумчиво разглядывал кончик сигары.

— А мне кажется, Глория справится с мистером Хэдманом.

— А что предпримем мы? Ты скажешь Кривичу, что нашел второе дно в цилиндре Хэдмана?

— Скажу. Но он может не поверить. Поэтому сначала я хотел бы получить более подробную информацию. Твой человек в «Нотр-Дам» выяснит что-нибудь о Хирше. Глория — о Хэдмане.

— А пока Хэдман назначит новую встречу Джонни и смоется с чемоданом денег.

— Возможно, он предпримет такую попытку. И постарается, чтобы на этот раз детективы Кривича не смогли прикрыть Джонни.

— Значит, у него все выгорит. Джонни бросит где-нибудь саквояж с деньгами. Хэдман его подберет, как только Джонни скроется из виду.

Квист кивнул.

— Он будет следить за Джонни, чтобы убедиться, что у того нет полицейского прикрытия. Тут-то мы его и накроем.

— Как это?

— Он уверен, что его уже ни в чем не подозревают. У него надежное алиби, он отпущен на все четыре стороны. А мы установим за ним наблюдение. Убедим Кривича отозвать своих ищеек. Джонни привезет деньги, и, когда Хэдман приедет за ними, мы возьмем его с поличным.

— Мы?

Квист улыбнулся.

— Я думаю о тебе, Дэниэл.

День тянулся медленно. Квист принял несколько клиентов. Переговорил с Глорией.

— Я не боюсь Хэдмана,— заявила она.

— Ты можешь нам помочь,— кивнул Квист.— Если он будет с тобой, то не сможет заниматься чем-то другим. И мы выгадаем время. Возможно, к вечеру мы и так будем все знать. Тогда ты откажешься от обеда.

Во второй половине дня в кабинет заглянула Конни Пармали.

— Если хотите, я расскажу о прошлом Мэриан Шеер.

— Конечно, хочу.

Она села.

— Кое-что вас удивит.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Делберт Шеер умер шесть лет тому назад в возрасте семидесяти двух лет. Сердечный приступ по дороге на ра-

боту. Он был биржевым маклером. Особняк на Восьмидесятой улице, где живет вдова, принадлежал ему.

— Любопытно,— сухо заметил Квист и потянулся за сигарой.

— Слушайте же. Мистер Шеер находился на грани банкротства. Практически разорился. Особняк был заложен и перезаложен. Правда, на личном счету Мэриан Шеер было сорок тысяч долларов. После смерти мужа она получила и закладную. Больше ей не досталось ни цента.

— Однако!

— Никто не мог заставить ее платить по деловым обязательствам мужа. В общем, у нее остались дом и сорок тысяч долларов. Выплаты по закладной и поддержание привычного образа жизни съели эти сорок тысяч очень быстро.

— Где ты все это выкопала, Конни?

— У Тэдди Мюрэка из вашего банка. Он вам многим обязан. Два года спустя она потратила все, и тут на ее счет поступили пятьдесят тысяч долларов. Год спустя еще столько же. Вам это о чем-то говорит?

Глаза Квиста превратились в щелочки.

— Первые пятьдесят тысяч поступили на следующий год после смерти Беверли Трент, когда Джонни начали шантажировать.

— Я подумала о том же. Естественно, у меня нет доказательств связи денежных поступлений на счет Шеер с шантажом Джонни. Но по времени все совпадает.

— Продолжай,— кивнул Квист.

— Наша Мэриан вышла замуж за Делберта Шеера десять лет назад. Согласно брачному свидетельству, ей было тридцать два года. До этого она успела овдоветь. Ее первый муж, Майк Дэниелс, годом раньше погиб в авиационной катастрофе. Он оставил Мэриан двухкомнатную квартиру в Грэмерси-Парк и скромное наследство. Но она чуть ли не сразу же подцепила Делберта Шеера.

— Занятно.

— О том, что делала Мэриан до встречи с Майком Дэниелсом, никто не знает. Помимо прочего, Майк увлекался прыжками с трамплина. С соревнований в Сент-Поле он привез очаровательную новобрачную. О ее семье и о ней самой никто ничего не слышал. Салли Блейн, репортер светской хроники, говорит, что ходили слухи, будто она была не то официанткой, не то гардеробщицей и вообще чуть ли не проституткой.

— Такое вполне возможно.

— Самое интересное еще впереди. Я связалась с Сент-Полом. В архиве муниципалитета есть запись о бракосочетании Майка Дэниелса. Хотите знать, как звали его невесту?

— Мэриан, — ответил Квист.

— Не упадите со стула, босс. Ее звали Мэриан Гауптман.

— Не может быть!

— Сплошные совпадения. Беверли Трент — Луиза Гауптман. Мэриан Шеер — Мэриан Гауптман.

— Если верить Тайлеру, приятелю Дэна, Беверли Трент воспитывалась в каком-то приюте Сент-Пола. Ей было чуть больше двадцати, когда она покончила с собой, то есть родилась она до встречи Мэриан с Майком Дэниелсом.

— Если в свидетельстве о браке правильно указан год ее рождения, Мэриан сейчас сорок два года. Беверли умерла пять лет тому назад, значит, в год ее рождения Мэриан было пятнадцать, шестнадцать или семнадцать лет.

— Значит, она могла стать матерью и оставить своего ребенка у дверей приюта.

— Тогда становится ясным, почему у Беверли оказалась фотография Мэриан Шеер.

Квист встал, прошелся по кабинету.

— Предположим, что мы правы в отношении Мэриан и Беверли. Как и в том, что Дуглас Хэдман — Чиф. Беверли какое-то время была близка с ним. Тайлер говорит, что Чиф гипнотизировал своих женщин. Они выполняли любую его просьбу, даже поджигали себя. Возможно, он узнал, что мать Беверли — богатая вдова, которая не стремится признать ее своей дочерью. Неплохой объект для шантажа, если не учитывать, что у вдовы нет ни гроша. Мэриан разорена, Беверли мертва. Мэриан не может платить за молчание, ей тоже нужны деньги. И тогда...

— Они начинают работать в паре.

— Совершенно верно. И цифры это подтверждают. Два года Джонни платил шантажисту, и дважды на счет Мэриан Шеер поступало по пятьдесят тысяч долларов. А с Джонни брали в два раза больше. Хэдман знает кое-что о ней, а Мэриан — о нем.

— Что именно?

Квист пожал плечами.

— Возможно, он сболтнул лишнее, когда пытался выкачать из нее деньги. Он — Чиф. Полиция разыскивала его, когда одна из его «жен» сгорела заживо. И они объединились. А жертвой стал Джонни.

— Но доказать мы ничего не сможем,— заметила Конни.

— Не забывай об одной тонкости, дорогая. Вещественные доказательства нужны Кривичу, чтобы обвинение убедило присяжных в своей правоте. Нам — нет. У Хэдмана есть алиби на время убийств, и Кривич его принял. Мы — нет.

— Но что же нам делать?

— Дэн и я расставили силки для мистера Хэдмана. Он вновь позвонит Джонни, а после этого мы его схватим.

— А миссис Шеер?

— Я думаю, что смогу как следует напугать ее, она поторопит Хэдмана... и все будет кончено.

— Вы будете осторожны, босс? — голос Конни дрогнул.— Этот человек убивает не задумываясь. Он проломил голову Эдди Уизмеру, а через несколько минут с улыбкой встречал вас у Мэриан Шеер.

— Хэдман и Мэриан Шеер меня не пугают,— ответил Квист.

— Тогда вы не слишком умны,— бросила Конни.

Взгляд Квиста затуманился.

— Я прихожу к заключению, что ты права, дорогая. Я не умен. Просто глуп.

— О чем вы?

Квист помолчал.

— О чем?.. Ты потрудились на славу, Конни. Надо позвонить приятелю Дэна в «Нотр-Дам», чтобы узнать, не сохранились ли в деканате документы Дональда Хирша. Тебя это не затруднит? Скажи мистеру О'Мара, что Дэн очень занят.

— А где Дэн?

— Он действительно занят,— Квист улыбнулся.— Я еду домой убедиться, что Джонни жив и невредим. Позвони мне, как только переговоришь с О'Мара.

Глава 3

Джонни кружил по гостиной, словно загнанный в клетку лев. Впервые ему не позволяли делать то, что хочется. Полицейские надежно охраняли двери.

— Я этого не выдержу,— набросился он на Квиста.— Знаешь, мне никогда не приходилось целый день смотреть телевизор. Ты не представляешь, какую они показывают муть.

Квист налил себе бренди, попутно отметив, что Джонни начал вторую бутылку ирландского виски.

— Когда же этот подонок сделает следующий ход? — спросил Джонни.

— Не сегодня. Этим вечером он занят. Ты можешь лечь в кровать с хорошей книгой.

— Ты по-прежнему считаешь, что это Хэдман?

— Да. Вечером у него свидание с Глорией Чард. Держу пари, она заставит его на время забыть о ста тысячах.

Джонни уселся на ручку кресла с полупустым стаканом в одной руке, сигаретой в другой.

— Я тут размышлял на досуге.

— Опасное занятие.

— Если шантажист — Хэдман, то мы идем по следу двоих: Хэдмана и убийцы, — Джонни невесело хохотнул. — Коли убийца доберется до меня первым, Хэдман останется с носом.

— Убийца до тебя не доберется, — возразил Квист, — а вот деньги тебе скорее всего придется отвезти. Одному, без прикрытия Кривича. Следуя полученным инструкциям.

— И прощай сто тысяч.

— Под колпаком будешь не ты, а Хэдман. Он же вне подозрений и, следовательно, уверен, что за ним не следят. А Дэн давно не спускает с него глаз. Мы его поймаем, а потом разберемся с алиби.

— Но Мэриан подтвердила его непричастность к убийствам.

— С Мэриан тоже не все чисто. Ты знаешь, Тайлер видел ее фотографию на туалетном столике Беверли Трент.

— Он это говорил? Чепуха.

— Подумай, Джонни, Беверли в твоём присутствии никогда не упоминала о Мэриан Шеер?

— Нет, — Джонни отпил из бокала.

— О своей семье? Матери?

— Я, во всяком случае, этого не помню, — его глаза широко раскрылись. — Мэриан — мать Беверли? — он расхохотался.

— А ты не рассказывал Мэриан о Беверли?

Смех разом прекратился.

— Нет. Наоборот, я хочу, чтобы люди поскорее забыли о нашей связи. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Зазвонил телефон.

— Постарайтесь удержаться на ногах, — сказала Конни. — Дональд Хирш приехал в «Нотр-Дам» из Сент-Пола.

Родители умерли, когда он был еще ребенком, и его воспитывала овдовевшая тетушка. Тетушку звали Огюста Гауптман. Мне продолжать?

— Я догадываюсь сам. У Огюсты Гауптман была дочь по имени Мэриан.

— Bravo! — воскликнула Конни.

Гарви позвонил около семи вечера.

— Я нашел нашего друга.

— Хорошо.

— Он пригласил Глорию во «Времена года». Дешевых ресторанов он не признает.

— Конни узнала в «Нотр-Дам» немало интересного. Этого Дональда Хирша, затем ставшего Чифом, воспитывала тетушка по фамилии Гауптман. Мэриан оказалась ее дочерью, то есть кузиной Хэдмана.

— Ого!

— Не теряй его из виду, Дэниэл.

— Можешь не волноваться.

В восемь вечера над городом разразилась гроза. Квиста она застала на Восьмидесятой улице. Он едва успел нырнуть под навес небольшого магазинчика. Молнии разрезали почерневшее небо.

На другой стороне улицы светились окна особняка Мэриан Шеер. Гроза кончилась так же быстро, как и началась. Квист пересек мостовую. Открывшая дверь служанка сразу узнала его:

— Я доложу миссис Шеер о вашем приходе.

— Она меня не ждет. Если она занята...

Служанка исчезла за дверью и тут же появилась вновь. Вероятно, она поговорила с хозяйкой по внутреннему телефону.

— Поднимитесь, пожалуйста, на третий этаж.

Улыбающаяся Мэриан в домашнем платье цвета бордо встретила его у лифта.

— Надеюсь, я не помешал?

— Дорогой Джулиан, я так рада. Проходите. Вам бренди или чего-нибудь еще?

— Пожалуйста, бренди.

Мэриан подала ему бокал, предложила сесть в удобное кресло.

— Как Джонни? Вы что-то узнали?

— Так, по мелочам. Полиция спешить не любит. Они все проверяют.

— Да, лейтенант Кривич, похоже, знает свое дело,— кивнула Мэриан.

— Он, кстати, все еще занимается Хэдманом.

— Бедный Дуг,— рассмеялась она.— Вы не представляете себе, какое он перенес потрясение. Лейтенант, кстати, заезжал ко мне сегодня, чтобы окончательно убедиться, что Дуг не замешан в этих ужасных убийствах.

— Убедился?

— Конечно. Я назвала ему пять или шесть человек, которые видели Дуга в пятницу и субботу. Лейтенант заверил меня, что больше не будет нас беспокоить.

— И все же,— улыбаясь, продолжил Квист,— в истории с Хэдманом остались некоторые неясности.

— Для меня он — открытая книга,— возразила Мэриан.

— Давно вы его знаете?

— Дуга? Четыре или пять лет.

— Как вы с ним познакомились, Мэриан?

Она рассмеялась.

— Честно говоря, не помню. Наверное, на какой-то вечеринке. А потом Дуг стал незаменимым помощником. Я отдаю много времени благотворительной деятельности. Не только в Фонде борьбы с респираторными заболеваниями. Он так мил, так внимателен.

— Откуда он родом?

— Не знаю. Он учился в «Нотр-Дам». Помнится, он сам говорил вам об этом. Я думаю, Дуг со Среднего Запада, хотя, возможно, это и не так. В «Нотр-Дам» приезжают со всей страны.

— Вы удивитесь, услышав, что, по полученным из «Нотр-Дам» сведениям, Дуглас Хэдман там не учился?

В правой руке Мэриан держала бокал, левая сжала ручку кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— Я вам не верю.

— В «Ассошиэйтс» мы привыкли к тому, что люди меняют имена и фамилии. Половина артистов театра и кино известны под псевдонимами. Это свойственно и политикам, даже бизнесменам. Раз Дуглас Хэдман не учился в «Нотр-Дам», подумал я, не означает ли это, что он поступил в университет под другой фамилией?

— Мне он ничего не говорил об этом,— с трудом говорила Мэриан.

— Его реплика о футбольной команде дала возможность узнать, что настоящая фамилия Хэдмана — Хирш, Дональд Хирш.

— Впервые об этом слышу.

— В команде «Нотр-Дам» играл Дональд Хирш. Он летал на матч в Калифорнию. Вот я и подумал, не Хэдман ли это. Смена фамилии не является преступлением.

— Он об этом не говорил, — выдохнула Мэриан.

— Дональд Хирш родился в Сент-Поле, — взглянув Квиста уперся в собеседницу. — Его родители умерли, и воспитание мальчика взяла на себя тетя, Огюста Гауптман.

Лицо Мэриан побледнело как полотно. Глаза остекленели.

— У миссис Огюсты Гауптман была дочь, которую, по странному совпадению, звали Мэриан. Она вышла замуж за Майка Дэниелса. Он погиб в авиационной катастрофе.

— Достаточно! — она поднялась.

— Я не закончил, Мэриан. Скоро этот секрет станет известен всем, так что я могу ввести вас в курс дела. Неприятности Джонни начались из-за девушки, которую звали Беверли Трент. Она покончила с собой пять лет тому назад в доме Джонни. Он и его два друга перевезли тело в ее квартиру. Кто-то узнал об этом и занялся шантажом Джонни.

Мэриан окаменела.

— Я говорил вам, что Беверли Трент — тоже псевдоним? Ее настоящее имя Луиза. Луиза Гауптман.

— О боже... — донеслось в ответ.

— К вашему сведению, Мэриан, в квартире девушки была фотография в серебряной рамке — ваша фотография.

Мэриан рухнула в кресло. Бокал выскользнул из ее пальцев и покатился по ковру. Она закрыла лицо руками.

— Мне не хотелось бы бередить старые раны, но я не могу бросить в беде моего друга. Я уверен, что именно Дуглас Хэдман замыслил уничтожить Джонни Сэндза. Но, к сожалению, и вы играете определенную роль в его планах.

— Я... мне нехорошо... Извините меня, я сейчас приду...

— Звонить Хэдману бесполезно, — холодно бросил Квист. — Этот вечер он проводит с очень милой девушкой из моей конторы. Едва ли он снимет трубку.

Мэриан замерла на пороге, оперлась о косяк двери, обернулась.

— Что вы намерены делать?

— Сначала, если позволите, я хотел бы поговорить с вами. Почему бы вам не присесть?

Ее глаза переполняли страх. Нетвердой походкой она прошла к бару, налила бренди, вернулась к креслу.

— Что бы там ни было, Дуг не повинен в убийствах.

— Так вам кажется.

— Неповинен!

— Начнем с того, что я испытываю к вам искреннюю симпатию, Мэриан. Возможно, мне удастся уберечь вас от крупных неприятностей... если вы мне поможете.

— Как?

— Каким образом Дональд Хирш вновь вошел в вашу жизнь? Теперь он стал Дугласом Хэдманом, но в Голливуде его знали как Чифа. Он пытался шантажировать вас, Мэриан?

Она села. Коротко кивнула.

— Он появился за год до смерти Делберта. Длинные волосы, борода, грязные джинсы, рваная рубаша. Служанка хотела выставить его за дверь, но он твердил, что приходится мне родственником. Когда она назвала его имя, мне стало дурно, но я согласилась принять его здесь, в этой комнате. «Не ожидала увидеть меня, Мэриан?» — ухмыльнулся он. Я ответила, что нет. Как оказалось, в Голливуде он столкнулся с девушкой, которую звали Луиза Гауптман. Навел справки. По всему выходило, что Луиза — моя незаконнорожденная дочь. Он сказал, что в Голливуде она стала шлюхой. «Я чувствую, дорогая Мэриан, что твоему мужу не понравятся эти новости. Я могу обратиться в газету, если только...»

Делберт всегда был моралистом и панически боялся скандалов. И я начала выплачивать Дону по пятьсот долларов в месяц. Почти год я регулярно высылала деньги в Голливуд на имя Дэвида Харриса. А потом... потом Делберт умер, и Дон вновь объявился в Нью-Йорке, рассчитывая на крупную поживу. Он принимал меня за богатую вдову. Но ошибся.

— Я знаю об этом, — кивнул Квист.

— Я должна ненавидеть вас, Джулиан, но получается наоборот. Я благодарна вам за то, что могу наконец выговориться. Делберт практически разорился, денег не было. Дональд понял, что с меня ничего не возьмешь, и согласился подождать до лучших времен, — она тяжело вздохнула. — Увидев Дона в следующий раз, я не узнала его. Он стал Дугласом Хэдманом — изящным, хорошо одетым, чисто выбригым, веселым, обходительным. Я видела его без бороды лишь в трехлетнем возрасте. Потом родилась Луиза и мать выгнала меня из дому... Прошло не меньше недели, прежде чем он решил представиться. Это произошло в моей

постели. Теперь вы понимаете, Джулиан, как отличался Дуглас Хэдман от того вонючего подонка, моего кузена Чифа. Будь у меня побольше мужества, я бы убила его. Но я все же отомстила. Он раздувался от самодовольства, говорил, что ему не нужны мои деньги, что он нашел другой источник доходов. Он рассказал мне о Луизе-Бeverли. Он, мол, держит Джонни Сэндза за горло, и тому не остается ничего другого, как платить и платить,— она помолчала.— Вот тут-то я и взяла его в оборот... Я... я сидела без гроша. И ему пришлось разделить со мной деньги Джонни, так как я пригрозила, что выдам его полиции, которая искала Чифа в связи с гибелью одной девушки в Голливуде. Она подо- жгла себя и сгорела заживо. Два года мы получали по пять-десять тысяч.

— Пока Джонни не ушел со сцены и не перестал пла- тить?

— У нас оставались кое-какие деньги, а потом Джонни сам нам помог. Предложил принять участие в благотвори- тельном вечере Фонда. И Дуг сразу же позвонил ему.

— А когда Джонни не поддался на шантаж, решил убивать?

— Нет!

— Четыре человека мертвы!

— Я клянусь вам, Джулиан,— в голосе Мэриан слы- шались истерические нотки,— Дуг и я не имеем к этому никакого отношения. Дуг не был в Калифорнии больше года. В субботу он не летал в Чикаго. Он находился со мной воскресным утром, когда Либмана сбила машина, со мной и другими людьми, которые могут это подтвердить. Мы ни- кого не убивали, Джулиан, и понятия не имеем, кто это сделал. Я клянусь.

Квист не сводил с нее ледяного взгляда.

— О, Дуг был в восторге. «Кто-то играет нам на руку,— говорил он.— Пусть запугает Джонни до смерти. Но мы должны успеть получить с него деньги». Я... я в ужасе, Джулиан.

— Этот спектакль в «Мэдисон Сквер Гарден» потребо- вался для того, чтобы снять с Хэдмана всякие подозрения?

— Да. Как вы смогли догадаться об этом, Джулиан?

— Мне прочитали лекцию о цилиндре фокусника,— Квист встал.— Боюсь, вам придется поехать со мной, Мэ- риан, и рассказать обо всем Кривичу и окружному про- курору. Если вы согласитесь дать показания против Хэд- мана, то облегчите свою участь.

— Но... может быть, есть другой выход?

- К сожалению, нет.
- Вы позволите мне переодеться?
- Разумеется.

Мэриан двинулась к двери, когда ее остановил вопрос Квиста.

— Извините, Мэриан, спрашиваю из чистого любопытства, как ваша фотография оказалась у Беверли Трент... Луизы?

— Шутка Дуга, — ответила Мэриан. — Он украл у меня эту фотографию, когда приезжал сюда первый раз, будучи Чифом, и отдал ей. Я уверена, что он делил с ней присылаемые мною деньги.

Квист остался один. Прошло минут пять, затем снизу донеслись истошные крики. Квист сбежал по ступенькам. Кричала служанка. Входная дверь была распахнута.

— Что случилось?! — Квист схватил служанку за плечо, потряс.

— Мадам! Она... должно быть, упала из окна. Матерь божия!

Мэриан Шеер не собиралась давать показания ни против себя, ни против кого-то еще.

Глава 4

Сидя в маленьком «рено» в квартале от ресторана «Времена года», Дэн Гарви наливался гневом. Хэдман никуда не спешил. Дэну уже казалось, что он напрасно тратит время. Хэдман, похоже, и думать забыл о выкупе. Правда, Глории могла понадобиться помощь, и тогда его присутствие было бы оправдано.

Прошло почти два часа, когда Хэдман и Глория, смеясь, выпорхнули из ресторана. Гарви негромко выругался. Им-то весело, а у него кончились даже сигареты.

Швейцар остановил для них такси, и Гарви завел мотор, Кривич дал ему адрес квартиры Хэдмана, и Дэн ожидал, что такси направится в восточную часть города, но, к его удивлению, оно двинулось на запад, к Колумбус-Серкл, мимо Центрального парка. У невзрачного особняка такси замедлило ход и свернуло к тротуару. Глория и Хэдман в прекрасном настроении подошли к двери, Хэдман открыл ее ключом. «У этого сукиного сына две квартиры», — отметил Гарви и приготовился к длительному ожиданию. Но, к изумлению Дэна, дверь открылась меньше чем через час, и на улицу вышел Хэдман. Один, без Глории. Быстрым шагом он направился в сторону Бродвея.

Гарви не знал, что делать. Ему поручили следить за Хэдманом, но не хотелось бросать и Глорию. Наконец чувство долга победило. Возможно, решил он, Хэдман вышел за бутылкой вина или за сандвичами, хотя вряд ли кто-нибудь мог остаться голодным после обеда во «Временах года». Может быть, Хэдман думал уже о завтраке — эта сумасбродная Глория могла выкинуть что угодно.

Неохотно Гарви отпустил сцепление, и «рено» тронулся с места.

Квист вернулся домой в начале двенадцатого. Лидия и Джонни Сэндз сидели в гостиной. Лидии хватило одного взгляда, чтобы понять, что ситуация изменилась к худшему. Квист выглядел подавленным. Он сразу направился к бару, налил виски, добавил льда, содовой.

— Что случилось, Джулиан?

Он обернулся.

— Мэриан Шеер покончила с собой. Не без моей помощи.

— Джулиан!

— Я все просчитал, но не мог представить себе, что она решится на такое, — он взглянул на Джонни. — Тебя шантажировал Хэдман. В этом сомнений нет, Хэдман, он же Хирш, он же Чиф. Это длинная история, в нее впутана Мэриан. Она сама шантажировала Хэдмана и получала часть твоих денег.

— Значит, его алиби не стоит и ломаного гроша! — воскликнул Джонни. — Он убил Эдди и остальных. Ну, если я доберусь до него...

— Без показаний Мэриан не остается ничего другого, как следовать намеченному плану. Мы должны поймать его с поличным.

Зазвонил телефон.

— Наверное, Дэниэл.

Лидия сняла трубку.

— Слушаю, — она повернулась к Квисту, ее глаза широко раскрылись. — Тебя, Джулиан. Дуглас Хэдман!

Квист схватил трубку.

— Да, Хэдман?

— Ну и умница же ты, Квист, — в голосе Хэдмана слышалась насмешка. — О, я знаю, что твой телефон прослушивается. Чтобы облегчить жизнь фараонам, я могу даже сказать, откуда звоню.

— Что вы хотите?

— Разумеется, деньги. Вы слушали радио? Если да, то знаете, что наша милая Мэриан выпрыгнула из окна. Или вы сами приложили к этому руку, приятель?

— Что вам нужно?

— Я же сказал, деньги. На этот раз их принесешь ты, Квист, и чтоб никаких шуточек. Джонни я не доверяю. А ты их принесешь, если хочешь, чтобы твоя очаровательная мисс Чард осталась целой и невредимой. Она у тебя прелесть, Квист.

— Что с Глорией?

— Будь благоразумен, приятель, а не то тебе придется подыскивать другую секретаршу. Маленькая Глория уже не сможет сидеть за круглым столом и очаровывать клиентов. Ее личико будет напоминать сырой фарш. Я не шучу, приятель, и второго звонка не будет. Учти, что она будет сожалеть о том, что не умерла. А теперь слушай.

— Я слушаю.

— Ты принесешь саквояж с деньгами на угол Бродвея и Пятьдесят седьмой улицы. Там есть проволочная мусорная урна. Положишь в нее саквояж и чеши оттуда. Ясно?

— Да.

— Саквояж принесешь ровно в час ночи,— Хэдман хохотнул.— У тебя будет почти два часа, чтобы найти способ обмануть меня. А пока ты будешь думать об этом, приятель, помни, что может случиться с Глорией, если я не получу денег. С этим тоже ясно?

— Да.

— Жаль, что я не могу дождаться открытия банков, а то взял бы с тебя вдвое больше. Но я нутром чую, что Мэриан сказала тебе слишком много. А ты, приятель, не забывай о Глории Чард. Не опаздывай.

Дрожащей рукой Квист положил трубку на рычаг. Ровным, бесцветным голосом передал Лидии и Джонни суть разговора. Его прервал следующий звонок.

— Мы его засекли,— сообщил детектив, сидевший у подслушивающего устройства.— Он говорил из телефона-автомата рядом с Центром Линкольна в Вест-Сайде. Я высылаю патрульную машину, чтобы взять Хэдмана.

— Нет! — воскликнул Квист.— Не трогайте его. Вы можете связаться с лейтенантом?

— Постараюсь.

— Поскорее найдите его. Вы слышали наш разговор? Если нет, прослушайте пленку, и вы поймете, почему я не хочу спугнуть Хэдмана.

Лидия коснулась руки Квиста.

— Ты действительно думаешь, что он может изуродовать Глорию?

— Он псих,— подал голос Джонни.— От него можно ждать чего угодно.

— Он наверняка смеялся, глядя на девушку, превратившуюся по его приказу в живой факел,— отозвался Квист.— Меня беспокоит Дэн. Он следил за Хэдманом. Если тот что-то заметит...

— Ты знаешь, где находится квартира, которую он снимает? — спросил Джонни.— Куда еще он мог отвезти Глорию?

— Я могу поехать,— предложила Лидия.— Найти Дэна, предупредить его.

— Патрульная машина доберется туда быстрее, чем мы. Подождем звонка Кривича,— он постучал себя по лбу.— Ну как я мог отпустить ее с ним! Мне следовало предугадать, что ради денег он пойдет на все. Мало того, я дал ускользнуть Мэриан, приперев ее к стенке. О боже! Звонки Кривича прервал его самобичевание.

— У вас есть адрес квартиры Хэдмана? — спросил Квист.

— Конечно.

— Я возомнил себя слишком умным. Я думал, что мы сможем поймать Хэдмана,— он рассказал о поручении, данном Гарви, и повторил детали разговора с Хэдманом.— Я не могу найти Дэна, потому что не знаю, где он. Возможно, он где-то рядом с домом Хэдмана, в маленьком «рено». Вы согласны с тем, что слежку надо прекратить?

— Если б вы сразу обратились к нам, все было бы проще.

— Полностью с вами согласен.

— Но зачем он дал вам два часа? — спросил лейтенант.— Одну минуту, я пошлю патрульную машину на поиски Гарви,— после короткой паузы он вновь взял трубку: — Машина ушла. Если Гарви там, его найдут. Вы можете ответить? Зачем ему два часа?

— Думаю, на подготовку отъезда. Надо заказать билет на самолет. В Мексику, на Багамские острова или куда-то еще.

— Думаете, он возьмет девушку с собой?

— Как знать?

— Если мои ребята найдут Гарви, он скажет, где девушка.

— Возможно, она в квартире. Будем ломать дверь?

— Он может стоять над ней с ножом или пузырьком

с кислотой. Если мы поймаем его, он не сдастся. Скорее он изуродует Глорию.

— Значит, дадим ему уйти?

— Похоже, что да.

Квист кружил по комнате, сжав руки в кулаки.

— Не вини себя, дорогой,— попыталась успокоить его Лидия.— Глория знала, на что идет.

— Но я этого не знал! Я понимал, что он, возможно, убийца, но оказался настолько наивен, что предположил невероятное — решил, что он увлечен Глорией. Словно мальчик, играющий с огнем.

— Ты передашь деньги, а потом мы ее найдем.

— А где нам ее искать? Вдруг он возьмет ее с собой? Что тогда?

Опять позвонил Кривич.

— Никаких следов Гарви около дома Хэдмана,— мрачно сообщил он.— Вы понесете деньги?

— Обязательно.

— Мы будем патрулировать тот район.

— Даже если вы столкнетесь с Хэдманом, не трогайте его, пока мы не найдем Глорию.

В половине первого Квист спустился вниз с саквояжем, в котором было сто тысяч долларов. На Второй авеню он поймал такси и попросил отвезти его на угол Пятьдесят пятой улицы и Бродвея. Стояла чудная ночь. Лунный свет заливал омытый грозой город. Машин было мало, и они приехали раньше, чем следовало. Квист отошел в тень дома и стал ждать.

За три минуты до назначенного срока он бодрым шагом направился к Пятьдесят седьмой улице. Один квартал, другой, вот и нужная урна. Квист осторожно опустил в нее саквояж и двинулся дальше.

Дэн Гарви пребывал в полном замешательстве. Пообеда-ть с девушкой в самом дорогом ресторане города, отвез-ти ее в уютное гнездышко в Вест-Сайде и неожиданно оставить ее там одну!

Следуя за Хэдманом, Гарви увидел, как тот зашел в телефонную будку. Разговор, по-видимому, доставлял ему немалое удовольствие: улыбка не сходила с его лица. Затем Хэдман пересек Бродвей и скрылся в маленьком баре. Гар-ви поставил «рено» метрах в пятидесяти. Хэдман, решил он, хочет купить бутылку. К половине двенадцатого ночи винные магазины давно закрылись.

Текли минуты, но Хэдман не показывался. Может, он ушел черным ходом, заметив слежку, обеспокоился Гарви. Когда прошло полчаса, он не выдержал, вылез из «рено» и, надвинув шляпу на лоб, заглянул в зал. Хэдман сидел в углу один. Перед ним стоял высокий бокал — то ли с джином с тоником, то ли просто с содовой. Он курил и явно никуда не спешил.

Гарви вернулся к «рено». Спустя еще полчаса Хэдман вышел из бара. С пустыми руками, без бутылки вина. Остановил проезжавшее такси. Гарви завел мотор. Такси поехало в сторону, противоположную особняку, где осталась Глория. Пятьдесят четвертая улица, вновь Бродвей и остановка у тротуара. Хэдман не вылез из кабины.

И тут Гарви словно ударило током. По другой стороне улицы быстро шел Квист со знакомым саквояжем в руке. Игра, стало быть, продолжалась.

Такси Хэдмана не тронулось с места. Квист дошел до угла Пятьдесят седьмой улицы. Замедлил шаг у мусорной урны. Взглянул на часы. Опустил саквояж в урну. Двинулся дальше.

Лишь когда Квист обогнул угол и скрылся из виду, такси Хэдмана отвалило от тротуара. «Рено» крался следом.

На этот раз такси остановилось в нескольких метрах от урны с саквояжем. Открылась задняя дверца, Хэдман, не торопясь, вылез из кабины и направился к урне.

В американский футбол Гарви играл свободным защитником: он преграждал путь тем, кто смог пробиться сквозь основную линию обороны. После столкновения с Гарви редко кому удавалось устоять на ногах, не то, чтобы забить гол. Пока Хэдман шел к урне, Гарви успел набрать хорошую скорость. Хэдман протянул руку к саквояжу, но от удара плечом отлетел ярдов на десять. Саквояж так и остался в урне. А Гарви оседлал Хэдмана.

Тот лежал смирно, стукнувшись при падении головой об асфальт. В уголке его рта показалась струйка крови. Скрипнули шины, взревел мотор. Таксист уносил ноги.

Гарви встал. На улице не было ни души. Он достал из урны саквояж, наклонился над Хэдманом, схватил его за шиворот и, словно куль с картошкой, поволок в «рено». Втолкнув в кабину, бросил саквояж на заднее сиденье, сел за руль и поехал к особняку, где ждала Глория.

Теперь Гарви злился только на нее. Пойти на свидание с таким мерзавцем, как Хэдман, убийцей, шантажистом. Что ж, сейчас он доставит к ней ее возлюбленного.

Когда они подъехали к особняку, Хэдман все еще был

без сознания. Гарви, убедившись, что тот жив, выволок его из машины и, сунув саквояж под мышку, подтащил к двери. Среди фамилий жильцов он прочел: «Дэвид Харрис, 1-С».

Гарви позвонил в указанную квартиру, но дверь не открыли. Он нажал кнопки еще четырех звонков. Щелкнул замок, Гарви толкнул дверь и втащил Хэдмана в подъезд.

— Кто там? — спросил сверху женский голос.

Гарви оглядывался в поисках квартиры 1-С.

— Я позвоню в полицию! — взвизгнула женщина.

— Звоните, звоните, — пробурчал Гарви.

Добравшись до двери в квартиру 1-С, он постучал. Никакого ответа. Идиотка, мысленно выругался он, отступил на шаг и бросился вперед. Защелка замка не выдержала, дверь распахнулась... и Гарви увидел Глорию.

Она сидела на стуле лицом к двери со связанными руками и ногами. Рот был заклеен пластырем. Гарви взглянул на Хэдмана и пнул его ногой.

Затем метнулся к Глории и сорвал пластырь.

— О боже, Дэниэл, как я рада тебя видеть! — выдохнула она.

— Я всегда говорил, что лучше меня тебе никого не найти, — он развязал ей руки и ноги.

— Он... он мертв? — прошептала Глория.

— Еще нет, — Гарви подошел к телефону, набрал номер Квиста.

— Джулиан? Я его взял... и деньги.

— Глория в опасности, Дэниэл, — ответил Квист. — Он может говорить?

— Глория со мной. Ей слегка помяли перышки, а в общем все в порядке.

— Где ты?

— Западная часть Шестьдесят пятой улицы, — Гарви назвал номер дома.

— Я попрошу Кривича немедленно ехать к вам.

— Хорошо, — Гарви повернулся к Глории. — Когда наша Глория расскажет Кривичу все, что знает, ей потребуется дружеское участие. До встречи.

Квист положил трубку. Лидия и Джонни Сэндз не сводили с него глаз.

— Все кончено. Дэниэл взял его и саквояж. Подробностей я пока не знаю, но Глория цела и невредима.

— Слава богу! — воскликнула Лидия.

— Все кончено! — повторил Джонни. — Дружище, теперь я буду спать целую неделю. Если бы ты знал, каково жить в постоянном ожидании смертельного удара.

— Могу себе представить, — Квист обнял Лидию. — Отправляйся домой, дорогая. Это был трудный день.

— Джулиан! — обиделась Лидия.

— Можете не обращать на меня внимания, — подал голос Джонни. — Я только выпью еще стаканчик и — в постель.

— Иди домой, — настаивал Квист.

— Как скажешь, — сухо ответила Лидия. — До завтра. Квист наклонился и поцеловал ее.

— Не сердись, — и проводил Лидию до двери.

— Выпьешь со мной? — Джонни вооружился бутылкой ирландского виски.

— Почему бы и нет? — устало ответил Квист.

— Интересно послушать, как Хэдман будет подтверждать свое алиби, но я подожду. Он пойман, и теперь я могу ждать целую вечность.

Квист взял из рук Джонни полный стакан, прошелся по комнате.

— Он пойман, Джонни, но конца еще не видно.

— Меня это уже не интересует. Пусть потеет Кривич. А я, слава богу, снова свободный человек.

— Не свободный, Джонни. И никогда им не станешь.

— Скандал я переживу. Вскорости мои друзья обо всем забудут. Как, впрочем, и зрители.

— Я бы этого очень хотел, Джонни. Всем сердцем. Я потрясен ужасом случившегося, но тем не менее сочувствую тебе.

Улыбка застыла на лице Джонни.

— О чем ты, дружище?

— У Хэдмана железное алиби. Ты знаешь не хуже меня, что он никого не убивал, во всяком случае, никого из тех четырех.

— Так кто же их убил?

— Ты, Джонни.

По телу Сэндза пробежала дрожь.

— Только не говори, что ты поверил выдумкам Хэдмана.

— Нет, Джонни. Ты специально привлек к себе столько внимания, чтобы отвести всякие подозрения. Мистер Шамбрэн не зря напомнил мне о секрете цилиндра фокусника.

— Перестань, Джулиан. Мне сейчас не до смеха. Это шутка, не так ли?

— Теперь мы можем восстановить последовательность событий. Хэдман, тогда Чиф, был на твоей вечеринке. Он нашел мертвую Беверли Трент в спальне, прочел записку. Он болтался около дома и видел, как ты, Сэйбол и Либман вынесли тело. Смекнул, что на этом можно разбогатеть. Это все, что он знал, Джонни, все, за что ты платил. Участие Хэдмана состоит только в этом. Он и Мэриан два года доили тебя.

— Я перестал платить, и он начал убивать, чтобы запугать меня, — лицо Джонни посерело.

— Нет, Джонни. Меня насторожила смерть Маршалла, голливудского полицейского. Он не участвовал в вечеринке. Как мог узнать о нем Хэдман? Только в том случае, если Маршалл сам рассказал ему обо всем. Уже тогда я начал сомневаться в виновности Хэдмана. Подсвечник убедил меня, что он ни при чем.

— О чем ты?

— Каково тебе было, Джонни? Ты платил и платил, а потом перестал выступать. Эстрада значила для тебя все. Каждый день без сцены превращался в пытку. И тут появилась возможность выступить в «Гарден». Ты получил шанс начать все заново. Но едва пресса сообщила о предстоящем концерте, как объявился шантажист, все тот же Хэдман. И тут, мой бедный друг, ты сорвался. Мысль о Хэдмане даже не приходила тебе в голову. Ты решил, что шантажист — один из четверых, кто знал правду о Беверли Трент: Маршалл, Сэйбол, Либман или бедняга Эдди Уизмер. Ты не знал, кто из них Иуда. И решил убить всех четверых.

Джонни залпом выпил виски и дрожащей рукой снова наполнил стакан.

— Первые три убийства ты тщательно продумал. Только не мог заставить себя поверить, что шантажист — Эдди. Но трое умерли, а тебе позвонили в очередной раз. Поэтому ты решил, что наконец-то нашел своего врага. А я... — Квист помолчал. — Я ускорил его смерть, предложив уехать. Отпустить его ты не мог. И убил его ударом подсвечника, а потом преспокойно поехал к Мэриан. Я-то не мог понять, почему убийца пришел с пустыми руками. В действительности никто и не приходил, ты все время был в номере. И тебе хватило времени, чтобы найти способ избавиться от Эдди. Он ведь умолял не убивать его, Джонни? Он же говорил, что любит тебя? Он же отрицал, что предал тебя?

— Бедняжка, — вздохнул Джонни. — Я думал, это он. Он и никто другой.

Квист оперся о спинку кресла. Хэдман, никого не убив, принес смерть шестерым. В том числе и Джонни.

Мгновение спустя Квист смотрел в дуло пистолета.

— Это твоя игрушка, дружище. И ты знаешь, что может произойти.

Квист облизнул мгновенно пересохшие губы.

— Неужели тебе это так легко, Джонни? Убивать и убивать.

— Ты не оставляешь мне другого выхода, — лицо Джонни блестело от пота. — Я не собираюсь ни в чем признаваться. Я не хочу идти под суд. Я должен выбраться отсюда и хорошенько все обдумать. Если ты попытаешься остановить меня, я выстрелю.

— Тебе не уйти, Джонни.

— Не испытывай моего терпения, Квист.

— Бросьте оружие, Сэндз, — раздался резкий голос.

Джонни вздрогнул. Квист швырнул в него кресло, а сам бросился на пол. Раздался выстрел, второй...

Квист встал. Один из людей Кривича заламывал руки Сэндзу. Второй спускался по лестнице в сопровождении Лидии.

— Я передумала и не пошла домой, — по лицу Лидии катились слезы. — По твоему голосу я поняла, что-то не так.

— Глупышка, — Квист обнял Лидию.

— Я подслушивала.

— Тебя плохо воспитывали в детстве.

— Когда ты начал выводить его на чистую воду, я обратилась к людям Кривича. Одному дала ключ от входной двери, другому — от черного хода... Бедный Джонни!

Джонни Сэндз вышел не оглянувшись. Его запястья сковывали наручники. Не будет больше золотой трубы, не будет больше веселых песен.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЕВШИЙ ЛЮДОЕД	3
ОБОРОТНИ	137
ЛЮБИТЕЛЬ ШАМПАНСКОГО	269

Хью Пентикост

Том I

Сдано в набор 02.06.92. Подписано к печати 19.10.92. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл.
печ. л. 19,74. Усл. кр.-отт. 21,21. Зак. 3—979.

Концерн «Олимп», 370 000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Головное предприятие республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

Уважаемый читатель!

Часть средств от реализации книг концерн «Олимп» перечисляет в фонд помощи беженцам из Армении и Нагорного Карабаха, которых за четыре года не-объявленной войны на территории Азербайджана уже насчитывается более 400 тыс. человек.

Концерн «Олимп» взял на свое обеспечение все детские дома и интернаты г. Баку.

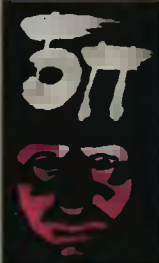
Заранее Вам благодарны, если в наше тяжелое время, когда сострадание и милосердие забыто, Вы сочтете нужным оказать посильную помощь этим людям.

**Просим Ваши пожертвования перечислять на р/с 161404 в банке «Азжелдорбанк» г. Баку
МФО 501736.**

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

ОЛИМП ПЕНТИКОСТ

